

**ИНСТИТУТ
ПЕТРА ВЕЛИКОГО**

**СОВЕТ
ИНСТИТУТА ПЕТРА ВЕЛИКОГО**

Е.В. Анисимов, научный руководитель Института Петра Великого, профессор Высшей школы экономики (СПб филиал), главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН

В.Е. Багно, директор Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Г.В. Вилинбахов, заместитель директора Государственного Эрмитажа

Д.А. Гранин, председатель Правления Фонда имени Д.С. Лихачева

Д.Ю. Гузевич, сотрудник Школы высших социальных исследований, Париж

Е.Я. Кальницкая, генеральный директор Государственного музея-заповедника «Петергоф»

А.В. Кобак, руководитель Института Петра Великого, директор Фонда имени Д.С. Лихачева

А.Н. Колякин, директор Государственного музея истории Санкт-Петербурга

Н.Л. Корсакова, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН

О.Л. Лейкинд, заместитель директора Фонда имени Д.С. Лихачева

В.П. Леонов, директор Библиотеки Российской Академии наук

М.Б. Пиотровский, директор Государственного Эрмитажа

И.Ф. Свидерская, руководитель программ Института Петра Великого

Ю.К. Чистов, директор Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Институт Петра Великого

Сергей МЕЗИН

ПЁТР I ВО ФРАНЦИИ

ЕВРОПЕЙСКИЙ ДОМ
Санкт-Петербург
2015

Издано при поддержке
Французского института в Санкт-Петербурге

Рецензенты:

кандидат исторических наук *Н.Л. Корсакова*
кандидат исторических наук *Н.Ю. Плавинская*

Материал для книги собран при поддержке Дома наук о человеке (Париж)
Исследование выполнено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 14-01-00207а

Книга С.А. Мезина — первый опыт монографического изучения темы. Это увлекательное и научно выверенное повествование о пребывании Петра I во Франции в апреле–июне 1717 года. Широкое привлечение отечественных и французских источников, изучение литературы вопроса за 300 лет позволили детально реконструировать события царского визита в Париж. Автор пришел к выводу, что задуманный для решения актуальных политических задач визит царя вышел за первоначально планируемые рамки. Политические контакты в Париже не могли доставить царю полного удовлетворения. Напротив, культурные и научные интересы вышли на первый план. Встречи с учеными, мастерами, художниками, коллекционерами, поездки по достопримечательностям Парижа и загородных резиденций увлекли Петра I и принесли, пожалуй, наиболее ощутимые результаты.

Для всех интересующихся отечественной историей и русско-французскими культурными связями.

С.А. Мезин. Пётр I во Франции. — Санкт-Петербург. — Издательство «Европейский Дом», 2015. — 312 стр., илл.

На лицевой стороне обложки: «Королевский прием и почести, оказанные в Париже королем в Лувре 2 мая (sic!) 1717 года светлейшему и могущественнейшему владетелю царю Петру Алексеевичу...». Альманах на 1718 год. Фото из книги «La France et la Russie au Siècle des Lumières. Relations culturelles et artistiques de la France et de la Russie au XVIII-e siècle» (Paris, 1986)

ISBN 978-5-8015-0348-6

© С.А. Мезин, 2015
© Институт культурных программ, 2015
© Фонд имени Д.С. Лихачева, 2015
© Издательство «Европейский Дом», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Е. В. Анисимов. Летопись незабываемого путешествия</i>	7
Введение	11
Россия и Франция: трудный путь к диалогу	42
«Намерение мое есть во Францию»	52
«Во Франции я сам был»: хроника пребывания	60
«А сколько дорогою видели»: Пётр I на пути в Париж	78
«Этот маленький двор весьма переменчив»: свита Петра	193
«Визитовал меня здешней каралища»: официальные встречи в Париже	102
«Истинная дружба и корреспонденция»: парижская дипломатия Петра I	117
«Был в арсеналах и в королевских домах, и где льют медные всякия штатуи»: парижские маршруты царя	126
«В Версалии и Марли сколь великий плезир имел!»: царь в резиденциях французских королей и аристократии	141
«Где художества больши прочих всех государств цветут»: Пётр I перед лицом европейского искусства в Париже	166
«Царь проявил просвещенность и знания»: научные контакты Петра I в Париже	188
«Царь ежедневно моется в бане»: повседневная жизнь русского посольства	212
«Когда ехали от Парижа сухим путем до Шарлавиля»	231
«Все здесь без ума от него»: Пётр I глазами французских современников	239
Любил ли Пётр I французов? Вместо заключения	258
<i>Приложение 1. Фонтенель. Похвальное слово царю Петру I</i>	261
<i>Приложение 2. Биография Петра I во французской газете 1725 года</i>	277
Указатель имен	289
Географический указатель	299
Список сокращений	301
Résumé	302
Издания Института Петра Великого	304

Летопись незабываемого путешествия

Поездка Петра Великого во Францию в 1717 году стала важной вехой в истории петровских реформ. Она вызвала у французов большой интерес — столь удивительна и экзотична была фигура русского царя, слава о котором к этому времени распространилась по Европе. Визит во Францию стал подлинным прорывом в отношениях двух стран. А они, увы, традиционно были скверными.

После неудачного, во многом скандального, посольства князей Я.Е. Мышецкого и Я.Ф. Долгорукого во Францию в 1687 году Людовик XIV и слышать не хотел о России. Во время Северной войны Франция постоянно была в числе ее недругов, поддерживала Швецию, мешала распространению русского влияния в Польше. Все попытки графа А.А. Матвеева, князя Б.И. Куракина и других русских дипломатов наладить русско-французские отношения наталкивались на ледяное молчание Версаля.

Не было в XVIII веке ни одного русского посла в Османской империи, который бы в своих донесениях не жаловался на постоянные интриги своего французского коллеги, аккредитованного при турецком дворе. Такое положение являлось следствием ожесточенной борьбы двух империй за Проливы, за влияние на Порту. В российских политических кругах сложился образ векового врага — Версаля, возникла традиция во многих неприятностях винить именно Францию (в XIX веке козлом отпущения стала Англия). Удивительный факт, но Россия воевала с Францией шесть раз! (в 1733–1734, 1799–1800, 1805, 1806–1807, 1812–1814, 1854–1855 годах). Чаще (10 войн) она воевала только с Турцией.

Несмотря на крайне неблагоприятный общеполитический фон, французское влияние на Россию в XVIII веке было огромным, порой подавляющим — в сравнении с влиянием голландским, британ-

ским или германским. По масштабам и глубине французское влияние можно сравнить лишь с американским воздействием в XX веке — даже на те страны, которые гордятся своим последовательным антиамериканизмом. Речь идет о влиянии культуры (в случае с Америкой — преимущественно массовой) — различных культурных практик, искусства, языка, идей, образов — всего того, что не боится пограничной стражи и легко переселяется из головы в голову; того, что определяется не указами и регламентами, а здравым смыслом, прагматизмом, жадной жаждой знания, законами эстетики, всепобеждающей модой и — как в случае с Францией — аппетитом.

Это культурное «завоевание» России началось при Петре I, который сам и вызвал могучую французскую культурную экспансию, нагрянув в Париж. Именно этому яркому, необыкновенному событию — поездке Петра во Францию, посвящена книга замечательного историка, профессора Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского Сергея Алексеевича Мезина. Он известен работами по истории России, преимущественно XVIII века, в научном сообществе хорошо знают его исследования по источниковедению, историографии, истории культуры, краеведению. Его исследования и публикации отмечены высокой профессиональной культурой знатока исторических документов, тонкого ценителя историографии и литературы прошлого. С.А. Мезин скромно, деликатно и сдержан, но в том, что касается науки, факта, истины, его отличает принципиальность, честность, добросовестность и дотошность. Кажется, что С.А. Мезин унаследовал духовную сущность лучших представителей русской профессуры позапрошлого века, в чем-то важном, существенном он приближается к тому типу университетского профессора, который для меня олицетворяют В.О. Ключевский, С.Ф. Платонов, И.М. Гревс — замечательные люди той удивительной культуры, которая почти исчезла из нашей жизни за минувший «железный век».

Впечатление усиливается, когда Сергей Алексеевич легко говорит по-французски. Эта особенность С.А. Мезина непосредственно связана с его давней и непроходящей любовью к Франции — стране, которую любят многие из нас, но знают много меньше... Исследование о Петре Великом во Франции стало результатом этого давнего увлечения С.А. Мезина. Он шел к ней годами, работая в российских и французских архивах, изучая французскую историографию XVIII века, занимаясь проблемами русско-французских культурных, политических и дипломатических связей.

Я ознакомился с книгой Мезина в рукописи и убежден, что она создана надолго, на многие десятилетия. А этого редко удается

достичь историку. Как известно, новые поколения любят переписывать труды своих предшественников, которые что-то «не учили», «не поняли», «пропустили», «не оценили» и «расставили не там акценты». Убежден — С.А. Мезин многое учел, понял, оценил и правильно расставил акценты. А главное — он собрал максимально полный «портфель» материалов о поездке Петра во Францию, тщательно изучил как отечественные, так и французские источники самого разного характера и типа. Знаток французской историографии XVIII века, С.А. Мезин поднял на поверхность факты, мнения и суждения множества свидетелей и историографов визита Петра во Францию. При этом он выявил истоки разнящихся историографических оценок личности Петра; обнаружил, что зачастую авторы прошлого, сообщавшие факты, которые ранее представлялись уникальными, отнюдь не были оригинальны. И такими достижениями полна книга. Она написана с тщательностью, пристальным вниманием к персонажам, деталям, терминам, топонимам.

Главная задача исследования — показать, как незаурядная, яркая личность Петра проявила себя в инородной обстановке, передать впечатления тех, кто наблюдал царя со стороны, наконец, представить все это в широком культурном, страноведческом, дипломатическом контексте, — с успехом решена автором. При этом ученая книга написана замечательно легким, изящным русским языком...

С.А. Мезин заканчивает изложение отъездом Петра из Франции, но история русско-французских отношений на этом не закончилась. Несомненно, визит Петра во Францию имел колоссальные последствия, прежде всего, культурные. Пётр пригласил в Россию множество художников и мастеров. «Французский десант», высадившийся в Санкт-Петербурге, был так велик, что на Васильевском острове, где поселились иностранцы, возникла целая «Французская слобода».

Вслед за архитекторами, художниками, резчиками, кузнецами, паркетчиками последовал «ученый десант», устремившийся в основанную Петром Петербургскую Академию наук. В ней звездой первой величины стал французский астроном Жозеф Никола Делиль. Залп сигнальной пушки, по сегодняшней день стреляющей в полуденное небо Петербурга, остается вечным памятником ему — инициатору церемониала.

Один французский «десант» сменялся другим. За актерами первой французской драматической труппы Шарля Сериньи в Петербург прибыли артисты французского балета, а позднее — труппа Opéra comique. Произошедшая в России в середине 1760-х годов

смена архитектурных стилей — барокко на классицизм — также не обошлась без французских образцов.

Не следует забывать и об отважных французских портных, шляпниках, поварах, кондитерах, которые в погоне за длинным русским рублем сотнями приезжали в Россию и своей работой, самым своим присутствием изменили облик наших городов, привнеся в русскую повседневность свои навыки, ремесла, вкусы и привычки. Образ француза-учителя стал привычным для русской жизни, без такого наставника многим русским дворянам образование казалось недостаточным.

Как часто бывает в России, галломания меры не знала. Приехавший в Петербург в 1756 году, после восстановления в очередной раз разорванных дипломатических отношений, французский посланник маркиз де Лопиталь пришел в ужас от несметного числа учителей-французов из числа беглых должников и преступников, место которым, по его мнению, было даже не в Бастилии, а на каторге в Гвиане или на Мартинике.

Нет нужды останавливаться здесь на значении для России литературы французского Просвещения, говорить о значимости для русской культуры имен Вольтера, Даламбера, Руссо. Для трех-четырёх поколений русских людей труды французских просветителей были важным элементом духовной пищи, а французский язык — языком образованных слоев русского общества.

За всем этим стоит фигура Петра с его неистощимой энергией, неуемной жадностью постижения нового. Он открыл для себя и для России Францию, а Франция открыла в его лице и — хочется надеяться — наконец оценила Россию. И это было несомненным взаимным благом.

Е.В. Анисимов,
научный руководитель
Института Петра Великого

Введение

Il reste le plus grand des hôtes étrangers
qu'ait jamais eus Paris. Ce qu'il emporta de
chez nous, ce fut la future civilization de la
Russie.

Alfred Rambaud¹

Франция была и остается для многих русских чем-то бóльшим, чем просто далекой чужой страной. Мы испытываем к ней род душевного тяготения, смешанного с ревнивым скепсисом. Любовь к Франции иногда принимала уродливую форму галломании, но, пожалуй, никогда не переходила в свою близкую противоположность — ненависть. Даже в периоды политического охлаждения и вражды невидимые нити культуры связывали два народа. В XVIII веке Денис Фонвизин высмеивал Иванушку, который заявлял: «Тело мое родилось в России, это правда; однако дух мой принадлежал короне французской». Притом даже дурашливый герой Фонвизина на вопрос, можно ли нашему человеку, побывав в Париже, забыть, что он русский, отвечал: «Тоталемент² нельзя». Полтора века спустя Владимир Маяковский заявлял: «Я хотел бы жить и умереть в Париже...», но затем вспоминал о Москве. Предельно искренне высказалась Марина Цветаева, тоскуя по «неродине»: «Сердце ножиком вспори и найдешь — Париж». «Казалось бы, наша культура устремлена к Франции и каждый не одичавший в мучительном комплексе национальной исключительности русский всегда хотел в Париж³», — утверждает с долей сомнения современный автор. У этого притяжения Франции для русских есть свои границы и своя начальная точка отсчёта. Оно существовало не всегда.

¹ Он остается величайшим иностранным гостем, которого когда-либо видел Париж. То, что он увез от нас, это была будущая цивилизация России (*фр.*). *Альфред Рамбо*.

² Полностью (*фр.*).

³ *Герман М.Ю.* В поисках Парижа, или Вечное возвращение. СПб., 2005. С. 8.

Едва ли не первым русским, сознательно стремившимся в Париж, свободно разъезжавшим по его улицам, с удовольствием гулявшим по аллеям Тюильри и Версаля, жадно впитывающим достижения французской цивилизации, был царь Пётр I. Это был не праздный путешественник. Любуясь красотами французской столицы и королевских резиденций, встречаясь с государственными деятелями, учеными, художниками, он ни на минуту не забывал о России. Европейские образцы, заимствование и адаптация знаний и культурного опыта, несомненно, лежали в основе многих новшеств знаменитого реформатора. Отсюда — неиссякаемый интерес историков к заграничным путешествиям Петра I, которые имели далеко идущие политические и культурные последствия. Визит Петра I в Париж положил начало русско-французскому политическому и культурному диалогу, значение которого, как в рамках европейской истории XVIII века, так и в истории взаимоотношений двух европейских держав, трудно переоценить.

В первой части высказывания Альфреда Рамбо, взятого мной в качестве эпиграфа, французский автор оценил масштаб события — визита Петра I в Париж. Вторая часть, наверное, преувеличивает роль визита в процессе цивилизации России, но и в этих словах французского историка есть доля истины, которую следует выяснить в ходе дальнейшего исследования.

Историография

Пребывание Петра I во Франции (10/21 апреля — 13/24 июня 1717 года) произвело настоящий фурор во французском обществе и вызвало массу откликов в прессе, а также в письмах, дневниках и мемуарах современников. Трудно определить грань между свидетельствами очевидцев визита и первыми попытками дать его историческое описание. Вот несколько примеров.

В первой посмертной биографии Петра I, составленной жившим в Голландии французом Жаном Руссе де Мисси в 1725–1726 годах, присутствует рассказ о царском визите в Париж⁴. Однако при ближайшем рассмотрении он оказывается заимствованным из парижской газеты Пьера Франсуа Бюше «Le Nouveau Mercure». При этом автору «Записок о царствовании Петра Великого» остались неизвестными сообщения за май 1717 года, вышедшие отдельной книгой⁵.

⁴ [Rousset de Missy J.] Mémoires du règne de Pierre le Grand... Par le b. Iwan Nestesuranoi. 2-e éd. Amsterdam, 1730. Vol. 3. P. 654–682.

⁵ [Buchet P. F.] Abbregé le l'histoire du Czar Peter Alexiewitz, avec une relation de l'état présent de la Moscovie, et de ce qui s'est passé de plus considerable, depuis son arrivée en France jusqu' à ce jour. Paris, 1717.

Поэтому первая часть визита была описана очень кратко и приблизительно, но всю июньскую хронику визита автор перенёс в свою книгу из газеты слово в слово⁶. Такой сомнительный способ исторического описания Вольтер называл «компиляцией из газетных сплетен» и «типографским мошенничеством»⁷.

Бернар Ле Бовье де Фонтенель в «Похвальном слове царю Петру Первому» (1725) также коснулся интересующего меня сюжета, но отметил лишь два момента визита, которые сам мог наблюдать. Он подчеркнул особую нежность, с которой Петр I отнесся к маленькому королю Людовику XV: «Мы видели его, проходящим по апартаментам в Лувре за руку с королем, почти берущим короля на руки, чтобы оградить его от толпы, делающего это с такой заботой и нежностью, точно его собственный воспитатель»⁸. Кроме того Фонтенель кратко рассказал о посещении царем Королевской Академии наук 19 июня и последовавшем «после возвращения царя в свою страну» избрании его членом Академии⁹.

Еще один пример совмещения источника и его интерпретации — знаменитые «Мемуары» Луи де Рувруа, герцога Сен-Симона¹⁰. Они пользуются необычайной популярностью у историков Петра I в качестве первоисточника. Известный автор действительно был свидетелем царского визита в Париж. Однако его мемуары не были результатом записи наблюдений по горячим следам. Давно известно, что в их основе лежит дневник маркиза Филиппа де Данжо¹¹, — его рукопись Сен-Симон открыл в 1729 году и тогда же начал составлять свой рассказ о приезде царя во Францию. Сравнение текстов (в части, касающейся визита царя) свидетельствует о том, что Сен-Симон иногда менее точен в деталях, но более выразителен и субъективен в своих характеристиках и суждениях, чем Данжо. Кроме дневника Данжо автор мемуаров использовал газетную хронику «Le Nouveau Mercure», а также сообщения рукописной газеты Жана

⁶ [Rousset de Missy J.] Mémoires du règne de Pierre le Grand... P. 659–682.

⁷ Voltaire. Oeuvres complètes. Oxford, 1999. T. 46. P. 386–387.

⁸ Fontenelle B de. Éloge du czar Pierre I-er // Oeuvres complètes. Genève, 1968. T. 1. P. 348.

⁹ Ibid.

¹⁰ Сен-Симон. Мемуары. Полные и доподлинные воспоминания герцога де Сен-Симона о веке Людовика XIV и Регентстве. Избранные главы / пер. с фр. Ю.Б. Корнеева; предисл. А.Д. Михайлова; сост. и коммент. А.П. Бондарева. Кн. 2. М., 1991. С. 349–374.

¹¹ [Dangeau Ph.] Journal du marquis de Dangeau / Publié en entier pour la première fois par MM. Soulié, Dussieux, de Chennevières, Mantz, de Montaiglon; avec les additions inédites du duc de Saint-Simon publiées par M. Feuillet de Conches. Paris, 1859. T. 17: 1717–1719.

Бюва¹². Окончательный текст Сен-Симона сложился лишь в 1747 году и интересен как один из первых и ярких опытов исторического осмысления события. Сен-Симоновский портрет Петра I, написанный как бы с натуры, на самом деле создавался задним числом, с оглядкой на сочинения Фонтенеля и Вольтера, которые уже «изваяли» образ царя — героя века Просвещения. Главная политическая идея повествования Сен-Симона — это сожаление об упущенной возможности союза с Россией. Эта ошибка была допущена, по мнению мемуариста, из-за «слепой» приверженности тогдашних правителей Франции к союзу с Англией, который не оправдал себя в исторической перспективе. Современные исследователи подчеркивают политический, литературный и даже «мифологический» характер рассказа Сен-Симона о визите русского царя в Париж¹³.

Несомненно, что традицию исторического изучения визита Петра I во Францию заложили французские авторы. Еще в 1726 году чиновник французского Министерства иностранных дел Николя Луи Ле Дран составил две записки, в которых дал очерк отношений с Россией за 1701–1718 годы¹⁴. Несмотря на обтекаемые формулировки, из первой записки явствует, что в начале XVIII века отношения Франции с Россией не шли дальше словесных заверений в дружеских намерениях, а реальные политические интересы сторон существенно различались. Автор отметил, что Полтавская победа повысила заинтересованность французской стороны в союзе с Россией, но новые переговоры не увенчались успехом, и в 1715 году Людовик XIV возобновил союзный договор со Швецией и предоставил последней значительные субсидии. Вторая записка посвящена истории заключения Амстердамского договора. В ней отмечены шаги регента по налаживанию дружеских контактов с Петром I и изложена (разумеется, с позиции французской дипломатии) исто-

¹² [Buvat J.] *Gazette de la Régence: janvier 1715 – juin 1719* / [attribué à Jean Buvat]; Publ. d'après le ms. inédit conservé à la Bibliothèque royale de La Haye, avec des annotations et un index, par le comte É. de Barthélemy. Paris, 1887.

¹³ Jacob F. *Une visite peu ordinaire: Pierre le Grand à Paris (mai 1717)* // *La Russie dans l'Europe / Textes réunis par F. Jacob*. Genève, 2010. P. 19–41; см. также: Welf E. *Pierre le Grand à Paris en 1717 ou les échos saint-simoniens d'une visite importune: état succinct des rapports franco-russes dans le premier quart du dix-huitième siècle* // *Cahiers Saint-Simon*. 1988. № 16. P. 38–48; Garapon J. «Ce czar si intimement et véritablement grand...». *Pierre le Grand dans les Mémoires de Saint-Simon* // *Bretagne et Lumières: Mélanges offerts à Jean Balcou*. Université de Bretagne occidentale, 2001. P. 233–243.

¹⁴ [Ле Дран Н.Л.] Переговоры касательно заключения союза между королем Людовиком XIV и царем Петром Первым. Переговоры между Францией и царем всероссийским Петром Первым. 1715–1717 // *Сборник Императорского Русского исторического общества*. 1881. Т. 34. С. IV–XLVII.

рия переговоров в Париже. В записке отмечено, что решение о поездке в столицу Франции было принято единолично Петром I. Разумеется, записки Ле Драна составлялись для служебного пользования и увидели свет лишь в конце XIX века.

Доктор права Юбер Ле Блан опубликовал в 1741 году книгу «Царь Пётр Первый во Франции»¹⁵, написанную в форме философских бесед. О реальном путешествии Петра в ней напоминают лишь факты посещения обсерватории и встреч с учеными — Кассини, Вариньоном и Фонтенелем. Речь идет не столько о русском царе, сколько о зараженном пороками французском обществе. Франция считается «изысканным образцом» «вежливого и общежительного» народа, но на деле Пётр якобы увидел здесь «вертеп разврата и страстей»¹⁶. Устами вымышленных героев автор отговаривает царя следовать французским примерам: «Государь, не вводи в области свои роскоши и богатства»¹⁷. Таким образом, Ле Блан своей книгой предварял просветительские споры о возможности и пользе перенесения европейских обычаев в Россию, а некоторые нравоучительные сюжеты позже были положены в основу «Рассказов» Нартова.

Едва ли не первый живой и достоверный (несмотря на мелкие неточности) рассказ о пребывании царя в Париже находится в «Истории Петра I» Елеазара Мовийона¹⁸. Автор отметил и политическое, и культурное значение события, обратил внимание и на восприятие царя французами. В приложении к книге был опубликован текст Амстердамского договора с секретными статьями¹⁹.

Вольтер, заявивший о себе в качестве историка Петра I еще в начале 1730-х годов, впервые кратко упомянул о поездке царя во Францию в «Истории Карла XII, короля шведского» (1731): «Царь прибыл в Париж в мае <...> 1717 года; он занялся не только исключительно обозрением прелестей искусства и природы, не только посещением академий, публичных библиотек, кабинетов редкостей, королевских дворцов, но занимался политикой и предложил герцогу Орлеанскому, регенту Франции, заключить договор, принятие которого могло бы усилить в высшей степени могущество России <...> Этот договор, казавшийся столь естественным и

¹⁵ *Le Blanc H.* Le czar Pierre Premier en France. Amsterdam, 1741; русский перевод с элементами пересказа см.: Петр Первый в Париже // Русский вестник. 1811. № 4. С. 3–20; №5. С. 1–11.

¹⁶ Русский вестник. 1811. № 5. С. 4.

¹⁷ Там же.

¹⁸ [*Mauvillon E.*] Histoire de Pierre I, surnommé le Grand... Т. 1–3. Amsterdam; Leipzig, 1742. P. 264–267.

¹⁹ Ibid. P. 413–416.

полезным для этих наций <...> не был однако принят герцогом Орлеанским»²⁰.

Более подробно Вольтер коснулся этого сюжета в «Анекдотах о царе Петре Великом» (1748)²¹. Здесь рассказ о визите сведен к ряду любопытных эпизодов, характеризующих любезность принимающей стороны и любознательность русского гостя: герцог д'Антен удивил царя, представив в своем замке его портрет в полный рост; на Монетном дворе на глазах у царя отчеканили медаль, прославляющую монарха-путешественника. Наконец, Вольтер привел анекдот о том, как Пётр обнял статую на могиле кардинала Ришелье. В заключение рассказа о посещении царем Франции Вольтер высказал в его адрес критическую сентенцию: посетив Францию, «где все располагает нравы к смягчению и снисходительности», Пётр после возвращения на родину проявил крайнюю жестокость по отношению к своему сыну.

Иначе расставлены акценты в вольтеровской «Истории Российской империи при Петре Великом» (т. 1–2, 1759–1763)²². События визита вписаны здесь в политический контекст второго заграничного путешествия царя и соседствуют с рассказом о заговоре Гёрца, но если в истории Карла XII Вольтер писал о вовлеченности русского царя в заговор, то в истории Петра I он отрицал этот факт. Вольтер указывал на политические («узнать истинную политику регента») и познавательные цели поездки Петра. Вслед за современниками автор подчеркнул равнодушие царя к церемониям и роскоши и его стремление извлечь конкретную пользу из знакомства с достопримечательностями Парижа. Однако, замечает он, «не зная французского языка, он терял большую часть пользы от визита». Вольтер, по-видимому, не располагал полной хронологией визита (он наверняка знал лишь его частичное описание в книге Руссе де Мисси). Историк в основном повторил забавные эпизоды из «Анекдотов», добавив к ним упоминание о встрече царя с мадам де Ментенон. Интерес Петра к вдове Людовика XIV Вольтер объяснил некоторым сходством между браками «короля-солнца» и русского царя. Автор назвал причины отсутствия Екатерины в этой поездке: царь опасался затруднений церемониала и любопытства двора, который не мог оценить достоинств этой «героической» женщины.

²⁰ *Voltaire*. Histoire de Charles XII / éd. critique par G. von Proschwitz // *Voltaire*. Oeuvres complètes. Oxford, 1996. Т. 4. Р. 528; *Вольтер*. История Карла XII, короля Шведского / пер. с фр. И.И. Ильяшенко. СПб., 1909. Т. 2. С. 162–163.

²¹ *Voltaire*. Oeuvres complètes. Т. 46. Р. 76–79; Вольтер. Анекдоты о царе Петре Великом / пер. с фр., коммент. и вступ. ст. С.А. Мезина // Историографический сборник. Вып. 19. Саратов, 2001. С. 184–199.

²² *Voltaire*. Oeuvres complètes. Oxford, 1999. Т. 47. Р. 803–809.

Рассказ о путешествии Петра I во Францию содержится в «Секретных записках» Шарля Пино Дюкло²³, которые историки иногда ошибочно принимают за оригинальный источник. Опубликованные в 1791 году, почти через двадцать лет после смерти автора, они утратили свою познавательную ценность вследствие того, что автор широко пользовался рукописью «Мемуаров» герцога Сен-Симона, которые увидели свет в 1788 году. Описание внешности царя Дюкло позаимствовал у Ж. Бюва, привел он и вольтеровский анекдот о том, как царь обнял статую кардинала Ришелье.

Не обошел вниманием царское путешествие и известный французский историк Пьер Шарль Левек. В его «Российской истории» визит царя в Париж описан кратко и ясно²⁴. В основном повторяя факты, сообщенные Вольтером, Левек лишь уточнил список парижских достопримечательностей, посещенных царем.

Новые оценки прозвучали в описании путешествия русского царя во Францию, данном Жаном Франсуа Мармонтелем в 8-й главе «Регентства герцога Орлеанского» (1784). С точки зрения освещения фактов автор остается в рамках вольтеровской информации (не исключено и знакомство с рукописью «Мемуаров» Сен-Симона), однако он ставил под сомнение вольтеровскую идею трансплантации культуры и критиковал методы, которыми пользовался царь при пересаживании европейской культуры на русскую почву. Притом, считал автор, царь не разглядел в европейской культуре главного — права собственности и свободы. По мнению Мармонтеля, путешествие не было ни удачным, ни полезным; оно имело никакого дипломатического эффекта, царь лишь удовлетворял праздное любопытство²⁵. Уехав в Европу, Пётр допустил бегство собственного сына из страны, что привело к трагическим последствиям²⁶. Сходные идеи ранее высказывал Д. Дидро в «Записках для Екатерины II». В отрывке «Речь гения Франции, обращенная к Петру I на границе»²⁷ перечислены основные пороки французского общества, которые не сумел разглядеть Пётр, побывавший в Париже в 1717 году.

Русские авторы первой половины и середины XVIII века, как известно, не преуспели в деле написания истории Петра I в целом и его заграничных путешествий, в частности. Лишь в 1771 году в

²³ *Duclos Ch.P. Mémoires secrets sur le règne de Louis XIV, la Régence et le règne de Louis XV.* Paris, 1846. P. 172–181.

²⁴ *Levêque P.Ch. Histoire de Russie.* Hambourg et Brunswick, 1800. T. 4. P. 486–489.

²⁵ *Marmontel J.F. Oeuvres complètes.* T. XVIII: Régence du duc d'Orléans. Paris, 1819. P. 359.

²⁶ *Ibid.* P. 550.

²⁷ *Diderot. Oeuvres.* T. III: Politique. Paris, 1995. P. 327–328.

Петербурге вышла анонимная брошюра «Путешествие Его Величества в Париж»²⁸. Издание открывается гравированным изображением и описанием медали, отчеканенной в присутствии Петра I на Королевском монетном дворе. Затем автор сформулировал цель визита: Пётр Великий «благоволих восприяти путешествие в Париж, чтобы обозреть тамо изящность зданий, разные учреждения, и из того почерпнуть нечто для пользы своего государства». Затем следуют краткие сообщения об официальных встречах царя с регентом и королем 8–11 мая. А далее без указания чисел, в неверной последовательности и с фактическими ошибками говорится о посещении царем в мае загородных резиденций — Сен-Клу, Мёдона, Пти-Бура и Фонтенбло. При этом добавлены мелкие подробности, которых нет в источниках, современных визиту: в Сен-Клу царь якобы удивлялся фонтанам, которые «135 фунт (*sic!*) вверх били», а в Мёдоне «понравились ему огромной величины зеркальные стекла». Июньские события освещены гораздо подробнее. Текст почти целиком позаимствован из книги Руссе де Мисси «Записки о царствовании Петра Великого»²⁹, где, как уже отмечалось, воспроизводились сообщения «Le Nouveau Mercure» за июнь 1717 года. Лишь ряд подробностей добавлен неизвестным автором брошюры: о посещении гробницы маршала Тюренна в Сен-Дени, о понравившихся царю в Версале столах, украшенных флорентийской мозаикой; о знакомстве царя с водоподъемной машиной в Марли; о том, из каких областей происходили дворяне, обучавшиеся в Коллеже Четырех Наций; о покупке Петром I глобуса мастера Пижона, о предложении сорбонских профессоров объединить церкви; о приглашении в Россию мастеров мануфактуры Гобеленов. И, пожалуй, самое значительное дополнение, относящееся к посещению царем Академии наук: «Тогда то подарил он Академии наук карту Каспийского моря совсем инаго вида, нежели прежния карты географами об оном изданная. Она принята была с отменным удовольствием и с чрезвычайным почтением, и тот час признан он был почтеннейшим и знаменитейшим Парижской Академии членом»³⁰. Вместе с тем при переводе текста книги Руссе де Мисси были опущены перечисление подарков, полученных царем на мануфактуре Гобеленов, и сообщение о посещении царем бани. Каково происхождение дополнений? Все они основаны на знаниях,

²⁸ Путешествие Его Величества в Париж. [СПб., 1771]. 27 с.

²⁹ В том, что сведения брались именно из книги Руссе де Мисси, не может быть сомнений, ибо повторены даже опечатки, отличающие текст «Записок» от газетного первоисточника.

³⁰ Путешествие Его Величества в Париж. С. 20.

которые можно было почерпнуть из литературы или путешествий, и являются плодом литературной обработки исходного текста Руссе де Мисси.

Брошюра 1771 года впоследствии стала величайшей библиографической редкостью. А неисправный список с неё, в котором были искажены многие французские названия и имена, был издан в первой половине XIX века под названием: «Журнал ежедневный пребывания в Париже государя императора Петра Алексеевича»³¹. Позднейшие историки принимали «Журнал» за оригинальный источник, что, в частности, положило начало ложной версии о принятии Петра I в члены Академии наук 19 июня 1717 года.

Известный русский историк М.М. Щербатов, публикуя в 1770–1772 годах важнейший источник по истории петровского времени «Журнал, или Поденную записку <...> имп. Петра Великого» («Гисторию Свейской войны»), приложил ко второму тому «Обстоятельный журнал о вояже или о путешествии Его Царского Величества, как из Копенгагена поехал и был в Голландии, во Франции и в прочих тамошних местах, и что там чинилось»³². Так был введен в научный оборот важнейший русский источник о визите царя во Францию. Однако отечественным читателям приходилось довольствоваться историческими описаниями визита в переводных работах зарубежных историков. В брошюре Пона Огюстена Аллеца «Сокращенное описание жизни Петра Великого» (СПб., 1771)³³ имелась глава «Пребывание Петра Великого во Франции в 1717 году», которая содержала пересказ соответствующего сюжета из «Истории» Вольтера, но завершалась почти оригинальным выводом: «Пётр Великий, <...> сделал трактат (договор. — С.М.) о коммерции с Франциею, выехал из Парижа, взяв с собою многих французских художников; потому что главный предмет его путешествия состоял в том, чтобы поселить художества в свое отечество, и новые свои учреждения привести в совершенство»³⁴.

³¹ Журнал ежедневный пребывания в Париже государя императора Петра Алексеевича // Русский вестник. 1841. Т. 2. С. 401–413.

³² Журнал или Поденная записка, блаженные и вечнодостойныя памяти государя императора Петра Великого с 1698 года, даже до заключения Нейштатскаго мира. СПб., 1772. Ч. 2. С. 397–425; см. также: Гистория Свейской войны: Поденная записка Петра Великого / сост. Т.С. Майкова. Вып. 1. М., 2004. С. 610–625.

³³ Часть из четырехтомного сочинения: *Alletz P.A.* Les Princes célèbres qui ont régné dans le monde, depuis l'origine des monarchies et des empires jusqu' à nos jours. Paris, 1769.

³⁴ [Аллец П.О.] Сокращенное описание жизни Петра Великого Императора всея России. Переведено с французскаго. СПб., 1771. С. 43.

В 1772 году вышла книга итальянского аббата Антонио Катифоро «Житие Петра Великого <...> собранное из разных книг во Франции и Голландии изданных <...> перевел статский советник Стефан Писарев». Составленная еще в 1730-е годы, она содержала рассказ о царском визите в Париж в версии Руссе де Мисси. Понимание деталей подчас затруднялось неточностями перевода: резиденция регента Сен-Клу превратилась в «монастырь святого Клавдиана», а монетный двор, где был директором Н. де Лоне, в «дом Лунеев»³⁵.

Сербский автор Захария Орфелин издал свою книгу «Житие и славные дела <...> Петра Великого» «на славенском языке» в Венеции в 1772 году, а два года спустя она была опубликована в Петербурге. В ней царский визит описан под явным влиянием вольтеровского текста, но автор, вероятно, был знаком и с газетной хроникой Ф. Бюше, в том числе и с той, что осталась неизвестной Руссе де Мисси.

Лишь с выходом «Деяний Петра Великого» Ивана Ивановича Голикова в конце 1780-х годов русские читатели могли познакомиться с подробным и оригинальным рассказом о поездке Петра I во Францию³⁶. Голиков впервые соединил в нём сообщения русских и иностранных источников. Сочинения Вольтера и Фонтенеля он читал в переводах, широко использовал книгу З. Орфелина. Однако в основу своего повествования историк положил походный журнал царя и его переписку за май-июнь 1717 года, а также свидетельства современников из «Анекдотов» Я. Штелина и рассказов И.И. Неплюева. Все это позволило автору дать довольно «объемную» картину пребывания царя во Франции не только с перечислением его личных контактов и ознакомительных поездок, но и с характеристической той бурной государственной деятельностью, которую Пётр заочно продолжал вдалеке от России. В «Дополнении к Деяниям»³⁷ И.И. Голиков привел новые письма царя парижского периода, а также процитировал выгодные суждения Вольтера о посещении царем Академии наук, взятые уже из «Истории» Петра I. Мелкие неточности и наивные сентенции автора не мешают констатировать, что труд Голикова давал наиболее полное в историографии XVIII века представление о визите Петра I во Францию. Конечно, он был проникнут панегирическим духом, что дало повод Е.В. Анисимову назвать автора «Деяний» графоманом и едва ли не

³⁵ [Катифоро А.] Житие Петра Великого Императора и Самодержца Всероссийского, Отца Отечества, собранное из разных книг, во Франции и Голландии изданных, и напечатанное в Венении, Медиолане и Неаполе на диалекте италянском, а потом на греческом, с коего на российский язык перевел статский советник Стефан Писарев. СПб., 1772. С. 353.

³⁶ Голиков И.И. Деяния Петра Великого. М., 1788. Ч. 5. С. 311–343.

³⁷ Голиков И.И. Дополнение к Деяниям Петра Великого. М., 1794. Т. 11. С. 394–417.

сумасшедшим³⁸. Однако следует подчеркнуть, что Голиков стремился к максимальному привлечению разнообразных источников, не скрывал и не искажал «неудобных» фактов, что делает ему честь как историку XVIII века. Часть документов 1717 года, приведенных Голиковым, донныне сохраняют свое источниковедческое значение, поскольку с тех пор не переиздавались.

Подводя итог изучению визита Петра I во Францию историками XVIII столетия, напомним тот известный факт, что стараниями европейских авторов, в первую очередь французских, Пётр I стал героем века Просвещения, а его поездки в Европу приобрели символическое значение. Второе заграничное путешествие царя и его визит в Париж 1717 года привлекали меньше внимания, чем Великое Посольство 1697–1698 годов. Тем не менее, авторы XVIII века «освоили» большинство важнейших источников, дали общую характеристику визита во Францию, высказали различные оценки его культурного и дипломатического значения. Французские и русские историки, внесшие основной вклад в изучение этого вопроса, отдавали приоритет «своим» источникам и интерпретировали их в соответствии с тогдашним уровнем состояния исторической науки. В историографии XVIII века зародились некоторые легенды, связанные с пребыванием русского царя во Франции, которые найдут свое продолжение в трудах историков последующих веков.

Конец XVIII – первая половина XIX века — не самый плодотворный период в изучении темы. Это связано с тем, что на исторической арене появились новые герои, а русско-французские отношения часто становились враждебными. Правда, в царствование Александра I увидели свет русские переводы сочинений Фонтенеля и Вольтера, хотя и в урезанном виде. В 1821 году в «Отечественных записках» П. Свиньина началась публикация переписки, связанной с принятием Петра I в члены Парижской академии наук³⁹. Новые письма на эту тему были позже помещены в журнале «Маяк современного просвещения и образованности»⁴⁰. «Отечественные записки» опубликовали также «Журнал путешествия во Францию и пребывания в Париже Петра Великого, в 1716 (*sic!*) году»⁴¹ Это был

³⁸ Пётр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. М., 1993. С. 367, 369.

³⁹ Избрание Петра Великого в Члены Французской Академии Наук // Отечественные записки. 1821. Ч. 5, № 10. С. 179–189.

⁴⁰ Первый из русских член королевской Парижской Академии наук // Маяк современного просвещения и образованности. 1840. № 1. С. 1–6.

⁴¹ Отечественные записки, издаваемые Павлом Свиньиным. 1822. Ч. 12. № 31. С. 145–146; №32. С. 312–326; переиздан: Путешествие царя Петра Алексеевича во Францию и пребывание в Париже Его Царского Величества / публ. Е.С. Самониной // Река времен. Кн. 5. М., 1996. С. 5–19.

перевод майской хроники визита, выходившей в качестве приложения к газете «Le Nouveau Mercure». Появление этого ценного источника на русском языке позднейшие историки почти не заметили. Зато их внимание привлёк «Журнал ежедневный пребывания в Париже государя императора Петра Алексеевича»⁴², который, как уже отмечалось, восходил к малоизвестной русской брошюре 1771 года.

В «Истории Петра Великого» Николая Алексеевича Полевого приезд царя во Францию описан по известным источникам, но при этом автор допустил ряд ошибок и безответственных суждений: царь якобы «пешком ходил по парижским улицам», «долго беседовал» с известным банкиром Джоном Лоу, «вообще не любил французов, французского образования и даже французского языка»⁴³.

Если в России первой половины XIX века все-таки был опубликован ряд источников о пребывании царя в Париже⁴⁴, то во Франции этот период был отмечен появлением апокрифических текстов, которые историки до сих пор нередко принимают за подлинные записки. В 1820-е годы были написаны так называемые «Мемуары» кардинала Дюбуа⁴⁵. Созданные романистом и историком Полем Лакруа, они содержат анекдоты о Петре I, обыгрывающие стереотипные темы пьянства, кнута, варварских нравов и сурового русского климата. К такого же рода литературно-историческим мистификациям принадлежат и «Мемуары» герцога Ришелье — сочинение писателя Этьена Леона де Ламот-Лангона⁴⁶. Приведенный в «Мемуарах» рассказ о пребывании царя в Париже является простым пересказом «Секретных записок» Дюкло.

В 1865 году одновременно в России и во Франции появились первые специальные статьи о визите царя в Париж. Эдуар де Бартеlemi использовал немало записок французов-современников, но более всего полагался в своем изложении на «Мемуары» Сен-Симона. Он привлек даже документы из провинциальных архивов. При этом автор допустил ряд хронологических неточностей,

⁴² Русский вестник. 1841. Т. 2. С. 401–413.

⁴³ Полевой Н.А. История Петра Великого. Ч. 4. СПб., 1843. С. 42–49.

⁴⁴ См. также: Журнал пребывания Петра I в Париже в 1717-ом году: Неизданный отрывок из памятных записок Сен-Симона (Saint-Simon) // Санкт-Петербургские ведомости. 1829, 7.08. № 94. С. 537–538.

⁴⁵ [Lacroix P.] Mémoires du cardinal Dubois. Paris, 1829. Т. 3. Р. 344–369.

⁴⁶ Mémoires historiques et anecdotiques du duc de Richelieu [Par E.L. de Lamothe-Langon]. Paris, 1829. Т. 2. Р. 195–216; перевод: Пребывание Петра Великого в Париже. Из записок герцога де Ришелье / пер. с фр. П. Ар-в // Телескоп. 1831. № 5. С. 3–23.

в том числе в названии статьи⁴⁷. Михаил Полуденский осветил эту тему, так сказать, с русской стороны⁴⁸. Он почти целиком процитировал соответствующий текст Походного журнала 1717 года, но дополнил его газетной хроникой из «Nouveau Mercure». Была известна автору и русская брошюра 1771 года, но её «оригинальные» сведения он использовал с осторожностью. Довольно подробно Полуденский представил дипломатический аспект визита и отношения царя с Парижской академией наук. Обе статьи, появившиеся в 1865 году, носили сугубо описательный характер. Несколько ранее в столь же описательном труде Петра Петровича Пекарского были изложены на строго документальной основе главные перипетии научных отношений между Россией и Францией при Петре I⁴⁹.

Сергей Михайлович Соловьев в своей «Истории России» (т. 17, 1866)⁵⁰ придавал изучению русско-французских отношений при Петре I подлинно научный характер. Визит Петра I во Францию рассмотрен им в широком контексте международных отношений; тщательно исследованы причины приезда царя в Париж. Повествование базируется на оригинальных документах Архива Министерства иностранных дел (ныне — РГАДА).

Серьезную основу для дальнейшего изучения темы заложило издание в России⁵¹ и во Франции⁵² документов французского Министерства иностранных дел. Парижское издание предварял блестящий очерк русско-французских отношений Альфреда Рамбо⁵³, который затем пересказывался многими популяризаторами.

⁴⁷ *Barthélémy E. de. Le Czar Pierre en France, 1716 (sic) // Revue contemporaine. 1865. Т. 43. Janv.—fév. P. 161—174; перевод: Бартеlemi Э. де. Петр Великий во Франции в 1716 году // Ежедневное прибавление к «Русскому инвалиду». 1865. № 5. С. 1—6.*

⁴⁸ *Полуденский М. Петр Великий в Париже // Русский архив. 1865. Вып. 5—6. Стб. 675—702.*

⁴⁹ *Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 39—45, 529—558.*

⁵⁰ См.: *Соловьев С.М. Сочинения: в 18 кн. Кн. 9: История России с древнейших времен. Т. 17. М., 1993. С. 60—67.*

⁵¹ Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции, за апрель и май месяцы 1717 года // Сборник Императорского Русского исторического общества. 1881. Т. 34. С. 123—211.

⁵² *Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu' à la Révolution française. Т. 8: Russie / publ. ...avec une introd. et des notes par A. Rambaud. Paris, 1890.*

⁵³ *Rambaud A. Introduction // Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France. P. I—XXXV.*

Содержательная работа о втором заграничном путешествии Петра I была написана Александром Густавовичем Брикнером⁵⁴. В ней важное место отведено пребыванию царя в Париже⁵⁵. Автор привлек довольно широкий круг источников, но сведения подчас брались из вторых рук, а материалы, опубликованные в «Сборнике Императорского Русского исторического общества», были ему еще недоступны. Их анализу Брикнер посвятил свою следующую работу, в которой рассмотрел политический аспект поездки Петра I в Париж⁵⁶. Исследования Брикнера, придававшего визиту Петра I серьезное политическое и культурное значение, заметно продвинули вперед изучение вопроса.

Киевский профессор Владимир Степанович Иконников в своей статье ограничился обзором документов, помещенных в сборнике Русского исторического общества⁵⁷. Лишь вскользь касалась вопроса о царском визите статья А.В. Норова⁵⁸. Целью автора было рассмотреть исторические истоки намечавшегося в 1880-е годы союза России и Франции. Александр Семенович Трачевский дал характеристику регента Франции герцога Орлеанского и его окружения во время визита русского царя, опираясь на скандальные сведения рукописной «Gazette de la Régence» Ж. Бюва⁵⁹.

На волне общественного интереса к русско-французским отношениям и их истории появился популярный очерк Павла Владимировича Безобразова⁶⁰, новизна которого состояла в том, что автор широко использовал опубликованный А. Рамбо сборник инструкций, данный французским посланникам в России.

Складывание русско-французского военно-политического союза (1891–1917), визиты Николая II во Францию (1896, 1901) заметно активизировали интерес историков к начальному этапу русско-французских отношений. В это время пребыванию царя Петра во Франции посвятили свои исследования многие историки, как в России, так и во Франции. Известный русист А. Рамбо писал, что

⁵⁴ Брикнер А.Г. Путешествие Петра Великого за границу с 1711 до 1717 года // Русский вестник. 1880. № 11, 12; 1881. № 1, 2, 3.

⁵⁵ Русский вестник. 1881. № 3. С. 53–73

⁵⁶ Брикнер А.Г. Франция и Россия при Петре Великом // Журнал Министерства народного просвещения. 1883, авг. С. 161–187.

⁵⁷ Иконников В.С. Новые материалы для истории царствования Петра Великого. (Сношения России с Францией). Киев, 1887.

⁵⁸ Норов А.В. Переговоры Петра Великого о союзе с Францией // Дело. 1886, №1, май. С. 89–123; № 2, июнь. С. 117–152.

⁵⁹ Трачевский А.С. Государственные висельники во Франции и Петр Великий // Исторический вестник. 1888. Т. 31. № 1–3. С. 434–452.

⁶⁰ См.: Безобразов П.В. О сношениях России с Францией. М., 1892. С. 32–101.

«многие наши собраты предалися эрудитским разысканиям в воспоминаниях былого. Злободневность неожиданно вернулась на страницы Дюкло, Бюва, Маре, д'Антиена, де Сен-Симона <...>»⁶¹. Статья самого Рамбо, свободно владевшего материалом как французских, так и русских источников, была наиболее авторитетной в этом ряду публикаций «по случаю». Автор изложил начальные события визита по материалам, опубликованным в «Сборнике» Русского исторического общества, а затем дал краткую, но выразительную хронику пребывания царя в Париже и в загородных резиденциях. Однако автор пренебрег сообщениями газет, а главным свидетелем и хронистом визита ошибочно считал герцога Сен-Симона. Рамбо допустил ряд хронологических и фактических ошибок, в частности, упомянув о последней беседе царя с регентом на политические темы в день отъезда — 20 июня в комнате привратника (швейцарской)⁶².

Кажется, впервые этот сомнительный сюжет о переговорах в «loge de suisse» был приведен в книге известного историка Альбера Вандаля «Людовик XV и Елизавета Российская». Правда, он указал более реалистическую дату — 17 июня и сослался на источник: «Journal de la Régence» Ж. Бюва⁶³. В книге Вандаля имеется глава «Царь в Париже», где рассматривается главным образом политическая сторона визита, который, по мысли автора, был исходной точкой желая русского царя выдать свою дочь Елизавету за преставителя французского королевского дома.

Граф Габриель Поль Офенен д'Оссонвиль написал статью «Визит царя Петра Великого 1717 года по новым документам»⁶⁴ по заказу Французской академии в связи с визитом в академию императора Николая II с супругой 7 октября 1896 года. Автор использовал некоторые новые документы из архива французского Министерства иностранных дел, но в основном статья базировалась на опубликованных во Франции и в России материалах. Главное внимание Оссонвиль уделит политической цели визита, а его выводы о пользе русско-французского союза до некоторой степени имели характер политического наставления.

Также по случаю визита нового русского царя в Париж была издана книга Андре Ле Гле «Исторические корни франко-русского альянса» (1897). Здесь после популярного изложения биографии Петра I и истории русско-французских отношений начала XVIII века

⁶¹ *Rimbaud A. Les Russes à Paris. Pierre le Grand (1717). Simples notes // Revue politique et littéraire. Revue bleue. T. LII. № 16. 14 octobre 1893. P. 496.*

⁶² *Ibid. P. 502.*

⁶³ *Vandal A. Louis XV et Elisabeth de Russie. Paris, 1882. P. 37.*

⁶⁴ *Haussonville G. de. La visite du Tsar Pierre le Grand en 1717 d'après des documents nouveaux // Revue des deux Mondes. 1896. T. 137. P. 795–815.*

автор довольно подробно рассказывает о визите 1717 года, опираясь на известные источники и работы историков, в первую очередь А. Рамбо. Непринужденная манера изложения позволила автору привести (без ссылки на источник) апокрифический рассказ о том, как Пётр I, заперев регента в швейцарской его дворца, буквально «вырвал» у него согласие на заключение союзного договора⁶⁵.

В общей массе «вежливых» статей выделялась живостью изложения и богатством материала, в том числе архивного, работа русско-французского историка польского происхождения Казимира Валишевского. Он прекрасно знал русские и французские источники по теме, но при этом приводил на страницах своего сочинения самые скандальные отзывы современников-французов о царе; ради занимательности изложения не всегда заботился о строгой научной критике источников и допускал мелкие неточности. Его статья «Пётр Великий во Франции» сначала появилась в журнальном варианте⁶⁶, а затем вошла в качестве отдельной главы в книгу «Пётр Великий»⁶⁷. Недавно вновь переизданная на русском языке книга отличается крайней небрежностью перевода⁶⁸.

В отличие от Валишевского историк-дипломат виконт Эжен де Гишан стремился представить деятельность Петра I по сближению с Францией в благоприятном свете. В его книге «Пётр Великий и первый франко-русский договор (1682–1717)» отдельная глава посвящена царскому визиту⁶⁹. Широко используя уже изданные источники, автор сообщал и некоторые новые детали, извлеченные из архивных бумаг. Однако частое цитирование в качестве источника «мемуаров» кардинала Дюбуа снижало научный уровень работы и приводило автора к ошибочным утверждениям.

В большой статье Дмитрия Владимировича Цветаева не сообщалось новых фактов, но давался квалифицированный обзор событий царского визита в Париж с акцентом на предпринятую богословами Сорбонны попытку сближения католической и православной церквей⁷⁰.

⁶⁵ *Le Glay A.* Les origines historiques de l'alliance franco-russe. Paris, 1897. P. 280–281.

⁶⁶ *Waliszewski K.* Pierre le Grand en France // *Revue de Paris*. 1896, oct. P. 504–525.

⁶⁷ *Waliszewski K.* Pierre le Grand. Paris, 1897.

⁶⁸ Валишевский К. Пётр Великий // Собр. соч.: в 5 т. М., 1993. Т. 2.

⁶⁹ *Guichen E. de.* Pierre le Grand et le premier traité franco-russe (1682–1717). Paris, 1908. P. 165–241; см. краткое изложение: Пётр Великий и Людовик XV. Из истории франко-русских отношений в царствование Петра I до заключения первого франко-русского договора. 1682–1717 // *Русская старина*. 1908. № 11. С. 329–338.

⁷⁰ *Цветаев Д.В.* Пётр Великий во Франции // *Русское обозрение*. 1894. № 2. С. 607–648; этому же аспекту визита уделено специальное внимание в более ранней работе иезуитского священника Пауля Пирлинга: *Pierling P.* La Sorbonne et la Russie : 1717–1747. Paris, 1882. P. 22–38.

Содержательный очерк начального этапа русско-французских отношений и история заключения Амстердамского договора 1717 года предпосланы Федором Федоровичем Мартенсом изданию договоров России с Францией⁷¹.

Политически актуальная история русско-французского союза нашла новое освещение в статье В.И. Штейна⁷², который в полной мере использовал работы и публикации европейских авторов, вплоть до статьи барона дю Тея, опубликованной «Историческим обществом Дюнкерка и Приморской Фландрии»⁷³. Статья «Царь в Дюнкерке (1717)» сохраняет своё научное значение поныне, ибо в ней приведен полностью целый ряд новых документов, извлеченных из центральных и местных архивов, и подробно описан начальный этап путешествия Петра I по Франции. Аналогичное значение для описания заключительной части царского путешествия имеет статья Жана Бургиньона⁷⁴.

Таким образом, к началу XX века в работах отечественных и французских авторов были привлечены основные документальные свидетельства царского визита во Францию и высказаны обоснованные мнения о дипломатическом и культурном значении поездки 1717 года. Для многих работ, появившихся в период складывания Антанты, была характерна лакировка русско-французских отношений петровского времени. Большинство авторов не избежали фактических ошибок при описании событий визита, что породило новые легенды.

После 1917 года интерес к теме заметно упал, особенно в Советской России. Французские историки как бы по инерции интересовались культурными подробностями визита⁷⁵; эту традицию продолжили и представители русского зарубежья⁷⁶. Поездке русского монарха во Францию отведено заметное место в трехтомной мо-

⁷¹ *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными государствами. Т. 13: Трактаты с Францией. 1717–1807. СПб., 1902. С. I–LXXXVI; 1–9.

⁷² *Штейн В.И.* Петр Великий и франко-русский союз // Исторический вестник. Т. 92. 1903. № 5. С. 494–512.

⁷³ *Teil J. du.* Le czar à Dunkerque (1717). Documents inédits tirés des Archives Étrangères, de la Guerre et de la Marine // Société historique de Dunkerque et de la Flandre Maritime. Bulletin. Dunkerque, 1902. Т. 5. P. 113–189.

⁷⁴ *Bourguignon J.* Le passage de Pierre le Grand a son départ de France en 1717 // Revue d'Ardenne et d'Argonne publiée par La Société d'études ardennaises. 1902. №1–2. P. 1–12; №5–6. P. 65–91; № 7–8. P. 181–195.

⁷⁵ *Réau L.* Portraits français de Pierre le Grand // Gazette des Beaux-Arts. 1922. 2-e semestre. P. 301–312.

⁷⁶ *Riabouchinsky D.* Les Rapports scientifiques entre la France et la Russie // Révues générale scientifique. 1934. № 2. P. 46–50.

нографии Анри Леклерка «История регентства во время малолетства Людовика XV»⁷⁷. Рассматривая внешнеполитическое содержание визита, автор отмечал крайнюю безответственность поведения Филиппа Орлеанского в отношении царя: обнадеживая Петра заключением союза, регент проводил политику, направленную на ослабление позиций России на севере Европы⁷⁸. Хотя введение к монографии включает содержательный источниковедческий раздел, автор проявлял излишнюю доверчивость к мемуарным источникам, особенно к «Journal de la Régence» Ж. Бюва.

В 1932 году Борисом Николаевичем Лосским была опубликована хроника визита Петра I во Францию, целью которой было высвобождение сюжета из плена анекдотов и легенд⁷⁹. Хранитель Национальной библиотеки Жан Порше поместил в сборнике, организованном историками русского зарубежья, статью, посвященную посещению царем Королевской библиотеки⁸⁰. Вопрос о визите царя и об отношении к нему современников-французов был поставлен в работе Альбера Лортолари, посвященной образу России во Франции XVIII века⁸¹. К сожалению, исследование испытало сильное влияние идей холодной войны, что проявилось в крайнем скептицизме выводов автора. Царский визит во Францию он характеризовал как политический и личный «провал». Популярный очерк франко-русских отношений при Петре I дан в книге французского историка русского происхождения Константина Грюнвальда⁸².

В советское время серьёзный вклад в изучение темы внесла эрудитская монография Софьи Ароновны Фейгиной о внешней политике России в конце Северной войны⁸³. Статья Натальи Аполлинарьевны Баклановой⁸⁴ была посвящена культурным связям России с Францией в петровское время; она базировалась на материалах

⁷⁷ *Leclercq H.* Histoire de la Régence pendant le minority de Louis XV. Paris, 1921. Т. 1. P. 421–447.

⁷⁸ *Ibid.* P. 443.

⁷⁹ *Lossky B.* Le séjour de Pierre le Grand en France // *Le monde slave.* 1932. № 8. P. 278–303.

⁸⁰ *Порше Ж.* Пётр Великий и Парижская королевская библиотека // *Временник Общества друзей русской книги.* Париж, 1938. Кн. 4. С. 43–60.

⁸¹ *Lortholary A.* Les «Philosophes» du XVIII siècle et la Russie. Le mirage Russe en France au XVIII siècle. Paris, 1951. P. 11–21.

⁸² *Грюнвальд К.* Франко-русские союзы / пер. с фр. Ю.И. Львин; вступ. ст. Ю.И. Рубинского. М., 1968. С. 18–34.

⁸³ *Фейгина С.А.* Аландский конгресс. Внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959. С. 116–153.

⁸⁴ *Бакланова Н.А.* Культурные связи России с Францией в первой четверти XVIII в. // *Международные связи России в XVII–XVIII вв. (Экономика, политика и культура).* Сб. статей. М., 1966. С. 303–344.

отечественных архивов, но почти не учитывала французских источников и историографии. Работы Екатерины Андреевны Княжецкой⁸⁵ о научных контактах, напротив, отличались широким использованием французской литературы, но в их основу было положено ошибочное представление о том, что царь был избран членом Парижской академии наук во время визита.

К сожалению, даже в классической биографической работе Николая Ивановича Павленко⁸⁶ сюжет о пребывании Петра I во Франции содержит неточности. Это же можно сказать и о книге американца Роберта К. Масси «Пётр Великий»⁸⁷. Лучше обстоит дело в немецкой биографии царя, написанной Райнхардом Виттрамом⁸⁸. Ценный материал, относящийся к визиту царя во Францию, можно найти в каталоге выставки «Франция и Россия в век Просвещения»⁸⁹.

В последние десятилетия интерес к теме «Пётр I и Франция» заметно оживился. Пётр Петрович Черкасов вновь обратился к изучению русско-французских дипломатических отношений⁹⁰. Обзор взглядов отечественных историков на русско-французские отношения в конце Северной войны содержится в статье Е.А. Полонянкиной⁹¹. Изучению деятельности русских дипломатов в 1714–1718 годах посвящена диссертация Арины Анатольевны Стерликовой⁹². Ряд исследо-

⁸⁵ Княжецкая Е.А. О причинах избрания Петра I членом Парижской Академии наук // Известия Всесоюзного Географического общества. Т. 92, вып. 2. Март–апрель 1960. С. 154–158; Она же. Пётр I и французская Академия наук // Наука и жизнь. 1972. № 2. С. 63–64; Она же. Пётр I — член Французской Академии наук // Вопросы истории. 1972. № 12. С. 199–203; Она же. Начало русско-французских научных связей // Французский ежегодник. 1972. М., 1974. С. 260–273; Она же. Научные связи России и Франции при Петре I // Вопросы истории. 1981 № 5. С. 91–100; и др.

⁸⁶ Павленко Н.И. Пётр Великий. М., 1990. С. 377–380; см. также: Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Первого. М., 1984. С. 337–344.

⁸⁷ Масси Р.К. Пётр Великий: в 3-х томах. Т. 3 / пер. с англ. Н.Л. Лужецкой, В.Э. Волковского. Смоленск, 1996. С. 100–119.

⁸⁸ Wittram R. Peter I Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Grossen in seiner Zeit. Göttingen, 1964. Bd. 2. S. 312–320.

⁸⁹ La France et la Russie au Siècle des Lumières. Relations culturelles et artistiques de la France et de la Russie au XVIII-e siècle. Paris, 1986.

⁹⁰ Черкасов П.П. Двуглавый орел и королевские лилии: Становление русско-французских отношений в XVIII веке. 1700–1775. М., 1995. С. 10–25; Он же. Петр Великий во Франции (май–июнь 1717 г.) // Русская мысль. 1–7 мая 1997. № 4172.

⁹¹ Полонянкина Е.А. Отечественные историки о русско-французских отношениях в 1717–1721 годы // Россия и Запад: Сб. научн. тр. / отв. ред. Я.Г. Солодкин. Нижневартовск, 2003. С. 108–122.

⁹² Стерликова А.А. Русская дипломатия в 1714– начале 1718 г.: поиски выхода из Северной войны. Автореф. дис.... канд. истор. наук. СПб., 2006.

вателей разрабатывали вопрос о русско-французских культурных связях. Сергей Борисович Горбатенко скрупулезно выявил факты знакомства царя с памятниками архитектуры и садово-паркового искусства Франции и отметил возможное влияние французских впечатлений царя на русскую архитектуру и искусство петровского времени⁹³. Татьяна Александровна Лаптева опубликовала письма, касающиеся царских заказов французским художникам⁹⁴. В статье Анны Генриховны Каминской «Пребывание Петра Великого в Париже в 1717 году»⁹⁵ приведены новые сведения о покупках и заказах царя. Книговедческие работы Ирины Васильевны Хмелевских являются новым словом в изучении французских книг в библиотеке Петра I⁹⁶.

В последнее время Франсин Доминик Лиштенау⁹⁷ и другие французские исследователи опубликовали работы, которые позволяют шире представить связи с Россией парижских собеседников царя⁹⁸. В монографии Эрика Шнакенбура визит Петра I рассмотрен на фоне военно-дипломатических событий на Севере Европы в начале XVIII века и их восприятия во Франции. По словам автора, «пребывание царя в Париже даёт возможность выявить различие тогдашних социальных и поведенческих норм во Франции и в России»⁹⁹. Собственно визиту

⁹³ Горбатенко С.Б. Архитектура Стрельны. СПб., 2006. С. 73–93.

⁹⁴ [Лаптева Т.А.] «По указу вашего величества з живописцем договорился писать баталии». Документы РГАДА об исполнении парижскими мастерами заказа Петра I. 1717–1727 гг. // Исторический архив. 2011. №1. С. 182–197.

⁹⁵ Каминская А.Г. Пребывание Петра Великого в Париже в 1717 году // Санкт-Петербург–Франция. Наука, культура, политика СПб., 2010. С. 13–21.

⁹⁶ Хмелевских И.В. Сборник «L'Architectue Française...» из библиотеки Петра Великого // Пушкин и 1812 год: Материалы научно-практической конференции «Золотой век французской книги в России (4–8 апреля 2012 года) и Михайловских Пушкинских чтений «Пушкин и 1812 год» (15–19 августа 2012 года). Сельцо Михайловское, 2013. С. 91–98; *Khmelevskikh I. L'album de Marly dans la bibliothèque de Pierre le Grand* // Marly, art et patrimoine. 2013. № 7. P. 19–64.

⁹⁷ Лиштенау Ф.Д. «Если папа считает себя непогрешимым, то он, должно быть, глупец; если не считает, то мошенник» (Пётр Великий) // Культурные инициативы Петра Великого. Материалы II Международного конгресса петровских городов. Санкт-Петербург 9–11 июня 2010 года. СПб., 2011. С. 58–62; *Liechtenhan F.D. L'abbé Bignon, précurseur des relations scientifiques et culturelles avec la Russie* // Французы в научной и интеллектуальной жизни России XVIII–XX вв. М., 2010. С. 127–140.

⁹⁸ См.: *Surreaux S. Le livre, premier contact avec une contrée lointaine: les maréchaux de France, leurs bibliothèques et des échanges scientifiques et diplomatiques avec la Russie au XVIII-e siècle* // Французы в научной и интеллектуальной жизни России XVIII–XX вв. М., 2010. С. 141–155; *Demeulenaere-Douyère C. L'Académie des sciences de Paris : un lieu privilégié des échanges scientifiques entre la France et la Russie (XVIII–XIX siècles)* // Там же. С. 94–95.

⁹⁹ *Schnakenbourg E. La France, le Nord et l'Europe au début du XVIII-e siècle*. Paris, 2008. P. 482.

посвящена содержательная статья Кристофа Анри, где автор пытается реконструировать корпус произведений искусства, научных объектов и других достопримечательностей, которые Пётр I видел во Франции, а также установить посещенные им места и людей, с которыми он общался¹⁰⁰. Автор не сомневается, что эти контакты содействовали развитию экономической, научной и художественной жизни в России. Статья Франсуа Жакоба затрагивает источниковедческий аспект темы¹⁰¹. Филипп Шампьон, напротив, далек от проблем источниковедения. Его книга «Шестьдесят шесть французских дней царя Петра I: апрель—июнь 1717»¹⁰², излагающая историю визита царя в хронологическом порядке, имеет научно-популярный характер и основана исключительно на франкоязычной историографической традиции.

Автору этих строк также приходилось писать о визите Петра I во Францию¹⁰³. Однако на пути к комплексному изучению источников я также не избежал некоторых спорных положений и допустил фактические неточности.

Завершая историографический обзор темы, можно констатировать, что визит Петра I в Париж изучался французскими историками по преимуществу на основе французских источников, а отечественными исследователями — на основе русских. Настоящая работа имеет целью синтезировать две историографические традиции, что позволит дать более «объемную» реконструкцию событий визита, показать его политическое и культурное значение, а также влияние на русско-французское взаимовосприятие. К монографическому исследованию темы «Пётр I и Франция» обязывает и общее состояние изучения заграничных путешествий Петра I. В последние годы были опубликованы капитальные исследования Дмитрия и Ирины Гузевичей по истории Великого Посольства¹⁰⁴, вышли книги бельгий-

¹⁰⁰ *Henry C.* Le séjour de Pierre le Grand à Paris. Contribution à l'histoire de la formation du cabinet de Saint-Petersbourg // <http://www.ghamu.org/IMG/pdf/Pierre1er-txt-def-20-04-2011.pdf>.

¹⁰¹ *Jacob F.* Une visite peu ordinaire: Pierre le Grand à Paris (mai 1717) // *La Russie dans l'Europe / textes réunis par F. Jacob. Condeixa-a-Nova, 2010. P. 19–41.*

¹⁰² *Champion Ph.* Les soixante-six jours français du tsar Pierre I-er: Avril—juin 1717. Paris, 2004.

¹⁰³ *Мезин С.А.* Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 2003. С. 13–43; *Он же.* Визит Петра I в Париж и первый союзный договор России и Франции 1717 года // *Россия—Франция: 300 лет особых отношений.* М., 2010. С. 14–26; *Он же.* Парижские встречи Петра I // *Труды Гос. Эрмитажа. Т. 70: Петровское время в лицах—2013: К 400-летию дома Романовых (1613–2013): Мат-лы науч. конф.* СПб., 2013. С. 240–251; и др.

¹⁰⁴ *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.* Великое посольство. Рубеж эпох, или Начало пути. 1697–1698. СПб., 2008; *Они же.* Первое европейское путешествие царя Петра: Аналитическая библиография за три столетия: 1697–2006 / научн. ред. Э. Вагеманс. СПб., 2008.

ского русиста Эммануэля Вагеманса «Пётр Великий в Бельгии» (СПб., 2007) и «Царь в республике: Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды (1716–1717)» (СПб., 2013), а также исследование кембриджского профессора Энтони Кросса «Английский Пётр» (СПб., 2013). Таким образом, предпринятое мною исследование должно заполнить явную лауну в изучении важной и интересной темы.

Источники

Основные источники, освещающие пребывание Петра I во Франции, давно выявлены, однако они требуют критической оценки и комплексного изучения.

Официальный журнал царского путешествия достаточно точен и изредка содержит эмоциональные оценки увиденного, но очень краток. Документу присущ лаконичный стиль деловых бумаг петровского времени. Известны две редакции походного журнала Петра I. Одна из них, как уже упоминалось, была опубликована М.М. Щербатовым в качестве приложения к «Журналу, или Поденной записке <...> императора Петра Великого»¹⁰⁵. Изданный позже «Походный журнал 1717 года»¹⁰⁶ отличается от издания Щербатова редакционной правкой и описанием некоторых деталей путешествия. Текст, опубликованный Щербатовым, кажется более выверенным. В нем отсутствуют некоторые бытовые детали, касающиеся болезни царя или посещения им бани, но подробнее сообщается о пребывании Петра в Версале и о визите в Сорбонну. Однако и текст «Походного журнала 1717 года» не является публикацией первоначальных черновых записей. Он также подвергался редакционной правке после возвращения посольства в Россию. Так, например, сообщая о встрече Петра I с «французом большим», автор далее отмечает: «<...> онго Его Величество *после вывез с собою в Россию*» (курсив мой. — С.М.). Таким образом, обе редакции как бы дополняют друг друга. Походный журнал велся одним из участников посольства, вероятно, под руководством кабинет-секрета-

¹⁰⁵ Обстоятельный журнал о вояже или о путешествии Его Царского Величества, как из Копенгагена поехал, и был в Голландии, во Франции и в прочих тамошних местах, и что там чинилось // Журнал, или Поденная записка... Петра Великого. СПб., 1772. Ч. 2. С. 407–413; современное издание: Обстоятельный журнал о вояже (или о путешествии) его царского величества, как ис Копенгагена поехал и был в Голандии, во Франции и в протчих тамошних местах, и что там чинилось // Гистория Свейской войны: Поденная записка Петра Великого / сост. Т.С. Майкова. Вып. 1. М., 2004. С. 615–619.

¹⁰⁶ Походный журнал 1717 года. СПб., 1855. С. 15–18.

ря А.В. Макарова. Автором записей мог быть Д.М. Олсуфьев. Сравнение его письма А.Д. Меншикову, описывающего визит к царю Людовика XV, с соответствующими описаниями обеих редакций походного журнала обнаруживает ряд прямых текстуальных совпадений¹⁰⁷. Есть косвенные данные и в пользу авторства барона И.А. Черкасова, состоявшего при царе секретарем в свите «второго разряда». Черкасов продолжал работать над походными журналами царя в 1750-е годы¹⁰⁸.

К материалам походного журнала близки и официальные сообщения о визите царя во Францию, появившиеся в газете «Ведомости» в июне 1717 года¹⁰⁹. В «Гистории Свейской войны» имеются сведения о том, как Петр осуществлял руководство военными действиями, находясь в Париже¹¹⁰.

Французская тематика присутствует в письмах Петра I 1715–1724 годов¹¹¹. Особый интерес, конечно, представляет переписка за апрель–июнь 1717 года, которая до сих пор остается неопубликованной¹¹². Существует лишь старое издание писем царя к жене¹¹³. Письма царя свидетельствуют о широком спектре его забот и интересов и дополняют официальные источники некоторыми живыми штрихами, но в целом Петр не был склонен делиться дорожными впечатлениями со своими корреспондентами.

Некоторые дополнительные детали путешествия содержатся в письмах бывшего при царе Д.М. Олсуфьева к А.Д. Меншикову¹¹⁴. Большой интерес представляет неопубликованная переписка царского агента в Париже К.Н. Зотова с Петром I и его секретарем А.В. Макаровым¹¹⁵, а также письма к царю Ж. Лефорту¹¹⁶.

Материалы о повседневной жизни царя в Париже (счета, записи расходов на покупки, на оплату услуг, на подарки, списки покупок:

¹⁰⁷ См.: Братья Олсуфьевы, обер-гофмейстеры Петра Великого. Переписка их с князем А.Д. Меншиковым (1717–1727) // Русский архив. 1883. Кн. 3. С. 30–36, 33.

¹⁰⁸ См.: Контр-адмирал Никита Петрович Вильбуа (Автобиографические показания) // Русский архив. 1867. Кн. 10. Стб. 1199–1203.

¹⁰⁹ Ведомости времени Петра Великого. Вып. 2: 1708–1719. М., 1906. С. 245–246.

¹¹⁰ Журнал, или Поденная записка... Петра Великого. Ч. 2. С. 51–52.

¹¹¹ Письма и бумаги Петра Великого за 1717 г. (июль–декабрь) // Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270 (Комиссия по изданию Писем и бумаг Петра I), оп 1. № 79–107.

¹¹² Там же. № 84.

¹¹³ Письма русских государей и других особ царского семейства. Т. 1: Переписка Петра I с Екатериной Алексеевной. М., 1861.

¹¹⁴ Братья Олсуфьевы, обер-гофмейстеры Петра Великого. Переписка их с князем А.Д. Меншиковым (1717–1727) // Русский архив. 1883. Кн. 3. С. 5–40.

¹¹⁵ РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого), отд. II. № 23, 27, 32.

¹¹⁶ Там же. № 27.

платья, мебели, книг, инструментов и пр.) содержатся в сборнике подлинных документов 1717 года, хранящемся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея¹¹⁷. Сведения о расходах и покупках можно найти в приходо-расходных книгах, опубликованных в «Сборнике выписок из архивных бумаг о Петре Великом»¹¹⁸, а также в некоторых современных публикациях¹¹⁹.

Оригинальным источником долгое время считали «Журнал ежедневный пребывания государя Петра Алексеевича в Париже»¹²⁰. Как уже отмечалось, он представляет собой перевод отрывка из сочинения Ж. Руссе де Мисси «Mémoires du règne de Pierre le Grand», где в свою очередь воспроизводился текст французской газеты. Но перевод этот, по предположению Б. Лосского, был выполнен человеком, сопровождавшим Петра I в поездке, и дополнен собственными воспоминаниями, поэтому не лишен документальной ценности¹²¹. Сегодня есть основания усомниться в аутентичности названного источника. Все дополнения впервые появились в анонимной русской брошюре «Путешествие Его Величества в Париж» (СПб., 1771) и являются плодом литературной обработки текста Руссе де Мисси.

Устные предания о пребывании Петра I в Париже были собраны в XVIII веке Я. Штелиным и И.И. Голиковым¹²². Большинство этих «анекдотов» имеют реальную историческую основу и подтверждаются другими источниками, хотя и отражают некоторые особенности обыденного исторического сознания русских людей XVIII века. Пожалуй, наибольший интерес представляют «анекдоты», записанные Штелиным со слов барона Ивана Антоновича Черкасова, который сопровождал царя в его путешествиях в качестве секретаря. Два «анекдота», опубликованные Голиковым со слов Ивана Ивановича Неплюева, имеют, вероятно, книжное происхождение и сооб-

¹¹⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 342 (А.И. Барятинский). Оп. 1. № 40.

¹¹⁸ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. Т. 2.

¹¹⁹ Долгова С.Р. Кабинет Петра I — уникальная коллекция Российского государственного архива древних актов // Петровские реликвии в собраниях России и Европы. Материалы III Международного конгресса петровских городов. Санкт-Петербург, 8–10 июня 2011 года. СПб., 2012. С. 21–24; Каминская А.Г. Пребывание Петра Великого в Париже в 1717 году // Санкт-Петербург — Франция. Наука, культура, политика СПб., 2010. С. 19–20.

¹²⁰ Русский вестник. 1841. Т. 2, № 5. С. 401–413.

¹²¹ Lossky B. Le séjour de Pierre le Grand en France // Le monde slave. 1932. № 8. P. 279–280.

¹²² [Штелин Я.] Подлинные анекдоты Петра Великого, слышанные из уст знатных особ в Москве и Санктпетербурге. М., 1787. С. 63–74; Голиков И.И. Дополнение к Деяниям Петра Великого, содержащее анекдоты, касающиеся до сего великого государя. М., 1796. Т. 17. С. 293–294.

щают об известных фактах. Неплюев учился за границей, но в Париже с царем не был.

Иначе обстоит дело с «Рассказами Нартова о Петре Великом»¹²³, которые, как было доказано недавно, являются результатом литературного творчества Андрея Андреевича Нартова (сына царского токаря) и были составлены около 1785 года¹²⁴. Уже Леонид Николаевич Майков указал на то, что рассказы эти *в своем большинстве* основаны не на личных воспоминаниях современников, а на книжных источниках. При этом сюжеты, почерпнутые из европейской литературы, сопровождались «прибавками» и сентенциями автора конца XVIII века. Рассмотрение нартовских рассказов о царском путешествии привело автора этих слов к убеждению, что, вопреки допущению Майкова, Нартов не пользовался оригинальными устными сведениями о пребывании Петра во Франции.

Переписка должностных лиц, сопровождавших Петра I в путешествии по Франции, опубликована Георгием Штандтманом в 34-м томе «Сборника Императорского Русского исторического общества» (СПб., 1881)¹²⁵. Она касается главным образом вопросов приема, размещения и передвижения русского посольства, но содержит и любопытные зарисовки внешности и привычек царя и его окружения. Инструкции, данные маркизу П.А. де Шатонёфу и маршалу Р.М. де Фруле графу де Тессе, уполномоченным вести переговоры с российской стороной, и дипломатическая переписка по этому вопросу содержатся в сборнике материалов французского Министрства иностранных дел¹²⁶. Любопытные детали содержатся в донесениях тайного испанского агента маркиза де Гримальдо, представленного наблюдать за Петром I в Париже¹²⁷.

Среди франкоязычных источников несомненный интерес представляют сообщения прессы. Трудно ожидать от журналистов XVIII века глубоких оценочных суждений, но именно пресса обеспечива-

¹²³ Майков Л.Н. Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб., 1891; Пётр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. М., 1993. С. 247–326.

¹²⁴ Кротов П.А. Авторство и достоверность «Рассказов Нартова о Петре Великом» // Нартов А.А. Рассказы о Петре Великом (по авторской рукописи) / подготовка текста, вступ. статья, приложения П.А. Кротова. СПб., 2001. С. 13.

¹²⁵ См. также: Пётр Великий во Франции. Письма де Бернажа / публ. М.М. Ковалевского // Русская старина. 1875. Т. 13, № 5. С. 111–114.

¹²⁶ Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu' à la Révolution française. Т. 8: Russie / publ. ...avec une introd. et des notes par A. Rambaud. Paris, 1890. P. 137–195.

¹²⁷ Ковалевский М. Новые данные о пребывании Петра в Париже, почерпнутые из испанских архивов // Русская мысль. 1884. № 1. С. 104–114.

ет полноту событийного ряда, передает свежесть восприятия необычного русского царя европейскими современниками.

Официальная «Gazette de France» выходила один раз в неделю. Её редактором был Э. Ренодо (Eusèbe Renaudot) — аббат-ораторианец, известный ориенталист, член Французской академии. Издание подвергалось строгой цензуре со стороны правительства. Это была типичная для того времени газета эпистолярного типа, в которой материалы были представлены в виде серии писем из-за рубежа, но помещались и сообщения «из Парижа»¹²⁸. «Gazette de France», как правило, ограничивалась краткой и достаточно точной информацией об официальных встречах Петра I и о посещении им королевских учреждений. Сведениям о передвижениях русского царя в газете отводилось далеко не первое место.

Газета «Le Nouveau Mercure» издавалась бывшим советником и секретарем короля П.Ф. Бюше (Pierre François Buchet)¹²⁹ и отличалась богатством и разнообразием содержания. «Все современные новости» в области литературы, культуры, науки, политики находили отражение на страницах ежемесячного издания¹³⁰, которое скорее напоминало по типу современный журнал. К майскому номеру газеты Бюше приложил книжку «Краткий очерк истории царя Петра Алексеевича, с описанием нынешнего состояния Московии и того, что произошло наиболее примечательного со времени его приезда во Францию до сегодняшнего дня»¹³¹. В июньском номере газеты подробные репортажи о пребывании Петра в Париже продолжались¹³². Именно в изданиях Бюше содержится самая подробная хроника визита, выдержанная в благожелательном и даже льстивом духе, хотя за точность каждого факта поручиться нельзя. В своем стремлении к полноте изложения материала автор иногда доходил до того, что приводил речи царя, подлинность которых трудно подтвердить или опровергнуть.

Нидерландские франкоязычные газеты также сообщали о пребывании Петра I во Франции. Брюссельская «Relations Véritables», которую называют предшественником больших европейских газет¹³³, вы-

¹²⁸ Dictionnaire des journaux. 1600–1789 / sous la direction de J. Sgard. Paris, 1991. Т. 1. P. 443–449.

¹²⁹ Dictionnaire des journalistes. 1600–1789 / sous la direction de J. Sgard. Oxford, 1999. Т. 1. P. 168.

¹³⁰ Dictionnaire des journaux. Т. 2. P. 850–852.

¹³¹ [Buchet P.F.] Abbégé de l'Histoire du Czar Peter Alexiewitz, avec une Relation de l'Etat présent de la Moscovie, et de ce qui s'est passée de plus considerable, depuis son arrivée en France jusqu' à ce jour. Paris, 1717.

¹³² Le Nouveau Mercure. 1717, juin. P. 182–205.

¹³³ Dictionnaire des journaux. Т. 2. P. 1079.

ходила дважды в неделю и помещала главным образом политические, военные и дипломатические сообщения из европейских столиц. Парижские новости попадали на страницы газеты с четырехдневным опозданием. Редактором газеты с 1693 года был Ж. ле Пап (Jean le Pape). Ещё больший интерес к визиту демонстрировала «Gazette d'Amsterdam» — солидная газета-долгожитель, выходящая по вторникам и пятницам¹³⁴. Её издатель Ж. Троншен (Jean Tronchin)¹³⁵ стремился к максимальному охвату политических событий. Новости из Парижа обычно доходили до читателей с недельной задержкой.

Хотя информация о визите Петра I во Францию в названных газетах значительно отличалась по объёму, а подчас и в деталях, сообщения о главных событиях давались в сходных выражениях. Это дает возможность предположить наличие некоего общего официального источника в Париже. На существование такого источника указывает письмо сопровождавшего царя в дороге камер-юнкера де Либуа: «Мне пришло в голову, что вы могли бы порадовать публику по этому случаю <...> Я вижу, что голландцы и другие рассказывали о причудах (царя), и я полагаю, что должен посылать зарисовки всего, что происходило <...> Газетчик сочинит красноречивую статью по этой канве, и простой люд будет доволен»¹³⁶.

Неофициальные сведения о визите русского царя содержались в рукописной «Gazette de la Régence», которая составлялась в Гааге на основании писем писца Королевской библиотеки Жана Бюва¹³⁷. Эти сообщения имеют много общего с «Дневником» («Journal de la Régence»)¹³⁸ этого же автора. Изложение отличается большой свободой и изобилует фактическими неточностями. Бюва, как правило, не был свидетелем описываемых событий, но собирал слухи и сплетни, которые циркулировали в среде простых парижан. Он сугубо критически относился к регенту Франции, а заодно и к его русскому гостю. Человек недовольный своим положением и озлобленный, он давал волю злоязычию в текстах, не подлежавших цензуре. Его рассказ о царе подчас принимал гротескные формы, что было обусловлено непохожестью поступков царя на поведение ев-

¹³⁴ Ibid. Т. 1. P. 451–453.

¹³⁵ Dictionnaire des journalistes. Т. 2. P. 964.

¹³⁶ Цит. по: *Rimbaud A.* Les Russes à Paris. Pierre le Grand (1717). P. 498.

¹³⁷ [Buvat J.] Gazette de la Régence: janvier 1715 – juin 1719 / [attribué à Jean Buvat]; Publ. d'après le ms. inédit conservé à la Bibliothèque royale de La Haye, avec des annotations et un index, par le comte É. de Barthélemy. Paris, 1887. P. 167–189.

¹³⁸ [Buvat J.] Journal de la Régence (1715–1723) / par Jean Buvat, ... ; publ. pour la première fois et d'après les mss originaux, précédé d'une introd. et accompagné de notes et d'un index alphabétique, par É. Campardon, ... Paris, 1865. Т. 1. P. 261–277.

ропейских монархов. Как очевидец, Бюва повествовал, возможно, лишь о посещении царем Королевской библиотеки¹³⁹.

Заметный след пребывания царя оставило в письмах, дневниках и мемуарах французов-современников. Пожалуй, наиболее известны в этом отношении мемуары первого французского русофила «вездесущего и всезнающего» Луи де Рувруа, герцога Сен-Симона, зафиксировавшего все передвижения царя, сопроводившего свое описание острыми характеристиками и оценками¹⁴⁰. Однако, как уже отмечалось, мемуары Сен-Симона следует рассматривать как источник вторичный, составленный через много лет после описываемых событий, нагруженный позднейшими размышлениями автора.

Точное изложение событий, сделанное по горячим следам, содержит «Дневник» маркиза Филиппа де Данжо¹⁴¹, который педантично изо дня в день записывал все, что касалось придворного общества. Подробные каждодневные записи выражают сдержанно-позитивное отношение автора к визиту русского царя. «Эхом официальной банальности» назвал «Дневник» А. Лортолари, отдававший предпочтение скандальным свидетельствам Ж. Бюва.

Ряд дипломатических подробностей сообщают «Записки» маршала де Тессе¹⁴², сопровождавшего царя в поездках по Парижу. Они не содержат никаких личных оценок и почти целиком скомпонованы из официальных документов. Французские историки сомневались в оригинальности этих записок, приписывая их составление Филиппу Анри, графу де Гримоару.

Давно известные мемуары Матье Маре¹⁴³, содержащие суждения о деяниях Петра I 1720-х годов, следует отличать от записок отца Фюрси (Père Furgu), вышедших из капуцинского монастыря дю

¹³⁹ См.: *Майков Л.Н.* Современные рассказы и отзывы о Петре Великом // Русский архив. 1881. Кн. 1, № 1. С. 5–16.

¹⁴⁰ *Сен-Симон.* Мемуары. Полные и доподлинные воспоминания герцога де Сен-Симона о веке Людовика XIV и Регентстве. Избранные главы / пер. с фр. Ю.Б. Корнеева; предисл. А.Д. Михайлова; сост. и коммент. А.П. Бондарева. Кн. 2. М., 1991. С. 349–374. см. также: *Saint-Simon. Mémoires.* М., 1976. Т. 1. Р. 63–65. Т. 2. Р. 320–344.

¹⁴¹ [*Dangeau Ph.*] *Journal du marquis de Dangeau / publié en entier pour la première fois par MM. Soulié, Dussieux, de Chennevières, Mantz, de Montaiglon; avec les additions inédites du duc de Saint-Simon publiées par M. Feuillet de Conches.* Paris, 1859. Т. 17: 1717–1719. Р. 77–114.

¹⁴² *Mémoires et lettres du Maréchal de Tessé: contenant des anecdotes et des faits historiques inconnus, sur partie de règnes de Louis XIV et de Louis XV.* Paris, 1806. Т. 2.

¹⁴³ *Journal et mémoires de Mathieu Marais, avocat au Parlement de Paris sur la Régence et le Règne de Louis XV (1715–1737).* Paris, 1863. Т. 1. Р. 384–385; Paris, 1864. Т. 2. Р. 408–409; Т. 3. Р. 156–157.

Маре. Последние были опубликованы дважды: сначала виконтом де Груши¹⁴⁴, а затем Марией Савицкой¹⁴⁵. Они содержат краткий дневник пребывания Петра I в Париже, составленный, по-видимому, на основе газетных сообщений, почерпнутых в «Nouveau Mercure», а также оригинальный словесный портрет царя, но при этом автор постоянно путал имя царя, называя его то «Alexouis», то «Dimitrius Alexouis».

Любопытные, подчас скандальные детали визита царя сообщались в письмах некоего литератора Сержана к герцогу Лотарингскому¹⁴⁶. Напротив, очень благожелательное изображение визита дается в письме А.М. Дюнуайе (Anne Marguerite Dunoyer)¹⁴⁷. Как полагает современный исследователь, письмо журналистки составлялось под влиянием русского посла в Голландии Б.И. Куракина¹⁴⁸. Своими впечатлениями от встреч с царем делилась мать регента принцесса Палатинская¹⁴⁹. Имя царя фигурировало в мемуарах маркиза де Лувилья и герцога д'Антена, в переписке Ф. де Ментенон, маркизы де Балеруа и др.

Визит царя в Академию наук запечатлен в протоколе заседания и переписке академиков. Рассказ о посещении Петром I Академии надписей сохранился в старинной истории этого учреждения и приведен в публикации Л.Н. Майкова¹⁵⁰. Самое подробное описание пребывания царя на мануфактуре Гобеленов содержится в «Повседневной истории Парижа» Л.Ф. Дюбуа де Сен-Желе¹⁵¹. В качестве источников привлекались научные труды авторов начала XVIII

¹⁴⁴ [Vicomte de Grouchy] Pierre le Grand à Paris en 1717 // Bulletin de la Société de l'Histoire de Paris et de l'Ile-de-France. 1891. Т. XVIII. P. 15–22.

¹⁴⁵ Sawizki M. Unbekannte Aufzeichnungen über den Besuch Peters des Großen in Frankreich // Die Welt als Geschichte. 1957. XVII. Heft 1. S. 53–54.

¹⁴⁶ Le Cabinet historique: revue... contenant, avec un texte et des pièces inédites, intéressantes ou peu connues, le catalogue général des manuscrits que renferment les bibliothèques publiques de Paris et des départements touchant l'histoire de l'ancienne France et de ses diverses localités, avec les indications de sources, et des notices sur les bibliothèques et les archives départementales / sous la direction de Louis Paris. Paris, 1856. Т. 2. Part. 1. P. 35–42; отрывки на русском языке: Отечественные записки. 1856. Т. 107. С. 7–10.

¹⁴⁷ Дюнуайе А.М. Пребывание имп. Петра Великого в Париже // Маяк современного просвещения и образованности. 1840. Ч. 6. С. 77–81.

¹⁴⁸ Копанев Н.А. Образ Екатерины I в произведениях и собрании рукописей Вольтера // Вольтеровские чтения. Вып. 2. СПб., 2014. С. 19.

¹⁴⁹ Lettres de Madame, duchesse d'Orléans née princesse Palatine / préface de P. Gascar. édition établie et annotée par O. Amiel. Paris, 2010.

¹⁵⁰ Майков Л.Н. Современные рассказы и отзывы о Петре Великом.

¹⁵¹ Dubois de Saint-Gelais L.F. Histoire journalière de Paris pendant l'année 1710 et les six premiers mois de l'année 1717. Т. 2: 1717. Paris, 1885. P. 138–142.

века, а также известное «Описание города Парижа» Жермена Бри-са¹⁵². Несомненный интерес представляет рукопись «Описание знатных домов во Франции»¹⁵³ из библиотеки Петра, которая представляет собой перевод подписей из альбома гравюр, изданного семьёй Перелей (Perelle) и посвященного архитектурным достопримечательностям Парижа и Франции. Рукопись вместе с альбомом служила путеводителем во время поездок царя. Она позволяет установить круг сведений, доступных царственному путешественнику во время его познавательных экскурсий.

Часть делопроизводственных документов, официальной и частной переписки, мемуаров, касающихся визита Петра I во Францию, остается неопубликованной и почерпнута мною из Архива Министерства иностранных дел Франции, Отдела рукописей национальной библиотеки Франции, Российского государственного архива древних актов, Отдела письменных источников Государственного исторического музея, Архива Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук, Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук.

Имеющиеся в моем распоряжении источники позволяют с разной степенью подробности осветить предысторию визита, реконструировать его хронику, изучить путь Петра I по Франции и его маршруты в Париже и его окрестностях, показать дипломатическое и культурное содержание пребывания царя в Париже, затронуть вопрос о повседневной жизни русского посольства, проанализировать отклики на визит во французском обществе.

Решить поставленные задачи мне помогла не только многолетняя работа с источниками и литературой, но также содействие и помощь коллег и друзей. Поэтому считаю приятной обязанностью выразить благодарность Евгению Викторовичу Анисимову, Татьяне Анатольевне Базаровой, Брюно Бентцу, Владимиру Береловичу, Марии Луизе Бонак, Эммануэлю Вагемансу, Дмитрию и Ирине Гузевичам, Наталье Юрьевне Гусевой, Елене Яковлевне Кальницкой, Сергею Яковлевичу Карпу, Михаилу Владимировичу Ковалеву, Франсин Доменик Лиштенан, Татьяне Николаевне Лехович, Ксении Александровне Немовой, Николаю Сергеевичу Онегину, Наталии Платоновой, Владиславу Станиславовичу Ржеуцкому, Нине Ивановне Тарасовой, Ирине Васильевне Хмелевских, Искре Шварц, работникам архивов и библиотек, в особенности, сотрудникам Отдела редких книг Зональной научной библиотеки

¹⁵² *Brice G. Description de la ville de Paris et de tout ce qu'elle contient de plus remarquable. Paris, 1717. Т. 1–3.*

¹⁵³ ОР БАН. Собр. Петр. гал. № 55.

СГУ и «Библиотеки Вольтера» Российской национальной библиотеки. Я благодарен администратору Дома наук о человеке (Париж) Мишелю Вьевьёрке за предоставленные стажировки, давшие возможность собрать материалы для моего исследования. Особая признательность сотруднику научной дирекции Дома наук о человеке Соне Кольпар, которая многие годы была «добрым ангелом» для русских стажёров в Париже. Улучшению текста книги способствовали замечания и предложения её рецензентов — Надежды Юрьевны Плавинской и Наталии Леонидовны Корсаковой, которым я особенно благодарен.

Выражаю глубокую признательность директору Фонда имени Д.С. Лихачева Александру Валерьевичу Кобаку, взявшему на себя заботы о материальном обеспечении издания.

Россия и Франция: трудный путь к диалогу

Московиты, собственно говоря, варвары.

Фуа де ла Невиль, 1689

Дружба здешняя чрез сладость комплиментов своих бесполезная в прибыльном деле мало случая нам кажет...

А.А. Матвеев, 1705

Географическая удаленность, религиозные различия и языковой барьер, несовпадение внешнеполитических интересов — всё препятствовало взаимному знакомству России и Франции до начала XVIII века. Французы оказались едва ли не последними европейцами, открывшими для себя Московское государство: купец из Дьеппа Жан Соваж привел свой корабль в Архангельск в 1586 году. Однако Англия, Голландия и Прибалтийские страны уже заняли место на рынке Московии, где французские купцы так и не смогли найти своей ниши. Французы плохо знали Россию. Русские не вызывали у них особого интереса и удивления, как, например, китайцы или экзотические «дикари». Жители России казались просто неотесанными европейцами, христианами-схизматиками. Иногда Россия интересовала французов не сама по себе, а как кратчайший путь в Китай. До конца XVII века из-под пера французских авторов вышло не более шести оригинальных сочинений о далекой северной стране¹. В них о русских говорилось как о «варварах», то есть о людях, которые лишь прикоснулись к цивилизации и соединили в себе недостатки дикости и цивилизации, не обладая преимуществами каждого из состояний. В дихотомической модели «свои — чужие» русские прочно обособились для французов в классе «чужих».

¹ *Mervaud M., Roberti J.C. Une infinie brutalité. L'image de la Russie dans la France des XVI-e et XVII-e siècles. Paris, 1991. P. 13.*

Французы, побывавшие в далекой северной стране, не видели в русских ни одной положительной черты, кроме, пожалуй, гостеприимства. Жак Маржере, знавший русский язык и оставивший самое пространное описание «Московии» начала XVII века, так характеризовал её жителей: «Русские грубы и неотесанны, они лишены всякой вежливости, это лживый и бессовестный народ без веры и закона; они склонны к содомии и запятнаны множеством других пороков и зверств <...>»². Фуа де ла Невилль, приезжавший в Москву в конце XVII столетия, описывал русских в сходных выражениях: «Московиты, собственно говоря, варвары. Они подозрительны и недоверчивы, жестоки, склоны к содомии, прожорливы, скупы, негодяи и трусы, все они рабы, за исключением трех иностранных семей <...>»³.

Жители России, которым запрещалось выезжать за границу без разрешения царя, еще меньше знали о Франции. Немногие русские дипломаты, побывавшие во французском королевстве, хотя подчас и стремились побольше узнать о стране, её правителях, политической обстановке и обычаях, тем не менее, с большим трудом преодолевали цивилизационный барьер и находили нужные слова. Статейные списки посольств не содержали никаких личных оценок увиденного. Об этом свидетельствует, например, статейный список посольства Ивана Кондырева и Михаила Неверова (1615–1616). Его автор проявил большое любопытство, но мировоззрение и менталитет московского приказного человека не всегда позволяли адекватно воспринимать реалии «Французского государства», не говоря уже об особенностях французской культуры. Зато подьячий Холупьего приказа Михаил Неверов, набивший руку на портретных характеристиках кабальных книг, живо подметил характерные черты внешности молодого Людовика XIII: «круглолик, ягодицы (щёки. — С.М.) выдалися к носу, чело кругло, взлизовато, нос прям, маленько привскорючь, исподняя губка поотвисла, ростом невелик, волосом исчерна рус, в языке тих, пришевелъ (шепеляв. — С.М.), стыдлив»⁴. Но даже обычное любопытство проявляли не все послы. Князь Константин Мачехин и дьяк Андрей Богданов все время пребывания в Париже в 1654 году сидели в гостинице, пили и ели, иногда дебоширили; осматривать достопримечательности

² Цит. по: *Mervaud M., Roberti J.C. Une infinie brutalité.* P. 53.

³ *Ibid*; ср.: *Де ла Невилль.* Записки о Московии / отв. ред. В.Д. Назаров, Ю.П. Малинин; предисловие, подготовка текста, перевод и комментарии А.С. Лаврова. М., 1996. С. 167.

⁴ Первое посольство России во Франции // Исторический архив. 1996. № 1. С. 196.

французской столицы они отказались⁵. Посольства П.И. Потемкина (1668, 1680) оказались более восприимчивыми к культурным реалиям Франции. В статейном списке было отмечено: «Город Парис великой и многолюдной и богатой, и школ в нем безмерно много»⁶. Следующая миссия Я.Е. Мышецкого и Я.Ф. Долгорукова 1687 года закончилась дипломатическим скандалом и надолго омрачила отношения между двумя странами. По словам французского дипломата, русские посланники «жили здесь с торгами для своей прибыли», а люди при них были «пьяницы и драчи», и все они «сему умному и политичному народу всякими виды дуростей своих досаждали»⁷.

Система политического равновесия, существовавшая в Европе после Вестфальского мира 1648 года, держалась на противостоянии двух крупнейших континентальных держав — Франции и Священной Римской империи. Желая нейтрализовать своего противника, французская дипломатия создала на восточных границах империи пояс дружественных государств — «восточный барьер», в который входили Турция, Польша и Швеция. Как видим, друзья Франции были главными врагами России во второй половине XVII— начале XVIII века. Конфликт русских и французских интересов на выборах польского короля 1697 года и победа кандидата, поддерживаемого Россией, испортили русско-французские отношения в начале правления Петра I.

Мирные контакты русских и французов были очень редкими. Французы-католики составляли малую группу среди жителей Немецкой слободы в Москве, и едва ли москвичи могли их выделить из массы остальных «немцев». В обстоятельном исследовании В.А. Ковригиной, посвященном Немецкой слободе, находятся единичные упоминания о мастерах-французах, работавших в России до воцарения Петра I (часовщик Жакоб Ляфебер, золотых дел мастер Франсуа Шоле, резчик Франсуа Луи Тебюлье)⁸. Из писем Ф. Лефорта известно, что в Москве было трудно найти человека, говорящего по-французски. «Я являюсь здесь единственным офицером из нашей нации и даже единственным французом», — писал он в 1681 году⁹. Правда, в 1689 году «французским эмигрантам

⁵ Борисов Ю.В. Дипломатия Людовика XIV. М., 1991. С. 343.

⁶ Путешествия русских послов XVI—XVII вв.: Статейные списки / отв. ред. Д.С. Лихачев. М.; Л., 1954. С. 314.

⁷ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1705. № 2. Л. 34—34 об.

⁸ Ковригина В.А. Немецкая слобода Москвы и её жители в конце XVII — первой четверти XVIII в. М., 1998. С. 86—87, 93—94.

⁹ Ф. Лефорт: Сборник материалов и документов. М., 2006. С. 49, 72.

протестантской веры» разрешили приезжать в Россию для поселения и свободно покидать ее¹⁰.

Как справедливо заметила Ф.Д. Лиштенан, в отличие от итальянцев, англичан, голландцев и немцев, французы до конца XVII века мало интересовались Россией. Взаимовосприятие двух культур характеризовалось «равнодушной несовместимостью» или скорее «пренебрежительным непониманием»¹¹.

Между тем, к началу XVIII столетия Франция заняла положение европейского культурного лидера. В это же время в России начался культурный переворот, важнейшей составляющей которого была европеизация. Признание превосходства европейской цивилизации создало в России ситуацию культурного диалога (точнее — культурного влияния, когда принимающая сторона сознательно изменялась в соответствии с избранной моделью). Сначала европейское влияние осуществлялось через периферийные европейские культуры: украинскую, польскую, затем через немецкую и голландскую. Однако уже в первые годы XVIII века взгляды русской элиты обратились в сторону Франции. Несмотря на политические осложнения, несмотря на то, что во время Северной войны Россия и Франция оказались во враждебных лагерях, Россия попала в орбиту французского культурного влияния. Уже во время Великого посольства Пётр I желал видеть Францию¹². Однако утверждение Э. Каррер д'Анкосс о тайном посещении русским царем Франции в 1697 году¹³ совершенно бесосновательно. Несомненно, Пётр I испытывал интерес к личности и деятельности Людовика XIV, а по косвенным данным видел в нем «совершеннейший образец истинного правителя, с коего и всем прочим государям пример брать следует»¹⁴. Русскому царю приписывали такие слова: «Людовик был более великим, чем я, во многих

¹⁰ Переговоры с прусским посланником по поводу гугенотов, бежавших из Франции, начались в правление Софьи, но заключительный документ был подписан в царствование Петра I и его брата Ивана. См.: ПСЗ. Т. 3. № 1331. С. 8–9.

¹¹ *Liechtenhan F.D.* Le Russe, ennemi héréditaire de la chrétienté? // *Revue historique*. 1991. CCLXXXV/1. P. 79.

¹² История Свейской войны: Поденная записка Петра Великого / сост. Т.С. Майкова. Вып. 1. М., 2004. С. 198; *Лавров А.С.* Великое посольство в донесениях французских дипломатов // Ораниенбаумские чтения: сб. научн. статей и публикаций. Вып. 1: Эпоха Петра Великого. СПб., 2001. С. 117–118, 132–135.

¹³ *Каррер д'Анкосс Э.* Императрица и аббат. Неизданная литературная дуэль Екатерины II и аббата Шаппа д'Отероша. М., 2005. С. 11; подробно об отношениях с Францией во время Великого посольства см.: *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.* Великое посольство. Рубеж эпох, или Начало пути. 1697–1698. СПб., 2008. С. 144–158.

¹⁴ *Берелович В.* Пётр Великий и Людовик XIV: скрытое противопоставление в России XVIII века // Пинакотека. № 13–14 (2001. № 1–2) С. 18.

отношениях, но в чем я его превосхожу, так это в том, что я привел свое духовенство к миру и послушанию, в то время как он покорился своему духовенству»¹⁵.

Наверное, одним из начальных источников французского влияния на Петра был Ф. Лефорт — франкоговорящий швейцарец-кальвинист, который для русских был французом — «дебашаном французским»¹⁶. Последний нахваливал своим зарубежным корреспондентам молодого царя, часто повторяя, что государь очень любит иностранцев и одет постоянно «à la française»¹⁷. Кстати, в 1700 году вышел указ об обязательном ношении иноземного платья на манер венгерского, но затем (примерно через два года) было уточнено, что за образец следует взять французский и немецкий костюмы¹⁸. Царь хотел видеть своих соотечественников «настоящими» европейцами, хотя бы по внешности.

Возможно, рано умершего Лефорта напоминал Петру I своим веселым нравом Жозеф Гаспар Ламбер де Герен — французский инженер, автор первого плана Петропавловской крепости, кавалер ордена Андрея Первозванного. Царь отдал предпочтение именно его проекту крепости, в основу которого была положена бастионная система, разработанная знаменитым маршалом Вобаном¹⁹.

Дипломатическое сближение России и Франции было очень трудным, но участие России в Северной войне не могло оставить Францию равнодушной, хотя её симпатии были на стороне Карла XII. Как полагает П.П. Черкасов, именно с 1700 года русско-французские отношения приобрели постоянный характер²⁰. В 1702 году в Париже появился русский агент П.В. Постников (он пробыл в Париже до 1710 г., но так и не получил официального статуса²¹). Когда он отъезжал во Францию, вышеупомянутый Ламбер де Герен поручал ему купить для царя и для Меншикова «богато шитые» платья и парики, а также инженерные инструменты²². Постников делал в Париже закупки одежды, инструментов и книг, нанимал на

¹⁵ Вильбуа. Рассказы о российском дворе // Вопросы истории. 1991. № 12. С. 204.

¹⁶ Куракин Б.И. Гистория о царе Петре Алексеевиче // Пётр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. М., 1993. С. 75.

¹⁷ Ф. Лефорт: Сборник материалов и документов. С. 125.

¹⁸ Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. Кн. 8. М., 1993. С. 100.

¹⁹ Малиновский К.В. Санкт-Петербург XVIII века. СПб., 2008. С. 11.

²⁰ Черкасов П.П. Двуглавый орел и королевские лилии: Становление русско-французских отношений в XVIII веке. 1700–1775. М., 1995. С. 6.

²¹ См.: [Болотина Н.Ю.] «Получил я честь видеть в Версалии короля французскаго»: Российский дипломат П.В. Постников во Франции 1702–1710 гг. // Исторический архив. 2010. № 6. С. 176–187.

русскую службу хирургов («цырюликов»). Наем специалистов затруднялся неблагоприятным образом России во Франции: «Чают в край света ехать к Москве, и диавол их знает, что говорят <...> Егда слышат Москву нашу, чают, что она с Индиями граничит»²³.

Большое значение для культурного сближения двух стран имело пребывание в Париже в 1705–1706 годах известного дипломата А.А. Матвеева. Его «Записки»²⁴ — это своеобразное «открытие» Франции русским человеком. Автор не просто описывал достоинства Людовика XIV, политические и культурные обычаи Франции, красоты Парижа и Версаля, он высказал к ним свое личное — в высшей степени положительное — отношение. Он предлагал использовать их как культурно-политическую модель²⁵. По словам В. Береловича, Матвеев был «первым, кто связал невидимой нитью двух государей и, следовательно, две страны»²⁶.

А.И. Заозерский давно подметил, что русская знать петровского времени рано сделала свой выбор в пользу Франции, видя в ней приемлемую модель взаимоотношений монарха и аристократии и высокий культурный образец. Князья Долгорукий, Куракин, Троекуров, Голицын, граф Головкин предпочитали французские школы и французских учителей для своих сыновей²⁷. В домах знати появились учителя-иностранцы, в том числе профессиональные гувернеры. Французов среди них было немного, но знание французского языка высоко ценилось. Если учителями царевича Алексея Петровича были немцы, то к племянницам и дочкам царя были приставлены учителя-французы²⁸.

Любопытную ситуацию зафиксировало недавно опубликованное письмо студента А.И. Головина своему отцу И.М. Головину 1718 года²⁹. Этот представитель знатной фамилии проходил обучение в Универ-

²² История князя Меншикова. СПб., 2003. С. 43–44.

²³ *Шмурло Е.Ф.* П.В. Постников. Несколько данных для его биографии. Юрьев, 1894. Приложение I. С. 119, 120.

²⁴ Русский дипломат во Франции (Записки Андрея Матвеева) / публ. И.С. Шарковой под ред. А.Д. Люблинской. Л., 1978.

²⁵ *Berelowitch W.* Aux sources d'un model à consruire: la France de 1705 vue par un Russe // De Russie et d'ailleurs. Feux croisés sur l'histoire. Pour Marc Ferro / Textes recuillis et édités par M. Godet. Paris, 1995. P. 403.

²⁶ *Берелович В.* Петр Великий и Людовик XIV. С. 18.

²⁷ *Заозерский А.И.* Фельдмаршал Б.П. Шереметев. М., 1989. С. 197; см. также: *Ковригина В.А.* Немецкая слобода Москвы... С. 350–375.

²⁸ *Ковригина В.А.* Немецкая слобода Москвы... С. 359.

²⁹ *Берелович В.* Письмо русского студента отцу в петровское время // Сословия, институты и государственная власть в России (Средние века и раннее Новое время): Сб. ст. памяти акад. Л.В. Черепнина. М., 2010. С. 821–826.

ситете Галле в Германии. Однако из письма явствует стремление молодого человека поехать «для ради лутчего обучения» во Францию, ибо, как он полагал, «нигде таких случаев лутче нет обучатца архитектуре цивилис и милитарис и астрономии, как во Франции». Старший Головин, по-видимому, не приветствовал эту идею, будучи наслышан о развратных французских нравах, о том, что молодые люди там «ничего болши не обучаются, как всякой шалости». Однако молодой человек оставался при своем мнении, резонно возражая отцу: «Есть таких дураков не в одной Франции, и у нас в Гале много, что ничему учитца не хотят, токмо что хуляют, да великие суммы денег проживают». К сожалению, нам не известно, смог ли молодой Головин продолжить свое образование во Франции.

Скорее положительную, хотя и неоднозначную, характеристику Франции и французов находили русские читатели в книге «География или краткое земного круга описание» (1710):

«Государство французское есть изряднейшая и плодороднейшая и сильная страна на западе <...> Народ сей французский есть от лет давних в делах воинских славен <...> И наука воинская есть у них во многом почтении, доходы сего короля простираются зело велики. Народ французский есть зело трудолюбив и тщателен, и от того обходят все страны света, и аще учтивы, однакоже лукавы, к тому же неблагодарны; в войне к напускам зело жарки, но вскоре отступают, и нужды великой терпеть не могут, имеет свое воинство не точию на суше, но и на море»³⁰.

Почти не скрываемая политическая враждебность и негативный образ России, утвердившийся во Франции, конечно, затрудняли культурный диалог. Как писал П.В. Постников в 1704 году, «здешний двор великою злобою и противностью дышет на интересы его священнаго царьского величества»³¹. Дипломатические контакты (миссия Ж.К. Балюза в Москве 1702–1704 годов и миссия А.А. Матвеева в Париже 1705–1706 годов) политических результатов не принесли³².

Полтавская победа стала важным фактором в развитии русско-французских отношений: после Полтавы Пётр I стал чувствовать себя более уверенно перед лицом европейских государств; французские власти вынуждены были обратить более пристальное внимание на царя Московии. Не случайно в 1712 году появляется

³⁰ Цит. по: *Лебедев Д.М.* География в России Петровского времени. М.; Л., 1950. С. 340–341.

³¹ *Шмурло Е.Ф.* П.В. Постников. С. 135.

³² См.: *Крылова Т.К.* Франко-русские отношения в первую половину Северной войны // Исторические записки. 1940. Т. 7. С. 115–148.

«Записка» дипломата Ж.Л. Боннака, в которой французский автор впервые прославлял Петра I. Притом славил он не столько победителя Карла XII, сколько «государя, имеющего разносторонние дарования» и постоянно стремящегося к приобретению новых знаний. Между прочим, автор отмечал, что царь «при всяком случае демонстрировал расположение к французской нации, почтение к персоне короля и желание установить с Францией тесные отношения, как только для этого представится возможность»³³.

Со стороны Франции также наметилось желание укрепить «восточный барьер» за счет новых участников, в том числе России. Однако вторая миссия Ж.К. Балюза (1710–1712) также оказалась безуспешной. Отправленный во Францию в ранге секретаря посольства Г.И. Волков (1711–1712) убедился в том, что «здесьшний двор не перестал искать шведского интреса», а «народ здесьшний весь враждебен России, и которая добрыя ведомости о нас бывают, тех и слышать не хотят, и печать они не допускаются, почему выгодно было бы курантельщика (газетчика. — С.М.) чем-нибудь приласкать, чтобы принимал и печатал добрые о нас ведомости»³⁴.

В начале 1714 года французские дипломаты предлагали русскому послу в Гааге Б.И. Куракину своё посредничество в примирении со шведским королем. Однако слухи об «учиненном» франко-шведском союзе и недружественные демарши французских дипломатов в отношении России во время переговоров с австрийцами и турками делали предлагаемое посредничество не очень желанным³⁵. В июне 1714 года французский посол в Голландии маркиз Шатонёф вновь обратился к Куракину с официальным предложением о посредничестве в заключении «партикулярного мира между Россией и Шведцией». И на этот раз русская сторона увидела во французском предложении попытку обезопасить интересы Карла XII³⁶. По-видимому, такие опасения были обоснованными: 3 апреля 1715 года Франция возобновила союзный договор со Швецией, предусматривающий продолжение выплат денежных субсидий шведскому королю. Впоследствии высокопоставленный французский дипломат заметил, что Людовик XIV заключил этот договор, «чтобы не допустить довести его (Карла XII. — С.М.) до совершенного упадка»³⁷.

³³ *Лиштенан Ф.Д.* «Битва во славу рода человеческого». Как Жан-Луи Боннак Петра прославил // *Родина*. 2009. № 7. С. 69.

³⁴ Цит. по: *Соловьев С.М.* Сочинения: В 18 кн. Кн. 9. М., 1993. С. 62.

³⁵ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1714. № 1. Л. 1–2 об

³⁶ Там же. Л. 6.

³⁷ Инструкции и предписания французского правительства посланникам и дипломатическим агентам, находящимся при русском дворе // *Сборник Императорского Русского исторического общества*. 1881. Т. 34. С. 512.

Реальная возможность сближения России и Франции представилась лишь после смерти Людовика XIV и реализовалась во время визита Петра I в Париж в 1717 году. Уже за несколько лет до визита можно заметить оживление культурного общения. С 1710 года в Петербурге работали садовый мастер Дени Брокет и его брат архитектор Жак Брокет³⁸. Г.И. Волкову было поручено нанять на русскую службу архитектора, садового и фонтанного мастеров, но его попытка оказалась неудачной³⁹. В 1712 году 30 человек посылаются во Францию обучаться военному искусству. В 1717 — еще 20 русских дворян были зачислены во французский флот в Бресте и Тулоне⁴⁰, «понеже во Франции зело изрядное обучение в гардемаринах»⁴¹. Правда, с 1712 по 1717 год Россия не имела дипломатических представителей во Франции⁴², но увеличила число культурных агентов в Париже, в качестве которых выступали Жан (Иван) Лефорт (с 1715 года, посланный «во Францию ради некоторой комиссии, а именно для высылки отголь разных художеств мастеровых людей»⁴³), Конон Зотов (с 1715 года — для налаживания контактов в морских делах и для «покупки всяких инструментов и книг»⁴⁴), Яган Бонмазари (Giovanni Battista Bonmassari, с 1715 года), Юрий Кологривов (в 1717 году). О культурной направленности интереса Петра I к Франции свидетельствует его стремление привлечь на русскую службу французских художников и приобрести произведения французского искусства, отразившееся в переписке с К.Н. Зотовым, Ж. Лефортом, А.Д. Меншиковым 1715–1716 годов⁴⁵. Действительно, еще накануне царского визита русским агентам удалось пригласить таких замечательных мастеров, как архитектор Ж.Б. Леблон, скульптор Б.К. Растрелли, резчик Н. Пино, живописцы Л. Каравак, Ф. Пильман и др. Царь получил из Франции иллюстрированные книги по архитектуре, военному делу, кораблестроению, искусст-

³⁸ Les Français en Russie au siècle des Lumières. Dictionnaire des Français, Suisses, Wallons et autres francophones en Russie de Pierre le Grand à Paul I-er / sous la direction de Anne Mézin et Vladislav Rjéoutski. Ferney-Voltaire, 2011. Т. 2. P. 122–123.

³⁹ *Medvedkova O.* Jean Baptiste Alexandre Le Blond. Architecte 1679–1719. De Paris à Saint-Pétersbourg. Paris, 2007. P. 149–153.

⁴⁰ *Бакланова Н.А.* Культурные связи России с Францией в первой четверти XVIII в. // Международные связи России в XVII–XVIII вв. М., 1966. С. 309; Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270, оп. 1. Д. 84/1. Л. 10, 12.

⁴¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270, оп. 1. Д. 81. Л. 19.

⁴² *Турилова С.Л.* Русские дипломатические представители во Франции в XVIII в. // Россия и Франция. М., 1995. Вып. 1. С. 346.

⁴³ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. Т. 2. С. 4.

⁴⁴ Там же.

ву, истории: 15 книг и несколько сотен гравюр⁴⁵. Пётр ехал в Париж, уже имея некоторое представление о том, что могло его там заинтересовать.

Едва заметное на первых порах русско-французское сближение шло по двум линиям — политической и культурной. При этом культурное взаимодействие было более успешным. Визит Петра I во Францию в 1717 году стал кульминационным моментом начавшегося русско-французского культурного и политического диалога и оставался едва ли не главным событием в русско-французских отношениях вплоть до середины XVIII века.

⁴⁵ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270, оп. 1. Д. 79/2. Л. 174; Д. 79/3. Л. 400–403, 451–452; Д. 81. Л. 210, 281–281 об.; Д. 82. Л. 402 и др.

⁴⁶ *Хмелевских И.В.* Два указа Петра I о книгах рижскому губернатору // Книга в России: к истории академической библиотеки. СПб., 2014. С. 86–87.

«Намерение мое есть во Францию»

Сюда ожидают ваше величество яко мессию.

*К.Н. Зотов — Петру I из Парижа
20/31 декабря 1716 года*

Его царское величество в Париж не будет.

*А.В. Макаров — К.Н. Зотову из Амстердама
1/12 января 1717 года*

Приведенные в качестве эпиграфа строки из писем русского агента в Париже К.Н. Зотова и царского секретаря А.В. Макарова могут свидетельствовать о том, что за несколько месяцев до поездки во Францию в окружении царя не было уверенности, что этот визит состоится, и о том, что планы предстоящей поездки содержались в тайне. При этом оба утверждения оказались перечеркнутыми дальнейшими событиями: Пётр I все-таки посетил Францию во время второго заграничного путешествия 1716–1717 годов, но ожидали его там отнюдь не как Спасителя.

Целью большого царского «вояжа» в Европу было решение политических задач, направленных на скорейшее победоносное завершение войны со Швецией. Пётр надеялся также поправить пошатнувшееся здоровье на европейских водных курортах. Посещение Парижа не входило в первоначальные планы царя¹. Как и когда у Петра I возникло намерение нанести визит правителю Франции? Каковы были причины такого решения?

Первая и главная причина вытекала из общих задач царского путешествия: дипломатические переговоры в Париже должны были облегчить России успешный выход из затянувшейся Северной вой-

¹ Брикнер А.Г. Франция и Россия при Петре Великом // ЖМНП. 1883. Июль–август. С. 161–162.

ны. К этому следует добавить стремление царя увидеть одну из могущественнейших монархий Европы, игравшую важную политическую роль на континенте, известную своими достижениями в науках и искусствах — стремление, которое подпитывалось неиссякаемой любознательностью царя, его желанием заимствовать полезные плоды европейской цивилизации.

В известной мере поездка царя в Париж была следствием взаимной заинтересованности сторон, причем со стороны России политический интерес дополнялся культурным. У русского царя, как уже отмечалось, в Париже появились собственные агенты (П.В. Постников, А.А. Матвеев, Г.И. Волков, Ж. Лефорт, К.Н. Зотов), которые влияли на формирование благоприятного отношения Петра к французской культуре. Некоторых французских дипломатов и государственных деятелей (Ж.Л. Боннак, маршал д'Эстре) привлекала идея сближения с Россией, которая становилась сильнейшей державой Севера. В январе 1715 года в Петербурге открылось французское консульство во главе с Анри де Лави (Henri de Lavie).

Известно утверждение герцога Сен-Симона, что Пётр I желал приехать во Францию в последние годы жизни Людовика XIV, но король «весьма учтиво отклонил этот визит»². Это сообщение не подтверждается другими источниками и едва ли соответствует реальности³.

Политическая ситуация, сложившаяся в Европе в 1716–1717 годах, подтолкнула Россию и Францию к диалогу. 1 сентября 1715 года умер король Людовик XIV. До русского царя стали доходить известия, что регент Франции Филипп Орлеанский «расположен войти с ним в связи и принять всякие меры, которые могли бы установить доброе согласие и взаимные торговые сношения поданных»⁴. Ж. Лефорт, получивший от Петра I официальный статус агента при французском дворе, писал царю в марте 1716 года, что на данной ему аудиенции регент «говорил, сожалея, что не обретаетца с вашим величеством в вящей корреспонденции и союзе, как он того уже давно желает»⁵. Вскоре Пётр I оказался в довольно слож-

² *Сен-Симон*. Мемуары. Полные и доподлинные воспоминания герцога де Сен-Симона о веке Людовика XIV и Регентстве. Избранные главы. Кн. 2. М., 1991. С. 349.

³ Подробнее см.: *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.* Великое посольство. Рубеж эпох, или Начало пути. 1697–1698. СПб., 2008. С. 145–147, 557–558.

⁴ Инструкции и предписания французского правительства посланникам и дипломатическим агентам, находящимся при русском дворе // Сборник Императорского Русского исторического общества. 1881. Т. 34. С. 500.

⁵ РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого), отд. II. № 27. Л. 852 об.; в другом письме Лефорт писал, что «первый министр чужестранных дел» герцог д'Юксель «приказал мне вашему величеству донести, что король не оставит тесной союз

ном положении, грозившем дипломатической изоляцией России. Сорвался планировавшийся на лето 1716 года десант союзников (России, Дании, Великобритании и Голландии) в Швецию для нанесения окончательного удара по общему противнику. Члены Северного союза (Польша, Дания, Великобритания) стали серьезно опасаться роста влияния России на Балтике. Брак герцога Мекленбургского с племянницей царя и ввод русских войск в Мекленбург вызвал резкое недовольство Вены и Лондона и общую обеспокоенность европейских держав. На глазах портились отношения царя с английским королём Георгом I, который одновременно был курфюрстом Ганновера. В то же время вчерашние враги Франции — Англия и Голландия — стали её ближайшими союзниками, но ухудшились отношения Франции с Испанией. В Швеции возник проект сепаратных переговоров с бывшими противниками (так называемый план Гёрца, с которым были ознакомлены французские дипломаты). Лишь противостояние между Францией и Священной Римской империей германской нации оставалось постоянным фактом европейской политики. В этой ситуации ломки старых союзов (вызванной ещё итогами долгой и кровавой войны за испанское наследство 1701—1714 годов) французская дипломатия решила осуществить задуманный ранее дипломатами Людовика XIV план привлечения России на свою сторону, но при сохранении военного могущества Швеции как важного противовеса Империи. Речь шла о возможном заключении франко-пруско-русского союза и дальнейшем посредничестве Франции в русско-шведских переговорах. Через прусских дипломатов представителям России внушили идею о пользе соглашения с Францией для заключения будущего мира. В Париже боялись, что Вена выступит единственным посредником в переговорах о мире со Швецией, что и заставило французскую дипломатию пойти на контакты с Россией.

12—17 ноября 1716 года⁶ Пётр I встречался с прусским королем Фридрихом-Вильгельмом I (уже состоявшим в тайном союзе с регентом по договору 17 сентября 1716 года) в Гавельсберге (Хафельберге), где зашла речь о возможности русско-пруско-французского союза. Вскоре царю через прусских дипломатов сообщили о желании регента вступить в переговоры. Пётр поручил своим дипломатам (Г.И. Головкину, П.П. Шафирову и Б.И. Куракину) начать диалог с послом Франции в Голландии маркизом Пьером

и совершенную корреспонденцию с вашим величеством исходотайствовать». — РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого), отд. II. № 27. Л. 863.

⁶ Здесь и далее даты указываются по новому стилю, принятому тогда в Европе, кроме особо оговоренных случаев.

Антуаном де Шатонёфом (Pierre Antoine de Castagnère, marquis de Châteauneuf, 1644–1728), который незадолго до этого вместе с аббатом Дюбуа заключил здесь так называемый тройственный союз Франции, Англии и Голландии. В условиях дипломатического охлаждения между Россией, Англией и Голландией новые переговоры велись в строжайшей тайне.

На первых порах речь как будто шла лишь о заключении торгового договора. Как следует из письма-инструкции, отправленной Шатонёфу 5 января 1717 года⁷, французский двор не забывал о своих обязательствах перед Швецией и очень опасался недовольства своих новых союзников — Англии и Голландии. Поэтому Шатонёфу предписывалась величайшая сдержанность в общении с русскими дипломатами. Вместе с тем заявлялась готовность Франции выступить в качестве посредника в переговорах о мире со Швецией. Для Франции было также важно, чтобы Россия признала условия Утрехтского, Раштаттского и Баденского договоров, которыми закончилась Война за испанское наследство. Инструкция рекомендовала Шатонёфу не торопиться, обговаривая условия торгового договора, и стараться умерить политические амбиции царя. В качестве наиболее подходящего лица для переговоров среди русских назывался князь Б.И. Куракин (канцлер Г.И. Головкин был известен своими симпатиями к Венскому двору). В инструкции отмечалось, что если переговоры не завершатся до отъезда царя из Голландии, их там можно продолжить с тем же князем Куракиным. Как видно, французский двор тогда не рассматривал возможности приезда Петра I во Францию.

Следующая инструкция президента Совета по иностранным делам (то есть министра иностранных дел) маршала Николя дю Бле, маркиза д'Юкселля (Nicolas du Blé, marquis d'Huxelles, 1652–1730) от 13 января 1717 года⁸ очень ясно характеризовала дипломатические предпочтения французской стороны: отношения со старыми «партнерами» — Англией, Голландией, Швецией и Пруссией — оставались для Франции естественным и вполне объяснимым приоритетом, однако существенным моментом становится включение России в круг дипломатических интересов и забот Франции. Маршал вновь советовал Шатонёфу действовать медленно, основываясь на имеющихся соглашениях и договорах, ждать указаний из Парижа.

⁷ Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française. T. 8: Russie / publ. <...> avec une introd. et des notes par A. Rambaud. Paris, 1890. P. 138–146.

⁸ Ibid. P. 146–147.

Переговоры, инициированные регентом и маршалом д'Юкселлем, нашли горячего противника в лице аббата Дюбуа, который опасался за судьбу франко-английского союза. Его приверженность Англии простиралась до такой степени, что д'Юкселлю пришлось указать ему на «нестабильность английской нации» и на опасность «доверяться ей в качестве единственной опоры в ущерб дружественным отношениям с другими державами Империи и Севера»⁹. Имелись в виду Пруссия и Россия.

Между тем царь прибыл в Гаагу 19 марта 1717 года и, расположившись в резиденции Куракина, мог лично приступить к налаживанию русско-французского политического диалога.

Гаагские переговоры, конечно, протекали непросто. Вопрос о торговом соглашении отошел на второй план, ибо именно политические вопросы вызывали разногласия. Царь не отказывался от посредничества Франции в заключении будущего мира и готов был к союзу с французским королём. Французская сторона допускала заключение альянса с царём при участии Пруссии, но отказывалась гарантировать сохранение за Россией всех её завоеваний в Прибалтике. Переговоры затягивались, нетерпение царя возрастало. Наконец, прусскому представителю барону Ф.Э. Книппгаузену, развернувшему здесь бурную деятельность, удалось уговорить русских дипломатов снять наиболее спорные требования. Русская сторона предложила более умеренные условия будущего оборонительного союза. Речь шла о том, что царь гарантирует Утрехтский, Раштаттский и Баденский договоры, не требуя никакой гарантии ни в отношении своего государства, ни в отношении своих завоеваний, признавая, что нельзя требовать гарантий своих завоеваний до того времени, когда они ему будут уступлены; во-вторых, король не будет выдавать никаких субсидий шведскому королю, пока длится война между этим монархом и царем; в-третьих, французская сторона окажет содействие в достижении мира на Севере без пристрастия к шведскому королю; наконец, царю будут выдаваться субсидии в 25 тысяч экю в месяц до окончания Северной войны¹⁰.

Эти условия показали французскому представителю приемлемыми и были отправлены в Париж. Вслед за этим, не дожидаясь ответа регента, сам Пётр I решил направиться во французскую столицу, чтобы быстрее привести переговоры к завершению. Возможно, отправляясь в Париж, царь хотел избавиться от прусских «переводчиков и маклеров» и действовать самостоятельно¹¹. Конечно, это решение об-

⁹ Ibid. P. 151.

¹⁰ Ibid. P. 177.

¹¹ *Wittram R. Peter I Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Grossen in seiner Zeit. Göttingen, 1964. Bd. 2. S. 312.*

думывалось царем заранее. Так, уже 26 февраля он писал Савве Рагузинскому: «Я чаю, что буду во Франции, того ради приезжай туды», но при этом высказывал опасение — «буде же за слабостию своего здоровья или за чем иным во Франции не буду<...>»¹². Вопрос о визите царя во Францию обсуждался русскими дипломатами. Известно, что П.П. Шафиров был против этой поездки. Вице-канцлер полагал, что «король не вступит с царем в союз. И что, однако, все будут думать, что царь поехал во Францию для заключения союза с королём. И что это умалило бы достоинство царя <...>»¹³.

Приняв положительное решение и передав его через Куракина французам, Пётр держал его в тайне. Шафиров узнал о нём лишь 13 апреля из письма царя, который предлагал ему прибыть во «Флендрию», «ибо чаю и праздник (Пасхи) тут взять; намерение моё есть во Францию»¹⁴.

Французским дипломатам решение царя было сообщено 29 марта. На следующий день маркиз Шатонёф писал своему шефу в Париж: «Царь сегодня уезжает в Зеландию, а оттуда в Остенде, Ньюпорт, Дюнкерк, Мардик и Кале, откуда он предпримет поездку в Париж, чтобы там повидаться с королем и его королевским высочеством (герцогом Орлеанским. — С.М.). Князь Куракин сообщил мне об этом вчера по приказанию царя; он добавил, что царь держит свое путешествие в большой тайне, и он хотел бы, чтобы об этом не говорили во Франции до его приезда»¹⁵. Таким образом, решение о поездке было принято единолично царём и не могло не вызвать некоторого удивления у французских властей, хотя они и знали, что от русского монарха можно ожидать сюрпризов: «царь любит обходные пути».

Несмотря на атмосферу строжайшей тайны, в которой происходили русско-французские дипломатические контакты, слухи о предстоящем посещении царем Франции циркулировали и в Голландии, и в Париже. Неугомонный К. Зотов, стремившийся в меру своих скромных возможностей укреплять связи между двумя странами, писал царю 8 апреля: вернувшись из портового Бреста в Париж, «слышу от всех, что ваше величество изволит посетить сию столицу»¹⁶. Голландская газета «Amsterdamse Courant» 22 апреля поместила сообщение из

¹² Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270. № 84. Л. 141.

¹³ Цит. по: *Вагеманс Э.* Царь в республике. Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды (1716–1717) / пер. с нидерл. В.К. Ронина. СПб., 2013. С. 98.

¹⁴ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270. № 85. Л. 324.

¹⁵ *Teil J. du. Le czar à Dunkerque (1717).* Documents inédits tirés des Archives étrangères, de la Guerre et de la Marine // Société historique de Dunkerque et de la Flandre Maritime. Bulletin. Dunkerque, 1902. Т. 5. Р. 120.

¹⁶ РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого). Отд. 2. Кн. 32. Л. 507.

Парижа о том, что там пребывают в сомнениях, придет ли высокий гость в этот город, «ибо получено было известие, что его любопытство обычно ограничивается осмотром морских портов и потому он через Дюнкерк и Мардик проследует в Кале и что он еще не принял твердого решения, придет он сюда или нет»¹⁷.

Пробыв недолго в голландской провинции Зеландии, царь направился в Австрийские Нидерланды (современная Бельгия). Посещение этой страны, как отмечает современный исследователь, было делом скорее случайным: через эти земли вёл путь из Голландии во Францию¹⁸. В начале апреля голландская газета «Amsterdam», сообщая о намерении Петра I совершить поездку в Южные Нидерланды (в Антверпен и Брюссель), указывала, что царь затем планирует вернуться в Амстердам¹⁹. Не желая вызывать подозрений у имперских властей, Пётр не раскрывал гостеприимным хозяевам дальнейших планов. Он дал понять многочисленным наблюдателям, что мысль о поездке во Францию пришла ему в самый последний момент. Царице же он писал из Антверпена 13 апреля: «И понеже во Фландрии еще много городов, которые смотреть надлежит, того ради не чаю к празднику (Пасхи. — С.М.) до того места (до Парижа. — С.М.) доехать, о чем ты ведаешь»²⁰.

Таким образом, отозвавшись на предложение французской дипломатии вступить в переговоры, Пётр I принял самостоятельное решение о поездке в Париж, где надеялся удовлетворить и свои политические цели, и свою природную любознательность. Историки традиционно называют еще одну особенную причину, побудившую Петра установить личные отношения с французским двором. В письме от 17 декабря 1716 года К. Зотов сообщал царю, что на «искусный» вопрос, «не будет ли должно угодно двору французскому если б царское величество похотел государя царевича женить на принцессе французской, а именно на дочери дука Дорлеана для лутчей алианции крови и интереса?» — маршал д'Эстре якобы отвечал, «что он вельми рад слушать такую добрую мысль и сказал, что его де царскому величеству ни в чем здесь не откажут, и дюк Дорлеан с радостию на сие будет имети соизволение». В дальнейшем якобы выяснился и ответ регента герцога Орлеанского: «Я де бы рад был, что сие сего дня учинилось»²¹. Однако в то самое время, когда

¹⁷ Цит. по: *Вагеманс Э.* Царь в республике. С. 98.

¹⁸ *Вагеманс Э.* Пётр Великий в Бельгии. СПб., 2007. С. 21.

¹⁹ Amsterdam. 1717. № XXIX, 9 avril.

²⁰ Письма русских государей и других особ царского семейства. Т. 1: Переписка Петра I с Екатериною Алексеевною. М., 1861. С. 61–62.

²¹ РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого). Отд. 2. Кн. 27. Л. 119 об.–120.

Зотов хлопотал о вторичной женитьбе овдовевшего царевича, а сам царь вел переговоры с французскими дипломатами в Гааге, выяснилось, что царевич Алексей скрылся от отца и попросил убежища у венского двора. Тем не менее, мысль о возможности брака царевны Елизаветы с юным французским королем Людовиком XV, по мнению С.М. Соловьева, глубоко запала в душу Петра и не покидала его до конца жизни²².

Уверение, что французское правительство царю «ни в чем не откажет», было лишь проявлением французской дипломатической вежливости и не выражало подлинного отношения правящих кругов к русскому гостю. Со своей стороны регент Франции «не выказывал большого энтузиазма в отношении визита царя, который ему очень досаждал»²³. Конечно, царя не ждали в Париже «как мессию», но этот визит обещал вызвать необычайный общественный интерес. Обе страны стремились с помощью будущего союза решить свои политические проблемы, которые пока еще имели мало точек соприкосновения. Поэтому неверным представляется мнение Н.Н. Молчанова о том, что регент «настойчиво *напрашивался* в союзники»²⁴. Кажется, не вполне права была и С.А. Фейгина (автор лучшей книги о внешней политике России в конце Северной войны), полагавшая, что «Петру *пришлось* нанести визит версальскому двору»²⁵. Предстоявшая поездка Петра I во Францию отнюдь не была вынужденной или навязанной. Она родилась из совокупности целого ряда разнообразных обстоятельств и отражала вполне искреннее, хотя и несколько утопичное желание царя наладить дружественные политические и культурные отношения с одной из могущественных держав Европы.

²² Соловьев С.М. Соч.: в 18 кн. Кн. IX: История России с древнейших времен. М., 1993. С. 65; Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 13: Трактаты с Францией. 1717–1807. СПб., 1902. С. 5.

²³ Guichen E. de. Pierre le Grand et le premier traité franco-russe (1682 à 1717). Paris, 1908. P. 161.

²⁴ Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра I. М., 1984. С. 337.

²⁵ Фейгина С.А. Аландский конгресс. Внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959. С. 145.

«Во Франции я сам был»: хроника пребывания

Нижеследующая хроника пребывания Петра I во Франции имеет целью выявление основных событий визита в их временной последовательности¹. Первый опыт решения этой задачи был предпринят Б.Н. Лосским². Его хроника составлена в первую очередь из фрагментов русских источников: походного журнала 1717 года, приложенного М.М. Щербатовым к «Журналу, или Поденной записке Петра Великого», опубликованных писем Петра I к Екатерине, газеты «Ведомости». Наряду с ними приводились сообщения «Анекдотов» Я. Штелина, «Деяний» И.И. Голикова, «Журнала ежедневного пребывания», сведения которых не могут быть безоговорочно признаны достоверными. Отмечая лаконизм русских источников, Лосский добавлял к ним материалы хроники Ф. Бюше — издателя газеты «Le Nouveau Mercure». Свидетельства французских мемуаристов историк сознательно опускал вследствие их скандального характера.

Краткая хроника визита была представлена недавно Д. и И. Гувевичами³. Она базируется на широком круге изданных источников и исследований, однако не содержит ссылок на источники информации по каждому факту.

Предлагая свой вариант более детальной хроники пребывания Петра I во Франции, я вижу его смысл в том, чтобы в каждом случае были указаны оригинальные источники информации, дополняющие друг друга. Письма и указы Петра I называются лишь тогда, когда их содержание касается заграничного путешествия царя.

¹ Имена и факты, упоминаемые в этой главе, будут подробнее раскрыты и прокомментированы в последующих главах.

² *Lossky B.* Le séjour de Pierre le Grand en France // *Le monde slave.* 1932. № 8. P. 278–303.

³ *Gouzévitich D., Gouzévitich I.* La visite de Pierre I-er en France: avril–juin 1717 // *Marly, art et patrimoine.* 2013. № 7. P. 9–18.

В хронике приводится наиболее вероятная датировка событий. Имеющиеся случаи расхождения источников в датах и фактах рассмотрены далее в основных главах.

10/21 апреля⁴, среда. Пётр I, выехав из города Ниупорта и плывя на барке по Фюрнскому каналу, около 3 часов дня пересек границу Франции в местечке Зюдкот; здесь его приветствовал от имени короля камер-юнкер Э.Ф. де Либуа. Перейдя на французскую барку, царь продолжал путь в сторону Дюнкерка. Пересев затем в карету, он прибыл около 6 часов в Дюнкерк, где его встречали пушечной пальбой и приветствиями от горожан. Царь расположился в доме бывшего интенданта⁵. Письмо Екатерине из Ниупорта⁶.

11/22 апреля, четверг. Дюнкерк. С 9 часов утра Пётр I осматривал старый порт, артиллерийскую позицию Рисбан и форт Ревер, посетил арсенал. После обеда объехал городские укрепления, посетил церковь Сент-Элуа⁷.

12/23 апреля, пятница. Дюнкерк. Царь утром вновь ездил осматривать Рисбан и форты Ревер и Блан; во время осмотра портовых укреплений был захвачен врасплох приливом; затем присутствовал на смотре войск. После обеда осматривал Мардикский канал и шлюзы⁸.

13/24 апреля, суббота. Дюнкерк. Пётр I смотрел учения кавалерии. После обеда посетил казармы и окрестности города⁹. Получены сведения о намерении шведов «транспорт делать к российским границам», в связи с чем были даны письменные распоряжения Б.П. Шереметеву о возможных передвижениях русских войск¹⁰. Письмо Екатерине о приезде во Францию¹¹. Письмо К.Н. Зотову о намерении провести

⁴ В хронике даты приводятся по старому и по новому стилю.

⁵ Обстоятельный журнал о вояже (или о путешествии) его царского величества, как ис Копенгагена поехал и был в Галандии, во Франции и в протчих тамошних местах, и что там чинилось // История Свейской войны: Поденная записка Петра Великого / сост. Т.С. Майкова. Вып. 1. М., 2004 (далее — История). С. 615; Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции, за апрель и май месяцы 1717 года // Сборник Императорского Русского исторического общества. 1881. Т. 34 (далее — Сборник ИРИО). С. 139–140; *Teil J. du. Le czar à Dunkerque (1717). Documents inédits tirés des Archives Étrangères, de la Guerre et de la Marine // Société historique de Dunkerque et de la Flandre Maritime. Bulletin. Dunkerque, 1902. Т. 5 (далее — Teil J. du). Р. 134, 139.*

⁶ Письма русских государей и других особ царского семейства. Т. 1: Переписка Петра I с Екатериною Алексеевною. М., 1861 (далее — Письма). С. 63.

⁷ *Teil J. du. Р. 159–160; Сборник ИРИО. С. 143.*

⁸ *Teil J. du. Р. 160; Сборник ИРИО. С. 143.*

⁹ *Teil J. du. Р. 160.*

¹⁰ История. С. 615.

¹¹ Письма. С. 64.

праздник Пасхи в Кале, а затем отправиться в Париж¹². Иван Толстой отправлен к Зотову в Париж «для взятъя денег по векселям и для варенья пива». Письмо Ю.И. Кологривову о покупке в Антверпене и в Брюсселе картин¹³. Приобретены три картины с видами Дюнкерка¹⁴.

В Дюнкерке царь принял делегацию «виднейших купцов этого города»¹⁵.

14/25 апреля, вербное воскресенье. Пётр I отбыл из Дюнкерка в Кале. Работницам в доме, где останавливался царь, дано 10 червонных¹⁶. По пути в Гравлине царя приветствовал местный гарнизон; здесь же царь обедал. В 5 часов вечера Пётр I прибыл в Кале и расположился в доме президента королевского суда Ф. де Тосса¹⁷.

15/26 апреля, понедельник. Кале. Царь посетил порт, цитадель, городские укрепления¹⁸.

16/27 апреля, вторник. Кале. Пётр I прогуливался в лодках по морю и осматривал Красный и Зеленый форты¹⁹. Арапу Абраму дан червонный «на починку сундука, в котором книги и прочее возить». Царь смотрел великана Николая Буржуа, которого принял на свою службу; дано ему при встрече 10 червонных²⁰.

17/28 апреля, среда. Кале. Пётр I наблюдал за учениями гарнизона (Лионского полка) на площади перед церковью Сен-Пьер, затем он был в форте Ниёле²¹. Присутствовал на охоте на зайцев; «мужикам, что зайцев ловили», дано по указу царя 2 червонных²². Хозяин дома Ф. де Тосс поднес царю книгу «Записки о галльской войне» Юлия Цезаря²³. Письмо Екатерине о приезде в Кале²⁴.

В доме, где остановился царь, устроили к празднику Пасхи часовню; «плотнику, который работал у церкви», заплачено через попа Битку 15 ливров²⁵.

¹² Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270, оп. 1. Д. 84. Л. 353.

¹³ Там же. Л. 357.

¹⁴ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. Т. 2 (далее — Сборник выписок). С. 59.

¹⁵ *Вагеманс Э.* Пётр Великий в Бельгии. СПб., 2007. С. 163.

¹⁶ Сборник выписок. С. 59.

¹⁷ Гистория. С. 615; *Teil J. du.* P. 170–171.

¹⁸ *Teil J. du.* P. 172.

¹⁹ *Ibid.*

²⁰ Сборник выписок. С. 59.

²¹ *Teil J. du.* P. 172; Сборник ИРИО. С. 178.

²² Сборник выписок. С. 62.

²³ БАН НИОРК 2060 f.m./130.

²⁴ Письма. С. 64.

²⁵ Сборник выписок. С. 62.

18/29 апреля, четверг. Кале. Царь не выходил из дома²⁶. Письмо комиссару Т.Т. Левкину в Амстердам о переводе «добрым банкирам» в Париже 10000 ефимков²⁷. Куплена одежда Ивану Грабовскому, русскому солдату, которой был на французской службе. Дано рисовальщику, который делал копию с «Леблонова чертежа палат», 15 ливров. Отправлены из Кале наперед в Париж царские служители: «Аврам арап, Лакоста, трое сержантов, Черкасов, салдат Овсянников»²⁸.

19/30 апреля, страстная пятница. Кале. Вечером царь совершил прогулку от порта до цистерианского монастыря²⁹.

20 апреля/ 1 мая, суббота. Кале. Царь оставался дома³⁰.

21 апреля/ 2 мая, воскресенье, праздник Пасхи. Кале. Пётр I присутствовал на богослужении в специально оборудованной часовне с 4 до 9 часов утра; христосовался со своей свитой и слугами. Вечером царь посетил своего священника и певчих³¹. Царя приветствовал от имени короля знатный придворный маркиз Л. Майи де Нель³².

22 апреля/ 3 мая, понедельник. Кале. Царь посетил князя Б.И. Куракина; после обеда прогуливался в карете за городом³³. Письмо Екатерине: поздравление с праздником Пасхи, сетование на большую убыль водки³⁴.

23 апреля/ 4 мая, вторник. В 7 часов утра Пётр I выехал из Кале под звуки залпов крепостной артиллерии. По пути из Кале в Булонь царь обедал в Маркизе. Ночевал в Булони, где его принимали с обычными почестями. Царь остановился в доме правителя города герцога д'Омона, где ужинал³⁵.

24 апреля/ 5 мая, среда. Выехав из Булони, царский поезд миновал Нёфшатель, Франк, Монтрей, где обедал, Нампон, Берне и Нувьон. В Абвиле Петр I был встречен в пять часов вечера комендантом де Ла Родом и членами городского магистрата с пушечной пальбой и барабанным боем. Царь остановился со свитой в доме Ж.Ф. Буре на улице Сен-Жиль. Осмотрел в Абвиле суконную ману-

²⁶ *Teil J. du.* P. 172.

²⁷ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270, оп. 1. Д. 84. Л. 379.

²⁸ Сборник выписок. С. 59–60.

²⁹ *Teil J. du.* P. 172.

³⁰ *Ibid.*

³¹ *Ibid.* P. 172–174.

³² Сборник ИРИО. С. 188–189.

³³ *Teil J. du.* P. 173.

³⁴ Письма. С. 64–65.

³⁵ История. С. 616; *Teil J. du.* P. 178–179.

фактуру. К царю пытался пробиться посланник польского короля, чтобы добиться указа о выводе русских войск из Польши³⁶.

25 апреля/ 6 мая, четверг. Пётр I находился в пути от Абвиля до Бретейя. Проехал без остановки Амьен, в котором управляющий округом де Бернаж приготовил для царя обед в епископском дворце. В Бретейе остановился на ночлег в бендиктинском аббатстве святой Марии³⁷.

26 апреля/ 7 мая, пятница. Выехав из Бретейя, Пётр I проехал без остановки Бове, где местный епископ де Бовилье приготовил для высокого гостя концерт, иллюминацию и фейерверк. Обедал в деревне Аллон; заплатил за еду всего 18 ливров. Прибыл в Бомон, где его ожидал маршал де Тессе. Здесь для царя был приготовлен роскошный стол. Из Бомона в шести королевских каретах царь и его свита отправились в Париж в сопровождении эскорта из 15 гвардейцев.

Пётр I прибыл в Париж между 9 и 10 часами вечера; проехал по иллюминированным и заполненным народом улицам Сен-Дени и Сент-Оноре. Царь вышел из кареты у Лувра, его проводили в приготовленные для него апартаменты покойной королевы-матери. Петр осмотрел богато убранные помещения и слегка отведал королевских угощений, но не захотел расположиться в Лувре. Поздно вечером царь попросил отвезти его в отель (от фр. *hôtel* — особняк, городской дворец) Ледигьер — особняк маршала де Вильруа, который наряду с апартаментами в Лувре был заранее подготовлен для проживания Петра I и его свиты в Париже³⁸.

27 апреля/ 8 мая, суббота. Париж. Отель Ледигьер. Царь встал ранее 5 часов утра и более часа прогуливался по саду. Затем маршал де Тессе представлял ему французских государственных и военных деятелей. В 10 часов 30 минут регент Франции герцог Филипп Орлеанский нанес царю официальный визит, длившийся менее часа³⁹.

28 апреля/ 9 мая, воскресенье. Париж. Отель Ледигьер. Письмо Екатерине о приезде в Париж⁴⁰.

29 апреля/10 мая, понедельник. Париж. Отель Ледигьер. Утром царя известили, что в 5 часов вечера король нанесет ему визит. Возможно, в этот день «в половине второго» маршал де Тессе пред-

³⁶ История. С. 616; *Teil J. de*. P. 179–181.

³⁷ *Teil J. du*. P. 181–182.

³⁸ История. С. 616; *Teil J. de*. P. 182–184; [*Buchet P.F.*] *Abbrégé de l'Histoire du Czar Peter Alexiewitz, avec une Relation de l'Etat présent de la Moscovie, et de ce qui s'est passée de plus considerable, depuis son arrivée en France jusqu'à ce jour*. Paris, 1717 (далее — *Abbrégé*). P. 178–182.

³⁹ История. С. 616; *Abbrégé*. P. 182–185.

⁴⁰ Письма. С. 66–67.

ставил царю агента испанского короля маркиза де Гримальдо⁴¹. «В 6-м часу» семилетний король Людовик XV со свитой прибыл в отель Ледигьер. Беседа, которую монархи вели с помощью князя Куракина и воспитателя короля маршала де Вильруа, длилась четверть часа⁴².

30 апреля/11 мая, вторник. Париж. С 5 часов утра царь начал осмотр французской столицы. Он посетил Арсенал, Королевскую площадь (ныне площадь Вогезов), площадь Побед и площадь Людовика Великого (ныне Вандомская площадь). Побывал в мастерских литейщиков, плотников и столяров, которые располагались в Большой галерее Лувра. Царь осмотрел также Ботанический сад и Сад Аптекарей. Около полудня он принял в отеле Ледигьер делегацию Парижского магистрата во главе с Ш. Трюденом: «12 человек в вишневых бархатных епанчах». «В 5-м часу пополудни» Пётр I нанес официальный визит королю в Тюильри⁴³.

1/12 мая, среда. Париж. В половине восьмого утра Пётр I прибыл на мануфактуру Гобеленов в сопровождении герцога д'Анте́на. Царя принимал директор королевской мануфактуры Ж.Р. де Котт. Гостю продемонстрировали готовые ковры, затем показали ателье по их изготовлению в готлисной и баслисной технике. Знакомился с лаковым производством. Визит продолжался до полудня⁴⁴. Затем царь отправился в Ботанический сад («был во Анатомии»); «после обеда он зашел в Обсерваторию, где пробыл очень недолго»⁴⁵.

2/13 мая, четверг. Париж. До обеда Пётр был дома и принимал лекарства. После обеда был на стекольном заводе в Сент-Антуанском предместье, где «ртутью стравил для пробы червонной». Куплена серебряная шпага карлику Луке Честихину⁴⁶. Письмо Екатерине о визите короля и о художниках⁴⁷. Письмо А.Д. Меншикову с сообщением о прибытии в Париж и о визите короля⁴⁸.

3/14 мая, пятница. Париж. Утром в сопровождении герцога д'Анте́на Пётр I посетил в Лувре Королевскую академию живописи и скульптуры, где её директор Антуан Койпель давал объяснения к картинам. Затем царь осмотрел в Большой галерее Лувра макеты

⁴¹ Ковалевский М. Новые данные о пребывании Петра в Париже, почерпнутые из испанских архивов // Русская мысль. 1884. № 1. С.110–111.

⁴² История. С. 616; Abbregé. P. 185–189.

⁴³ История. С. 616; Abbregé. P. 189–194.

⁴⁴ Dubois de Saint-Gelais L.F. Histoire journalière de Paris pendant l'anée 1710 et les six premiers mois de l'anée 1717. T. 2: 1717. Paris, 1885. P. 138–142.

⁴⁵ История. С. 616; Abbregé. P. 194.

⁴⁶ История. С. 616; Сборник выписок. С. 61–62.

⁴⁷ Письма. С. 67–68.

⁴⁸ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270, оп. 1. Д. 84. Л. 401 об.

крепостей королевства и беседовал с маркизом Асфельдом, маршалом де Вилларом и др. Царь посетил и другие достопримечательности Лувра. Затем Пётр прогулялся по саду Тюильри и осмотрел строящийся там разводной мост. Во второй половине дня царь со свитой прибыл в резиденцию Филиппа Орлеанского Пале-Рояль. В апартаментах регент показал царю картинную галерею, а затем представил его своей матери, сыну и одной из дочерей. С матерью регента Шарлоттой Елизаветой Баварской царь говорил по-немецки с четверть часа⁴⁹. Освежившись прохладительными напитками, царь и регент в сопровождении придворных прошли в театр, где давали оперу Ш.Ю. Жерве «Гипермистра». Царь покинул театр во время четвертого акта⁵⁰. Дано полковнику Вигуру (Vigouroux) для отдачи нанятому лаковому мастеру Марке на проезд от Парижа до Голландии 300 ливров⁵¹.

4/15 мая, суббота. Париж. Пётр I был в Ботаническом саду, «смотрел анатомических вещей». Позже Р. Арескин заплатил служителям «за показыванье оных» 30 ливров⁵². Посещал парижских ремесленников⁵³.

5/16 мая, воскресенье, день Св. Троицы. Париж. Пётр I посетил Дом Инвалидов, где «обретаетца болных и старых отставных салдат и ундер-офицеров около 4000 человек»; осмотрел церковь, столовую, аптеку, госпиталь. Маршал К.Л.Г. Виллар с супругой сопровождал царя и подарил ему «книгу описание Дазанвалид»⁵⁴. Куплен нож турецкий в косяных ножнах⁵⁵.

6/17 мая, понедельник. Пётр I обедал раньше обычного в компании с маршалом де Тессе и венгерским князем Ф. Ракоци, которые затем сопровождали его в поездке в загородную королевскую резиденцию Мёдон. Царь объехал верхом Верхний и Нижний сады. В тот же день он возвратился в Париж⁵⁶. Письмо О.А. Соловьеву о принятии и отправлении в Петербург статуй и горшков из Италии⁵⁷.

⁴⁹ *Lettres de Madame, duchesse d'Orléans née princesse Palatine*. Paris, 2010. P. 526.

⁵⁰ История. С. 616–617; Abbregé. P. 194–196. [*Dangeau Ph.*] *Journal du marquis de Dangeau*. Paris, 1859. Т. 17: 1717–1719 (Далее — *Dangeau*). P. 86–87.

⁵¹ Сборник выписок. С. 61.

⁵² История. С. 617; Сборник выписок. С. 64.

⁵³ *Dangeau*. P. 87.

⁵⁴ История. С. 617; Abbregé. P. 196–197; *Dangeau*. P. 90; РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого). Отд. II. Оп. 4, ч. 3. Кн. 88. Л. 201.

⁵⁵ Сборник выписок. С. 62.

⁵⁶ История. С. 617; Abbregé. P. 197; *Dangeau*. P. 91.

⁵⁷ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270, оп. 1. Д. 84. Л. 386.

7/18 мая, вторник. В 8 часов утра Пётр I отправился в Исси-ле-Мулино в загородный дом вице-адмирала маршала В.М. д'Эстре, который за ним приехал в своей карете; там царь обедал и пробыл долго. После обеда маршал показал ему множество вещей, относящихся к мореплаванию⁵⁸. Три члена царской свиты (вероятно, Куракин, Долгоруков и Шафиров⁵⁹) присутствовали в Тюильри на королевской аудиенции, данной иностранным министрам⁶⁰. Вечером состоялось первое совещание маршала де Тессе с русскими дипломатами о содержании русско-французского договора⁶¹.

8/19 мая, среда. Париж. Пётр I в Ботаническом саду смотрел «анатомических вещей, сделанных из воску», мастером изготовления которых был врач Ж.Г. Дюверне. После обеда царь посетил во второй раз Парижскую обсерваторию; пояснения давал астроном и математик Ж.Ф. Маральди⁶². Денежные выплаты попу Битке и лекару Фейло, покупка тканей на одежду царю⁶³. Второе совещание маршала де Тессе с русскими дипломатами о содержании русско-французского договора⁶⁴.

9/20 мая, четверг. Париж. На этот день была назначена встреча Петра I с регентом Филиппом Орлеанским в загородной резиденции Сен-Клу, однако у царя ночью случился жар; он остался дома и принимал лекарства⁶⁵. Третье совещание маршала де Тессе с русскими дипломатами о содержании русско-французского договора⁶⁶.

10/21 мая, пятница. Париж. Пётр I весь день был дома⁶⁷. Заплачено Ю. Кологривову за покупку книги и её переплет, заплачено за разные покупки для свиты, а также «за три стола с чернильницами, да за ящик табашной, купленные для его величества»⁶⁸.

11/22 мая, суббота. Утром Пётр I смотрел в галерее Лувра два глобуса, которые прежде находились в Марли⁶⁹. После обеда Пётр I посетил

⁵⁸ История. С. 617; Dangeau. P. 91.

⁵⁹ В источнике указано, что из «московитских вельмож» двое были кавалерами ордена Св. Андрея Первозванного и один — кавалером польского ордена Белого Орла.

⁶⁰ Abbregé. P. 198.

⁶¹ Сборник ИРИО. С. 196–201.

⁶² История. С. 617; Abbregé. P. 198.

⁶³ Сборник выписок. С. 62.

⁶⁴ Сборник ИРИО. С. 201.

⁶⁵ Dangeau. P. 92; Походный журнал 1717 года. СПб., 1855 (далее — Походный журнал). С. 15.

⁶⁶ Сборник ИРИО. С. 201–206.

⁶⁷ Походный журнал. С. 15.

⁶⁸ Сборник выписок. С. 62–63.

⁶⁹ Le Cabinet historique: revue... contenant, avec un texte et des pièces inédites, intéressantes ou peu connues, le catalogue général des manuscrits que renferment les

в пригороде Парижа Пти-Берси дом генерального директора почт Л.Л. Пажо графа д'Онз-ан-Бре. Царь приехал сюда, чтобы познакомиться с кабинетом редкостей, и задержался на три часа. В 6 часов вечера Пётр I посетил герцогиню Беррийскую в Люксембургском дворце. После получасовой беседы царь познакомился с дворцовыми апартаментами и картинной галереей. Затем он осматривал дворец снаружи и сад, где пробыл до 7 часов⁷⁰. Заплачено купцу Карлу Дефрени за купленную для царя трость с золотой головкой и лентой, за табачный ларец, за «ключку с трубкою» (клюка — палка с загнутым концом) и прочие мелочи⁷¹. Письма в Амстердам К. Брантсу об отправке деревьев и мраморных плит⁷².

12/23 мая, воскресенье. Пётр I в сопровождении маршала де Тессе и главных вельмож своего двора отправился в загородную резиденцию герцога Орлеанского Сен-Клу, где его принимал хозяин. После обеда царь осматривал сады и фонтаны в сопровождении регента. Царь возвратился в Париж через Булонский лес, где посетил замок Мадрид. Презжая Саблонскую равнину, он остановился, чтобы посмотреть учения французских и швейцарских гвардейцев. Вечером царь нанёс визит герцогине Орлеанской в Пале-Рояль⁷³. Заплачено за разные покупки для Петра и его свиты, в том числе за изготовление конторки и стола, а также огороднику за фрукты⁷⁴.

13/24 мая, понедельник. В 8 часов 30 минут утра Пётр I инкогнито посетил короля в Тюильри. Встреча происходила в присутствии воспитателя короля маршала де Вильруа. Речь шла о карте России, составленной географом Г. Делилем, которая была подарена царю. После получасовой беседы царь перешел в кабинет маршала де Вильруа, где ему продемонстрировали драгоценности короны. После обеда Пётр I со свитой отправился в Версаль. Царю показали Зеркальную галерею и часовню, для него приготовили апартаменты, принадлежавшие прежде Марии Аделаиде Савойской. В Версале царя сопровождал герцог д'Антен⁷⁵. Заплачено работнику, который топил баню для царя⁷⁶.

bibliothèques publiques de Paris et des départements touchant l'histoire de l'ancienne France et de ses diverses localités, avec les indications de sources, et des notices sur les bibliothèques et les archives départementales / Sous la direction de Louis Paris. Paris, 1856. Т. 2. Part. 1. (далее — Cabinet historique) P. 40.

⁷⁰ История. С. 617; Abbregé. P. 199–202; Dangeau. P. 93. Все французские современники — Буше, Данжо, Фюрси, Бюва — датируют этот визит 21 мая.

⁷¹ Сборник выписок. С. 63.

⁷² Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270, оп. 1. Д. 84. Л. 414.

⁷³ История. С. 617; Abbregé. P. 202–203; Dangeau. P. 94.

⁷⁴ Сборник выписок. С. 63.

⁷⁵ История. С. 617; Abbregé. P. 203–206. Dangeau. P. 95.

⁷⁶ Сборник выписок. С. 65.

14/25 мая, вторник. Версаль. Целый день Пётр I посвятил знакомству с версальским парком. С утра он пересек парк пешком, проплыл на гондоле по каналу, осмотрел Трианон и Зверинец («Менажри»). Большое внимание царь уделил фонтанам и «игровым водам». Он делал зарисовки и записи обо всем, что видел⁷⁷, приказал измерить расстояние от дворца до пруда: «заплачено мужикам за работу два ливра десять копеек»⁷⁸. Заплачено за покупки для Петра, Екатерины и свиты (одежда, ткани, лекарские инструменты); заплачено работникам за ношение баулов при переезде в Версаль⁷⁹.

15/26 мая, среда. Пётр I посетил королевскую резиденцию Марли. После обеда царь гулял в парке, осматривал фонтаны и каскады, которые были запущены для него. Особое внимание уделил «машине Марли», снабжавшей водой фонтаны королевских резиденций. Вечером царь возвратился в Версаль⁸⁰.

16/27 мая, четверг. Утром Пётр I вернулся в Париж «для смотра великой духовной церемонии»⁸¹. Царь присутствовал на галерее собора Парижской Богоматери во время праздника Тела Господня. Торжественную мессу служил архиепископ Парижа кардинал де Ноайль. Царь посетил приют для детей-подкидышей (Enfants-Trouvés), откуда наблюдал за процессией⁸². Первая трехсторонняя встреча французских, прусских и русских дипломатов по вопросу о заключении союзного договора⁸³.

17/28 мая, пятница. Париж. В 11 часов утра Пётр I посетил Королевскую библиотеку в сопровождении князя Куракина и барона Шафирова: смотрел «кабинета королевского, которой в Тюлерии»⁸⁴. Принимавший царя королевский библиотекарь аббат де Лувуа продемонстрировал сокровища «королевского кабинета»: древние рукописи, украшенные миниатюрами, а также исторические реликвии Франции⁸⁵. В тот же день царь в сопровождении мар-

⁷⁷ История. С. 617; *Dangeau*. P. 95–96.

⁷⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 342, оп. 1. № 40. Л. 61.

⁷⁹ Сборник выписок. С. 63–65.

⁸⁰ История. С. 617; *Dangeau*. P. 96.

⁸¹ История. С. 617.

⁸² *Abbrégé*. P. 206–207; Сборник ИРИО. С. 206–207.

⁸³ Сборник ИРИО. С. 207–208.

⁸⁴ История. С. 617; *Sawizki M.* Unbekannte Aufzeichnungen über den Besuch Peters des Grossen in Frankreich // Die Welt als Geschichte. Eine Zeitschrift für Universalgeschichte. Herausgegeben von H.E. Stier und F. Ernst. XVII. 1957. Heft 1 (далее — *Sawizki M.*). S. 53.

⁸⁵ [Buvat J.] *Journal de la Régence (1715–1723)* / Par Jean Buvat. Paris, 1865. Т. 1. P. 269–271.

шала де Тессе знакомился с работой Монетного двора, который занимал в Лувре четыре аркады под Большой галереей. Петр собственноручно отчеканил три монеты⁸⁶.

18/29 мая, суббота. Париж. Пётр I утром был в бане, а после обеда позировал для написания портрета французскому художнику⁸⁷. И. Лефорт купил для царя две табакерки⁸⁸. Письмо Б.П. Шереметеву о том, что от польского короля нарочно «прислан господин Понинский староста Копаницкий для домогательства о выводе всех войск наших из Польши»⁸⁹. В книжечке с листочками садовых деревьев царь написал: «Рваны в 18 д. мая»⁹⁰.

19/30 мая, воскресенье. Пётр I выехал из Парижа в Фонтенбло в сопровождении сына герцога д'Антена маркиза де Бельгарда. По дороге посетил загородный дворец д'Антена Пти-Бур, где герцог приготовил ему угощение. Вечером царь прибыл в Фонтенбло по приглашению генерал-адмирала графа Тулузского⁹¹. Для царя куплены у мастера две кавалерские ленты за 156 ливров; царским служителям, оставшимся в Париже после его отъезда в Фонтенбло, куплено вина и пива на 8 ливров⁹². Письмо Екатерине с благодарностью за присылку портрета⁹³; письмо Нарышкину в Брест об отмене намерения царя туда ехать⁹⁴; грамота прусскому королю с просьбой обеспечить военную охрану во время пребывания царя в Спа⁹⁵; письмо кельнскому курфюрсту об обеспечении безопасного проезда царя⁹⁶.

20/31 мая, понедельник. Фонтенбло. Пётр I участвовал в охоте на оленя в окрестных лесах, которая была устроена графом Тулузским и продолжалась полтора часа. Царь едва не упал с лошади. После охоты он ужинал на острове пруда в Фонтанном дворе. Вечером покинул Фонтенбло и вернулся к герцогу д'Антену в Пти-Бур, где ночевал⁹⁷.

21 мая/1 июня, вторник. Утром после прогулки по саду в Пти-Буре Пётр I погрузился на гондолу и отплыл в Париж. По пути

⁸⁶ Abbregé. P. 207.

⁸⁷ История. С. 617; Походный журнал. С. 17.

⁸⁸ Сборник выписок. С. 64.

⁸⁹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270, оп. 1. Д. 84. Л. 423.

⁹⁰ Там же. Л. 427.

⁹¹ История. С. 617; Abbregé. P. 207; *Dangeau*. P. 98.

⁹² Сборник выписок. С. 64, 66.

⁹³ Письма. С. 68–69.

⁹⁴ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270, оп. 1. Д. 84. Л. 429.

⁹⁵ Там же. Л. 434.

⁹⁶ Там же. Л. 436.

⁹⁷ *Le Nouveau Mercure*. 1717, juin (далее — *Mercury*). P. 183–184; *Dangeau*. P. 99.

посетил принцессу Марию Анну де Конти в её дворце в Шуази. Совершив прогулку по парку, он снова сел на судно и пожелал проплыть под всеми парижскими мостами. Он пересел в карету у ворот Конферанс в конце сада Тюильри, проехал по бульварам, разбитым на месте городских укреплений; купил ракеты и петарды и запускал их в саду отеля Ледигьер⁹⁸. Голландский капитан Фергас отправлен в Бургундию для покупки вин на царский обиход⁹⁹.

22 мая/2 июня, среда. После обеда Пётр I отправился в аббатство Сен-Дени, где ему показали церковь, сокровищницу, могилы королей и новое здание. В одной из келий монахи-бенедиктинцы приготовили царю угощение. На обратном пути губернатор Парижа герцог де Трем принимал Петра в своем загородном доме в Сент-Уэне¹⁰⁰.

23 мая/3 июня, четверг. Утром наблюдал с балкона дома на улице Сент-Ангуан процессию церкви Сен-Поль по случаю католического праздника Тела Господня¹⁰¹. Вечером Пётр I со свитой в сопровождении маршала де Тессе и маркиза де Бельгарда поехал в Версаль. Царь посетил дворец, но ночевать захотел в Трианоне, куда ему доставили кровать¹⁰².

Заплачено за покупки одежды для Петра, Екатерины и членов свиты; куплена у француза Николая Фурнея «книга на письма с чернилицею и песошницею медными» за 50 ливров; выдано К.Н. Зотову на содержание гардемарин 4380 ливров; заплачено банщикам¹⁰³. Письмо А.Д. Меншикову о загрузке работой шпалерных мастеров, прибывших из Франции, о привлечении к этой работе живописца Каравака¹⁰⁴.

24 мая/4 июня — 26 мая/6 июня, пятница, суббота, воскресенье. Версаль. Трианон. Пётр I совершал прогулки в карете и в гондоле по каналу, знакомится с достопримечательностями Версальского парка¹⁰⁵. Дано подпоручику Степану Шемякину в зачет его жалованья для житья в Париже и на zapлату лекарю 250 ливров; заплачено в Трианоне артиллерийскому служителю «за показыванье пробы ракет и прочих огненных фигур» 60 ливров; царь пожаловал камердинеру князя Ракоци за принос «кабинета новой моды» 150 ливров¹⁰⁶. 4 июня в

⁹⁸ Mercure. P. 184–185; *Dangeau*. P. 99–100.

⁹⁹ Сборник выписок. С. 64.

¹⁰⁰ Mercure. P. 185.

¹⁰¹ *Relations Veritables* (Bruxelles). 18 mai 1717.

¹⁰² Гистория. С. 617; Mercure. P. 185–186; *Dangeau*. P. 100–101.

¹⁰³ Сборник выписок. С. 64.

¹⁰⁴ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270, оп. 1. Д. 84. Л. 443.

¹⁰⁵ Гистория. С. 617; Mercure. P. 186.

¹⁰⁶ Сборник выписок. С. 64–65.

Париже состоялось совещание маршала де Тессе с прусскими и русскими дипломатами по вопросу о заключении союзного договора¹⁰⁷.

27 мая/7 июня, понедельник. Пётр I отправился из Версаля в Марли. По дороге посетил дворец Кланьи, осмотрел большой акведук. В Марли царь и его приближенные расположились в двух ближайших к дворцу гостевых павильонах¹⁰⁸. Для царя куплены шахматы; заплачено работникам за ношение вещей при переезде в Марли¹⁰⁹.

28 мая/8 июня — 29 мая/9 июня, вторник, среда. Марли. Пётр I осмотрел парк, фонтаны, каскады и статуи¹¹⁰. По указу царя дано Матвею Олсуфьеву взаймы 500 ливров¹¹¹. Заметки Петра I о военном кораблестроении и «пропорции флагов французских»¹¹².

30 мая/10 июня, четверг. Марли. День рождения Петра I. Королевский метрдотель Вертон устроил праздник в саду по случаю 45-летия царя; фейерверк, иллюминация, музыка и танцы продолжались до глубокой ночи¹¹³. Дано Егору Сергееву за изготовление качалки для царя 100 ливров¹¹⁴. Указ об отпуске барону Шафирову 8000 ефимков на отправку из Парижа в Петербург мастеровых, «которых сыскал Лефорт», и «мануфактурных мастеров»¹¹⁵. Письмо А.Д. Меншикову о приеме корабля с вещами от Рагузинского¹¹⁶; письмо О.А. Соловьёву в Амстердам об отправке купленного гукора (парусного двухмачтового судна) во французский порт «Гавр-де-Граз» (фр.: Havre de Grâce) и о погрузке на него статуй, пьедесталов, плит и прочего¹¹⁷; роспись мастеровых людей и вещей, отправляемых на корабле из Гавра¹¹⁸.

31 мая/11 июня, пятница. Пётр I, встав позже обычного, отправился в королевскую резиденцию Сен-Жермен-ан-Ле, где осмотрел старый и новый дворцы. Особое внимание царя привлек терра-

¹⁰⁷ Сборник ИРИО. С. 208–209.

¹⁰⁸ Гистория. С. 617; Mercure. P. 186–187; *Dangeau*. P. 102.

¹⁰⁹ Сборник выписок. С. 66.

¹¹⁰ Mercure. P. 187.

¹¹¹ Сборник выписок. С. 65.

¹¹² Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270, оп. 1. Д. 84. Л. 459.

¹¹³ Гистория. С. 617; Mercure. P. 187–188.

¹¹⁴ Сборник выписок. С. 65.

¹¹⁵ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270, оп. 1. Д. 84. Л. 461; ОПИ ГИМ. Ф. 324. Оп. 1. № 40. Л. 49.

¹¹⁶ Там же. Л. 462.

¹¹⁷ Там же. Л. 464; Письма императора Петра I к комиссару Осипу Алексевичу Соловьёву // Сборник Императорского Русского исторического общества. 1873. Т. 11. С. 52.

¹¹⁸ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 84. Л. 465.

сированный парк. Около 7 часов вечера Пётр I посетил школу для девушек-дворянок Сен-Сир, где доживала свой век фаворитка Людовика XIV маркиза Ф. де Ментенон. Царь осмотрел учебное заведение и посетил маркизу в её спальне. Затем он возвратился в Трианон, где ночевал¹¹⁹. Заплачено работникам за ношение баулов в Марли и в Трианоне¹²⁰.

1/12 июня, суббота. Утром Пётр I выехал из Трианона, обедал в Версальском дворце, вновь осмотрел апартаменты и кабинет редкостей. Побывал в больших и малых конюшнях. Покинул Версаль в 5 часов вечера. По дороге в Париж заехал в монастырь Св. Марии в Шайо, где нанес визит вдовствующей королеве Англии в изгнании Марии Моденской. В Париже царь сделал остановку в Лувре, где вновь посетил Монетный двор; его встречали директор Н. де Лоне и герцог д'Антен. В присутствии царя была отчеканена медаль с его портретом. Пётр изучал новые прессы для изготовления медалей, осмотрел кабинет медалей. Затем он посетил ателье ювелиров¹²¹. Куплена для царя «книга на письма» с медными чернильницей и песочницей за 66 ливров¹²². Последнее совещание маршала де Тессе с прусскими и русскими дипломатами о содержании союзного договора¹²³.

2/13 июня, воскресенье. Париж. Утром Пётр I принимал в отеле Ледигьер папского нунция в присутствии вице-канцлера Шафировва. После обеда царь отправился в парижский дворец герцога д'Антена на улице Нев-Сент-Огюстен, где ужинал вместе с графом Тулузским. В своем кабинете хозяин продемонстрировал Петру «всевозможные планы и разнообразные диковинки»¹²⁴. По указу царя князь Куракин отдал комедиантам в доме д'Антена 75 ливров. В этот же день Пётр I пожаловал в монастырь Св. Марии в Шайо «на милостыню» 210 ливров¹²⁵. Царь побывал в магазине галантерейщика Эдма Кале «У испанского короля» рядом с Новым мостом, где покупал мебель и предметы роскоши¹²⁶.

3/14 июня, понедельник. Париж. С утра Пётр I посетил в Лувре Королевскую типографию, где ему продемонстрировали пробные

¹¹⁹ История. С. 617; Mercure. P. 188; *Dangeau*. P. 104.

¹²⁰ Сборник выписок. С. 66.

¹²¹ История. С. 617; Mercure. P. 188–191.

¹²² Сборник выписок. С. 66.

¹²³ *Haussanville J. de*. La visite du Tsar Pierre le Grand en 1717 d'après des documents nouveaux // *Revue des deux Mondes*. 1896. Т. 137. P. 812–813.

¹²⁴ История. С. 617–618; Mercure. P. 191.

¹²⁵ Сборник выписок. С. 66.

¹²⁶ Amsterdam. № LI. 25 juin 1717.

оттиски. Затем царь отправился в Коллеж Мазарини (Коллеж четырех наций), осмотрел учебное заведение, его церковь и библиотеку, беседовал с геометром П. Вариньоном. Отсюда Пётр поехал на площадь Дофина в мастерскую Жана Пижона, где приобрел за 2000 эку «сферу Коперникову». Затем царь посетил Парижский университет (Сорбонну). Теолог Л.Ф. Бурсье показывал царю университетскую церковь с гробницей кардинала Ришелье и библиотеку. Когда Пётр рассматривал славянские рукописи, Бурсье высказался в пользу объединения церквей. Царь предложил профессорам Сорбонны составить записку по этому вопросу. После обеда царь поднялся на башню собора Нотр-Дам, чтобы полюбоваться Парижем с высоты птичьего полета с помощью подзорной трубы. Вечером в отеле Ледигьер царь принял послов Португалии и Мальты¹²⁷. Вторая поездка в магазин Эдма Кале; поездка к парижскому банкиру А. Огюэ, который показывал гостю «маленький корабль»¹²⁸. Выдано «кондуктору Дюменю» за изготовление копии с плана Петербурга работы Леблона 100 ливров; Шафирову выплачены деньги на отправление из Парижа в Петербург мастеровых людей; заплачено за покупку инструментов для царя¹²⁹.

4/15 июня, вторник. Париж. Пётр I во второй раз побывал на мануфактуре Гобеленов и осмотрел все производство. Ему преподнесли в подарок две серии гобеленов и два ковровых портрета. После обеда царь в сопровождении маршала де Тессе посетил частные дома господина Торпана и герцогини де Ла Ферте, а затем дворец графа Тулузского. Вечером прогуливался в карете по Аллеям Королевы (Cours de la Reine) в районе Елисейских Полей¹³⁰. Заплачено купцу за сукно на платье царю; заплачено работнику, который топил баню для царя¹³¹.

5/16 июня, среда. Париж. Пётр I в сопровождении герцога Орлеанского присутствовал на смотре королевских войск, который проходил на аллеях Елисейских Полей. Из-за поднявшейся пыли царь и регент удалились до окончания смотра в сад Тюильри, где вели переговоры в течение получаса. Затем царь отправился на обед к герцогу де Трему в Сент-Уэн¹³². Заплачено за разные покупки царя, в том числе за две дорожные коляски; заплачено шпажному масте-

¹²⁷ Гистория. С. 618; Mercure. P. 191–192.

¹²⁸ Amsterdam. № LI. 25 juin 1717. P. 321.

¹²⁹ Сборник выписок. С. 66–67, 70.

¹³⁰ Mercure. P. 193; Dangeau. P. 107.

¹³¹ Сборник выписок. С. 67.

¹³² Гистория. С. 618; Mercure. P.194–196. Dangeau. P. 108.

ру за шпаги и кортики; выдано жене архитектора Растрелли на проезд от Парижа до Петербурга 1000 ливров¹³³.

6/17 июня, четверг. Париж. Пётр I побывал в Обсерватории, где около двух часов проводил астрономические наблюдения. Посетил мастерские по изготовлению математических инструментов, делал покупки. Ужинал у маршала де Виллара в его дворце на улице Гренель. Граф Тулузский преподнес царю большую морскую карту¹³⁴. Заплачено за покупки царя, в том числе 157 ливров за книги; заплачено пивовару за варенье пива 126 ливров; заплачено королевским слугам «за принос подаренных вещей»¹³⁵.

7/18 июня, пятница. Париж. Утром Пётр I пригласил географа Г. Делиля в отель Ледигьер, где у них состоялась беседа «о расположении и протяженности» Российского государства. Затем здесь же английский окулист Д.Т. Вулхауз сделал в присутствии монарха операцию снятия катаракты. В тот же день царь и регент обменялись визитами: Филипп Орлеанский приехал в отель Ледигьер, а Пётр I попросился с правителем и его женой в Пале Рояль. В пять часов вечера царь нанес прощальный визит королю в Тюильри и подарил ему план Петербурга¹³⁶. Указ Петра I о выдаче на дорожные расходы 1380 ефимков мастеровым, отправленным из Парижа через Гавр в Петербург¹³⁷. Заплачено за покупки царя, в том числе солнечные часы и инструменты, вольнка, столы, шкафы, «мраморы», урны, инструменты «к шпалерному делу», парча в подарок князю Меншикову¹³⁸.

8/19 июня, суббота. Париж. Пётр I утром был в бане. В первой половине дня царь посетил судебное заседание в Парижском парламенте на острове Сите. Царь прибыл сюда в сопровождении своей свиты и маршала де Тессе, его принимал президент парламента Ж.А. де Месм¹³⁹. После обеда король Людовик XV нанес прощальный визит в отель Ледигьер. Затем Пётр I направился в Королевскую Академию наук, располагавшуюся в Лувре, где его приветствовали 42 её члена во главе с аббатом Ж.П. Биньоном. Научные достижения царю демонстрировали геометр Ж.Э. де Лафей, химик Л. Лемери, физик А. Далем, механик Ф.Ж. де Камю¹⁴⁰. В тот же день

¹³³ Сборник выписок. С. 67.

¹³⁴ История. С. 618; Mercure. P. 196–197; *Dangeau*. P. 108

¹³⁵ Сборник выписок. С. 68.

¹³⁶ История. С. 618; Mercure. P. 197–199; *Dangeau*. P. 111.

¹³⁷ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270, оп. 1. Д. 84. Л. 484.

¹³⁸ Сборник выписок. С. 68.

¹³⁹ *Dangeau*. P. 410–412.

¹⁴⁰ История. С. 618; Mercure. P. 199–202; *Dangeau*. P. 112. *Demeulenaere-Douyère C. L'Académie des sciences de Paris: un lieu privilégié des échanges scientifiques entre la France et la Russie (XVIII-e–XIX-e siècle) // Французы в научной и интеллектуальной жизни России XVIII–XX вв. М., 2010. P. 94–95.*

Пётр I посетил в Лувре Академию надписей, Французскую академию, Академию живописи и скульптуры¹⁴¹. Вечером царь присутствовал на богослужении в часовне отеля Ледигьер. Герцог Орлеанский прислал книги в подарок; позже приобретен сундук для подаренных книг. Арапу Аврааму выдано остальное жалование за 1717 год; заплачено за «звезду кавалерскую», заплачено за «персоны его величества, украшенные алмазами», взятые «для подарков» у Толстого и Остермана; заплачено за купленные для царя инструменты; заплачено за укладывание шпалер, картин, инструментов и прочих вещей в сундуки¹⁴². Указ царя об уплате денег за «персоны алмазные»¹⁴³. Жалованная грамота П.П. Шафирову и П.А. Толстому на заведение мануфактуры материй или парчей¹⁴⁴. Указ о предоставлении П.П. Шафирову, П.А. Толстому и В.В. Долгорукову полномочий на подписание союзного договора с Францией¹⁴⁵.

9/20 июня, воскресенье, день Св. Троицы (Сошествия Святого Духа). Пётр I поручил дворецкому короля Л.Ф. де Вертону в знак благодарности передать подарки (миниатюрные портреты с бриллиантами, соболя меха, часы, медали, деньги) маршалу де Тессе, герцогу д'Антену, маршалу д'Эстре, королевскому метрдотелю маркизу де Ливри, контролеру королевских домов де Кресму, служителям дворцов в Версале, Трианоне, Марли, Медоне и Фонтенбло, королевским поварам, служителям маршала де Тессе и маршала де Виллара. Сам Вертон был отмечен особо¹⁴⁶. После обеда царь в третий раз посетил Монетный двор и осмотрел королевские медали. Директор подарил ему медаль с изображением Людовика XV. После богослужения в отеле Ледигьер Пётр I выехал из Парижа в сопровождении эскорта королевских мушкетеров. Царя провожали маршал де Тессе и Вертон до деревни Ливри, где после прощального ужина царь ночевал во дворце Ренси, принадлежавшем маркизу де Ливри¹⁴⁷.

Письмо Б.П. Шереметеву с указанием определить полковника Вигуро к драгунскому полку¹⁴⁸; письмо Савве Рагузинскому: давать 400 ефимков в год арапу Авраму, оставленному в Париже «для науки языка и прочих некоторых наук»¹⁴⁹; письмо А.Д. Меншикову о

¹⁴¹ *Riabouchinsky D.* Les Rapports scientifiques entre la France et la Russie // *Révue générale scientifique.* 1934. № 2. P. 46.

¹⁴² Сборник выписок. С. 68–69, 70.

¹⁴³ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 84. Л. 489.

¹⁴⁴ ПСЗ. Т. V. № 3089. С. 496–497.

¹⁴⁵ *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого. М., 1788. Ч. 5. С. 337.

¹⁴⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 324. Оп. 1. № 40. Л. 108–109.

¹⁴⁷ *Гистория.* С. 618; *Mercur.* P. 202–203; *Dangeau.* P. 114; *Sawizki M. S.* 54.

¹⁴⁸ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 84. Л. 490.

¹⁴⁹ Там же. Л. 497.

приготовлении жилья для нанятых французских мастеров¹⁵⁰; роспись платьям, купленным для государя и государыни¹⁵¹; указ о выдаче «Ягану Бонмазарию» 500 червонных для поездки в Англию¹⁵².

10/21 июня, понедельник. Утром Пётр I выехал из Ливри и, проехав две станции, обедал в деревне Нантёй, принадлежавшей маршалу д'Эстре. Вечером прибыл в Суассон, где остановился на ночлег во дворце местного интенданта¹⁵³. Письмо Екатерине с благодарностью за письмо и подарок и с сообщением об отъезде из Парижа¹⁵⁴; письмо к В.Л. Долгорукову о снабжении тукора с мастерами, направляющимися в Россию¹⁵⁵.

11/22 июня, вторник. Выехав в 7 часов утра, Пётр I проделал путь от Суассона до Жоншери, где его встретил и угощал интендант Шампани. После обеда царь посетил Реймс, где пробыл не более двух часов. Царя приветствовали пушечными залпами; городские власти и архиепископ встречали его у Парижских ворот. Посетил аббатство Сен-Реми и церковь Сен-Никез, знаменитую своей «трясущейся колонной». Вечером царь прибыл в Ретель; на въезде городские власти поднесли ему шесть дюжин бутылок вина. Царь ночевал в доме на улице Гран Пон¹⁵⁶.

12/23 июня, среда. В 10 часов утра выехав из Ретеля, Пётр I прибыл в город Мезьер на французской границе, где ему поднесли четыре дюжины бутылок вина. В соседнем городе Шарлевиле, формально управляемом принцессой Конде, царя встречали пушечными залпами и приветственными речами, одарили шестью дюжинами бутылок вина. Здесь он погрузился со свитой на барки и отплыл по реке Мёз в сторону Нидерландов. В местечке Фур (Лефур) осмотрел ружейную мануфактуру, здесь же ночевал¹⁵⁷.

13/24 июня, четверг. В шестом часу утра Пётр I продолжил плавание по реке Мёз. В деревне Ревен его приветствовали жители и духовенство. В шестом часу вечера флотилия достигла крепости Шарлемон (город Живе), откуда царя приветствовали пушечными залпами. Здесь французский военный эскорт покинул царя, его сменили «цесарские солдаты»¹⁵⁸. Пётр I продолжил свой путь в сторону Льежа и дальше на водный курорт в Спа.

¹⁵⁰ Там же. Л. 504.

¹⁵¹ Там же. Л. 509.

¹⁵² Там же. Л. 510.

¹⁵³ Гистория. С. 618; *Bourguignon J.* Le passage de Pierre le Grand a son départ de France en 1717 // *Revue d'Ardenne et d'Argonne* publiée par La Société d'études ardennaises. 1902. № 5–6 (далее — *Bourguignon J.*). P. 73.

¹⁵⁴ Письма. С. 69.

¹⁵⁵ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 84. Л. 512.

¹⁵⁶ Гистория. С. 618; *Bourguignon J.* P. 73–76.

¹⁵⁷ Гистория. С. 618; *Bourguignon J.* P. 77–81.

¹⁵⁸ Гистория. С. 619; *Bourguignon J.* P. P. 81

«А сколько дорогою видели»: Пётр I на пути в Париж

Узнав о предстоящем визите Петра I, президент Совета по иностранным делам маршал д'Юкселль, по словам французского историка, «мужественно принял удар на себя»¹. В первых числах апреля он отдал соответствующие распоряжения коменданту Дюнкерка графу А.А. д'Эрувилю (Henri Antoine de Ricouart, comte d'Hérouville) и исполняющему обязанности местного интенданта Ж.Б.И. Верниману (Jean Baptiste Ignace Vernimmen)². Им предстояло первыми принять высокого гостя, которого ради сохранения инкогнито именовали «важной персоной» или «иностранным господином». Местные власти должны были организовать гостю достойную встречу и размещение, предоставить ему транспорт, обеспечить сопровождение и ночевки по пути в Париж. Президент Военного совета герцог де Виллар также обратился к графу д'Эрувилю с письмом³, в котором коменданту Дюнкерка предписывалось оказывать иностранному гостю воинские почести королевского уровня, а именно: предоставить ему кавалерийский эскорт от границы Франции до Кале; при въезде и на выезде из города приветствовать его тремя артиллерийскими залпами; на улицах города, которыми он будет проезжать, выставить цепочку из пехотинцев гарнизона; около его резиденции выставить охрану во главе с капитаном со знаменем; при его появлении в общественных местах приветствовать его барабанным боем. В случае если высокий гость откажется от почестей, предписывалось «после некоторых настояний» выполнить его пожелания.

¹ *Teil J. du. Le czar à Dunkerque (1717). Documents inédits tirés des Archives étrangères, de la Guerre et de la Marine // Société historique de Dunkerque et de la Flandre Maritime. Bulletin. Dunkerque, 1902. Т. 5. Р. 121.*

² Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции, за апрель и май месяцы 1717 года // Сборник Императорского Русского исторического общества. 1881. Т. 34. С. 123–127.

³ *Teil J. de. Le czar à Dunkerque (1717). Р. 124–126.*

Королевскому интенданту Пикардии и Артуа Л. де Бернажу (Louis de Bernage) Военный совет рекомендовал выяснить после прибытия царя в Дюнкерк, какие воинские почести и какой прием он желает видеть на пути в Париж. В любом случае царя должен сопровождать эскорт из 15–30 драгунов, которые будут меняться в Гравлине, Кале, Маркизе, Булони. Далее смены эскорта должны происходить в Нёфшателе, Монтрейе, Абвиле, Амьене, Бретейе, Бове, Бомоне и некоторых других местах.

Навстречу царю регент Филипп Орлеанский решил послать камер-юнкера своего двора Этьена Франсуа де Либуа (Etienne François Rossius de Liboy) — опытного королевского слугу, «благоразумие которого было <...> известно его величеству», притом достаточно знатного и опытного. Он должен был приветствовать царя на границе Франции от имени юного короля и регента. Либуа получил соответствующие инструкции и деликатное задание, присмотревшись, обсудить с князем Куракиным вопросы денежного содержания царя и его свиты во время пребывания во Франции⁴. Королевский посланник был уполномочен предложить на содержание русского посольства фиксированную сумму в 1200–1500 ливров в день, не считая расходов на кареты. Так и не успев договориться с Куракиным по этому вопросу, Либуа позже получил указание д'Юкселля не говорить с русскими о затратах, не показывать стремления к экономии. Ему рекомендовали «понравиться царю и обеспечить все удобства главным персонам его свиты», для чего ему предоставлялась «carte blanche» в вопросах финансовых затрат⁵. Сведения о содержании царя и свиты интересовали прессу, и вскоре в газетах появились сообщения, что русский монарх «будет освобожден от затрат за счет короля с того момента, как его нога ступит на землю Франции»⁶.

Основная тяжесть подготовки встречи царя в первом французском городе легла на коменданта Дюнкерка графа д'Эрувиля. Это был старый воин, служивший королю почти полвека и имевший опыт приёма «знатных господ и принцев». Его помощником был исполняющий обязанности интенданта Верниман. Члены городского магистрата во главе с Роже Эрфором (Roger Hereford) также готовились к приёму иностранного гостя. Местному торговцу Колену поручили дополнительно меблировать пустовавший интендантский дом к приезду царя. Ковры, люстры, бра, каминные принадлежности, кровать с балдахином, шторы, картины, зеркала, сту-

⁴ Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции. С. 127–138.

⁵ Там же. С. 155.

⁶ Le Nouveau Mercure. Avril 1717. P. 97.

лья с ковровой обивкой и другие принадлежности были предоставлены торговцем во временное пользование за 150 ливров. Комната царя имела «ковровую обивку, картину-гобелен, подставку для дров, каминные щипцы и лопату, 8 стульев, обитых макетом, удобное кресло»; в гардеробной находились кровать с балдахином, два стула и стол⁷.

Когда Э.Ф. де Либуа вечером 11 апреля приехал в Дюнкерк, почти всё было готово к приёму царя. Желая обезопасить себя от неожиданностей, де Либуа собирался отправиться в Остенде, чтобы самому посмотреть, как принимают в Нидерландах царя и каков образ его жизни, а также по возможности заранее встретиться с Куракиным. Но затем этот план был отвергнут, так как удалось связаться с королевским поверенным в Австрийских Нидерландах маркизом де Росси (de Rossi), который прислал из Брюсселя подробное сообщение на этот счет, где в частности говорилось, что царь согласен, чтобы его встречали пушечными выстрелами, что он обходится эскортом в 12 человек, что для охраны его резиденции достаточно 20 человек без знамени, что он обходится четырьмя каретами, наконец, что он не против приветственных речей⁸.

Д'Эрувиль в свою очередь заранее связался с князем Б.И. Куракиным, чтобы уточнить время и место встречи царя. 20 апреля в Дюнкерк прибыл царский квартирмейстер Иван Толстой (?), с которым условились о церемонии встречи⁹. К удовлетворению де Либуа, уровень требований к почестям оказался ниже ожидаемых.

Между тем Пётр I за десять дней (11–21 апреля) совершил путешествие по Австрийским Нидерландам, посетив Антверпен, Брюссель, Остенде, и приблизился к французской границе. Как только в Дюнкерке узнали, что царь отбыл по Фюрнскому каналу из нидерландского Ниупорта в сторону Франции, 21 апреля навстречу ему выехал де Либуа с небольшим эскортом. Встреча произошла без особого скопления народа в местечке Зюдкот, где граница была отмечена руинами большого редута, разрушенного недавно по условиям Утрехтского договора. В три часа пополудни де Либуа поднялся на царскую барку. Куракин представил его царю. Придворный приветствовал царя краткой речью от имени короля и регента, передав их дружеские чувства и удовлетворение по поводу прибытия высокого гостя. Пётр I кратко ответил на приветствие и перешел на барку, присланную из Дюнкерка, предпочтя её карете.

Среди рассказов Нартова есть один, относящийся к прибытию царя во Францию: «Государь, отъезжая к Дюнкирхену и увидя мно-

⁷ *Teil J. du. Le czar à Dunkerque (1717)*. P. 139.

⁸ *Ibid.* P. 144.

⁹ *Ibid.* P. 141.

жество ветряных мельниц, рассмеявшись, Павлу Ивановичу Ягушинскому сказал: «То-то для Дон-Кихотов было здесь работы!»¹⁰. Случай этот явно придуман А.А. Нартовым, ибо имя героя романа Сервантеса было совершенно неизвестно в России начала XVIII века. Сам царь, вероятно, впервые услышал его при посещении парижской мануфактуры Гобеленов, когда ему продемонстрировали серию ковров, посвященную похождениям Дон-Кихота. Зато к концу XVIII века, когда писал Нартов, «Дон-Кихот» прочно вошел в русский литературный обиход¹¹.

Журнал царского путешествия даёт краткий отчет о прибытии в Дюнкерк и пребывании там: «<...> Приехали на французский рубеж к слюзу, называемому Дюзекибрюк, и тут вышел из судов, сели в каляски, и, переехав два часа, прибыл во французской город Дюнкерк (где была славная крепость и гавань при старом короле французском Людовике 14, и по последнему мирному договору с агличанами и галанцами она разорена). Где стреляли ис пушек, и был его величество там до 14 дня и смотрил фортеции и разоренного гавана и каналов. В то же время французская кавалерия чинила экзерцицию»¹². В журнале допущена одна неточность, которая корректируется сообщениями местных источников: после встречи с Либуа царь плыл до города на французской барке и лишь рядом с городом пересел в карету: «Его Величество остался на корабле и, прибыв, в город, пожелал сесть в карету, запряженную лишь парой, на которой поехал в отведенную ему резиденцию»¹³.

У ворот Дюнкерка царя встречали троекратным салютом городских пушек, затем прозвучали приветствия от коменданта и городского магистрата, который по обычаю поднёс царю бочонок вина. Этот бочонок был украшен городской символикой и царским гербом, его подвезли на колеснице, запряженной шестеркой лошадей в сопровождении эскорта молодых горожан. Впрочем, приезд царя не мог вызвать большого энтузиазма у жителей Дюнкерка, удрученных разрушением городских укреплений и порта в соответствии с условиями последних международных договоров. Поэтому массо-

¹⁰ Пётр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. М., 1993. С. 313.

¹¹ См.: *Алексеев М.П.* Очерки истории испано-русских литературных отношений XV–XIX в. Л., 1964. С. 48, 68.

¹² Обстоятельный журнал о вояже (или о путешествии) его царского величества, как ис Копенгагена поехал и был в Галандии, во Франции и в протчих тамошних местах, и что там чинилось // История Свейской войны: Поденная записка Петра Великого / сост. Т.С. Майкова. Вып. 1. М., 2004. С. 615.

¹³ Цит. по: *Вагеманс Э.* Пётр Великий в Бельгии. СПб., 2007. С. 162; см. также: Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции. С. 139.

вого ликования не наблюдалось. Голландский резидент сообщал, что в Дюнкерке царю был оказан более чем скромный прием¹⁴.

За ужином Пётр I предложил тост за здоровье короля и регента, но отказался он выпить и за собственное здоровье.

Вопросы церемониала и почестей, которые так беспокоили принимающую сторону, не играли для Петра большой роли: царь принимал почести как должное, но подчас старался избежать лишних церемоний. Гораздо больший интерес он проявил в Дюнкерке к устройству крепостных и портовых сооружений, каналов, шлюзов, к содержанию военных магазинов. Как уже отмечалось, этот крупный морской порт Франции находился в то время далеко не в лучшем состоянии. Царь мог осмотреть лишь остатки трёх линий мощных портовых укреплений. Два крепостных сооружения на сваях с установленными на них артиллерийскими батареями прежде стерегли узкий проход морского фарватера; они соединялись с берегами двумя дамбами из деревянных конструкций, наполненных камнями и покрытых брусьями (длина каждой дамбы — 600 тауз — примерно 1200 метров). Вход в порт с севера охранялся еще двумя каменными фортами. Наконец, ближе к городу из воды поднималось еще одно укрепление — форт Ревер. Все эти оборонительные сооружения были разрушены по условиям Утрехтского мира (апрель 1713 года), а морские подходы к городу были преграждены плотиной под тем предлогом, что Дюнкеркский порт превратился (по мнению англичан) в «гнездо корсаров». При этом торговые и рыболовные суда продолжали попадать в город по Мардикскому каналу с двумя шлюзами, построенному в 1714 году. Однако канал длиной более 6 км и шириной от 20 до 40 м сохранял возможность пропускать военные суда, поэтому Англия добивалась разрушения большого шлюза. По условиям Гаагского договора с Англией 4 января 1717 года большой шлюз должен быть разрушен, а малый — еще больше урезан. Правда, ко времени приезда Петра I постановление относительно канала не было исполнено, и движение судов по каналу было очень интенсивным.

Наиболее подробный отчет о пребывании Петра I в Дюнкерке, адресованный главе Совета по морским делам маршалу д'Эстре, сохранился в архиве морского ведомства. Он был составлен начальником портов Фландрии и Пикардии Ж. Биго де Ламоттом (Jacques Bigot de la Mothe) и датирован 25 апреля:

«Он сюда прибыл в среду вечером, 21 апреля; по приезду ему были оказаны желаемые почести как королю. В четверг утром

¹⁴ Вагеманс Э. Царь в республике. Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды (1716–1717) / пер. с нидерл. В.К. Ронина. СПб., 2013. С. 149.

[22 апреля] он посетил старый порт, Рисбан (артиллерийская позиция на сваях), форт Ревер, обошел их пешком и внимательно осмотрел все руины; затем он направился в арсенал, где посетил все магазины и мастерские, выясняя значение и вникая в малейшие подробности. После обеда он объехал вокруг города со стороны цитадели. В пятницу утром [23 апреля] он ездил в форт Блан, а оттуда на ниупортскую эспланаду для осмотра войск — кавалерии, драгунов, французской и швейцарской пехоты, — которые выполняли соответствующие приёмы. После обеда он направился на Мардикские шлюзы и осматривал их, а также насыпи, укрепленные фашинами (связками хвороста), тщательнейшим образом; для него шлюзы заполняли водой; он побывал на двух торговых судах и вернулся по каналу на лодке. [На следующий день] утром [24 апреля] он возвратился смотреть учения кавалерии и драгунов, которые показывали различные способы атаки и приёмы борьбы; после обеда он посетил казармы за городом, в которых он еще не был.

Этот странный монарх показался приятным и приветливым, не любящим ни заставлять других, ни сдерживать себя. Он всем интересуется, докапывается до сути, он проявляет любовь к военному делу, но особенно — к морским делам, посещая во время отлива все укрепления, которые защищали вход в порт; он не говорит по-французски <...>¹⁵.

Некоторые любопытные детали, дополняющие это описание, содержатся в донесении де Либуа от 23 апреля. По его словам, утром этого дня царь отправился еще раз осматривать Рисбан, форт Ревер и форт Блан, «где его застал прилив, что представляло некоторую опасность; он с лёгкостью вскочил на лошадь, а мы поплатились только парижской каретой, которая до того попорчена, что почти непригодна к употреблению»¹⁶.

Отдавая щедрую дань военно-морским делам, Пётр в Дюнкерке не забывал и о местных достопримечательностях. 22 апреля после обеда он посетил церковь Сент-Элуа и с интересом рассматривал её украшения и картины. Вид разоренной крепости и история разрушения Дюнкерка явно тронули царя. Он приобрел на память картины с видами французского города: 24 числа было «дано по указу его царского величества в Дункерке мужику за три картины одна пристани, другая города, третья бомбардировки Дункерка, 150 ливров»¹⁷.

¹⁵ *Teil J. du. Le czar à Dunkerque (1717)*. P. 159–160.

¹⁶ Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции. С. 143.

¹⁷ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. Т. 2. С. 59.

Антверпенская газета добавляла о пребывании царя в Дюнкерке: «Некоторые из виднейших купцов этого города через посредство князя Куракина имели честь с Его Царским Величеством разговаривать и вручили ему прошение, касающееся торговли в портах Московии, на каковое прошение сей государь соизволил ответить весьма благосклонно и заверить упомянутых купцов, что он всегда, насколько это в его власти, будет поощрять и опекать мореплавание и торговлю этого города и других портов Франции, и проч.»¹⁸.

О своем приезде во Францию царь сообщил жене 24 апреля в письме с каким-то шутивным подтекстом: «Объявляю вам, что мы четвертого дни во Вьрянки въехали со всею компаниею<...>»¹⁹. Впечатление от увиденного в Дюнкерке царь заключил в нескольких словах: «Зело жалка смотреть на руину сей фортеции, а наипаче гавани»²⁰.

Французские власти заранее позаботились о размещении царя в Париже. Вначале президент Совета по внутренним делам герцог д'Антен планировал поселить высокого гостя в отдельных апартаментах Лувра, выходящих окнами на реку, а если царь будет тяготиться шумом Парижа, то в загородной королевской резиденции Мёдон. Повидимому, тогда же появилось предложение предложить ему в качестве резиденции особняк герцога Вильюра — отель Ледигьер. Пётр ещё в Дюнкерке, обсуждая этот вопрос, отдавал предпочтение частному дому и желал избежать королевских дворцов. Либуа писал: «Рассматривая план Парижа, он просил меня указать ему старый Лувр и отель герцога де Вильюра»²¹. Царю больше понравился последний. В Париж был заранее отправлен 24 апреля «для взятья денег по векселям и для варенья пива» Иван Толстой, выступавший и в роли квартирмейстера. С ним было передано письмо царскому агенту Конону Зотову: «Г<осподин> Зотов. Письмо твое я получил, на которое отвечаю, что праздник Пасхи намерен взять в Кале, а по празднике немедленно поеду, богу изволишу, в Париж. Я посылаю к вам Толстова для взятья денег по векселям и для варенья пива, также к моему приезду чтоб сыскать из морских офицероф одного, хтоб умел по голански говорить и при мне б был, пока я буду во Франции»²².

¹⁸ Вагеманс Э. Царь в республике. С. 163.

¹⁹ Письма русских государей и других особ царского семейства. Т. 1: Переписка Петра I с Екатериною Алексеевною. М., 1861. С. 64. О фривольном смысле этой фразы свидетельствует ответ Екатерины с намеком на царскую любовницу-«метресишку»: «Что-же изволите писать, что во фрянки въехали, и мне жаетца — довольно было и тех, что и отсель некоторые повезли с собой». — Там же. С. 160.

²⁰ Там же. С. 64.

²¹ Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции. С. 147.

²² Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270. № 84. Л. 353.

Такую же просьбу о переводчице царь адресовал де Либуа. Однако кажется, он сам нашёл такового помощника в лице капитана Бара (François Cornil Bart, 1677–1733), который в дальнейшем сопровождал его во Франции. Царь настойчиво предлагал ему перейти на русскую службу, но получил отказ. Французский двор оценил патриотическую позицию своего подданного и после отъезда русского монарха наградил капитана крестом Святого Людовика²³.

Французские представители (как и иностранные наблюдатели) пытались выведать у русской стороны истинные причины поездки царя, которые были известны лишь высшим представителям власти и держались в секрете. Даже де Либуа жаловался, что «не узнал действительной причины путешествия царя, кроме простого любопытства и некоторой врожденной любознательности. Я усматриваю какие-то неясные намерения установить торговлю, но сомневаюсь в том, чтобы это составляло главную цель. Я имею возможность разузнать об этих предметах, когда получу на то ваше разрешение»²⁴. Однако маршал д'Юксель предостерег его от дальнейших расспросов и рекомендовал «избегать обнаруживать малейшее любопытство относительно видов царя при настоящем его путешествии и продолжительности его пребывания в королевстве»²⁵. Впрочем, заинтересованные лица догадывались, что царь едет в Париж «не ради одного удовольствия».

На пути из Дюнкерка в Кале 25 апреля случилась небольшая задержка в Гравлине, где местный комендант, усердно приветствуя царя, поставил весь гарнизон под ружьё. Здесь же царь обедал.

В пять часов вечера того же дня Пётр I прибыл в Кале, где его приветствовал лейтенант королевских войск кавалер Э. де Моле (Eustache, chevalier de Molé). Царь проследовал по Королевской улице до дома здешнего президента королевского суда Ф. де Тосса (François de Thosse), который сделался его резиденцией до 4 мая. Либуа заметил, что и в Кале проявилась склонность царя к небольшим жилым помещениям: он «не поселился в лучшей комнате, а предпочитает одну из внутренних маленьких комнат, выходящих окном в сад»²⁶. Длительная остановка была сделана ради предстоящих пасхальных праздников. Из Кале царь коротко отписал жене: «Объявляю вам, что мы в прошлое воскресенье приехали сюды, слава Богу, здорово, и отсель, Богу изволишу, назавьтрее праздни-

²³ *Teil J. du. Le czar a Dunkerque (1717). P. 170.*

²⁴ Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции. С. 145.

²⁵ Там же. С. 155.

²⁶ Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции. С. 152.

ка поедем в Париж. Новова отсель писать нечево, толко что флот аглинской пред петью днями пошел в путь свой»²⁷.

Журнал царского путешествия как всегда лаконично назвал основные события:

«В 17 [28] день его величество в Кале смотрел фортецию и салдацкую экзерцицию и был в цитаделе. В 18 [29] день смотрел француза большого мужика, имянем Николая, который zelo велик, и оного его величество после вывез с собою в Россию. И был его величество в Кале до 23 [4] числа, где и праздник Пасхи взял»²⁸.

Из этого сообщения видно, что оно составлялось спустя какое-то время и, может быть, немалое. Об этом же может свидетельствовать и ошибка в числе: более точный журнал выдачи денег зафиксировал, что 27 (16) числа «дано в Кале большому мужику Николаю, которого изволил его величество смотреть, 10 червонных»²⁹. В этих записях речь идет о французе-великане Николае Буржуа, отличавшемся высоким ростом (226,7 см) и силой. Впоследствии царь женил его на высокой чухонке, желая завести породу особо высоких и могучих людей. Художник Г. Гзелль написал портрет великана. По мрачной прихоти царя после смерти Н. Буржуа из его тела было изготовлено чучело для Кунсткамеры³⁰. Литератор А.А. Нартов придумал разговор, якобы происходивший в Кале при встрече великана с царём³¹.

Царь и на страстной неделе не переставал удовлетворять своё любопытство, что еще более очевидно из подробной записки, составленной городским секретарем Габриэлем Бодье (Gabriel Baudier):

«25 апреля 1717 года царь Московии Пётр Алексеевич прибыл в Кале из Нидерландов и Голландии и отбыл отсюда 4 мая в Булонь и Париж.

Во всё время пребывания здесь он очень строго постился, был строго одет без знаков отличия по той причине, что это была страстная неделя.

²⁷ Письма русских государей и других особ царского семейства. С. 64–65.

²⁸ обстоятельный журнал о вояже (или о путешествии) его царского величества. С. 616.

²⁹ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. С. 59.

³⁰ *Беляев О.* Кабинет Петра Великаго. Отд. 1. СПб., 1800. С. 190–192; *Anemone T.* Les monstres de Pierre le Grand: la culture de la Kunstkamera à Saint-Petersbourg au XVIIIe siècle // *Le Mirage russe au XVIIIe siècle* / publ. par S. Karp, L. Wolff. Ferney-Voltaire, 2001. P. 37–39.

³¹ Пётр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. С. 313–314.

В понедельник 26-го он посетил порт, цитадель, городские укрепления; он сходил с лошади, чтобы измерить “пицаль из Нанси”³².

27-го он прогуливался в лодках по морю и осматривал Красный и Зеленый форты, где он выходил из лодки; во время его нахождения на море из Красного форта было сделано 6 артиллерийских залпов.

28-го он наблюдал за учениями гарнизона, выстроенного в боевом порядке перед церковью Сен-Пьер, затем он был в форте Ниёле.

В четверг 29-го он не выходил, а 30-го выходил только вечером, чтобы прогуляться от порта до цестерианского монастыря.

1-го мая он оставался дома и 2-го тоже, ибо в этот день он праздновал свою Пасху, присутствовал на службе, которую его патриарх (sic!) отправлял в часовне, специально устроенной в одной из комнат дома господина президента, где он располагался, обслуживался и питался за счет короля специально приходящими слугами.

На входе и на выходе из города, а также во время пребывания в порту, в цитадели и в форте царя приветствовали тремя залпами крепостной артиллерии.

Во все время пребывания в Кале, вплоть до 2-го мая, его люди были, как и он, скромно одеты из-за поста, но в день Пасхи они все переоделись в пышные одежды на французский манер, а особенно монарх, который был одет в этот день в красную одежду, обшитую галуном, с орденом в виде солнца с крестом внутри, осыпанным бриллиантами; он вышел вечером, чтобы нанести визит своему патриарху, который поселился в гостинице; и во время пира он выпил со своей свитой пива и полкувшина вина.

На следующий день он нанёс визит князю Куракину, расположившемуся у мадам Шарпантье де Маркур, а после обеда он прогуливался в карете за городом.

Он выехал из города 4 мая в 7 часов утра под звук трех артиллерийских залпов всей крепостной артиллерии»³³.

Де Либуа в своих донесениях подтверждал, что в Кале, «как и в Дюнкерке, он (Пётр) всё осматривал и хвалил, особенно кре-

³² Речь идет об известной в то время модели пушки.

³³ *Teil J. du. Le czar à Dunkerque* (1717). P. 172–173.

пости и полевые укрепления». К этому королевский придворный добавлял, что 28 апреля «в час пополудни царь осматривал Лионский полк и остался им так доволен, что целый день говорил о нем с величайшей похвалою; монарх этот видел также форт Ниёле»; после посещения форта царя забавляли охотой на зайцев, и он был в очень хорошем расположении духа, даже пытался ухаживать за хозяйкой дома³⁴. «Мужикам, что зайцев ловили», было дано по указу царя 2 червонных³⁵.

Хозяин дома, где останавливался царь, Ф. де Тосс также оставил воспоминания о празднике:

«Вчера была Пасха и Его Величество был в часовне с 4 часов утра до 9, когда ему приготовили обед. Я ходил смотреть церемонию, которая достаточно красива, с музыкой не лишенной приятности. Монарх поцеловал всех господ и своих слуг, он обедал на публике, а после обеда закрылся со своими господами <...> Его Величество вышел в 8 часов вечера, чтобы навестить своих музыкантов (речь идет о певчих. — *С.М.*), расположившихся в кабаре; он там пил с ними полчаса, а затем пошел спать.

Ради праздника он казался великолепно одетым, чего не было до этого — долгое время царь был одет очень скромно в коричневый кафтан. На нём была голубая лента и его орден Святого Андрея <...> Это монарх величественного вида и очень любезный при ближайшем знакомстве»³⁶.

Де Тосс поднес царю книгу «Записки о галльской войне» Юлия Цезаря³⁷ с дарственной надписью: «L'an mil sept cent dixsept et le 28. avril François de Thosse Con^{te}. du Roy president juge general de La ville de Calais a sù l'honneur et l'avantage de presenter Ce livre des Commentaires de Coezar a Sa Majesté le Czar de la grande Russie qui luy a fait la grasse de vouloir l'accepter»³⁸. Роскошное издание благополучно сохранилось до наших дней в составе библиотеки Петра I.

3 мая Пётр поздравил жену с наступившим праздником Христова Воскресения, вспомнил о маленьком сыне («Дай Боже видеть его в радости!») и шутиливо посетовал на большую убыль водки:

³⁴ Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции. С. 167, 178.

³⁵ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. С. 62.

³⁶ *Teil J. du. Le czar à Dunkerque (1717)*. P. 173–174.

³⁷ БАН НИОРК 2060 f.m./130.

³⁸ «28 апреля 1717 года советник короля, президент генерального суда города Кале Франсуа де Тосс был удостоен чести и преимущества поднести эту книгу Записок Цезаря Его Величеству царю Великой России, который соизволил её принять» (фр.).

«Благодарствую за венгерское, которое здесь в диковину, а крепisha (водки. — С.М.) только одна фляшка осталась, не знаю как быть. Посылаю к вам карлу францужена, которого я принял; извольте ево в призерении иметь, чтоб нужды не имел»³⁹. «Карлой» царь назвал великана Николая Буржуа, которого отправили из Кале к царице в Голландию с сержантом Яковлевым⁴⁰.

2 мая в Кале прибыл Луи де Майи, маркиз де Нель (Louis de Mailly, marquis de Nesle, 1689–1767) — более знатный и титулованный придворный, который должен был приветствовать царя и взять на себя заботы о его переезде в Париж. Его первое впечатление о русских гостях было не весьма благоприятным: «Сегодня день их Пасхи, и чтобы достойно отпраздновать это торжество, они все напились, за исключением только царя, который, говорят, никогда не пьёт до помрачения рассудка»⁴¹. О взаимной неприязни царя и маркиза ходили разные слухи. Говорили, что французский царедворец хотел поразить царя пышностью своих костюмов, которые он менял каждый день. Это вызвало саркастическое замечание Петра: «Поистине мне жаль, что у господина де Неля такой плохой портной, что он не может найти удобного для себя платья»⁴².

Де Либва, вынужденный подчиниться более высокопоставленному придворному, с обидой писал д'Юкселлю: «Я не замечал до настоящей минуты, чтобы царь желал иметь при себе титулованную особу»⁴³. Организуя поездку царя со свитой в Париж, представители короля столкнулись с проблемой: любознательный гость не хотел ехать в закрытой карете-берлине; с трудом удалось раздобыть для него несколько двухместных одноколок: «царь предпочитает двухместные и двухколесные экипажи со сменными лошадьми».

В результате из Кале 4 мая выехал следующий караван: 6 колясок-одноколок, 1 карета-берлин, 2 повозки, 17 царских слуг верхом. В одноколках поместились Пётр с Ягужинским, Куракин с Нарышкиным, Долгоруков с Бутурлиным, Арескин с Макаровым, Олсуфьев со священником; Шафиров из-за толщины мог лишь один поместиться в одноколке; в берлине помещались Савва Рагузинский и Толстой. Повозки были загружены постельными и кухонными принадлежностями. Верхом ехали денщик Мурзин, пажи,

³⁹ Письма русских государей и других особ царского семейства. С. 65–66.

⁴⁰ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. С. 61.

⁴¹ Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции. С. 189.

⁴² М. Полуденский приводил этот рассказ с глухой ссылкой на мемуары д'Аржансона. Этот же сюжет был пересказан И.И. Голикову И.И. Неплюевым. См.: *Голиков И.И.* Дополнение к Деяниям Петра Великого, содержащее анекдоты, касающиеся до сего великого государя. М., 1796. Т. 17. С. 293.

⁴³ Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции. С. 162.

слуги царя и его вельмож. Часть большой свиты царя была послана вперед⁴⁴.

По пути из Кале в Булонь царь обедал в Маркизе. 4 мая он ночевал в Булони, где его принимали с обычными почестями. Городские власти встретили его за Новыми воротами; по улицам был расставлен караул из вооруженных горожан. Царь остановился в доме правителя города герцога д'Омона (Louis, duc d'Aumont, 1667—1723), где ему накрыли ужин. Все приготовления для ночлега были сделаны в Монтрейе, но царь решил остаться в Булони, поскольку его не устраивала коляска. Он пожелал, чтобы на каретные дроги поставили кузов его одноколки. В таком странном экипаже он продолжал своё путешествие.

На следующий день, 5 мая, Пётр прибыл к ужину в Абвиль, миновав Нёфшатель, Франк, Монтрей, Нампон, Берне и Нувьон. В Абвиле он был встречен у ворот Маркаде в пять часов вечера местным комендантом де Ла Родом и членами городского магистрата с пушечной пальбой и барабанным боем. Ему поднесли почётный бочонок вина. Царь остановился со свитой в доме некоего Жана Франсуа Буре (Jean François Bourrée) на улице Сен-Жиль. Походный журнал сообщал, что монарх «ночевал в городе Абевилле, где лутчая во Франции суконная мануфактура, которую его величество изволил смотреть сам»⁴⁵.

«Смотреть» — это слово часто употреблялось в петровском путевом журнале и в письмах. Своеобразный итог дорожным наблюдениям царь подвёл в письме к Екатерине в письме из Парижа от 10 мая (28 апреля ст. ст.): «А сколько дорогого видели, бедность в людях подлых великая»⁴⁶. Действительно, проезжая французские деревни, царь мог убедиться в крайней бедности местных крестьян, разоренных многочисленными войнами Людовика XIV. Как справедливо отметил А.Г. Брикнер, царь сравнивал французских крестьян не с русскими: «После посещения им самых богатых тогда в Европе стран, голландских и австрийских Нидерландов, его поражала бедность населения во Франции»⁴⁷.

В Абвиле к царю пытался пробиться посланник польского короля, чтобы добиться указа о выводе русских войск из Польши, однако

⁴⁴ «Отправлены из Кале на перед в Париж его царского величества служители: Авраам арап, Лакоста, трое сержантов, Черкасов, салдат Овсянников, которых велено по дороге кормить и квартиры платить из денег его величества». — Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. С. 60.

⁴⁵ Обстоятельный журнал о вояже (или о путешествии) его царского величества. С. 616.

⁴⁶ Письма русских государей и других особ царского семейства. С. 66.

⁴⁷ Брикнер А.Г. История Петра Великого. М., 1996. Т. 2. С. 155.

царь отложил аудиенцию до прибытия в Париж. Тогда же Пётр решил ускорить свой приезд во французскую столицу. 6 мая он планировал ночевать не в Амьене, а в Бове, но наконец решил ехать только до Бретейя. Непостоянство желаний гостя, конечно, раздражало королевских придворных, отвечавших за его приём. Де Либуа сетовал: «Этот маленький двор весьма переменчив и нерешителен и все от престола до конюшни чрезвычайно склонны к гневу». Ему вторил де Нель: «такая переменчивость чрезвычайно затруднительна»⁴⁸.

Новый сюрприз царь преподнёс гостеприимным хозяевам в Амьене. Там управляющий округом (интендант) Л. де Бернаж (Louis de Bernage, 1663—1737), приготовил для царя обед в епископском дворце, где его ожидали также де Либуа и де Нель, прибывшие сюда заранее. Царю навстречу выслали парадную карету. Однако он, чтобы избавиться от церемоний и любопытства публики, проехал город почти без остановки, приказав эскорту следовать за ним дальше. Лишь некоторые члены свиты, как П.П. Шафиров, заехали во дворец, чтобы освежиться прохладительными напитками. Бернаж и его жена были вынуждены дать бал местному обществу, чтобы не пропали столы, накрытые для царя. Парижский журналист Ф. Бюше рассказал об этом эпизоде, когда царь отказался ехать на обед, а в ответ на замечание, что в противном случае ему не удастся хорошо пообедать, заметил: «Я солдат и если только я нахожу хлеб и пиво, я доволен»⁴⁹. Этот сюжет был пересказан А.А. Нартовым в анекдоте о Петре, который якобы затем упрекал своих приближенных, пожалевших, что в другом месте такого обеда не будет: «У вас только и на уме, чтоб пить да есть сладко. Для солдата был бы сухарь да вода, так он тем и доволен. А здесь можно найти белый хлеб и вино»⁵⁰.

В Бретейе Пётр остановился на ночлег в бенедиктинском аббатстве святой Марии.

7 мая амьенская история повторилась в Бове, где местный епископ де Бовилье (François Honoré Antoine de Beauvilliers, 1682—1751) приготовил для русского гостя концерт, иллюминацию и фейерверк; комнаты, предназначенные для царя, были украшены его гербами, а в предполагаемой царской спальне были повешены портреты его отца и деда (!). Однако царь проехал город без остановки: лишь пушечные залпы оповестили горожан о присутствии высокой персоны. Как было замечено исследователем царских путешествий,

⁴⁸ Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции. С. 150—151, 189.

⁴⁹ [Buchet P.F.] *Abbrégé le l'histoire du Czar Peter Alexiewitz, avec une relation de l'état présent de la Moscovie, et de ce qui s'est passé de plus considerable, depuis son arrivée en France jusqu'à ce jour.* Paris, 1717. P. 179.

⁵⁰ Пётр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. С. 312.

Пётр придавал значение пушечным выстрелам и их количеству, но назойливое внимание толпы его раздражало: «царь хотел посетить страну незаметно для народа», но «очень ценил, когда в его честь гремели пушечные залпы»⁵¹. В тот день царь и его свита остановились на обед в крошечной деревне Аллон, где пообедали всего за 18 ливров. Епископ Бове приехал сюда, чтобы приветствовать царя, и услышал в ответ его извинения.

В тот же день, 7 мая, царь прибыл в Бомон, где его уже два дня ожидал маршал де Тессе, который по поручению герцога Орлеанского отвечал за приём русского посольства в столице. Здесь для царя королевскими служителями во главе с первым метрдетелем короля де Ливри был приготовлен роскошный обед. Отсюда в шести королевских каретах (каждая была запряжена шестеркой лошадей) царь и его свита отправились в Париж в сопровождении эскорта из 15 гвардейцев. Поздно вечером 7 мая (26 апреля по ст. ст.) царский поезд, миновав Сен-Дени, прибыл в столицу. Де Либуа и де Нель могли вздохнуть свободно. Жадные до новостей парижане с нетерпением ожидали приезда русского царя.

⁵¹ Вагеманс Э. Петр Великий в Бельгии. С. 103.

«Этот маленький двор весьма переменчив»: свита Петра I

По сведениям принимающей стороны, Пётр I должен был прибыть во Францию в сопровождении свиты, состоящей «из 20 главных лиц и 20 слуг»¹. Для «главных лиц» полагались особые хорошо меблированные комнаты в царской резиденции или квартиры в других городских домах, а слуги могли располагаться в гостиницах. В Дюнкерк с царём прибыло 57 человек². Королевский посланник де Либуа с удивлением увидел, что за царем по-прежнему следовали сопровождавшие его в Австрийских Нидерландах представители императора — герцог Гольштейнский (Joachim Frédéric, duc de Holstein-Ploën, 1668–1727) и князь Турн-и-Таксис (Anselme Franz, prince de la Tour et Taxis, 1681–1739), которые, пробыв с царем несколько дней, по-видимому, все-таки возвратились в Нидерланды³. Французы полагали, что в Париж с ним отправиться меньше людей, но численность свиты, напротив, возросла. В Кале царя уже окружало около 80 человек⁴. Царский поезд, отправившийся в столицу, насчитывал 61 человека⁵. Остальные ехали самостоятельно — их поездка оплачивалась из средств царя. В письме к регенту де Либуа охарактеризовал главных лиц царской свиты⁶. Его наблюдения не лишены проницательности.

¹ Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции, за апрель и май месяцы 1717 года // Сборник Императорского Русского исторического общества. 1881. Т. 34. С. 124; маркиз Данжо писал, что в свите царя состоят только 15 важных персон и столько же слуг. — [Dangeau Ph.] Journal du marquis de Dangeau. Paris, 1859. Т. 17: 1717–1719. P. 77.

² Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции. С. 140.

³ Там же. С. 140, 156, 162.

⁴ Там же. С. 175.

⁵ Там же. С. 168–170.

⁶ Там же. С. 163–166.

Первое место в свите царя во время визита во Францию, несомненно, занимал князь Борис Иванович Куракин (1676–1727). Аристократ, родственник (своjak) Петра I, он сделал блестящую дипломатическую карьеру и во время второй поездки царя в Европу состоял русским посланником в Голландии. Борис Иванович усердно служил царю на внешнеполитическом поприще, но не во всем одобрял поведение царя и его политику в отношении старой знати. Его особое место в свите определялось не только высоким положением тайного советника и полномочного министра, профессиональными знаниями и опытом, но и прекрасным владением французским языком. Он выступал в качестве переводчика и посредника в официальном общении царя с принимающей стороной, «все, касающееся настоящего путешествия, возложено на князя Куракина». В инструкции, полученной де Либуа от правительства, говорилось: «Князь Куракин из всех посланников царя отличается наибольшей вежливостью и талантами, намерения его всегда были прямы»⁷. И сам посланник короля отзывался о нём с наибольшей симпатией, отмечая прекрасные манеры, ум и обходительность князя, его «склонность к тому, чтобы все шло к обоюдному удовольствию». В качестве недостатков назывались его педантизм и мелочность: он «относится к малейшим безделицам с жаром, как будто бы дело шло о важных предметах»⁸. Испанский дипломат, наблюдавший за Куракиным в Париже, утверждал, что «это человек самого изысканного обращения, не сохраняющий ни малейших следов той невоспитанности и грубости, которая отличает его соотечественников»⁹. Позже герцог Сен-Симон дал развернутую характеристику князю Куракину, которая как бы подводила итог его дипломатической деятельности во Франции: «Куракин принадлежал к одной из ветвей старинного рода Ягеллонов, представители которого долгое время носили короны Польши, Дании, Норвегии и Швеции. Он был высок, хорошо сложен, понимал высоту своего положения, обладал большим умом, хитростью и был весьма образован. Он достаточно хорошо говорил по-французски и на многих других языках, много путешествовал, принимал участие в войнах, а затем был посланником при разных дворах. Тем не менее в нём еще чувствовался русский, и его таланты весьма портила крайняя скупость. Он и царь были женаты на сестрах, и у каждого было от них по сыну. Царица получила развод и была заточена в монастырь

⁷ Там же. С. 129.

⁸ Там же. С. 163.

⁹ *Ковалевский М.* Новые данные о пребывании Петра в Париже, почерпнутые из испанских архивов // Русская мысль. 1884. № 1. С. 111.

неподалёку от Москвы, но Куракин не ощущал последствий этого. Он великолепно знал своего государя, который многое ему позволял, выказывал большое доверие и уважение <...>¹⁰. За заключение Амстердамского договора, подписанного по итогам царского визита в Париж, Куракин был награжден орденом Св. Андрея Первозванного¹¹. Когда возникла перспектива заключения нового союзного договора с Францией, Куракин был назначен в 1724 году послом в Париж, где он и умер 17 октября 1727 года.

Еще одним знатным членом русского посольства был князь Василий Владимирович Долгоруков (1667–1746)¹² — «весьма обходительный человек и очень уважаем царем; одно неудобство заключается в том, что он не понимает решительно никакого языка, кроме русского»¹³. Суровый усмиритель булавинского восстания, Василий Владимирович более тяготел к военным делам и впоследствии дослужился до фельдмаршальского звания. В 1711 году он был пожалован в кавалеры ордена Св. Андрея Первозванного, однако в 1718 году попал во временную опалу в связи с делом царевича Алексея.

Вице-канцлер барон Пётр Павлович Шафиров (1673–1739)¹⁴, как уже отмечалось, не одобрял визит царя в Париж. Тем не менее, Пётр I вызвал его к себе, и дипломат прибыл в Кале около 27 апреля и занял в свите царя важное место. Де Либуа сразу же отметил это: «Он кажется вежлив и остроумен и в делах пользуется доверием едва ли не большим, чем князь Куракин, которому, впрочем, он несколько не уступает изяществом манер <...> Приезд Шафирова значительно ослабил влияние князя Куракина. Я осмелился приветствовать Шафирова от вашего имени (регента Франции. — С.М.), что было очень хорошо принято»¹⁵. Действительно, Шафиров и Куракин не симпатизировали друг другу, что не мешало Петру использовать их высокие деловые качества. В отличие от аристократа до мозга костей Куракина Пётр Павлович был сыном холопа и

¹⁰ Сен-Симон. Мемуары. Полные и доподлинные воспоминания герцога де Сен-Симона о веке Людовика XIV и Регентстве. Избранные главы / пер. с фр. Ю.Б. Корнеева; предисл. А.Д. Михайлова; сост. и коммент. А.П. Бондарева. Кн. 2. М., 1991. С. 350–351.

¹¹ По другим сведениям, Куракин был пожалован в кавалеры ордена Св. Андрея Первозванного в марте 1717 года. — Серов Д.О. Администрация Петра I. М., 2007. С. 51.

¹² См.: Там же. С. 39.

¹³ Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции. С. 164.

¹⁴ См.: Серов Д.О. Администрация Петра I. С. 79–80.

¹⁵ Там же. С. 166, 170.

крещеного еврея, но сумел сделать головокружительную карьеру, что исполнило его важности. Главной дипломатической заслугой барона было заключение Прутского договора 1711 года, который избавил от угрозы турецкого плена русскую армию и лично царя. Получив перед поездкой большую сумму денег, Шафиров использовал их как на свои, так и на царские нужды. Так, в дороге от Кале до Парижа «в розных местах при смотре костелов, мануфактур, садов и иных достойных смотрения мест в бытность при его царском величестве роздано 150 ливров»¹⁶. Поскольку вице-канцлер не владел французским языком, у него в услужении находились местные переводчики.

Французский наблюдатель отмечал особую близость к Петру I Павла Ивановича Ягужинского (1683—1736)¹⁷, называя его «фаворитом». Действительно, сын польского органиста и бывший денщик царя к 1717 году превратился в генерал-адъютанта, выполнял ответственные поручения за границей и пользовался безграничным доверием царя (позже он будет назначен генерал-прокурором Сената). Честный и прямодушный, он бывал вспыльчив и неравнодушен к алкоголю. Это не укрылось и от внимания де Либуа: Ягужинский «пользуется всеми его (царя. — С.М.) милостями и довольно учтив, любит удовольствия и никогда не ложится спать трезвый»¹⁸.

Еще одним опытным дипломатом в царской свите был Петр Андреевич Толстой (1653—1729)¹⁹. Тяжелую дипломатическую «школу» он прошел в Турции, где, будучи послом, почти два года находился в заключении. Неизвестно, какую роль он играл в переговорах в Париже, но сразу же после окончания визита Пётр Андреевич получил ответственнойшее поручение доставить в Россию царского сына Алексея, бежавшего под защиту императора в Вене. «Советник Толстой пользуется доверием и очень вежлив, он говорит по-итальянски»²⁰, — отмечал де Либуа.

Французский придворный обязательно отмечал, какими иностранными языками владели члены царской свиты, что значительно поднимало их в глазах французского наблюдателя. «Генерал-лейте-

¹⁶ РГАДА. Ф. 93. 1717. № 15. Л. 7.

¹⁷ См.: *Евангулова О.С.* Павел Иванович Ягужинский и его близкие в свидетельствах современников // Труды Государственного Эрмитажа: Т. 58: Петровское время в лицах — 2011: К 30-летию Отдела Государственного Эрмитажа «Дворец Меншикова» (1981—2011): Материалы научной конференции. СПб., 2011. С. 144—151; *Серов Д.О.* Администрация Петра I. С. 83—84.

¹⁸ Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции. С. 164.

¹⁹ См.: *Павленко Н.И.* Птенцы гнезда Петрова. М., 1984. С. 109—232; *Серов Д.О.* Администрация Петра I. С. 74.

²⁰ Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции. С. 164.

нант Бутурлин весьма ценим царем; он немного понимает по-немецки». Иван Иванович Бутурлин (1661–1738), с молодости близкий к царю, был одним из организаторов Преображенского полка, однако в 1700 году попал в плен под Нарвой и провел в Швеции почти 10 лет, после чего был обменен на шведского генерала.

Еще один родственник царя (троюродный брат его матери) Семён Григорьевич Нарышкин (начало 1680-х–1747), генерал-адеютант и камергер, пройдя в молодости обучение в немецких землях, часто использовался Петром I для дипломатических поручений. Трудно судить о его подлинном отношении к царю, ибо в 1716 году, встретив царевича Алексея на пути в Европу, он не советовал ему ехать к отцу. За это в 1718 году Семён Григорьевич был подвергнут опале. Нарышкин не произвел впечатления на французского придворного: «Я ничего не могу сказать об адеютанте камергере Нарышкине; он, кажется, незначителен во всех отношениях»²¹.

Царский врач и тайный советник Роберт Арескин (Эрскин, 1677–1718) был хорошо известен французскому правительству и дипломатам. Этот шотландец на русской службе находился в родственных и политических связях с вождями якобитов — сторонников свергнутого короля Англии Якова II Стюарта (ум. в 1702 году) и его сына Якова III. Якобиты нашли пристанище во Франции при Людовике XIV, но в новых политических условиях они потеряли поддержку французских властей, которым к тому же не хотелось, чтобы царь имел контакты с английскими эмигрантами в Париже. Русская дипломатия накануне (в марте 1717 года) официально заявила, что доктору Арескину запрещена всякая переписка с его родными не только по политическим, но и по семейным делам²². Тем не менее де Либуа отмечал «сильное желание вмешиваться во все дела»²³ со стороны Арескина. Французы не зря беспокоились: доктор Арескин все-таки будет иметь в Париже тайные встречи с вождём якобитов герцогом Маром²⁴.

Кабинет-секретарь царя Алексей Васильевич Макаров (1675–1750)²⁵ был человеком незнатного происхождения, но со временем

²¹ Там же.

²² Фейгина С.А. Аландский конгресс. Внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959. С. 169.

²³ Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции. С. 164.

²⁴ Фейгина С.А. Аландский конгресс. С. 174.

²⁵ Эти даты жизни приводятся в статье: Лантева Т.А. «По указу вашего величества з живописцем договорился писать баталии» // Исторический архив. 2011. №1. С. 196; другие исследователи приводят иные даты: (? –1740) — см.: Серов Д.О. Администрация Петра I. С. 54.

пробрел большой вес в делах. Как отмечает его биограф, значение кабинет-секретаря особенно возрастало во время длительного пребывания с Петром I в заграничных поездках, когда через секретаря происходило письменное общение царя со всеми сановниками страны, а с другой стороны, царь мог в близком общении оценить незаурядные качества своего надежного слуги²⁶. Под руководством Макарова велось составление Походных журналов царя. Макаров поддерживал также переписку с заграничными агентами царя, например, с Кононом Зотовым. Так, в фонде Кабинета сохранился перевод записки некоего француза, адресованной Зотову, в которой давалась характеристика международного положения и оценивались перспективы русско-французского сближения: «[Царь] может чаяти, что Франция на него в малом времени воззрит яко на такого государя, которой бы ей мог быть в пользу вместо короля швецкого, и что она почтится впредь привести его в свою дружбу и алианцию полезную обеим коронам»²⁷. На ней рукой Макарова написано: «Прочеть для любоведения по времени». Однако трудно говорить о влиянии Макарова на внешнеполитические дела. Де Либиа оценивал его как человека «незначительного», как и другого царского секретаря — Алексея Яковлевича Волкова. Ничего определенного не мог сказать французский наблюдатель о (Семёне Андреевиче?) Салтыкове.

Матвей Дмитриевич Олсуфьев (ок. 1695— ум. до 1750) имел вновь введенный в России придворный чин гофмейстера, неотлучно находился при особе монарха, фактически возглавляя его двор. Де Либиа характеризовал его следующим образом: «Человек образованный и пользующийся расположением царя, но в этом путешествии он совершенно подчинен князю Куракину; он говорит только по-русски и очень мало по-немецки»²⁸. Как уже отмечалось, в своих письмах из Франции Матвей Дмитриевич информировал князя А.Д. Меншикова об основных событиях визита.

Савва Лукич Рагузинский (настоящая фамилия — Владиславич, 1669 (?)—1738) — серб на русской службе, дипломатический и торговый агент царя в странах Южной Европы²⁹. Пётр I специально пригласил его из Венеции во Францию письмом от 15 (26) февраля

²⁶ Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. С. 248.

²⁷ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 32. Л. 540—544.

²⁸ Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции. С. 164.

²⁹ См.: Андросов С.О. Материалы к биографии графа Саввы Владиславича и его родственников // Труды Государственного Эрмитажа: Т. 47: Петровское время в лицах — 2009: К 300-летию Полтавской битвы (1709—2009): Материалы научной конференции. СПб., 2009. С. 34—41; Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. М., 1994. С. 331—266.

1717 года: «Я великую нужду имею до тебя, чтоб мне словесно с тобой переговорить, понеже писать о том невозможно, а понеже я чаю, что буду во Франции, того ради приезжай туды <...>»³⁰. Рагузинский ранее царя прибыл в Париж, что было известно регенту Франции, а затем присоединился к свите в Кале. Он «вмешивается во всякие дела», — писал де Либуа, — «я считаю его человеком не заслуживающим доверия»³¹. В свите царя также находился племянник Саввы Лукича Ефим Рагузинский — «молодой легкомысленный человек», который, по-видимому, служил курьером между Петром и Екатериной, оставшейся в Голландии.

Одним из незаметных членов свиты был советник посольской канцелярии Андрей Иванович Остерман (1686—1747), ставший впоследствии известным дипломатом и государственным деятелем. Его природная скрытность была отмечена французским наблюдателем: «Я не видел советника Остермана; не знаю, как ему это удалось: его приглашали несколько раз; мне кажется, он редко приходит к столу и мало вмешивается в дела»³².

Примечательной фигурой свиты был царский поп Битка (Иоанн Христофорович Битке, «Иван Хрисанфов»): «Главный священник, товарищ в удовольствиях любимца (П.И. Ягужинского. — С.М.), также неводержен и весьма в тягость; кажется, его дело только пить; он говорит единственно по-русски»³³. Свои обязанности духовника Битка совмещал с членством в шутовском Всешутейшем и всепьянейшем соборе, и эта его ипостась не осталась тайной для французского общества.

Среди главных лиц свиты числился царский шут Ян д'Акоста (Лакоста), выходец из Португалии. Оставался при царе во Франции и карлик Лука Честихин.

Список второстепенных членов царской свиты включал царского денщика поручика Прокофия Васильевича Мурзина, денщика (впоследствии генерала) Афанасия Даниловича Татищева, денщика Семёна Баклановского, денщика Ивана Орлова, подьячего (секретаря) Ивана Антоновича Черкасова, который позже станет бароном и кабинет-секретарем Елизаветы Петровны, придворных служителей Федора Мошкова и Ивана Кобылякова, обер-кухмистра (повара) Ивана Ивановича (Яна) Фельтена, пивовара Илью Семёнова, лекаря (хирурга) Яна Фейля и др. Среди свитских «второго разряда» числился и «арап Петра Великого» Абрам Петрович Ган-

³⁰ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270, оп. 1. Д. 84/1. Л. 141.

³¹ Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции. С. 165.

³² Там же. С. 164—165.

³³ Там же. С. 165.

нибал, денщик, которого царь после визита оставил во Франции «для обучения военных дел». Получив инженерное образование, он успешно служил инженером, дослужившись до звания генерал-аншефа. А.С. Пушкин прославил своего прадеда, которому ныне посвящено несколько книг³⁴. Впрочем, даже самые дотошные его биографы не смогли сообщить подробностей его пребывания с царем во Франции. В деловых документах посольства имена денщиков часто упоминаются в связи с царскими покупками и оплатой различных услуг, а также в связи с пошивом им новой одежды. Так, например, 27 апреля было «дано Абраму Арапу червонной, что он истратил на починку сундука, в котором книги и прочее возить»³⁵. Накопленные книги и другие царские покупки и подарки он позже передал по списку Ивану Орлову, который их упаковывал и укладывал в сундуки для отправки в Голландию³⁶.

В царскую свиту входили также солдаты, слуги и семь певчих (Степан Беляев «с товарищи»).

Эта разномастная компания была призвана вести дипломатические переговоры, способствовать общению Петра I с представителями французской стороны, обеспечивать переписку царя с царицей, военачальниками и первыми лицами Российского государства, кормить, лечить, развлекать, охранять царя и удовлетворять его повседневные потребности, заниматься покупками и заказами, сопровождать монарха в его поездках.

Де Либва заметил в письме к регенту, что весь этот двор обижается названием московитского и даже Московии. Тем не менее, благожелательный к царю французский журналист Франсуа Бюше под именем «москвитов» поместил в своем сборнике, адресованном широкой публике, следующий список важнейших представителей царской свиты:

«Господа московиты в свите царя: князь Куракин, посол в Англии, Голландии, полномочный представитель на конгрессе в Брюн-

³⁴ См.: *Леец Г.* Абрам Петрович Ганнибал: Биографическое исследование. Таллин, 1984; *Фейнберг И.Л.* Абрам Петрович Ганнибал прадед Пушкина. Разыскания и материалы. М., 1986; *Гнамманку Д.* Абрам Ганнибал: черный предок Пушкина. М., 1999; *Телетова Н.К.* Жизнь Ганнибала — прадеда Пушкина. СПб., 2004.

³⁵ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. Т. 2. С. 59.

³⁶ *Долгова С.Р.* Кабинет Петра I — уникальная коллекция Российского государственного архива древних актов // Петровские реликвии в собраниях России и Европы. Материалы III Международного конгресса петровских городов. Санкт-Петербург, 8–10 июня 2011 года. СПб., 2012. С. 21; Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. Т. 2. С. 69.

свике; господин Шафиров, вице-канцлер и тайный советник, кавалер полного ордена Белого Орла, директор почт, бывший посол в Турции; господин Ягужинский, генерал-адъютант и камергер; господин Макаров, секретарь Кабинета; господин Мурзин, лейтенант гвардии; господин Сава Рагузинский, советник двора; князь Долгорукий, генерал-лейтенант, полковник гвардии, кавалер ордена Св. Андрея; господин Бутурлин, генерал-лейтенант; господин Толстой, тайный советник, кавалер ордена Белого Орла; господин Нарышкин, генерал-адъютант и камергер; господин Арескин, советник медицины³⁷.

³⁷ [Buchet P.F.] Abbregé de l'Histoire du Czar Peter Alexiewitz, avec une Relation de l'Etat présent de la Moscovie, et de ce qui s'est passée de plus considerable, depuis son arrivée en France jusqu' à ce jour. Paris, 1717. P. 208.

«Визитовал меня здешней каралица»: официальные встречи в Париже

Хотя визит русского царя во Францию носил специфический характер дипломатической импровизации, стараниями Петра I он приобрел важное политическое значение и включал в себя протокольные встречи с юным королем Людовиком XV, а также переговоры с регентом Филиппом Орлеанским. Царю приходилось общаться с рядом государственных деятелей, дипломатов и придворных, посещать государственные учреждения и официальные мероприятия.

В Париже ждали необычного гостя. Для него приготовили апартаменты в Лувре и отель (особняк) Ледигьер на улице Серизе в районе Бастилии.

Слухи о скором прибытии царя будоражили столичное общество. Уже 6 мая огромная толпа собралась на улицах Парижа, ведущих к Сен-Дени в ожидании высокого гостя; говорили, что регент герцог Орлеанский выедет к воротам Сен-Дени для встречи царя¹. Самое полное описание приезда царя во французскую столицу дал издатель «Le Nouveau Mercure» Ф. Бюше. По его словам, в день приезда царя вся дорога от Сен-Дени до Парижа была уставлена в два ряда каретами любопытствующей публики. Однако в связи с наступлением темноты на дороге остались лишь самые стойкие зрители. «Монарх приехал в Париж между 9 и 10 часами вечера, когда король уже спал. Царь был удивлен, видя улицы Сен-Дени и Сент-Оноре полностью иллюминированными, заполненными бесчисленным количеством народа, который занял все окна и проходы. Царь вышел у старого Лувра, его проводили в апартаменты покойной королевы-матери, приготовленные для него. Он осмотрел их в течение получаса, любуясь великолепием королевской мебели, огромным количеством свечей в люстрах и жирандолях, кото-

¹ Amsterdam. № XXXIX. 14 mai 1717.

рые отражались в зеркалах и производили почти ослепляющее впечатление. Войдя в зал, он нашел там два стола на 60 кувертов каждый, сервированные скоромной и постной пищей. Осмотрев их, он попросил кусок хлеба и репы, попробовал пять или шесть сортов вина, выпил два стакана пива, которое он очень любит. Бросив взгляд на толпу вельмож и прочих господ, заполнивших все апартаменты, он попросил маршала де Тессе проводить его в отель Ледигьер <...>² Нельзя поручиться за точность всех описанных в рассказе деталей, но очевидно, что Лувр царю «за великостью не понравился»³. Другая газета сообщала, что угощением, состоявшим из 800 блюд, воспользовалась лишь свита царя⁴. Брюссельский журналист, описав странный ужин царя, «уточнил», что тот выпил не только пива, но и «немного водки»⁵.

Хозяева предлагали царю провести в Лувре хотя бы три дня, но он настоял на отъезде в более скромную резиденцию. Прибыв в отель Ледигьер, царь нашел слишком роскошной предназначенную ему кровать и устроился на ночлег в гардеробе, где находилась кровать для слуги⁶.

Три первых дня пребывания в Париже были пожертвованы Петром дипломатическому протоколу. Хотя царь не любил церемоний, и считалось, что он находится во Франции инкогнито, он решил дождаться официальной встречи, подчеркивающей его равенство с королем Франции. Принимающая сторона, напротив, была очень чувствительна к протокольной стороне визита. В Архиве Министерства иностранных дел Франции сохранилась приуроченная к визиту записка «О титулах», в которой подчеркивалось, что царя ни в коем случае нельзя приравнивать к императору, как это делают русские, и именовать Императорским Величеством⁷. На этот раз и царь продемонстрировал «чувство собственного достоинства, высокое понятие о значении России и

² [Buchet P.F.] Abbregé de l'Histoire du Czar Peter Alexiewitz, avec une Relation de l'Etat présent de la Moscovie, et de ce qui s'est passée de plus considerable, depuis son arrivée en France jusque' à ce jour. Paris, 1717. P. 180–181.

³ Братья Олсуфьевы, обер-гофмейстеры Петра Великого. Переписка их с князем А.Д. Меншиковым (1717–1727) // Русский архив. 1883. Кн. 3. С. 32.

⁴ Amsterdam. № XL. 19 mai 1717.

⁵ Relations Veritables. 14 mai 1717.

⁶ [Buchet P.F.] Abbregé de l'Histoire du Czar Peter Alexiewitz. P. 182; возможно, эта анекдотическая деталь берет начало от сообщения де Либуа о склонности царя селиться в маленьких комнатах; между тем из письма Олсуфьева можно понять, что Петр ночевал в парадном помещении и принимал короля у себя в «спальне». — Братья Олсуфьевы, обер-гофмейстеры Петра Великого. С. 33.

⁷ Archives du Ministère des affaires étrangères. Mémoire et Documents. Russie. T. 3. № 12. F. 134–138.

даже некоторое чванство»⁸. Герцог Сен-Симон позже заметил: «При всей своей любознательности он не хотел выйти из дворца Ледигьер и вообще подавать признаков жизни до тех пор, пока король не сделает ему визит»⁹.

Утром 8 мая регент Франции Филипп Орлеанский нанес визит царю. Это была чисто протокольная встреча («о делах не говорили»), продолжавшаяся, по разным свидетельствам, от 15 минут до часа. Перед встречей маршал де Тессе представил высокому гостю французских вельмож и военачальников. Разговор с военными специалистами, среди которых был маршал Виллар, вызвал особый интерес у Петра¹⁰.

Весь следующий день царь находился в своей резиденции в ожидании визита короля. В этот день он писал Екатерине: «Я третьего дня ввечеру прибыл сюды благополучно, и два или три дни принужден в доме быть для визит и прочей церемонии, и для того ничто еще не видел здесь <...>»¹¹.

Людовику XV во время царского визита было семь лет. Он унаследовал трон от своего прадеда Людовика XIV в 1715 году. Письмом от 30 октября 1715 года русский царь поздравил нового короля с восшествием на престол¹². Король-мальчик имел приятную внешность: живые черные глаза, длинные загнутые ресницы, прекрасный цвет лица, очаровательный маленький рот, розовые щечки. Вместе с тем этот хрупкий и застенчивый ребенок быстро превращался в «enfant terrible». К двенадцати годам он стал злобным и насмешливым подростком, плохо воспитанным и не приученным к работе¹³. Королевским воспитателем был маршал де Вильюа (François de Neufville, duc de Villeroy, 1644—1730). Неудачливый полководец, проигравший несколько сражений, он тем не менее считался одним из самых высокопоставленных придворных¹⁴. Маршал был владельцем отеля Ледигьер, в котором постоянно не жил и который был предоставлен в качестве резиденции Петру и его свите.

⁸ Брикнер А.Г. Франция и Россия при Петре Великом // Журнал Министерства народного просвещения. 1883, авг. С. 187.

⁹ Сен-Симон. Мемуары. Полные и доподлинные воспоминания герцога де Сен-Симона о веке Людовика XIV и Регентстве. Избранные главы / пер. с фр. Ю.Б. Корнеева; предисл. А.Д. Михайлова; сост. и коммент. А.П. Бондарева. Кн. 2. М., 1991. С. 360.

¹⁰ [Buchet P.F.] Abbégé de l'Histoire du Czar Peter Alexiewitz. P. 183—185.

¹¹ Письма русских государей и других особ царского семейства. Т. 1: Переписка Петра I с Екатериною Алексеевною. М., 1861. С. 66.

¹² Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270, оп. 1. Д. 79/2. Л. 286—286 об.

¹³ Goncourt E. et J. de. Portraits intimes du dix-huitième siècle. Paris, 1908. P. 3, 4.

¹⁴ Dictionnaire du grand siècle. Paris, 1990. P. 1602.

В понедельник 10 мая 1717 года Людовик XV посетил Петра I в отеле Ледигьер. Царь, встретив короля у кареты, «нежно поцеловал его, взял за руку и не отпускал до того, как усадил его в кресло». В нарушение правил этикета царь сам без помощи придворных провел его по лестнице в свой кабинет, уступив ему почетную правую сторону. Монархам приготовили одинаковые кресла для беседы. Во время встречи царь выказывал маленькому Людовику такие знаки уважения и нежного внимания, что «едва можно было удержаться от слез»¹⁵. Заготовленная заранее речь короля, по словам французского журналиста, очень растрогала присутствующих. Герцог Сен-Симон позже написал в своих мемуарах: «Было удивительно видеть, как царь берет короля на руки, поднимает и целует, и король при его малолетстве, притом совершенно к этому не подготовленный, ничуть не испугался»¹⁶. Знаменитый мемуарист отмечал, что Пётр рассточал похвалы королю и выглядел совершенно очарованным им. Действительно, в письме к жене царь писал: «Объявляю вам, что в прошлый понеделник визитовал меня здешней каралища, которой палца на два более Луки нашева (царского карлика, находившегося в свите царя. — С.М.), дитя зело изрядная образом и станом, и по возрасту своему довольно разумен, которому семь лет»¹⁷. А.Д. Меншикову царь также сообщил 13 мая, что, приехав в Париж, «три дни з двора не съезжал для визит <...> Кароль матерый человек и гораздо стар летами, а имянно 7 лет, который был у меня и я у него»¹⁸. Умильное отношение царя к «каралищу» разделяли и члены свиты. И.И. Бутурлин писал дочери: «От роду своего такова дитяти хорошенкаго не видал, и не по своим летам умен и милостив»¹⁹.

Ответный визит королю в Тюильри царь нанес 11 мая. В честь высокого гостя был выстроен почетный караул из французских и швейцарских гвардейцев «со многою музыкаю». Король встречал царя у кареты. Пётр бережно взял двумя руками руку короля и повел его с большой осторожностью. По устному преданию, Пётр, поднимаясь по лестнице, взял короля на руки со словами: «Всю Францию на себе несу»²⁰. Официальная беседа двух монархов про-

¹⁵ [Buchet P.F.] Abbrégé de l'Histoire du Czar Peter Alexiewitz. P. 187, 189.

¹⁶ Сен-Симон. Мемуары. С. 360.

¹⁷ Письма русских государей и других особ царского семейства. М., 1861. Т. 1: Переписка Петра I с Екатериной Алексеевной. С. 67.

¹⁸ Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. № 85. Л. 401 об.

¹⁹ Бантыш-Каменский Д.Н. Деяния знаменитых полководцев и министров, служивших в царствование государя императора Петра Великого, с портретами их. М., 1813. Ч. 2. С. 178–179.

²⁰ Голиков И.И. Деяния Петра Великого. М., 1788. Ч. 5. С. 318.

исходила в большом зале Совета Регентства в присутствии многочисленных придворных. Французский журналист приписал царю следующий комплимент: «Я знаю много языков, но предпочел бы их все забыть, а знать лишь французский, чтобы побеседовать с Вашим Величеством»²¹.

«Спозаранку» 24 мая царь вновь — теперь уже инкогнито — посетил короля в Тюильри. Он прошел через апартаменты маршала Вильруа в малый бильярдный кабинет. Вскоре туда прибыл Людовик. Заметив короля, Пётр поспешно приблизился к нему и поцеловал два или три раза. Речь зашла о карте Московии, которая была составлена географом Г. Делилем «по запискам царя». Маршал Вильруа велел ее принести и сказал царю, что король хотел бы знать, насколько она точна. Юный король, устремив взгляд на карту, рассуждал о положении провинций, о разнообразии рек, о числе главных городов. Удивленный ясностью его рассуждений, царь взял карандаш и показал предпринятое им соединение рек Волги и Дона для сообщения Каспийского и Черного морей. После получасовой беседы царь перешел в кабинет маршала Вильруа, где ему продемонстрировали драгоценности короны. По словам журналиста, царь рассуждал об их красоте и стоимости как знаток. Однако герцог Сен-Симон, кажется, более точен, утверждая, что в отношении драгоценностей царь сказал, «что очень мало понимает в них»²².

18 июня Пётр нанес королю прощальный визит в Тюильри «без всякого церемониала». На прощание царь подарил ему план Петербурга. Это был генеральный проект Ж.Б.А. Леблона, представлявший столицу русского царя как идеальный город будущего.

Личная симпатия Петра к юному французскому королю, как и политический расчет, сказала на его желании выдать замуж за французского монарха свою дочь Елизавету. Царь писал Б.И. Куракину 16 января 1724 года: «ты пишешь, что дюк де Бурбон сватается на нашей дочери; другое, что король не хочет жениться на гишпанской [принцессе]; того ради *зело бы мы желали, чтоб сей жених нам зятем был*, в чем гораздо прошу все возможные способы к тому употребить по крайней возможности <...>» (курсив мой. — С.М.)²³. Однако планам Петра не суждено было сбыться. Сразу после смерти царя французское правительство отвергло эту идею. Людовик XV женился на дочери противника Петра I — изгнанного польского короля Станислава Лещинского. Во внешней политике Людовика проявлялась почти неприкрытая неприязнь к России, которая не

²¹ [Buchet P.F.] Abbrégé de l'Histoire du Czar Peter Alexiewitz. P. 193.

²² Сен-Симон. Мемуары. С. 365.

²³ Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. № 106. Л. 114.

исчезала даже в короткие периоды относительной стабилизации русско-французских отношений²⁴.

Регент Франции Филипп Орлеанский (Philippe, duc d'Orléans, 1674–1723) проявлял бóльшую заинтересованность в поддержании добрых отношений с Россией, как по сравнению со своим предшественником, так и по сравнению с Людовиком XV. Прекрасно образованный, не лишенный воинских и государственных талантов, он был отстранен от государственных дел при жизни Людовика XIV. Смерть ближайших наследников «короля-солнца» сделала возможным приход герцога Орлеанского к власти. Регент получил в наследство разоренную страну и по-своему пытался вывести ее из кризиса. Он проявил себя как гибкий и одаренный, но недостаточно волевой политик. Филипп отличался веселым нравом и приобрел скандальную известность своими вечерними оргиями в Пале-Рояль в окружении многочисленных любовниц и друзей-«греховодников»²⁵.

В декабре 1715 года, поздравляя Филиппа Орлеанского с приходом к власти, Пётр I писал о «особливой нашей консидерации к вашей особе и к великим квалитетам, которыми вы украшены». За обычной вежливостью письма просматривается реальное желание Петра укрепить связи с Францией. Он просил «протекции» регента по отношению к своим агентам Зотову и Лефорту и надеялся, что «мы случай возьмеем <...> действительные опыты нашей дружбы и приятства <...> оказать»²⁶. Такой случай представился в мае 1717 года. При первой встрече с регентом в отеле Ледигьер 8 мая царь якобы заявил, что как только он узнал, что тот стал регентом, он принял решение приехать во Францию²⁷. 14 мая во второй половине дня царь со свитой прибыл в резиденцию регента Пале-Рояль. Филипп Орлеанский в окружении придворных встречал его у кареты. Освежившись прохладительными напитками, царь и регент в сопровождении придворных прошли в Королевскую оперу Пале-Рояль. 23 мая царь вновь посетил регента в его загородной резиденции Сен-Клу, а вечером того же дня его жену (Франсуазу Марию Бурбонскую) в Пале-Рояль. 16 июня, побывав на смотре королевских войск на аллеях Елисейских полей, царь и регент прогуливались и беседовали с глазу на глаз в саду Тюильри. 18 июня Пётр I

²⁴ См.: Черкасов П.П. Двуглавый орел и Королевские лилии: Становление русско-французских отношений в XVIII веке, 1700–1775. М., 1995.

²⁵ См.: Трачевский А.С. Государственные висельники во Франции и Петр Великий // Исторический вестник. 1888. Т. 31. № 1–3. С. 434–452.

²⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. № 79/3. Л. 408–408 об.

²⁷ [Buchet P.F.] Abbregé de l'Histoire du Czar Peter Alexiewitz. P. 185.

нанес прощальный визит герцогу Орлеанскому и его жене. Чуткий к придворным настроениям маркиз Ф. Данжо (Philippe de Courcillon, marquis de Dangeau, 1638–1720), заметил в своем дневнике: «Его Королевское Высочество (регент. — С.М.) находит, что царь очень умен»²⁸. В свою очередь царь в письме (август 1717 года) благодарил регента «за все опыты дружбы» и «за все учтивости и приязнь, в последнюю нашу бытность во Франции нам оказанную»²⁹.

Авторы XIX века (П. Лакруа, А. Ле Гле)³⁰ писали о тайных попойках царя и регента в присутствии герцогини Беррийской, о «силовом» давлении, оказанном Петром на правителя Франции в целях заключения союзного договора, однако эти легенды не имеют под собой реальных оснований.

Отдельную встречу русский царь имел с матерью регента Елизаветой Шарлоттой Баварской, принцессой Палатинской (Elisabeth Charlotte de Bavière, princesse du Palatinat, 1652–1722) — умной, начитанной и наблюдательной женщиной. Пётр I также посетил дочь регента герцогиню Марию Луизу Елизавету Беррийскую (Marie Louise Elisabeth, duchesse de Berry, 1695–1719) в Люксембургском дворце. Молодая вдова младшего внука Людовика XIV пользовалась дурной славой у парижских сплетников; в народе ее называли «Мессалина де Берри». Считалось, что в своей резиденции она предавалась чревоугодию и любовным утехам. Очевидец встречи царя и дочери регента писал: «Мадам де Берри казалась толстой (намек на скандальную беременность молодой вдовы. — С.М.), как башня, но в то же время прекрасной и свежей»³¹. Один из наблюдателей сообщал, что герцогиня Беррийская специально приехала в Люксембургский дворец из своей летней резиденции для встречи с царем. Она вышла навстречу своему гостю и, проводив его в кабинет, предложила занять самое высокое кресло. Однако царь проявил галантность и сел только после того, как герцогиня заняла это кресло³².

Герцог Сен-Симон, тщательно фиксировавший визиты царя к членам королевской фамилии, заметил: «На принцев и принцесс крови он обращал внимания не больше, чем на первых вельмож

²⁸ [Dangeau Ph.] Journal du marquis de Dangeau / Publié en entier pour la première fois par MM. Soulié, Dussieux, de Chennevières, Mantz, de Montaignon; avec les additions inédites du duc de Saint-Simon publiées par M. Feuillet de Conches. Paris, 1859. Т. 17: 1717–1719. Р. 82.

²⁹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. № 85. Л. 107.

³⁰ См.: [Lacroix P.] Mémoires du cardinal Dubois. Paris, 1829. Т. 3. Р. 344–359; Le Glay A. Les origines historiques de l'alliance franco-russe. Paris, 1897. Р. 280–281.

³¹ [Buvat J.] Gazette de la Régence. Janvier 1715–juin 1719. Paris, 1887. Р. 180.

³² Ковалевский М. Новые данные о пребывании Петра в Париже // Русская мысль. 1884. № 1. С. 112.

двора, да и не очень их различал»³³. Тем не менее, царь посетил узаконенных детей Людовика XIV и маркизы де Монтеспан — уже упомянутую Ф.М. Бурбонскую, жену регента, и ее братьев — герцога Луи Огюста Мэнского (Louis Auguste de Bourbon, duc du Maine, 1670–1736)³⁴ и Луи Александра де Бурбона, графа Тулузского (Louis Alexandre de Bourbon, comte de Toulouse, 1678–1737).

Гораздо больше любопытства проявил Пётр I при посещении монастыря Сен-Сир, в котором доживала свой век маркиза Франсуаза де Ментенон (Françoise d'Aubigny, marquise de Maintenon, 1635–1719) — фаворитка и морганатическая жена «короля-солнца». Она была для Петра I живым воплощением «великого века» Людовика XIV, к которому русский царь испытывал явный пиетет. Французские мемуаристы отмечали, что царь проявил в данном случае самое бесцеремонное любопытство и оскорбительное пренебрежение к этикету. Однако слухи о бесцеремонности царя были несколько преувеличены. Известный историк К. Валишевский, отнюдь не склонный к идеализации Петра, писал, что «многие подробности визита Петра I в Сен-Сир были предварительно обсуждены на высшем уровне». Он же привел письмо самой маркизы с описанием визита: «В эту минуту вошел господин Габриэль и сказал мне, что господин Беллегард (маркиз де Бельгард — сын герцога д'Антена. — *С.М.*), то есть царь, просит мне передать, что он хотел бы явиться сюда после обеда, если я только найду это удобным. Я не посмела отказать и сказала, что приму его в постели. Больше мне ничего не сказали. Я не знаю, нужно ли принимать его с церемониалом; захочет ли он осмотреть дом, познакомиться с девицами; я не знаю даже, явится ли он со свитой. Я все представила случаяю... Царь прибыл в семь часов вечера; он сел у изголовья моей постели и спросил, больна ли я? Я отвечала: да; он велел спросить, чем я больна? Я отвечала: моя болезнь — глубокая старость вместе с довольно слабым телосложением. Царь не знал, что сказать мне, а его переводчик как будто не понял меня. Его посещение было очень коротко <...> Он попросил открыть нижний край (полога) моей постели, чтобы лучше видеть меня. Вы понимаете, что его желание было исполнено»³⁵. Похожее описание визита имеется в «анекдоте» Я. Штелина, записанном со слов сопровождавшего Петра в Париже барона

³³ *Сен-Симон*. Мемуары: Полные и доподлинные воспоминания герцога де Сен-Симона о веке Людовика XIV и Регентстве: Избранные главы. М., 1991. Кн. 2. С. 363.

³⁴ Возможно, царь встретился с ним 11 мая при посещении Арсенала, где находилась резиденция герцога в качестве фельдцейхмейстера артиллерии.

³⁵ *Валишевский К.* Пётр Великий // Собр. соч.: в 5 т. М., 1993. Т. 2. С. 362.

Черкасова. Из него следует, что царь проявил вежливую настойчивость в своём желании увидеть фаворитку покойного короля³⁶.

Русский царь не уделял особого внимания французской аристократии, отнюдь не казался дамским угодником. Ему приходилось общаться с теми, кто был приставлен к нему регентом для сопровождения, но более охотно он встречался с теми, кто вызывал у него личный, «профессиональный» интерес.

Маршал Рене Ман де Фруле граф де Тессе (René Mans de Froulay, comte de Tessé, 1648–1725) по поручению герцога Орлеанского отвечал за прием царя в Париже и должен был всех ему представлять. С этой целью он временно поселился в отеле Ледигьер, где расположился царь со свитой. Маршал не принадлежал к ближайшему окружению регента и в то время находился не у дел. Вместе с тем это был титулованный аристократ, старый воин, опытный придворный и дипломат³⁷. «Ему пришлось изрядно потрудиться, повсюду следуя, а порой и бегая за царем»³⁸, — замечал герцог Сен-Симон. Лица, сопровождавшие царя, отмечали его подвижность, нетерпеливость, частую смену желаний. «Со всеми этими переменами нет ни одного человека, у которого не пошла бы голова кругом»³⁹, — жаловался де Тессе. Маршалу также было поручено вести с царем и его министрами дипломатические переговоры, которые завершились подписанием Амстердамского союзного договора.

Во время пребывания царя в королевских резиденциях его, как правило, сопровождал герцог Луи Антуан д'Антен (Louis Antoine de Pardaillan de Gondrin, duc d'Antin, 1665–1736). Законный сын фаворитки короля маркизы де Монтеспан, он проявил свои таланты в войнах в Испании, Германии и Нидерландах, а затем заменил знаменитого архитектора Мансара в должности генерального директора (с 1716 года — суперинтенданта) королевских строений. Красивый, образованный, наделенный гибким умом, он был необыкновенно услужливым и расторопным придворным, слыл покровителем искусства⁴⁰. Герцог снабдил высокого гостя описанием достопримечательностей Парижа, переведенным на русский язык. Он же преподнёс Петру два роскошных рукописных альбома с избоб-

³⁶ [Штелин Я.] Подлинные анекдоты Петра Великого, слышанные из уст знатных особ в Москве и Санктпетербурге. М., 1787. С. 65.

³⁷ Dictionnaire du grand siècle. P. 1510–1511.

³⁸ Сен-Симон. Мемуары. С. 356.

³⁹ Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции, за апрель и май месяцы 1717 года // Сборник Императорского Русского исторического общества. 1881. Т. 34. С. 207.

⁴⁰ Dictionnaire du grand siècle. P. 91.

ражениями Версаля и Марли⁴¹. Д'Антен принимал царя в своем парижском дворце на улице Нев-Сент-Огюстен и в загородном замке Пти-Бур. Несомненно, герцог сумел понравиться царю и остался доволен собой:

«Правда, что я ничего не забыл, чтобы ему понравиться во время его пребывания в Париже и чтобы оказать ему честь всеми возможными для меня способами. Я ему дал все мои прекрасные книги с планами и от имени короля — два ковра мануфактуры Гобеленов, которые он посчитал наилучшими как с точки зрения рисунка, так и цвета, которые он нашел восхитительными»⁴².

Интересным парижским собеседником был для Петра I вице-адмирал маршал Виктор Мари д'Эстре (Victor Marie d'Estrées, 1660—1737). Уже в девятнадцать лет он был капитаном корабля, плавал к берегам Америки, боролся с алжирскими пиратами, дослужился до президентства в Морском совете, был членом Совета регентства. Вместе с тем это был высокообразованный человек, член академий, полиглот, библиофил, коллекционер. Царский агент в Париже К. Зотов еще до приезда Петра во Францию свел знакомство с вице-адмиралом, который, по его словам, «гораздо владеет г[оспо]д[и]ном Режантом дюком Дорлеаном не только в морских, но и в протчих делах»⁴³. К тому же д'Эстре относился к тем немногим французским государственным деятелям, кто с симпатией следил за политическими успехами русского царя. У маршала было несколько встреч с Петром, по итогам которых он писал 21 июня 1717 года: «Царь еще здесь (на самом деле царь выехал из Парижа вечером 20 июня. — С.М.) и, кажется, он доволен тем, что он видит, и оказанными ему почестями. Я часто видел его царское величество и очень тронут его добротой по отношению ко мне»⁴⁴.

Свой интерес к военному делу Петр I мог удовлетворить во время встреч с маршалом Клодом Луи Гектором Вилларом (Claude Louis Hector, duc de Villars, 1653—1734) — опытным военачальником, который мог похвастаться победами над знаменитым полководцем Евгением Савойским. Возможно, первая встреча с марша-

⁴¹ *Khmelevskikh I.* L'album de Marly dans la bibliothèque de Pierre le Grand // Marly, art et patrimonien. 2013. № 7. P. 19—64.

⁴² Bibliothèque nationale de France. Département des Manuscrits. Fr. Nouv. Acq. 23931. (*Duc d'Antin.* Mémoires de la Régence. Т. III. 1717. Fol. 5).

⁴³ РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого). Отд. 2. Кн. 32. Л. 488—488 об.

⁴⁴ *Surreaux S.* Le livre, premier contact avec une contrée lointaine: les maréchaux de France, leurs bibliothèques et des échanges scientifiques et diplomatiques avec la Russie au XVIII-e siècle // Французы в научной и интеллектуальной жизни России XVIII—XX вв. М., 2010. С. 153.

лом, состоявшаяся сразу после визита регента в Отель Ледигьер утром 8 мая, была омрачена воспоминаниями царя о недружественных дипломатических демаршах Виллара в отношении России. До царя дошли сведения, что при заключении Раштадтского мирного договора (март 1714 года), французский маршал «двор cesарский приводил к тому, чтоб обще с королем его (Людовиком XIV. — С.М.) старание имел о восстановлении короля шведского во владении возвращенных и завоеванных (русскими. — С.М.) его земель. И чтоб все те полученные провинции принудить его царское величество ему шведу возвратить»⁴⁵. Однако дальнейшее личное общение с маршалом Вилларом принесло царю явное удовлетворение.

В Париже Пётр I получил возможность продолжить начатое в Дюнкерке и Кале знакомство с военными силами Франции. 14 мая, будучи в Большой галерее Лувра, он заинтересовался коллекцией «планов-рельефов» (макетов) французских крепостей. Это замечательное собрание начали создавать во второй половине XVII века по приказу военного министра Лувуа и под непосредственным наблюдением знаменитого фортификатора маршала Себастьяна Ле Претра де Вобана, деятельность которого вызывала неизменный интерес у русского царя. Коллекция представляла точные макеты (в масштабе 1:600) более сотни современных крепостей, построенных или перестроенных Вобаном и расположенных в основном на границах королевства. Изначально планы-рельефы предназначались для служебного пользования и охранялись как военная тайна. В начале 1700-х годов коллекцию перенесли в Лувр, где её по особому разрешению короля могли осматривать иностранные военные и дипломаты. Макеты стали предметом военного искусства и королевского престижа⁴⁶, а также одной из достопримечательностей столицы. В «Описании города Парижа» Ж. Бриса о них говорилось:

«Планы главных крепостей Европы, в особенности французских, расположены в той части Большой Галереи, которая примыкает к Лувру. Всего их насчитывается 160 или около того; среди них есть и очень дорогостоящие. Эти планы дают объемное изображение малейших частей укреплений и зданий городов. Наибольшее удовлетворение вызывает то, что нигде в других местах нельзя увидеть ничего подобного. Ни один монарх не продвинул так далеко это мастерство <...> некоторые из этих планов стоили 10000 экю. Жан Бертье сделал большинство этих планов; он обладает исключи-

⁴⁵ РГАДА. Ф. 93. 1714. № 1. Л. 2.

⁴⁶ См.: *Warmoes I. Le musée des plans-reliefs. Maquettes historiques de villes fortifiées.* Paris, 1997. P. 7–10; ныне большая часть сохранившихся макетов выставлена в Музее армии в парижском Доме Инвалидов.

тельным опытом изготовления произведений такого рода; он преуспел в этом деле как никто другой до сих пор»⁴⁷.

В этом своеобразном музее царь смог увидеть, как выглядели укрепления Дюнкерка до разрушения, вспомнить знакомые ему крепости Гравлина и Кале, познакомиться с другими постройками Вобана. Пояснения давали маршал Виллар, а также маркиз Клод Франсуа Асфельд (Claude François, marquis d'Asfeld, 1665–1743), который отвечал в Военном совете за строительство фортификаций.

16 мая герцог Виллар с супругой сопровождали царя при посещении Дома Инвалидов. Громадное здание приюта для раненых солдат-инвалидов было построено на окраине Парижа по указу Людовика XIV. Эта грандиозная новостройка также являлась предметом гордости французских властей. В приюте одновременно могло находиться более 5 тысяч ветеранов. По свидетельству герцога Сен-Симона, Пётр «хотел всё увидеть и всё повсюду изучить. В столовой он отведаль солдатской похлёбки и вина выпил за здоровье солдат, похлопал их по плечам, называя кадрами. Ему весьма понравились церковь, аптека и госпиталь, и вообще, казалось, он был восхищён тамошним порядком»⁴⁸. На память о посещении Виллар преподнес царю книгу «Общее описание королевского Дома Инвалидов»⁴⁹. Может быть, впечатления от парижского Дома Инвалидов повлияли на ускорение строительства огромного (300-метрового по фасаду с церковью посередине) каменного Главного Морского и Сухопутного госпиталя в Петербурге на Выборгской стороне. Вечером 17 июня царь ужинал у маршала Виллара в его дворце на улице Гренель. В честь высокого гостя хозяин устроил выступление военных музыкантов, в ходе которого царь якобы сам играл на барабанах, а маршал — на цимбалах⁵⁰.

С момента приезда во Францию Петру неоднократно приходилось видеть учения французских войск, как специально устроенные для него, так и те, случайным свидетелем которых он оказался. Так, 23 мая, возвращаясь из Сен-Клу, царь задержался по дороге в Саблонской долине, чтобы посмотреть военные экзерциции. Самым крупным военным мероприятием, специально устроенным для царя, был смотр королевских войск, который французские вла-

⁴⁷ *Brice G.* Description de la ville de Paris et de tout ce qu'elle contient de plus remarquable. Paris, 1717. Т. 1. Р. 138–139.

⁴⁸ *Сен-Симон.* Мемуары. С. 362.

⁴⁹ Речь идет о книге: *Boullencourt de.* Description générale de l'Hôtel Royal des Invalides... Paris, 1683.

⁵⁰ *Champion Ph.* Les soixante-six jours français du tsar Pierre I-er: Avril–juin 1717. Paris, 2004. Р. 114.

сти устроили 16 июня на аллеях Елисейских Полей, тогда еще не ставших городской улицей. Описание Парижа 1717 года характеризовало Елисейские Поля как «обширное пространство, засаженное высокими деревьями, которые образуют несколько аллей различной ширины, в которых удобно прогуливаться в каретах»⁵¹. Очевидец оставил следующее описание этого события: «Царь выразил желание видеть королевские войска. Регент отдал приказ жандармам, легкой кавалерии, мушкетерам, а также французской и швейцарской гвардии собраться 16-го после обеда. Для смотра была выбрана большая аллея Елисейских Полей. Французские и швейцарские гвардейцы были выстроены в пять линий от начала этой аллеи до барьера, который её отделяет от аллеи Руль. Кавалерия выстроилась в четыре линии от этого барьера до Звезды. Принц де Роган-Субиз⁵² был во главе жандармов, герцог де Шольн⁵³ и его сын стояли во главе легкой кавалерии. Господин д'Артаньян⁵⁴ командовал серыми мушкетерами, а господин Канийяк⁵⁵ — черными. Герцог дю Мэн и герцог де Гиш⁵⁶ были на лошадях. Царь прибыл в половине четвертого в начало аллей Елисейских Полей. Ему и его свите подали королевских лошадей. Герцог Орлеанский тоже был на коне в окружении придворных. Царь в сопровождении регента быстро проскакал перед первой линией и стал наблюдать строевые упражнения пехоты. Однако облака пыли, поднятые каретами, лошадьми и бесчисленным множеством народа, создали неудобство для монарха, и он был вынужден удалиться, так и не увидев прохода прекрасных войск»⁵⁷.

В литературной мистификации А.А. Нартова приводилась оценка Петром I французских войск, якобы записанная со слов современника: «<...> государь, осматривая войска французские, при чем были герцог Орлеанский, дюки дю Мен и Гиз, и возвратясь домой, князю Куракину, бывшему в Париже послу, сказал: “Я видел нарядных кукол, а не солдат. Они ружьем финтуют, а в марше только танцуют”»⁵⁸. В своих рассказах Нартов, патриот и противник галло-

⁵¹ Brice G. Description de la ville de Paris et de tout ce qu'elle contient de plus remarquable. Paris, 1717. Т. 1. P. 148–149

⁵² Jules François Louis, prince de Rohan-Soubise (1697–1724).

⁵³ Louis Auguste d'Albert d'Ailly, duc de Chaulnes (1676–1744).

⁵⁴ Возможно, речь идет о двоюродном брате прототипа героя романа А. Дюма: Pierre de Montesquiou d'Artaignan (1640–1725).

⁵⁵ Philipp Claude de Montboissier Beaufort, marquis de Canillac (1669–1725).

⁵⁶ Antoine de Gramont, duc de Guiche (1672–1725).

⁵⁷ Le Nouveau Mercure. 1717, juin. P. 194–196.

⁵⁸ Пётр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. М., 1993. С. 311.

мании, не раз обращался к теме особой выносливости русских войск, противопоставляя их изнеженным французам⁵⁹.

В предпоследний день своего пребывания в Париже, в первой половине дня 19 июня, Пётр I посетил судебное заседание в Парижском парламенте, желая видеть «каким образом творится правосудие в высшем трибунале Франции»⁶⁰. Договоренность о визите была достигнута заранее. Заседание суда было созвано в неурочный день ради царя. Члены трибунала были в красных мантиях, подбитых горностаем, и бархатных шапочках; летом они одевались так лишь в тех случаях, когда Парламент посещал монарх. Большой зал был специально украшен в связи с визитом высокого гостя. Царь прибыл в сопровождении своей свиты и маршала де Тессе. Президент парламента Жан Антуан де Месм (Jean Antoin de Mesme, 1661–1723) был в это время занят и поручил встретить царя своим братьям — Ж.Ж. де Месму, королевскому бальи и послу Мальтийского ордена, и аббату де Месму. В ожидании заседания царь прогуливался в апартаментах президента и в библиотеке. Там он увидел глобус и заметил, что очертания Каспийского моря на нем показаны неправильно. Пётр собственноручно поправил ошибку, что было подтверждено в специальной памятной записке. Затем царя провели в Большой зал, где он расположился на трибуне вместе с маршалом де Тессе, братьями де Месмами, Б.И. Куракиным, П.И. Ягужинским, С. Рагузинским, И.И. Бутурлиным. Трибуна была украшена дамасскими коврами с золотыми галунами. На другой трибуне расположились В.В. Долгоруков, П.П. Шафиров, П.А. Толстой, Р. Арескин и С.Г. Нарышкин. Президент и девять других судей вошли в зал, поклонились царю, который приветствовал их стоя, и заняли высокие судейские скамьи. В присутствии царя разбиралась тяжба между неким господином Бенаром и компанией пильщиков. Это было рядовое рутинное дело. Адвокаты Мильшо и Герен вели защиту. Королевский адвокат Г. де Ламуаньон в заключительном слове сказал, что впервые в их суде присутствует государь отдаленной и могучей державы, и посему этот день должен остаться в анналах храма правосудия. После заседания царь прошел в буфетную, где общался с судьями и рассматривал их одеяния. Наконец, он зашел к президенту, выразил ему свою признательность. Президент со своими братьями проводили царя до кареты.

Не только королевские власти, но и муниципалитет Парижа выразил царю свое уважение. По сообщению походного журнала,

⁵⁹ См.: Там же. С. 285, 311.

⁶⁰ См.: Le Nouveau Mercure. 1717, juin. P. 100–101; [*Dangeau Ph.*] Journal du marquis de Dangeau. P. 410–412.

11 мая «были у царского величества с визитом от парижского магистрата 12 человек в вишневых бархатных епанчах»⁶¹. В одном из архивных документов⁶² подробно описан порядок этого визита, согласованного заранее и проходившего под руководством королевского церемониймейстера маркиза Т. Дрё (Thomas de Dreux, marquis de Brézé, 1677–1754). Купеческий старшина (прево), члены магистрата (эшевены), королевский прокурор, секретарь суда и сборщик налогов, одетые в бархатные плащи, прибыли в шести каретах, сопровождаемые лучниками и городскими гвардейцами. Царь, стоя в окружении придворных, ожидал их в галерее отеля Ледигьер. Служители преподнесли ему шесть корзин с городскими дарами: в трех корзинах из тонких ивовых прутьев находились двенадцать дюжин факелов из белого воска, связанных в пучки голубыми лентами; в трех таких же корзинах были двенадцать дюжин коробок с сушеными фруктами (*confitures seches*). Когда дары были поставлены перед монархом, парижский прево Шарль Трюден (Charles Trudaine, seigneur de Montigny, 1660–1721) и Пётр I обменялись «комплиментами», после чего представители городской власти удалились в церемониальном порядке.

Знакомство с пышным королевским двором, с представителями французской аристократии и военной элиты произвело на русского царя благоприятное впечатление, но, судя по наблюдениям О.Г. Агеевой⁶³, не сыграло особой роли в европеизации русского двора. Впрочем, опосредованное или прямое влияние военного искусства, придворных обычаев, моды Франции на «преображенную» Россию, несомненно, имело место.

В основном за рамками вышеописанных официальных встреч и мероприятий, но во многом благодаря им Пётр I во Франции мог осуществить широкую программу деятельности по знакомству с Парижем, французским искусством и наукой, мог проводить кропотливую дипломатическую работу.

⁶¹ Обстоятельный журнал о вояже (или о путешествии) его царского величества, как ис Копенгагена поехал и был в Галандии, во Франции и в протчих тамошних местах, и что там чинилось // История Свейской войны: Поденная записка Петра Великого / сост. Т.С. Майкова. Вып. 1. М., 2004. С. 616.

⁶² Приведен в кн.: *Guichen E. de. Pierre le Grand et le premier traité franco-russe (1682–1717)*. Paris, 1908. P. 195–199.

⁶³ См.: *Агеева О.Г. Европеизация русского двора 1700–1796*. М., 2006.

«Истинная дружба и корреспонденция»: парижская дипломатия Петра I

Наблюдая за поездками царя, французский обыватель недоумевал: «До сих пор царь занят лишь удовлетворением своего любопытства. Возможно, он оставляет переговоры с Францией на конец визита»¹. Между тем, подготовка русско-французского договора была важнейшей целью поездки царя в Париж. Царь неоднократно встречался с герцогом Орлеанским, но основная работа по подготовке договора между Францией и Россией велась князем Б.И. Куракиным, П.П. Шафировым, П.А. Толстым, В.В. Долгоруковым в глубокой тайне. Все возникающие в ходе переговоров вопросы согласовывались с царем. С французской стороны в переговорах участвовал маршал де Тессе (René de Froulay, comte de Tessé, 1654–1725), который временно становился главой французской миссии при царе, но действовал под контролем председателя Совета по иностранным делам (министра иностранных дел) маршала д'Юкселля, который в свою очередь поддерживал связь с регентом. А. Рамбо так характеризовал маршала де Тессе:

«Манн Жан Батист Рене де Фруле, граф де Тессе, родившийся в 1654 году, получил боевое крещение в 1669, отличался при переправе через Рейн, в Сицилийской экспедиции, в Рейнской кампании, стал командиром полка в 1684 году и пользовался доверием и дружбой военного министра Лувуа. Затем он принял участие в опустошении Палатината, в кампаниях маршала Катина и, будучи губернатором Пинероля, договаривался о мире между Людовиком XIV и герцогом Савойским (1696). После удачной защиты Мантуи и победы герцога Вандома при Луццаре де Тессе

¹ [Buvat J.] Gazette de la Régence: janvier 1715–juin 1719 / [attribué à Jean Buvat]; Publ. d'après le ms. inédit conservé à la Bibliothèque royale de La Haye, avec des annotations et un index, par le comte É. de Barthèlemey. Paris, 1887. P. 177.

был произведен в маршалы (1703). Он безуспешно осаждал Гибралтар, защищал Эстемадуру от врагов Филиппа V, потерпел неудачу при осаде Барселоны, защищал Прованс от войск Евгения Савойского. Затем он был послом в Риме (1708), начальником галер (*général de galères*) (1712), а после смерти Людовика XIV укрылся в монастыре камальдулов близ Гробуа. Выйдя отсюда, он оказался в немилости у правительства; но герцог Сен-Симон рекомендовал его для этой миссии (встречи царя. — *С.М.*) прежде всего как сопровождающего, а затем и как переговорщика. Будучи отличным военачальником, путешественником, обходительным вельможей и придворным, он не мог не понравиться царю².

Вечером 18 мая состоялось первое совещание маршала де Тессе с русскими дипломатами. Из донесения последнего маршалу д'Юкселлю следует, что русская сторона предлагала войти в оборонительный союз с Францией, подтвердить условия договоров, которыми закончилась война за испанское наследство, но поставила условием отказ Франции от союза со Швецией и признание за царем его завоеваний в Прибалтике. На это маршал де Тессе ответил, что Франция не может нарушить заключенного ранее договора со Швецией, но обещает его более не возобновлять; что же касается русских завоеваний, то король не может их гарантировать, поскольку война не кончилась, а военное счастье переменчиво. При этом Тессе добавил, что на мартовских переговорах в Гааге, которые вел де Шатонёф, русские уже отказались от требования гарантии царских завоеваний со стороны Франции. Если Франция не может гарантировать русских приобретений в Прибалтике, — продолжали русские дипломаты, — то пусть она поставит Россию на место «полууничтоженной» Швеции. Россия готова заменить Швецию в качестве союзника («я, царь, предлагаю Франции заменить для неё Швецию»), дополнительно привлечь к союзу Пруссию и Польшу и тем самым значительно укрепить коалицию государств, создаваемую для достижения европейского равновесия в противовес империи Габсбургов. Такой шаг России вызовет неудовольствие императора в Вене, которое французская сторона должна компенсировать денежными субсидиями своим новым союзникам³.

² Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu' à la Révolution française. T. 8: Russie / publ. ...avec une introd. et des notes par A. Rambaud. Paris, 1890. P. 170.

³ Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции, за апрель и май месяцы 1717 года // Сборник ИРИО. 1881. Т. 34. С. 196–201.

19 мая де Тессе получил большую секретную инструкцию от председателя Совета по иностранным делам⁴. В ней сообщалось содержание существующих договоренностей Франции с европейскими державами (в том числе со Швецией), которые не следовало нарушать в случае заключения союза с Россией. В качестве главной цели франко-русского союза было заявлено посредничество Франции при заключении мира при окончании Северной войны. Французская дипломатия не хотела уступать венскому двору главной роли посредника на предстоящих переговорах. Вместе с тем регент не желал брать на себя никаких дополнительных обязательств перед царем. А более всего он опасался, чтобы новые договоренности не вступили в противоречия с союзническими обязательствами перед Англией и Голландией. Что касается субсидий, то французская сторона заявляла о невозможности прекращения их выплаты шведам до окончания (через 10 месяцев) срока действия франко-шведского договора 1715 года. Выплачивать аналогичные субсидии России французское правительство отказывалось.

Д'Юксель рекомендовал маршалу де Тессе получить от русской стороны копии договоров, которые были заключены между царем и ганноверским курфюрстом, а затем английским королем Георгом I. Если в ответ русские «министры» попросят показать им текст франко-шведского договора 1715 года, то глава Совета по иностранным делам советовал «показать некоторые статьи из шведского договора, с которого ему (де Тессе. — С.М.) дадут копию, но в этом случае всего лучше изготовить такую, которая заключает только те условия, которые мы хотели бы им сообщить, и которая могла бы показаться полною»⁵. По мнению А. Рамбо, таким образом правительство регента в поисках способов уклонения от настоящего союза доходило до того, что решило сфабриковать подложный документ, чтобы положить его перед глазами царя⁶. Французские историки также указывали на тот факт, что результаты секретных переговоров французская

⁴ Инструкции и предписания французского правительства посланникам и дипломатическим агентам, находящимся при русском дворе // Сборник ИРИО. 1881. Т. 34. С. 510–531.

⁵ Там же. С. 512.

⁶ Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu' à la Révolution française. Т. 8: Russie. P. 185. Оссонвииль возражал Рамбо, полагая, что идея д'Юкселя показать русским неполный текст договора, не была реализована маршалом де Тессе. — *Haussonville J. de. La visite du Tsar Pierre le Grand en 1717 d'après des documents nouveaux* // Revue des deux Mondes. 1896. Т. 137. P. 814.

сторона сообщала англичанам⁷. 19 мая переговоры продолжались, однако их подробности не известны.

Вечером 20-го состоялось третье совещание. Стороны продолжали выражать свою готовность «заключить союз твердой и неизменной дружбы между королем царем и их коронами», но на этот раз речь шла о французском посредничестве в переговорах о мире со шведами. Царь «пугал» французских дипломатов тем, что в качестве посредника желает выступить император. Более того, шведский король, будучи союзником Франции, якобы именно императору хотел отвести эту роль. Русская сторона при этом утверждала, что для нее важны не столько гарантии Франции будущих условий мира со Швецией, сколько скорейшая передача французских субсидий от Швеции к России. Без решения вопроса о субсидиях, — утверждал де Тессе, — переговоры окажутся бесполезными. Был затронут в разговоре и вопрос о выводе русских войск из Мекленбурга. Это было сделано ради интересов нового союзника — английского короля (и ганноверского курфюрста по совместительству). Тессе полагал, что если удастся посоединить вывод русских войск из соседнего с Ганновером Мекленбурга, то регент «может выставить себе это заслугой в глазах Англии»⁸.

В следующем послании д'Юкселль рекомендовал де Тессе, если речь заходит о субсидиях, скрывать от русских размеры суммы, которая выплачивается шведам. В крайнем случае, — указывал глава Совета по иностранным делам — можно заверить царских «министров», что в случае несогласия Карла XII идти на мирные переговоры, Франция может досрочно прекратить выплату ему субсидий⁹.

В Сен-Клу 23 мая царь имел возможность обсуждать будущий договор лично с регентом и маршалом д'Юкселлем. После того, как в Париж прибыл прусский представитель Книппгаузен, 27 мая в отеле Ледигьер состоялась трехсторонняя встреча¹⁰. На совещании 4 июня был представлен проект трехстороннего союзного договора.

Сторонам так и не удалось согласовать практические последствия договора. Царь не мог гарантировать готовность на военные действия («диверсию») против императора Священной Римской империи германской нации в случае франко-австрийского конфликта, чего добивалась французская сторона. Правда, царь пообещал

⁷ *Leclercq H. Histoire de la Régence pendant le minorité de Louis XV. Paris, 1921. T. 1. P. 443.*

⁸ См.: Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции. С. 196–206.

⁹ Инструкции и предписания французского правительства посланникам и дипломатическим агентам, находящимся при русском дворе. С. 543–544.

¹⁰ Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции. С. 207–208.

вывести свои войска из Мекленбурга. С оглядкой на англичан и голландцев французская сторона затягивала заключение торгового договора, к которому стремились русские дипломаты. Последнее совещание состоялось 12 июня. На следующий день де Тессе писал своему руководителю: «Наш царь приехал вчера вечером (из Версаля. — С.М.). Он был очень доволен своим путешествием, но после того, как он прогулялся по саду и собрал своих министров, его настроение переменилось. Я видел, как он жестикулировал, прогуливался в задумчивости, опираясь на свою палку, и возбужденно ковырял песок. Его министры позвали меня и передали его горькое разочарование по поводу того, что не удалось заключить желаемый союз с Францией; что он искренне согласился бы на диверсию в случае необходимой войны с императором, но не может этого сделать без участия прусского короля, посланник которого не имеет полномочий от своего монарха в отношении статьи о диверсии; а без согласия короля он не может действовать и обещать что-либо позитивное»¹¹.

Тем не менее, в Париже договаривающиеся стороны согласовали основные положения союзного договора без уточнения вопросов о субсидиях и о совместном выступлении, или «диверсии», которые предстояло урегулировать в будущем. Пётр перед отъездом из французской столицы, 18 июня, подписал указ, в котором говорилось, что ради заключения союза с Францией «мы министрам нашим барону Петру Шафирову, нашему Подканцлеру, Тайному советнику Петру Толстому, Тайному нашему ж советнику... князю Долгорукову дали совершенную и полную мочь конферировать, трактовать, соглашаться, заключать и подписывать трактат дружбы и альянции с теми, или с тем, которой от стороны Его Христианнейшего Величества такую же довольною полномочною снабден будет»¹². Поскольку прусский представитель не имел полномочий подписывать союзный договор, переговоры пришлось перенести в Амстердам, где и был заключен 15 августа 1717 года союз между Россией, Францией и Пруссией. С русской стороны договор подписали Г.И. Головкин, П.П. Шафиров и Б.И. Куракин. Главным требованием Пруссии была французская гарантия владения Пруссией Штеттином, который царь также соглашался передать прусскому королю.

Знакомясь с текстом договора¹³, нельзя не обратить внимания на стремление союзников взять на себя минимум обязательств.

¹¹ Цит. по: *Haussonville J. de. La visite du Tsar Pierre le Grand en 1717 d'après des documents nouveaux.* P. 812–813.

¹² *Голиков И.И. Деяния Петра Великого.* М., 1788. Ч. 5. С. 337.

¹³ Опубликовано: *Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами.* Т. 5: Трактаты с Германиею. 1656–1762. СПб., 1880. С. 157–168.

Р. Виттрам называл Амстердамский договор шедевром искусства формулировок: документ заявлял об оптимальной договоренности сторон и в то же время оставлял открытыми все спорные вопросы¹⁴. В шести статьях договора говорилось об «истинной дружбе и корреспонденции» между сторонами. Заявлялось о мирных намерениях сторон и строгом соблюдении Утрехтского, Раштаттского и Баденского договоров, которыми завершилась война за Испанское наследство, а также тех договоров, которые «учинены будут для примирения Севера». Было объявлено о намерении заключить торговый договор. Говорилось о сохранении в силе всех предшествующих договоренностей, в особенности Гагского договора Франции с Британией и Голландией.

Секретные артикулы договора предполагали взаимную гарантию вышеупомянутых договоров, а также будущего договора России и Пруссии со Швецией. В случае войны, нарушающей эти договоры, стороны обязывались оказывать помощь войсками или деньгами, но о конкретных путях оказания помощи они договориться не смогли. Наконец, Россия и Пруссия принимали посредничество Франции в переговорах со шведским королем, причем французские дипломаты обязывались действовать, «не употребляя никакого понуждения, ни прямым, ни посторонним образом, ни против которой стороны, <...> дабы оных принудить к принятию предложений»¹⁵. Стороны также договорились, что Франция после истечения в апреле 1718 года срока договора со Швецией не будет его возобновлять. И «после помянутого срока никакого вспоможения, ни деньгами, ни войсками, ни под каким-нибудь претекстом чинить не будет»¹⁶.

Историки по-разному оценивали значение Амстердамского договора. Едва ли можно согласиться с утверждением Н.Н. Молчанова о том, что его прямые последствия были ничтожны¹⁷. В противовес можно привести мнение Ф.Ф. Мартенса о том, что договор «имел решительное влияние на окончательный исход великой Северной войны и на международное положение России в среде европейских держав»¹⁸. Конечно, о долгосрочном действии договора говорить не приходится. Уже к концу правления Петра I русско-французские

¹⁴ *Wittram R.* Peter I Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Grossen in seiner Zeit. Göttingen, 1964. Bd. 2. S. 322.

¹⁵ *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 5. С. 167.

¹⁶ Там же. С. 168.

¹⁷ *Молчанов Н.Н.* Дипломатия Петра Первого. М., 1984. С. 341.

¹⁸ *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций. Т. 5. С. 157–158.

отношения стали портиться, а заключение в 1726 году русско-австрийского союза опять надолго развело Россию и Францию. Тем не менее, важен сам факт, что во Франции Россию, откровенно презираемую в XVII веке, стали рассматривать как реального партнера в европейской политике. По словам Р. Виттрама, договор был знаком усиления влияния России в Европе¹⁹. Об этом же пишет Эдуар Вельф: «С помощью Амстердамского договора (август 1717) Петру Великому удалось обеспечить необратимое присутствие России в Европе»²⁰.

Действительное сближение России и Франции оказалось недолговременным, но не безрезультатным. Заключение союза²¹ подтолкнуло Швецию к мирным переговорам на Аландских островах²². Правда, в этих переговорах стороны отказались от французского посредничества, не желая привлекать к делу «непричастную сторону». Об этом свидетельствовали встречи Куракина со шведским представителем Гёрцем уже в августе 1717 года. Амстердамский договор имел для России не практическую, а декларативную и потенциальную ценность. Как заявил Шафиров французскому посланнику в Берлине, в Амстердамском договоре он видел только «предварительную заявку для достижения более широких связей»²³.

Впоследствии французский посол Ж.Ж. Кампредон удачно выступил в качестве посредника при заключении Ништадтского мира 1721 года. В заключение столь важного, выгодного и долгожданного для России мира французская дипломатия внесла свой позитивный вклад²⁴.

Политический аспект визита Петра I в Париж вызывал острый интерес у европейских соседей. Как замечал А. Рамбо, король Пруссии хотел сам сопровождать царя в этой поездке, но французы и русские не хотели, чтобы немецкие шпионы («les mouches allemandes») следили за каждым их шагом; польский король прислал еще одного

¹⁹ *Wittram R.* Peter I Czar und Kaiser. S. 323.

²⁰ *Welf E.* Pierre le Grand à Paris en 1717 ou les échos saint-simoniens d'une visite importune: état succinct des rapports franco-russes dans le premier quart du dix-huitième siècle // *Cahiers Saint-Simon*. 1988. № 16. P. 48.

²¹ С.Н. Коротков утверждает, что «союзным Амстердамский договор не был, он не определял взаимные обязательства в случае какого-либо конфликта». — *Коротков С.Н.* Россия и Франция. Межгосударственные отношения и культурные контакты. СПб., 2002. С. 14.

²² *Фейгина С.А.* Аландский конгресс. Внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959. С. 514.

²³ *Wittram R.* Peter I Czar und Kaiser. S. 324.

²⁴ *Черкасов П.П.* Двуглавый орел и королевские лилии. Становление русско-французских отношений в XVIII веке. 1700–1775. М., 1995. С. 22.

своего представителя во французскую столицу, который должен был повсюду следовать за царем; король Дании прикомандировал своего шпиона; австрийцы тщательно следили за контактами Петра с главой венгерских повстанцев князем Ракоци²⁵.

Как доносил испанский агент, также приставленный наблюдать за царем, «по собранным мною слухам, большинство послов, аккредитованных при парижском дворе, ходатайствовали у царя об аудиенции и Петр милостиво принял их ходатайства»²⁶. Газетчики сообщали о встрече Петра I с папским нунцием Бентивوليو (Cornelio Bentivoglio, 1668–1732) 13 июня, а также об аудиенции, которую царь дал 14 июня послу Португалии во Франции графу де Рибейре (Luis Manuel da Camara, conde da Ribeyra Grande, 1685–1723) и представителю Мальты де Месму (Jean-Jacques de Mesme, bailli de Saint-Jean, 1675–1741)²⁷.

Находясь в Париже, Пётр I посетил 12 июня вдовствующую королеву Англии. Вдова английского короля Якова II Стюарта, изгнанного в результате «славной революции» 1688 года, Мария Элеонора Беатриса д'Эсте, принцесса Моденская проживала в монастыре Св. Марии в западном пригороде Парижа Шайо. Странники свергнутого короля якобиты, обосновавшиеся в Париже, не оставляли надежд на восстановление Стюартов на английском престоле. Журнал царского путешествия сообщает: «И потом поехали в Париж и, не доезжая Парижа, были в девичьем монастыре, где живет королева англинская»²⁸. Русская тайная дипломатия поддерживала связи с якобитами через царского врача Арескина, приходившегося родственником активным сторонникам свергнутого короля. Главной целью этих связей было содействие скорейшему заключению мира со Швецией. Однако весной 1717 года сложилась такая дипломатическая ситуация, что афишировать свои контакты с якобитами стало не выгодно ни царю, ни французскому двору. Регент просил царя не

²⁵ Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu' à la Révolution française. Т. 8: Russie. P. 169–170.

²⁶ Ковалевский М. Новые данные о пребывании Петра в Париже, почерпнутые из испанских архивов // Русская мысль. 1884. № 1. С. 110.

²⁷ Le Nouveau Mercure. 1717. P. 191–192; Ф. Шампньон датирует эти дипломатические встречи 15 июня и добавляет к числу послов, посетивших царя, испанского представителя князя де Селламара (Cellamare). — *Champion Ph.* Les soixante-six jours français du tsar Pierre I-er: Avril–juin 1717. Paris, 2004. P. 113–114.

²⁸ Обстоятельный журнал о вояже (или о путешествии) его царского величества, как ис Копенгагена поехал и был в Галандии, во Франции и в протчих тамошних местах, и что там чинилось // Гистория Свейской войны: Поденная записка Петра Великого / сост. Т.С. Майкова. Вып. 1. М., 2004. С. 617.

вступать в сношения с ними во время пребывания в Париже. Пётр не стал встречаться со специально прибывшим в Париж представителем Якова III герцогом Ормондским (James Butler Ormonde, 1665–1745), но, по-видимому, все-таки встречался с другим главой якобитов герцогом Маром и получил от него в подарок миниатюрный портрет Якова III. В ответ царь нанес краткий визит вдовствующей королеве, о котором один из её сторонников писал: «Королева Мария была очень удовлетворена визитом царя, но огорчена, что она не имела тогда возможности воздать должную благодарность доктору Эрскину, который так заслужил её»²⁹.

По мере того, как выяснялось, что политические переговоры в Париже не принесут больших успехов русской стороне, на первый план выходили контакты в области культуры и науки.

²⁹ Цит. по: *Фейгина С.А.* Аландский конгресс. С. 116–181.

«Был в арсеналах и в королевских домах, и где льют медные всякия штатуи»: парижские маршруты царя

Драгой берег Сенски!
Кто тя не любит? Разве был дух зверски?

В.К. Тредиаковский. 1728 год

Василий Кириллович Тредиаковский, впервые воспевший Париж русскими стихами, признавался, что никогда не сможет забыть берегов Сены. Пётр I тоже неоднократно вспоминал о своем пребывании в столице Франции. Ему могла напоминать об этом картина Хендрика Моммерса «Вид Нового моста в Париже», которая сегодня висит в кабинете-«конторке» царя в реконструированном Зимнем дворце. Городской пейзаж, написанный голландским художником в 1660-е годы, происходит из личной коллекции Петра¹.

Знакомство с Парижем занимало заметное место в напряженном графике царского визита. Пётр I и его спутники заранее знали, что «город здешний велик и строением хорош и богат <...> есть чего смотреть»². Царь в письме к жене выказывал горячее желание «все-го смотреть»³ в Париже. Походный журнал царя, свидетельства французской прессы и воспоминания современников позволяют в деталях представить парижские маршруты Петра. Вышедшее в 1717 году

¹ *Побединская А.Г.* Голландские картины из коллекции Кунсткамеры // Из истории петровских коллекций: сб. научн. трудов. Памяти Н.В. Калязиной. СПб., 2000. С. 150–152.

² *Бантыш-Каменский Д.Н.* Деяния знаменитых полководцев и министров, служивших в царствование государя императора Петра Великого, с портретами их. М., 1821. Ч. 2. С. 132.

³ Письма русских государей и других особ царского семейства. Т. 1: Переписка Петра I с Екатериною Алексеевною. М., 1861. С. 66.

седьмое издание книги Жермена Бриса «Описание города Парижа и всего того, что в нем есть наиболее примечательного»⁴ вместе с гравированными видами города того времени и современными исследованиями по истории и архитектуре Парижа позволяют реконструировать его внешний вид в то время, когда с ним знакомился высокий русский гость. Что же касается городских и архитектурных впечатлений Петра, то они зафиксированы в источниках более скудно. Тем не менее, они позволяют сделать некоторые заключения о вкусах и предпочтениях царя, о влиянии его городских впечатлений на культурную политику.

Историки, описывавшие Париж эпохи регентства, обычно подчеркивают его отличие от современного города, его тогдашний почти средневековый облик. Р. Масси в известной биографии Петра Великого писал: «В 1717 году город представлял собой путаницу узких улиц, застроенных домами в четыре-пять этажей, с островерхими крышами. Башни-близнецы Нотра-Дама возвышались над городом, но полюбоваться прославленным собором было невозможно — на месте нынешней площади перед ним разбегались густо облепленные домами крохотные улочки <...> Целыми днями парижский люд кишел на улицах. Пешеходы подвергались постоянной опасности со стороны верховых, карет и телег, которые едва протискивались по узким проездам, забитым людьми. Грохот колес с железными ободами и крики толпы просто оглушали. Кошмарная вонь поднималась от экскрементов, которые выплескивали прямо из окон, от навозных куч и из тех дворов, где мясники забивали животных. Каждый день на улицах разбрасывали свежую солому, чтобы колеса не так грохотали и город выглядел хоть чуточку опрятнее, а потом грязную солому сметали и топили в реке»⁵. Правда, автор уточнил, что Людовик XIV стал постепенно менять облик средневекового города.

Известный знаток Парижа искусствовед М.Ю. Герман в биографии современника царя художника Антуана Ватто живописует: «А сам город — он грязен, душен, суетлив; боязнь поскользнуться в вонючих лужах мешает любоваться великолепием тюильрийских фасадов, к Сене не подойти по топким берегам, а там, где набережные хоть на что-то похожи, купают лошадей, ловят рыбу, жарят её на кострах и продают похлебку; за мутной рекой развалины средневековой Нельской башни, мосты застроены тесными, как соты лавчонками, везде торгуют — в лавках, с тележек, с лотков, из мешков,

⁴ *Brice G.* Description de la ville de Paris et de tout ce qu'elle contient de plus remarquable. Paris, 1717. Т. 1—3.

⁵ *Massu P.K.* Петр Великий: в 3 т. Смоленск, 1996. Т. 3. С. 101—102.

из карманов, из-за пазухи, торгуют и ворованным — в Париже на полмиллиона горожан сорок тысяч профессиональных воров. Ночью страшно, как на войне, фонарей почти нет, да и зажигают их лишь в безлунные ночи. Можно утонуть в канаве, получить удар кинжала в спину<...>»⁶.

Почти все в этих колоритных картинах верно. (Уточню: на месте Нельской башни уже в 1665—1683 годах было построено эффектное здание Коллежа Мазарини; берега Сены к началу XVIII века были облицованы камнем, а три новых моста не были застроены домами). Однако оба этих описания представляют собой взгляд на Париж начала XVIII века из сегодняшнего города. Между тем совершенно очевидно, что современники видели другой город: древний, но в то же время растущий и обновляющийся. Русский дипломат А.А. Матвеев, приехавший в столицу Франции в 1705 году из чистого и спокойного Амстердама, писал: «Город Париж нашел я втрое болши Амстердама. И людства множество в нем неописанное, и народа убор и забаву в веселии их несказанную. И хотя обносилось, что оне утеснены от короля, то неправда, все в своих волях без всякой тесноты и в уравнении прямом состоят. И никто от велмож и от потданных нимало не озлобляются, все своих радостей употребляются, как надлежит потданным от отца отечества. И ниже узнать возможно, что оне такую долговременную и тяжкую ведут войну»⁷. Париж с его вольнолюбивым и веселым духом ослепил и покориł Матвеева, поразил своим оживлением, показался втрое больше самого большого города Голландии, хотя на деле их население было примерно одинаковым. Матвеев оставил первое русское подробное описание столицы Франции, впрочем, заимствуя описания города из французских книг. Как заметил В. Берелович, Матвеев описывал Париж как город, организованный вокруг регулярных площадей, в центре которых находились статуи королей, описывал как модель — прообраз того, чего еще не было в России, но что он хотел бы там видеть⁸.

Современные историки парижской архитектуры утверждают, что к концу царствования Людовика XIV значительно изменилась сама урбанистическая структура и общий пейзаж города. Город повернулся лицом к реке, которая превращалась в его главную пространственную ось; появились монументальные площади, ставшие образцовыми для всей Европы; целые улицы приобрели регулярный

⁶ Герман М.Ю. Антуан Ватто. Л., 1984. С. 12.

⁷ РГАДА. Ф. 93. 1705. Д. 2. Л. 3.

⁸ Berelowitch W. Aux sources d'un model à construire: la France de 1705 vue par un Russe // De Russie et d'ailleurs. Feux croisés sur l'histoire. Pour Marc Ferro / Textes recueillis et édités par M. Godet. Paris, 1995. P. 401, 403.

вид, дома с узкими островерхими фасадами заменялись постройками, у которых крыши выходили на улицу своими скатами, которые вместе с карнизами формировали новый горизонтальный силуэт; золоченые купола (наряду с прежними шпилями и колокольнями) стали заметными городскими доминантами; зеленый пояс бульваров частично опоясал Париж⁹.

Париж начала XVIII века — это огромный по тогдашним меркам город с населением 700000 человек¹⁰. Окруженный предместьями, он утратил свои средневековые укрепления — на правом берегу вместо них появились обсаженные деревьями бульвары. Ворота города было решено заменить новыми в виде триумфальных арок, которые должны были лишь украшать въезд на главные улицы города (из пяти «ворот», построенных в классическом стиле, до наших дней сохранилось двое — Сен-Дени и Сен-Мартен). Берега Сены постепенно превращались в главную архитектурную панораму, в своеобразный парадный фасад города. К 1715 году в Париже было 8 каменных мостов, между которыми были устроены набережные с облицованными камнем подпорными стенами и замощенной проезжей частью. Незагроможденные постройками мосты (Новый, Королевский и де ла Турнель) стали своеобразными смотровыми площадками, с которых открывался вид на город. Еще со времени Генриха IV забота о столице, о её застройке и чистоте стала рассматриваться как обязанность короля, а знаковые городские постройки — как средство увековечивания памяти монарха. В Париже появились скульптурные памятники королям, причем первая конная статуя Генриха IV была установлена на Новом мосту. Одновременно были устроены регулярные площади, ставшие обрамлением для королевских памятников. Дворцы, церкви, здания общественного назначения стали важнейшими акцентами городской застройки, формировали общий силуэт города. К резиденциям правителей примыкали регулярные сады, которые становились доступными для публики.

Королевские указы регламентировали городскую застройку: запрещалось строительство деревянных домов, регулировалась их высота. Городские дома строились в основном из тесаного камня, перекрывались двух- или четырехскатными крышами с переломом. Некоторые новые участки городской застройки (берег Сены напротив Лувра, остров Сен-Луи и др.) получили геометрически правильную планировку. Несомненно, что русский царь оказался восприимчивым и неравнодушным к новым чертам парижского урбанизма.

⁹ *Courtin N.* Paris Grand Siècle. Places, monuments, églises, maisons et hotels particuliers du XVII-e siècle. Paris, 2008. P. 12–13.

¹⁰ *Ibid.* P. 64. Многие авторы пишут о полумиллионном населении города.

Пожертвовав три первых дня пребывания в Париже протокольным встречам, Пётр I поторопился наверстать упущенное «смотрение» уже 11 мая. По словам царского секретаря барона Черкасова, приехав в Париж, Пётр «назначил себе сам чертеж и собственное расписание особенных вещей, о которых он там спросить и их рассмотреть хотел»¹¹. Черновик подобного «расписания», составленный рукой Конона Зотова и содержащий собственноручные заметки царя, имеется в кабинетском архиве:

«Роспись курioзным вещам в Париже. Тулери, где король живет. Там же огород, в котором всякому позволено гулять. Кур или проезд, где проезжаются для гуляния в коретах. Лувр, которой еще неотделан. Галереи в Лувре, в ней живут славные художники (в ней еще есть планы всем городам укрепленным во Франции). Шелдирей королевския. Люксембурх, в нем галерея писана славным живописцем господином Рубенс. Обсерватор и в нем многия курioзные вещи. Мануфактуры в Гобелене. Стекляныя заводы. Арсенал. Палаты, где собирается парламент. Дом, где солдаты и офицеры за старость и за службу содержатся. Огород королевский, где всякия травы сажаются, и там же показывают анатомию и химику. Помпа на нотродамском мосту для проводу воды во все помпы в Париже. Машина и помпа на новом мосту. Пляс рояль. Пляс Людовика Великого. Пляс де виктуар. Многия церкви в Париже. Сорбона. Монах Себастьян математик. Кабинет господина Дезомбре. Дом Тулуза. Дом Субиза, перед тем де Гвиза. Коллегия четырех наций, где гроб кардинала Мазарина»¹².

Можно утверждать, что царь посетил все названные здесь парижские достопримечательности. Почти все они легко идентифицируются, за исключением, пожалуй, «шелдирей королевских», под которыми следует понимать собрания живописи — картинные галереи (от голландского глагола *schilderen* — рисовать, писать маслом).

Еще один путеводитель царь получил от герцога Л.А. д'Антена. По словам журналиста, 10 мая Пётр попросил услужливого вельможу снабдить его описанием Парижа и был очень удивлен, получив «через два часа» такое описание, переведенное на русский язык. Восхищенный царь признал, что «только французы способны на такую обходительность»¹³. С большой долей вероятности можно утверждать, что в дан-

¹¹ [Штелин Я.] Подлинные анекдоты Петра Великого, слышанные из уст знатных особ в Москве и Санктпетербурге. М., 1787. С. 63.

¹² РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Д. 88, ч. 1. Л. 17–17 об.

¹³ [Buchet P.F.] Abbégé de l'Histoire du Czar Peter Alexiewitz, avec une Relation de l'Etat présent de la Moscovie, et de ce qui s'est passée de plus considerable, depuis son arrivée en France jusqu' à ce jour. Paris, 1717. P. 191.

ном случае речь идет о рукописи «Описание знатных домов во Франции», сохранившейся в составе библиотеки царя¹⁴. Она представляет собой перевод на русский язык подписей в альбоме гравюр, впервые изданном в 1680-е годы Адамом Перелем (Perelle) «Les places, portes, fontaines, eglises, et maisons de Paris» («Площади, ворота, фонтаны, церкви и дома Парижа»)¹⁵. Сам альбом, вероятно, тоже был приложен к русскому описанию. Не исключено, что аналогичные гравюры были присланы Петру в 1715 году под названием «Recueil des veües et perspectives des plus belles maisons de France. 260 Planches» («Сборник видов и перспектив самых прекрасных домов Франции. 260 гравюр»). Гравюры альбома представляли наиболее выгодные виды французской столицы, в первую очередь панорамы набережных и острова Сите, а также изображения значительных архитектурных памятников и садов. Подписи к гравюрам в некоторых случаях сдержали подробные сведения об истории создания и авторах построек. Едва ли принимающая сторона могла обойтись в данном случае без помощи русского переводчика, в качестве которого скорее всего выступал все тот же Конон Зотов¹⁵. Таким образом, Пётр с помощью этого русскоязычного «путеводителя» мог заранее планировать свои поездки и получать необходимую историко-культурную и архитектурную информацию.

С утра 11 мая царь осмотрел находившиеся рядом с отелом Ледигьер Большой и Малый Арсеналы, представлявшие собой целый комплекс зданий, дворов и садов¹⁶. Сооруженные в XVI–XVII веках, они служили для хранения оружия и амуниции, производства пороха и литья пушек, а также в качестве резиденции начальника королевской артиллерии¹⁷. С 1684 года братья Келлеры приспособили Арсенал для

¹⁴ ОР БАН. Собр. Петр. гал. № 55.

¹⁵ О. Медведкова полагает, что перевод подписей был выполнен для переиздания гравюр в Петербурге. — *Medvedkova O. La bibliothèque d'architecture de Pierre le Grand. Entre Curiosité et Passion // Cahiers du Monde Russe. 2006 № 47/3. P. 499.*

¹⁵ Терминология в области архитектуры и искусства в русском языке не была разработана, и переводчику самостоятельно пришлось искать необходимые эквиваленты. Так, слову «набережная» (quae) в рукописи соответствует «берег», слову «площадь» (place) — «пляца», «статуя» пишется как «статута», «дворец» как «полаты», переводчик вводит слова «партер», «боскет», «перспектива», «бассейн», «замок».

¹⁶ В царском «путеводителе» значилось: «Арсенал есть магазин пороховой, где лежат ружья и воинские вещи королевские, также и литейный двор, и жилище фелдцейхмейстера <...> где есть великой сад, в котором всем гулять волно». — ОР БАН. Собр. Петр. гал. № 55. Л. 19 об.

¹⁷ Из всех сооружений Большого и Малого Арсеналов до наших дней дошла лишь резиденция де Сюлли, служившего фельдцейхмейстером артиллерии в 1594–1610 годах. В этом здании, модифицированном в XIX веке, ныне находится Библиотека Арсенала, являющаяся частью Национальной библиотеки Франции.

литься бронзовых статуй, предназначенных для королевских резиденций. Эти знаменитые литейщики изобрели новый вид бронзы, что позволило им внедрить технологию единой заливки, использованную при изготовлении гигантской конной статуи Людовика XIV работы Ф. Жирардона. Об этом сообщал парижский путеводитель 1717 года:

«Большое пространство Арсенала разделено на несколько частей, наиболее значительная из которых отведена под сад, господствующий над городским рвом и над рекой, с которой открывается приятный широкий обзор. Остальное пространство занято сообщающимися дворами, имеющими простые постройки только с одной стороны. В 1715 году все старые грубые строения были разрушены. Кажется, должны на их месте возвести другие, но пока еще не видно, что будет здесь построено <...> При маркизе Лувуа был учрежден литейный двор в Арсенале, чтобы делать копии с многочисленных античных и современных статуй, служащих для украшения королевских резиденций. Это предприятие было доверено Жану-Бальтазару Келлеру, уроженцу Цюриха в Швейцарии (ум. в 1702 году), имевшему уникальный опыт работ подобного рода. В его похвалу можно сказать, что никто не продвинулся дальше него в искусстве металлического литья и не предпринимал больших работ в этом роде. Это видно на примере конной статуи короля, установленной на площади Людовика Великого и других произведений, вышедших из его рук, большую часть которых можно увидеть в Версале. Здесь когда-то отливали артиллерийские орудия, но некоторое время назад нашли более удобным производить их на границах, в городах тех провинций, где обычно находятся войска»¹⁸.

В Походном журнале царя отмечено: «В 30 день пред полуднем его царское величество был в арсеналах и в королевских домах, и где льют медные всякие штатуи <...>»¹⁹. По-видимому, именно новая технология отливки бронзовых статуй, применявшаяся в Арсенале, привела сюда русского царя, совместившего этот визит с осмотром памятников французским королям.

Затем царь побывал на площадях, украшенных статуями королей. Сначала он совершил прогулку по Королевской площади²⁰ (ныне

¹⁸ *Brice G.* Description de la ville de Paris. T. 2. P. 152–153.

¹⁹ Обстоятельный журнал о вояже (или о путешествии) его царского величества, как ис Копенгагена поехал и был в Галандии, во Франции и в протчих тамошних местах, и что там чинилось // История Свейской войны: Поденная записка Петра Великого / сост. Т.С. Майкова. Вып. 1. М., 2004. С. 616.

²⁰ В петровском «путеводителе»: «Пляца королевская в Париже, которая зачата в 1604 году повелением Гендрика 4 и совершена несколько времени спустя

площадь Вогезов), застроенной еще по указу Генриха IV в 1605–1608 годах. Тогда впервые была реализована идея современного города — элегантного и безопасного. Площадь окружена 36 павильонами с одинаковыми фасадами из кирпича и камня с высокими крышами, снабженными слуховыми окнами. На уровне цокольного этажа павильоны объединены аркадой.

В центре площади в 1639 году (при жизни короля) была установлена бронзовая конная статуя Людовика XIII в образе римского императора. Скульптура коня, изготовленная итальянцем Р. да Вольтерра, была получена в качестве приданого Екатерины Медичи, а фигуру короля много позже сделал французский скульптор П. Биар (Pierre Biard le Jeune, 1592–1661)²¹. Пожалуй, именно королевская статуя привлекла главное внимание русского царя в 1717 году. Петр обошел площадь и рассмотрел статую, на пьедестале которой были выбиты велеречивые надписи в честь «Людовика Справедливого». Весь внутренний двор площади в то время был обнесён железной решеткой, по замечанию современника, «совершенно бесполезной», а центр площади еще не был засажен деревьями.

Потом царь посетил овальную площадь Побед в квартале Сен-Рок («пляца зовомыя виктории»), построенную около 1686 года по проекту знаменитого архитектора Ж. Ардуэна-Мансара (Jules Hardouin-Mansart, 1646–1708) как обрамление для статуи Людовика XIV. Скульптор М. Дежарден (Martin Desjardins, 1637–1694) изобразил пешую фигуру короля, облаченного в коронационные одежды; за ним на земном шаре возвышалась аллегория Победы, венчающая королевскую голову лавровым венком; в другой руке она держала пальмовую и оливковую ветви. Ногами король попирал трехглавого Цербера. На пьедестале были укреплены барельефы, прославляющие победы Людовика. По углам пьедестала находились фигуры скованных рабов. Все бронзовые фигуры памятника были позолочены²². «Памятник целиком позолочен, чтобы он был блестящим и заметным издалека, и это придаёт ему очень пышный вид, который не удовлетворяет людей с хорошим вкусом»²³, — отмечал автор парижского путеводителя 1717 года.

Петру показали и площадь Людовика Великого (ныне Вандомская площадь), устроенную в 1685 году в западной части правобережного Парижа. В центре площади возвышалась колоссальная

<...> статуя дела Даниеля Волтера поставлена в сем месте в 1639 году» — ОР БАН. Собр. Петр. гал. № 55. Л. 121–21 об.

²¹ Статуя была разрушена во время Революции и заменена мраморной копией в 1829 году.

²² Памятник был разрушен во время Революции и заменен в 1822 году эффектной конной статуей короля-солнца работы скульптора Бозио.

²³ *Brice G. Description de la ville de Paris. T. 1. P. 302.*

конная статуя работы скульптора Ф. Жирардона (François Girardon, 1628—1715), представляющая Людовика XIV в одежде античного героя, сидящего на лошади без седла и стремян. Архитектор Ардуэн-Мансар проектировал элегантные фасады, которые окружили восьмиугольную площадь. Высокие крыши зданий были украшены слуховыми окнами-люкарнами. Второй и третий этажи объединены пилястрами коринфского ордера. Нижний этаж устроен в виде закрытой аркады. Царь внимательно читал латинские надписи на пьедесталах всех статуй и делал зарисовки.

Позже Пётр посетил еще одну регулярную площадь города — площадь Дофина (1607—1610), которая примыкала к Новому мосту и была тогда замкнута с трех сторон. На мосту находился конный памятник Генриху IV (1634). В петровском «путеводителе» содержалось её описание: «Пляца Нового моста (Дофинова), которого середина есть у мыса Полатного острова, где поставлена статуа верховая медная Генрика Великого, которая сделана во Флоренции в 1615 году<...>»²⁴.

Побывав на центральных площадях Парижа, Пётр I познакомился с лучшими образцами регулярного градостроительства того времени и обратил внимание на своеобразие французской архитектуры. Но особенно его привлекли конные монументы, ведь в это время им уже была заказана скульптору Б.К. Растрелли собственная конная статуя в память о победах русских войск над шведами (современники будут сравнивать ее со статуей Людовика XIV работы Жирардона)²⁵.

За полтора месяца пребывания во французской столице Пётр познакомился со всеми её выдающимися архитектурными достопримечательностями. Царь много раз бывал в Лувре («двор королевской зовоймой Лювр») и примыкавшем к нему дворце Тюильри, который был тогда резиденцией юного Людовика XV. После того, как король-солнце покинул Лувр ради Версаля, громадный недостроенный дворец находился не в лучшем состоянии. Здесь размещались многочисленные учреждения: Королевская академия наук, Французская академия, Королевские академии живописи и архитектуры, Королевская академия надписей и медалей, Королевская типография. Нижний этаж Большой галереи Лувра занимали Монетный двор, а также мастерские скульпторов, художников, ремесленников. Лувр²⁶, Тюильри, Пале-Рояль²⁷, Люксембургский дворец

²⁴ ОР БАН. Собр. Петр. гал. № 55. Л. 5 об; см. также Л. 18.

²⁵ *Петров В.Н.* Конная статуя Петра I работы Растрелли // *Очерки и исследования.* М., 1978. С. 33.

²⁶ «Дворец Лювр почел приходить в форму легулярную в 1528-м году при короле Франциске». — ОР БАН. Собр. Петр. гал. № 55. Л. 10 об.

²⁷ Петровский «путеводитель» пояснял: «Полаты королевския вначале носили прозвание полаты кардиналские, понеже кардинал Ришелью во время счастья

(«полаты орлеановы, которые называются Люксембурх») были памятниками ренессансной архитектуры, которая уже не воспринималась как современная и не могла служить образцом для подражания. Царь мог обратить внимание на попытки их перестройки в духе классицизма (знаменитая восточная колоннада Лувра была тогда еще не окончена). Сад Тюильри, как и другие «королевские огороды», вызывал живой интерес у русского гостя, неоднократно прогуливавшегося здесь²⁸. Знаменитый садовый архитектор А. Ленотр (André Le Nôtre, 1613–1700) превратил Тюильри в образцовый французский регулярный сад: была проложена главная аллея с большими бассейнами, которые должны были украшать статуи и вазы. Хотя оформление сада не было закончено, парижане гордились им:

«По свидетельству тех, кто видел разные страны, сад Тюильри, безусловно — одно из лучших мест для прогулок во всей Европе и в том состоянии, в котором он находится сейчас, хотя он не украшен еще фонтанами и статуями, как это должно быть в соответствии с предложенным проектом <...> Большой партер, находящийся со стороны дворца, разделен на несколько участков и прорезан аллеями, которые ведут к главным входам; самые лучшие цветы каждого сезона обязательно представлены здесь; вечнозеленые кусты составляют бордюры, окружающие самшитовые кусты в узорных клумбах-бродери»²⁹.

Но еще большее любопытство, чем сад, вызвал у него строящийся рядом разводной мост. Как заметил С.Б. Горбатенко, «строительство технического сооружения привлекло внимание Петра, по крайней мере, не меньше, чем эстетика великолепного регулярного сада»³⁰.

Посещая научно-просветительские учреждения Парижа, Пётр I не мог не обратить внимания на то, что они располагают прекрасными зданиями. Украшением столицы был Коллеж Мазарини («школа Мазаринова», «школа четырех народов») — великолепное здание с издалека заметным куполом расположено на левом берегу Сены, на одной оси с Квадратным двором Лувра, в квартале Сен-Жермен. Еще дипломат петровского времени А.А. Матвеев отмечал «изрядное» место и «веселый» вид постройки. Коллеж был соору-

своего министерства велел их сделать, а при смерти оставил их королю Людовику 13 <...>» — ОР БАН. Собр. Петр. гал. № 55. Л. 11.

²⁸ В петровском «путеводителе» содержался «План саду у палат Тюлерииских инвенции господина Нотре» и его подробное описание. — ОР БАН. Собр. Петр. гал. № 55. Л. 7 об.—8.

²⁹ *Brice G.* Description de la ville de Paris. Т. 1. Р. 131–132.

³⁰ *Горбатенко С.Б.* Архитектура Стрельны. СПб., 2006. С. 76.

жен в 1665–1683 годах по завещанию и на средства кардинала Мазарини по проекту архитектора Л. Лево (Louis Le Vau, ок. 1612–1670) на месте знаменитой прежде Нельской башни. Центральный корпус с колонным портиком, фронтоном и куполом, барабан которого украшен гербом Мазарини, первоначально являлся церковью, в которой находилась гробница кардинала (скульптор А. Куазевокс³¹, 1689). Дугообразные крылья эффектно устроенные в духе римского барокко XVII в., а также два симметрично расположенных павильона, увенчанных высокими крышами, занимало учебное заведение, в котором должны были обучаться 60 учеников — выходцев из дворян недавно присоединенных к Франции провинций (Эльзаса, Фландрии, Пинероля, Франш-Конте и Руссильона).

Побывал царь и в Сорбонне («собрании ученых людей в богословии»), здания которой были реконструированы при кардинале Ришелье. До наших дней из зданий, которые видел русский царь, сохранилась лишь церковь, возведенная архитектором Ж. Лемерсье (Jacques Lemercier, ок. 1585–1654) в 1635–1653 годах по образцу барочных построек Рима. Её нарядный фасад украшен колоннами, пилястрами, скульптурой. Здание увенчано изящным куполом. В трансепте церкви находилась гробница кардинала Ришелье (1694, скульптор Ф. Жирардон по проекту Ш. Лебрена³²), которую показал русскому царю.

Настоящим дворцом науки была Парижская обсерватория, которую русский гость посетил трижды³³. Она была построена в 1672 году по проекту известного архитектора К. Перро (Claude Perrault, 1613–1688) на окраине предместья Сен-Жак. Сохранившееся до наших дней здание Обсерватории является шедевром архитектуры французского классицизма XVII века.

Архитектурный ансамбль Дома Инвалидов («Двор Марсов или инвалидов»), включающий Собор-усыпальницу, церковь св. Людовика и Приют для инвалидов, который царь посетил 16 мая, был, можно сказать, самой грандиозной новостройкой Парижа, располагавшейся на окраине города. Здание приюта для раненых солдат-инвалидов было построено по указу Людовика XIV архитектором Л. Брюаном (Liberal Bruant, 1635–1697) в 1671–1676 годах. Церковные здания являлись творениями Ж. Ардуэна-Мансара, работавшего здесь в 1679–1708 годах. Огромная площадь-эспланада, про-

³¹ Antoine Charles Coysevox, 1640–1720.

³² Charles Le Brun, 1619–1690.

³³ В петровском «путеводителе» значился «опсерватуар или место, где опсервуют планеты небесные, которое строение король зачел в 1667 году на высоком месте в конце посада Санкт-Иякова». — ОР БАН. Собр. Петр. гал. № 55. Л. 29.

тянувшаяся до Сены, создавалась в 1704–1720 годах. Четырёхэтажный фасад, выходящий на эспланаду, фланкируется двумя ризалитами с фигурными фронтонами, а в центре имеет портал в виде триумфальной арки с барельефным изображением Людовика XIV на коне между аллегориями Справедливости и Благоразумия. Парадный внутренний двор с четырех сторон окружен двухъярусными арочными галереями. Напротив главного входа во двор расположен портик солдатской церкви св. Людовика. Весь комплекс зданий имел в начале XVIII века 12 дворов. Доминантой архитектурного ансамбля является собор-усыпальница, главный фасад которого украшен колоннадой двойного ордера и фронтоном. Мощный барабан собора с двумя рядами окон, сдвоенными колоннами и волютами увенчан куполом, украшенным золочеными гирляндами и цветами. Шпиль собора возносится на высоту 107 м. Этот памятник военной славы Людовика XIV и его солдат не мог оставить равнодушным героя Полтавы.

Из старинных достопримечательностей Парижа царь посетил шедевр готической архитектуры Собор Парижской Богоматери, находящийся на острове Сите. Собор был окружен со всех сторон ветхими средневековыми постройками, лишь у его западного фасада имелась крошечная площадь-паперть. Поднимался Петр и на башни собора, откуда рассматривал Париж в подзорную трубу. Там же, на острове Сите, царь побывал в Парижском парламенте — высшем суде королевства. Его здания, унаследованные от старого королевского дворца, сохраняли в начале XVIII века свой средневековый облик.

Первого июня 1717 года царь проплыл на лодке под всеми мостами Парижа. Сена была тогда важнейшей транспортной артерией и изобилвала судами различных типов. Выйдя из лодки у ворот Конферанс, царь пересел в карету и проехал по городскому валу, превращенному в бульвар для прогулок; затем он приобрёл у пиротехника большое количество ракет и петард, которые сам запускал в саду отеля Ледигьер.

Еще до поездки во Францию Пётр I рассматривал гравюры с изображением парижских достопримечательностей. В частности, в распоряжении царя был сборник из 48 гравюр, изданных Жаном Мариеттом (Jean Mariette, 1654–1742) под названием «L'Architecture Française...», включающий планы и фасады парижских дворцов и особняков. В него входят серия из семи гравюр с чертежами типовых домов по проектам Ж. Ардуэна-Мансара, а также серия чертежей отеля Клермон по проекту Ж.Б.А. Леблона, чертежи замка Исси, отелей Овернь, Лорж, Демаре, особняка мадам де Варанжевиль, то есть лучших образцов строгого стиля конца правления Людовика XIV. Как смело утверждает

И.В. Хмелевских, в архитектуре петровского времени «этот стиль скопирован до мелочей: та же обработка фасадов рустованными лопатками, оформление окон наличниками в форме простой рамы с замковым камнем и филёнками, те же высокие мансардные крыши “с переломом на немецкий манир”»³⁴

Царь радовался приглашению на русскую службу известного архитектора Жана Батиста Александра Леблона (Jean Baptiste Alexandre Le Blond, 1679–1719), с которым встретился в начале своего путешествия по Европе, и писал А.Д. Меншикову 11 июня 1716 года: «на сих днях приехал сюды Конон Зотов и привез с собою из Франции славного архитектура и механика Леблону и протчих мастеровых, которые приняли нашу службу, и оных на сих днях к вам отправим сухим путем»³⁵. По-видимому, общение с французским архитектором доставило удовлетворение царю, который снабдил Леблону следующим письмом к Меншикову от 22 июня:

«Мейн фринг. Доносителя сего господина Леблону примите приятно и по его контракту удовольствуйте, ибо сей мастер есть из лутчих в свете и прямою диковинкою есть, как я и в краткое время мог его рассмотреть. К тому же не ленив и доброй гуморы (от фр. «bonne humeur» — хорошее настроение, прав. — *C.M.*) есть человек, также кредит великий имеет в мастеровых во Франции. Кого надобно через его достать можем. И того ради объяви всем архитектам, чтоб все дела, которые вношь начинать будут, чтоб без его потписи на чертежах не строили, также и старое, что мочно, еще исправить»³⁶.

Как видно, царь связывал с Леблоном большие надежды в деле строительства Петербурга и загородных резиденций. В письмах из Франции царь заботился об отправке в Россию из Гавра французских мастеров: «сто человек мастеровых мужеска и женска полу», а с ними «сто урнов ценинных [или горшков], в которые ставятца померанцовыя деревья и протчия цветы; десятков шесть или семь плит мраморовых, которые употребляютца в полатах на поль»³⁷. Меншикову царь пишет: французских мастеров «примите <...> лас-

³⁴ Хмелевских И.В. Сборник «L'Architectue Française...» из библиотеки Петра Великого // Пушкин и 1812 год: Материалы научно-практической конференции «Золотой век французской книги в России (4–8 апреля 2012 года) и Михайловских Пушкинских чтений «Пушкин и 1812 год» (15–19 августа 2012 года). Сельцо Михайловское, 2013. С. 94.

³⁵ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270, оп. 1. № 81. Л. 613.

³⁶ Там же. Л. 630.

³⁷ Там же. № 85. Л. 465.

ково, и чтоб не скитались»³⁸. Однако в письмах царя отсутствуют отзывы об увиденном в Париже.

О парижских впечатлениях царя в целом писал герцог Сен-Симон в своих мемуарах: Петра I «крайне поразила роскошь, которую он видел; ему очень по сердцу пришлись и король и Франция, и он с горечью сказал, что роскошь вскоре погубит Францию. Уезжал он, *восхищенный оказанным ему приемом, всем, что увидел* (курсив мой. — С.М.), свободой, которую ему предоставляли, и с великим желанием установить тесный союз с королем <...>»³⁹. Другие источники подтверждают слова мемуариста об очаровании царя маленьким королем, о жадном желании видеть парижские достопримечательности, о стремлении установить союз с Францией. Роскошь французской столицы не могла не броситься царю в глаза, особенно по сравнению с бедностью простого населения, отмеченной им по дороге в Париж.

Сходные впечатления зафиксированы в «Рассказах» А.А. Нартова: царь якобы сказал при отъезде из Парижа «Жалею, что домашние обстоятельства принуждают меня так скоро оставить то место, где науки и художества цветут, и жалею при том, что город сей рано или поздно от роскоши и необузданности претерпит великий вред, а от смрада вымрет»⁴⁰. «Париж воняет»⁴¹, — якобы заключил русский царь, по сообщению того же Нартова. На первый взгляд, может показаться, что «речи», приведенные Нартовым, являются независимым подтверждением высказываний Сен-Симона. На самом же деле, они являются литературным вымыслом второй половины XVIII века, опирающимся на иностранные источники. Жалобы на грязь и зловоние в Париже были почти обязательными в записках путешественников, особенно во второй половине XVIII века. Несмотря на существование специальных служб по уборке мусора и нечистот и строгие запреты властей, парижане никак не хотели избавляться от привычки выливать на улицу содержание ночных горшков⁴². Заостренные характеристики французских нравов и парижской «вони» в сочинении А.А. Нартова отражали не

³⁸ Там же. Л. 504.

³⁹ Сен-Симон. Мемуары. Полные и доподлинные воспоминания герцога де Сен-Симона о веке Людовика XIV и Регентстве. Избранные главы / пер. с фр. Ю.Б. Корнеева; предисл. А.Д. Михайлова; сост. и коммент. А.П. Бондарева. Кн. 2. М., 1991. С. 371.

⁴⁰ Пётр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. М., 1993. С. 311.

⁴¹ Там же. С. 273.

⁴² См.: Мильчина В.А., Плавинская Н.Ю. Парижские ароматы эпохи Просвещения и Романтизма // Отечественные записки. 2007. № 2 (35). С. 178–193.

реалии петровского времени, а борьбу русской интеллигенции конца XVIII века с распространившейся в обществе галломанией.

Конечно, не все во французской культуре и в частности в архитектуре восхищало Петра, было им понято и принято. Об этом свидетельствует, например, написанное еще до приезда в Париж письмо с отзывом об архитектурных проектах Леблона, который, по словам царя, не учитывал, что «у нас не французский климат»⁴³. Единственный прямой отзыв о французской архитектуре содержится в письме царя архитектору И.К. Коробову 7 ноября 1724 года. Царь отказал ему в просьбе переехать из Голландии во Францию и в Италию «для практики архитектуры цивилис»: «Во Франции я сам был, где никакой архитектуры нет и не любят, но толко гладко и просто и очень толсто строят, и все из камня, а не из кирпича (понеже везде камень есть)». Далее Пётр писал, что французские и итальянские постройки не сходны с русскими условиями: «но в обоих сих местах строение здешней ситуации противные места, и нет сходнее Голандии»⁴⁴. В данном случае царь имел в виду не только сходство климатических условий. Кажется, он верно уловил черты классицистической простоты в архитектуре Франции, точно подметил, что мода на кирпичные постройки в Париже прошла. Возможно, он считал, что архитектура должна быть более украшенной. Но скорее всего Пётр-прагматик здесь просто подчинял эстетику практической пользе.

О прямом влиянии парижских архитектурных впечатлений Петра I на строительство Петербурга можно говорить лишь предположительно. Однако трудно удержаться от констатации этого влияния в опосредованном виде в исторической перспективе, памятуя о том, что на берегах Невы вырос город, открытый к реке, с чудесными береговыми панорамами, с площадями, обрамляющими памятники царям, с сочетанием горизонтальной застройки улиц «единой фасадой» с вертикалями шпилей и куполов, с садами, как в петровской мечте: «не хуже, чем у французского короля». Как заметил писатель Жан Бло, «через Идеал Франция присутствует в Петербурге»⁴⁵.

⁴³ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270, оп. 1. № 84. Л. 372.

⁴⁴ Там же. № 107. Л. 404.

⁴⁵ Бло Ж. Франция и французы в Санкт-Петербурге // Франция и французы в Санкт-Петербурге XVIII–XX вв.: Материалы коллоквиума. СПб., 2005. С. 161.

«В Версалии и Марли сколь великий plezier имел!»: царь в резиденциях французских королей и аристократии

Находясь с визитом в Париже, Пётр I с видимым удовольствием посещал загородные резиденции французских королей и знати. Во время этих поездок царь мог отвлечься от сложной задачи налаживания политического союза с Францией и в то же время удовлетворить свою любознательность и интерес к французской культуре, да и просто отдохнуть и развлечься. Принимающая сторона всячески поддерживала русского гостя в этих познавательных и развлекательных устремлениях. Маршал де Тессе отмечал в своих записках, что регент Франции Филипп Орлеанский не имел серьезных политических намерений в отношении Петра I, и поэтому старался «развлекать царя вплоть до его отъезда, ничего не заключая с ним»¹.

Маршруты поездок определял сам Пётр I за исключением тех случаев, когда его приглашали на обед или на охоту, но принимающая сторона просила его предупреждать о желании что-то посетить хотя бы за день. Иногда царь в силу импульсивности своего характера нарушал это правило. Лица, сопровождавшие царя, отмечали его подвижность, нетерпеливость, частую смену желаний. «Со всеми этими переменами нет ни одного человека, у которого не пошла бы голова кругом»², — жаловался маршал де Тессе.

¹ [Tessé R.] Mémoires et lettres du maréchal de Tessé. Paris, 1806. Т. 2. Р. 319. Некоторые французские историки ставили под сомнение принадлежность де Тессе этой фразы, указывая на то, что составителем «мемуаров» век спустя был генерал де Гримоар. См.: Haussonville J. de. La visite du Tsar Pierre le Grand en 1717 d'après des documents nouveaux // Revue des deux Mondes. 1896. Т. 137. Р. 814.

² Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции, за апрели и май месяцы 1717 года // Сборник ИРИО. Т. 34. СПб., 1881. С. 207.

«Роспись куриозным местам в Париже», которой руководствовался царь в своих поездках, включала и загородные резиденции:

«Вне Парижа дома королевские. Версалия (там надобно ночевать, чтоб все добре высмотреть); Марли. Там же и махина; Сен-Жермен; Сент-Клу; Медон; Винсен». Далее рукой царского агента в Париже Конона Зотова добавлено: «Дюк Дантен просит Ваше Величество, чтоб повелел ему дать знать за день, если какую из оных вещей пожелает увидеть, чтоб он мог взять свои меры, дабы не был народ и не знал об этом»³.

На списке сохранились собственноручные карандашные пометки царя, посетившего все указанные резиденции, кроме средневекового Венсеннского замка. Загородные дворцы и замки были довольно подробно описаны и в рукописном «путеводителе» на русском языке, преподнесенном царю герцогом д'Антенном.

Десять дней спустя после приезда в Париж Пётр I, отдав дань дипломатическому протоколу и достопримечательностям французской столицы, совершил свою первую поездку за город — посетил королевскую резиденцию Медон, находившуюся на левом берегу Сены в 10 км к юго-западу от столицы, на полпути в Версаль. Резиденция принадлежала сыну Людовика XIV Луи (Великому Дофину) до его смерти в 1711 году. Журнал царского путешествия не оставляет сомнения в том, что поездка произвела на царя самое благоприятное впечатление: «В 6 день его величество ездил от Парижа в Королевскую деревню Медон, которая от Парижа езды два часа, зело изрядная, а паче дом и огород»⁴. Дворцово-парковый комплекс в Медоне был расположен на склоне высокого лесистого холма и включал два дворца, к строительству которых были причастны Луи Лево и Жюль Ардуэн-Мансар. Знаменитый садовый мастер Андре Ленотр приложил руку к созданию Большой Перспективы — грандиозного газона с тремя бассейнами на склоне холма перед Старым дворцом. Справа и слева от этой главной оси были разбиты Верхний и Нижний сады с бассейнами, каскадами, фонтанами и боскетами. Царь осмотрел дворец и объехал верхом Верхний и Нижний сады. Его сопровождали маршал де Тессе и князь Трансильвании Ференц Ракоци, вместе с которым царь отобедал в этот день раньше обычного — перед поездкой в Медон. Лидер венгерских повстанцев Ракоци впоследствии вспоминал о своих пе-

³ РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого). Отд. 2. Кн. 88. Ч. 1. Л. 17 об.—18.

⁴ Обстоятельный журнал о вояже (или о путешествии) его царского величества, как ис Копенгагена поехал и был в Галандии, во Франции и в прочих тамошних местах, и что там чинилось // Гистория Свейской войны: Поденная записка Петра Великого / сост. Т.С. Майкова. Вып. 1. М., 2004. С. 617.

реговорах с царём во время «интересных прогулок, которые мы совершали в королевских дворцах»⁵. Журналист, описывавший поездки царя, отмечал, что «положение этого королевского дома и его вид доставили царю еще больше удовольствия, чем все остальное»⁶. Петру определенно понравилась эта живописная резиденция, с террасы которой открывались чудесные виды как собственно на парки с грандиозной Большой перспективой, так и на Париж. Видимо, на память об этой поездке у царя осталась «трубка в двух штуках из Медона»⁷. Не через эту ли зрительную трубу он любовался Парижем?

На следующий день 18 мая царь отправился с частным визитом к вице-адмиралу маршалу Виктору Мари д'Эстре в его загородный дом в Исси-ле-Мулино. «В 8 часов утра царь поехал в Исси к маршалу д'Эстре, который за ним приехал в своей карете; там он обедал и пробыл очень долго. После обеда маршал показал ему множество вещей, относящихся к мореплаванию, которое является большой страстью царя»⁸. Ничего не известно об архитектурных и ландшафтных впечатлениях царя от этой поездки, но очевидно, что она имела деловой и научно-познавательный характер. Д'Эстре живо интересовался политикой царя и был причастен к сотворению мифа о царе-просветителе, «творце своего народа»⁹. Беседа шла о морских делах, а возможно, и о перспективах русско-французской коммерции. Царь получил в подарок книги и «чертеж галеры о двух сопцах (с двумя рулями. — С.М.)»¹⁰. Гостю, несомненно, проде-

⁵ L'autobiographie d'un prince rebelle. Confession et mémoires de François II Rákóczi. Budapest, 1977. P. 616.

⁶ [Buchet P.F.] Abbregé de l'Histoire du Czar Peter Alexiewitz, avec une Relation de l'Etat présent de la Moscovie, et de ce qui s'est passée de plus considerable, depuis son arrivée en France jusqu' à ce jour. Paris, 1717. P. 197.

⁷ РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого). Отд. 2. Кн. 88. Л. 203.

⁸ [Dangeau Ph.] Journal du marquis de Dangeau / Publié en entier pour la première fois par MM. Soulié, Dussieux, de Chennevières, Mantz, de Montaiglon; avec les additions inédites du duc de Saint-Simon publiées par M. Feuillet de Conches. Paris, 1859. Т. 17: 1717—1719. P. 91; см. также: Обязательный журнал о вояже (или о путешествии) его царского величества. С. 617.

⁹ См.: *Surreaux S.* Le livre, premier contact avec une contrée lointaine: les maréchaux de France, leurs bibliothèques et des ?changes scientifiques et diplomatiques avec la Russie au XVIII-e siècle // Французы в научной и интеллектуальной жизни России XVIII—XX вв. М., 2010. С. 141—155; *Мезин С.А.* Царь, вице-адмирал и академик // Труды Государственного Эрмитажа: Т. 73: Петровское время в лицах—2014: К 300-летию победы пи Гануте (1714—2014): материалы научной конференции. СПб., 2014. С. 262—270.

¹⁰ *Долгова С.Р.* Кабинет Петра I — уникальная коллекция Российского государственного архива древних актов // Петровские реликвии в собраниях России и Европы: материалы III Междунар. конгресса петровских городов: Санкт-Петербург, 8—10 июня 2011 года. СПб., 2012. С. 23, 24; РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого). Отд. 2. Кн. 88. Л. 203 об.

монстрировали библиотеку, насчитывавшую 28 тысяч томов. Вице-адмирал высказал пожелание познакомиться с русскими книгами¹¹. В письме от 20/31 августа 1717 года царь напоминал ему об обещании прислать двух мастеров корабельного и галерного дела и добавлял: «По желанию вашему книги как духовные, так и художественные на славянском языке отданы в Гааге господину де Шатене для отправления к вам»¹². Так в библиотеке маршала д'Эстре оказались 33 книги на русском языке¹³.

На утро 20 мая была назначена встреча царя с регентом Филиппом Орлеанским в его загородной резиденции Сен-Клу. Общение предполагалось в узком кругу: «Герцог приказал лишь пяти или шести придворным прибыть туда в 9 часов. С царем не должно быть более трех человек»¹⁴. Однако у царя случился жар, и поездка была отложена: «Был дома и принимал лекарства, ибо тот день с утра занемог»¹⁵. Уже через день, 22 мая, царь чувствовал себя достаточно хорошо, чтобы отправиться в ближайший пригород Парижа Берси. Здесь на правом берегу Сены находился одноименный дворец и парк, созданный в 1658–1715 годах при участии Франсуа Лего, Жака де Лагепьера (J. de La Guérière) и Андре Ленотра для маркиза де Берси. Рядом с ним, ниже по течению реки (ближе к городу) выросли особняки с садами, принадлежавшие герцогу де Рогану, графу де Бетюну, графу д'Онз-ан-Бре и др., составлявшие аристократический район, называемый Пти-Берси. Царь приехал сюда в дом генерального директора почт Луи Леона Пажо графа д'Онз-ан-Бре, чтобы познакомиться с его кабинетом редкостей, задержался здесь на три часа и обещал еще вернуться¹⁶. Графская вилла была невелика, но «отлично расположена и прекрасно устроена, а сад её, доходящий до самого берега Сены, был восхитителен»¹⁷. Французские аристократы свы-

¹¹ Еще в 1716 г. маршал д'Эстре просил французского консула в Петербурге де Лави прислать ему книги о религии, законодательстве и коммерции России: «Я бы предпочел их иметь на языке оригинала, если имеются хорошие книги, напечатанные в Московии». — *Surreaux S.* Le livre, premier contact avec une contrée lointaine. P. 153. С аналогичной просьбой маршал обращался к царскому резиденту К. Зогову. См.: *Княжецкая Е.А.* Научные связи России и Франции при Петре I // Вопросы истории. 1981. №5. С. 94–96; РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого). Отд. 2. Кн. 27. Л. 97.

¹² Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270. № 85. Л. 78.

¹³ *Княжецкая Е.А.* Научные связи России и Франции при Петре I. С. 96.

¹⁴ [*Dangeau Ph.*] Journal du marquis de Dangeau. P. 92.

¹⁵ Походный журнал 1717 года. СПб., 1855. С. 15.

¹⁶ [*Buchet P.F.*] Abbégé de l'Histoire du Czar Peter Alexiewitz. P. 201–202.

¹⁷ Le Cabinet historique: revue... contenant, avec un texte et des pièces inédites, intéressantes ou peu connues, le catalogue général des manuscrits que renferment les bibliothèques publiques de Paris et des départements touchant l'histoire de l'ancienne

сока относились к русскому «варвару», но узнавая его поближе, меняли своё мнение. Характерный эпизод отразился в частной переписке Комартена де Буаси (Caumartin de Boissy), который писал сестре:

«Мы очарованы его [Петра I] умом и вежливостью. Он покупает много интересных вещей, относящихся к искусству. Герцог Роган видел царя в Берси, и поскольку тот его не приветствовал, не будучи с ним знакомым, герцог произнес: “Вот невоспитанный человек”. Князь Куракин, услышав это, ответил: “Я воздержусь от передачи Его Величеству глупости, которую вы только что сказали”»¹⁸.

Запланированная ранее встреча с герцогом Орлеанским в Сен-Клу состоялась в воскресенье 23 мая. Самую подробную информацию об этой поездке дал издатель газеты «Le Nouveau Mercure» Франсуа Бюше:

«Его Царское Величество, который не мог в предшествующие дни поехать на обед в Сен-Клу по причине легкого недомогания, отправился туда 23-го с маршалом де Тессе и главными вельможами своего двора. Там все было приготовлено для его приёма. Регент встретил его у кареты и проводил в апартаменты. После обеда царь пожелал осмотреть сады и фонтаны. Он пересек весь парк частью в карете, частью верхом на лошади — все время в сопровождении Его Королевского Высочества <...> Царь возвращался через Булонский лес и из любопытства посетил замок Мадрид¹⁹, который господин Арменонвиль постоянно совершенствует»²⁰.

Резиденция герцогов Орлеанского дома в Сен-Клу состояла из дворца, которому архитектор Антуан Лепотр (Antoine Lepautre, 1621–1679) придал классическую П-образную форму с парадным двором, открытым к Сене. Он же создал Большой каскад, который может

France et de ses diverses localités, avec les indications de sources, et des notices sur les bibliothèques et les archives départementales / Sous la direction de Louis Paris. Paris, 1856. Т. 2. Part. 1. P. 40.

¹⁸ Les correspondants de la marquise de Balleroy / éd. É. Barthélemy. Paris, 1883. Т. 1. P. 166; этот же случай описан другим современником, который добавлял, что царь осмотрел и большой дворец в Берси (Le Cabinet historique... P. 40–41).

¹⁹ Ныне не существующий замок Мадрид в Булонском лесу был выстроен в середине XVI века итальянским и французскими архитекторами в ренессансном стиле.

²⁰ [Buchet P.F.] Abbregé de l’Histoire du Czar Peter Alexiewitz. P. 202–203.

показаться прообразом аналогичного сооружения в Петергофе. В конце XVII века дворец в Сен-Клу перестраивал знаменитый Жюль Ардуэн-Мансар. Блистательный Андре Ленотр реконструировал парк. Он перестроил Большой каскад и добавил к нему Большой бассейн и Нижний канал. Особенностью планировки парка была его асимметричность по отношению к главной оси дворца, что придавало садовой планировке более свободный и естественный характер. Герцог Сен-Симон подчеркнул, что дворец и сады царю «весьма понравились»²¹. «Царь был очарован и интерьером дворца, и садами, и погребом, и особенно — его прекрасным расположением»²², — отмечал другой французский наблюдатель. Это подтвердил и русский автор походного журнала: «Его величество был в Сенклю у регента дука де Орлеана, и там обедал и гулял в огороде до вечера, который огород зело изрядный под Версалиею первый»²³. Таким образом, русские путешественники уже готовились увидеть чудеса Версаля. Весьма вероятно, что царь воспользовался встречей с правителем Франции в узком кругу для ведения политических переговоров, содержание которых не предавалось огласке. В этой поездке Пётр допустил бестактность в отношении матери регента Елизаветы Шарлотты Баварской, принцессы Палатинской. Во время своего пребывания в Сен-Клу царь не пожелал встретиться с ней, что негативно сказалось на её отношении к «герою»²⁴.

Встреча в Сен-Клу вызвала пересуды в городе. Злоязычный Бюва в своей рукописной «*Gazette de la Régence*» сообщал: царь «вчера ездил в Сен-Клу, где регент давал ему обед. Были приглашены мадам де Вантадур, герцогиня д'Эстре и некоторые другие дамы. До сих пор царь занят лишь удовлетворением своего любопытства. Возможно, он оставляет переговоры с Францией на конец визита»²⁵. В другом месте этот же автор ворчливо заметил, что пир в Сен-Клу был «скорее изобильный, чем утонченный». И добавил о царе: «Никогда человек не был столь проникнут любознательностью, как он»²⁶. Жур-

²¹ *Сен-Симон*. Мемуары. Полные и доподлинные воспоминания герцога де Сен-Симона о веке Людовика XIV и Регентстве. Избранные главы / пер. с фр. Ю.Б. Корнеева; предисл. А.Д. Михайлова; сост. и коммент. А.П. Бондарева. Кн. 2. М., 1991. С. 364.

²² *Le Cabinet historique...* P. 37.

²³ *Обстоятельный журнал о вояже (или о путешествии) его царского величества*. С. 617.

²⁴ *Cruysey D. van der. Madame Palatine, princesse européenne*. Paris, 1988. P. 562.

²⁵ [*Buvat J.*] *Gazette de la Régence: janvier 1715 – juin 1719* / publ. d'après le ms. inédit conservé à la Bibliothèque royale de La Haye, avec des annotations et un index, par le comte É. de Barthélemy. Paris, 1887. P. 177.

²⁶ *Ibid.* P. 182.

налистка и писательница мадам Дюнуайе отметила, что «герцог Орлеанский угощал царя в Сен-Клу великолепным обедом и отдал повеление также угощать его во всех королевских дворцах, которые были убраны для его торжественной встречи самым роскошным образом»²⁷.

Наконец, 13 мая состоялась первая поездка Петра в Версаль, который давно интересовал и притягивал русского царя. Французский историк искусства Брюно Бентц, ссылаясь на работы других французских авторов (В. Береловича, О. Медведковой), утверждает, что первое подробное иллюстрированное описание Версаля Петр получил от А.А. Матвеева ещё в 1705 году²⁸. Самое раннее упоминание о Версале встречается в царском письме от 13 июня 1706 года к П.П. Шафирову, которого он просил прислать книгу «о огороде или о саду (в) Версалии короля Французского»²⁹. А незадолго до визита во Францию царь получил от своего агента в Париже И. Лефорта ящик книг, среди которых были издания по архитектуре и большое количество гравированных видов зданий и садов Версаля, Сен-Жермена и других королевских резиденций³⁰.

Нет необходимости описывать здесь художественные достоинства самой знаменитой королевской резиденции³¹. Напомню лишь, что на протяжении царствования Людовика XIV в результате грандиозных и дорогостоящих работ трудами архитекторов Луи Лево и Жюля Ардуэна-Мансара, садового мастера Андре Ленотра, художника Шарля Лебрена и др. в Версале был создан величественный художественный ансамбль, включающий город с тремя лучами улиц, сходящихся к площади перед дворцом, парк, главные аллеи которого отходили от дворца и терялись «в бесконечности», и сам дворец, в центре которого находились апартаменты короля. Это редкое осуществление идеи идеального города отличалось единством и величием художественного и идейного замысла. Дворцово-парковый ансамбль был посвящен солнечному богу Аполлону, земным воплощением которого выступал сам Людовик XIV.

²⁷ Дюнуайе А.М. Пребывание имп. Петра Великого в Париже // Маяк современного просвещения и образованности. 1840. Ч. 6. С. 79.

²⁸ Bentz B. Pierre le Grand et Marly: une visite impériale // Marly art et patrimoine. 2013. N 7. P. 65–66.

²⁹ Письма и бумаги имп. Петра Великого. СПб., 1900. Т. 4 (1706). С. 279.

³⁰ Бакланова Н.А. Культурные связи России с Францией в первой четверти XVIII в. // Международные связи России в XVII–XVIII вв. (Экономика, политика и культура). Сб. статей. М., 1966. С. 317.

³¹ См.: Леврон Ж. Лучшие произведения французских архитекторов прошлого. М., 1986. С. 54–67; 73–77; 80–85.

Самую подробную хронику пребывания царя в королевской резиденции дал журналист газеты «Le Nouveau Mercure»:

«<...> он отбыл со всей своей свитой в Версаль, который [заранее] подготовили и меблировали с крайней пышностью и со всей точностью и элегантностью, какая только бывала при покойном короле. Стоит ли говорить, что Его Царское Величество был очарован всеми чудесами искусства, которые украшают эту королевскую резиденцию. Садовые дорожки были заново посыпаны песком; фонтаны, боскеты, статуи и большой канал были для этого монарха самым удивительным зрелищем, какое только можно представить. Ради предосторожности туда были посланы отряды французских и швейцарских гвардейцев, чтобы охранять аллеи парка и не позволять посторонним туда входить. Множество кухонных служителей было выслано вперед, чтобы приготовить ему еду. Двадцать прекрасно сложенных лодочников одетых матросами предназначались для того, чтобы провезти монарха вместе со свитой в гондолах по каналу в Трианон <...> Он много зарисовывал, делал записи обо всем, что видел. Он возвратился оттуда рано утром 27-го в Париж»³².

Любопытно сравнить сообщения двух современников об этом же событии. Маркиз Данжо писал:

«После обеда царь поехал в Версаль, где он пробудет несколько дней. Он сошел на большой мраморной террасе; он казался удивленным галереей и часовней. Ему приготовили апартаменты мадам Дофин, он ночевал в комнате, которую устроил герцог Бургундский для соединения передней короля с этими апартаментами. Маршал де Тессе, сопровождавший царя до Версаля, предал его в руки герцога д'Антина. [На другой день] царь осмотрел Версаль, Трианон и Зверинец; еще до встречи с герцогом д'Антином царь [самостоятельно] пересек парк пешком и погрузился в лодку на канале. Говорят, что люди его свиты привезли девиц, что они с ними спали в апартаментах, которые прежде занимала мадам Ментенон. Блуэн, капитан Версаля, и все люди короля, видевшие это, были сильно возмущены»³³.

Ему вторил герцог Сен-Симон:

³² [Buchet P.F.] Abbégé de l'Histoire du Czar Peter Alexiewitz. P. 205.

³³ [Dangeau Ph.] Journal du marquis de Dangeau. P. 95–96.

«В понедельник 24-го <...> После обеда он поехал в Версаль, где маршал де Тессе оставил его на герцога д'Антена, которому было поручено принимать там царя. Для него были приготовлены покои Дофины, и спал он в комнате, соединяющей эти покои с покоями дофина, отца короля; сейчас там устроены кабинеты для королевы. Во вторник 25-го царь с раннего утра, задолго до часа, когда он собирался быть у д'Антена, обозревал сады и прошлыл по каналу. Он осмотрел весь Версаль, Трианон и Зверинец. Основная его свита была поселена во дворце. Они привезли девиц и спали с ними в покоях, принадлежавших госпоже де Ментенон. Блуэн, смотритель Версаля, крайне возмущался, видя такое осквернение храма целомудрия, которого богиня этого храма и он сам, будучи в ту пору вдовец, некогда не слишком-то придерживались. Но сдерживаться было не в обычае царя и его людей»³⁴.

Как видим, все основные факты в мемуарах совпадают, но Данжо, писавший как очевидец, сообщает больше деталей, а Сен-Симон, интерпретируя текст своего предшественника, добавляет оценочные суждения.

Версаль в 1717 году находился не в лучшем состоянии. Во-первых, двор и правительство покинули его после смерти «короля-солнца». Во-вторых, еще в 1704 году король открыл парк для публики, что привело к поломкам и общему загрязнению. Как видим, специально для царя очищали парк, удаляли из него публику и готовили апартаменты. Другой современник также отмечал, что «все боскеты Версаля и Марли были приготовлены, для того чтобы показать их фонтаны во всей возможной красоте»³⁵.

Петра подвезли к версальскому дворцу не со стороны парадного двора, а через террасу перед садовым фасадом, откуда открывается самый эффектный вид на величественную «ленту» мансаровского фасада и на парк с Большим каналом. Конечно, ему продемонстрировали парадные залы дворца — в первую очередь грандиозную Зеркальную галерею и недавно завершённую часовню. Для него подготовили апартаменты, принадлежавшие прежде супруге Дофина — Марии Аделаиде Савойской³⁶, но они, по-видимому, не произвели на царя должного впечатления. Пётр по своему обыкновению выбрал для сна маленькую проходную комнату. В следующий свой приезд он предпочел большому дворцу более укромный

³⁴ Сен-Симон. Мемуары. С. 365–366.

³⁵ [Buvat J.] Gazette de la Régence. P. 175.

³⁶ См.: Мейер Д. Версаль. Путеводитель. Версаль, 1996. С. 38–46.

Трианон. Как отмечали современники, царь целый день (14 мая) посвятил парку³⁷. С утра он пересек его пешком, не дожидаясь сопровождавших его французских придворных; затем он погрузился на гондолу и проплыл по Большому и Малому каналам. (Еще при короле-солнце в Версаль была выписана из Венеции целая колония гондольеров с гондолами.) Пётр делал записи и зарисовки, приказал мерить «огород Версальский от полат до пруда» и сам, по видимому, участвовал в этом деле. В расходных записях значится: «По приказу его величества, когда мерил огороду версальского от полат до пруда, заплачено мужикам за работу два ливра десять копеек»³⁸. Его особое внимание привлекли фонтаны, которые были специально запущены в честь высокого гостя. Во время первого посещения царь ознакомился с королевским зверинцем («Менажри»). Эта не сохранившаяся до наших дней постройка находилась на юго-восточной окраине парка. Здание с небольшим парадным двором имело форму восьмиугольника и было перекрыто куполом. На уровне второго этажа оно было опоясано балконом, с которого открывался вид на расположенные веером вольеры с экзотическими животными. Уже при первом посещении царя очаровал Трианон и его сад: «Его Величество много забавлялся в саду Трианона, где он доставил себе удовольствие тем, что облил всех вельмож, бывших с ним, попросив пустить те фонтаны, которые бьют из крапов, находящихся на земле»³⁹.

В Версале царя сопровождал герцог Луи Антуан д'Антен, заменивший знаменитого архитектора Ардуэна-Мансара в должности генерального директора королевских строений. Исследователь называет его живым воплощением понятий «великого века» Людовика XIV в жизни, политике и искусстве⁴⁰. Герцог д'Антен поднёс Петру два роскошных рукописных альбома с изображениями Версаля и Марли, сохранившихся в библиотеке царя⁴¹.

³⁷ Один из французских современников писал, что царь, приехав в Версаль после обеда, успел осмотреть только некоторые апартаменты, а остальные осмотрел во вторник, когда ознакомился и с парком (*Le Cabinet historique...* P. 39).

³⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 342. Оп. 1. № 40. Л. 61.

³⁹ *Le Cabinet historique...* P. 39.

⁴⁰ *Jugie S. Le duc d'Antin ou le parfait courtesan: réexamen d'une réputation // Bibliothèque de l'École des Chartres. 1991. Vol. 149. N 2. P. 349–404.*

⁴¹ Библиотека Петра I. Указатель-справочник / сост. Е.И. Боброва; под ред. Д.С. Лихачева. Л., 1978. С. 98. № 818, 832; Библиотека Петра I: Описание рукописных книг / автор-сост. И.Н. Лебедева. СПб., 2003. С. 224–225; *Khmelevskikh I. L'album de Marly dans la bibliothèque de Pierre le Grand // Marly, art et patrimoine. 2013. N 7. P. 19–64; Montclos B. de. Un album du duc d'Antin à Saint-Petersbourg: les jardins de Versailles en 1711 // Bulletin de la Société de l'Histoire et d'Art française. 2004 (2006). P. 85–95.*

Граф Тулузский также подарил царю какой-то «чертож Марлинской»⁴².

Запись в Походном журнале царя не оставляет сомнений в том, что он остался доволен и Версалем, и оказанным ему приемом:

«В 13 день его величество поехал в Версалию после обеда, и прибыв в Версалию, смотрел до вечера королевского дома и покоев. В 14 день его величество во весь день был в версальском огороде, для чего пущены были все фонтаны и прочия игровые воды. И был в доме королевском называемом Триано, которой стоит в правой стороне огорода версальского. И гуляли в баржах по версальскому пруду, и были в другом королевском малом дому, называемом Минажерии, которой построен в левой стороне версальского огорода, и там веселились утешными фонтанами»⁴³.

Одной поездки в Версаль царю показалось мало. «Царю очень нравится Версаль, — записал в дневнике маркиз Данжо, — Он хотел ночевать в Трианоне, куда ему доставили кровать»⁴⁴.

Второе пребывание в Версале было более длительным: с 3 по 12 июня. Правда, большую часть времени царь на этот раз уделил Трианону и Марли. Трианон — интимная резиденция Людовика XIV с небольшим дворцом и уютными садами и бассейнами — находится в северо-западной части версальского парка. Проект дворца был предложен Жюлем Ардуэном-Мансаром и уточнен самим Людовиком XIV. Король говорил, что строил Трианон «для себя». Элегантный одноэтажный дворец в стиле классицизма представляет собой два Г-образных крыла, объединенных крытой галереей из восьми сдвоенных колонн розового мрамора. Парадный двор опирается в открытую галерею, что лишний раз подчеркивает единство дворца и окружающих садов. Здание имеет ещё одно асимметричное Г-образное крыло, называемое «Лесным Трианоном». Его окна выходили на Родниковый боскет — небольшую рощу, через которую, петляя, протекали ручьи. В этом крыле были апартаменты мадам Ментенон (в XIX веке они были перестроены для Наполеона I). Считается, что именно в этих комнатах останавливался Пётр I.

Тот же журналист «*Le Nouveau Mercure*» так описывал визит:

«3 июня монарх отбыл из Парижа в сопровождении своего двора, маршала де Тессе, маркиза Бельгарда, второго сына герцога

⁴² РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого). Отд. 2. Кн. 88. Л. 201 об.

⁴³ Обстоятельный журнал о вояже (или о путешествии) его царского величества. С. 617.

⁴⁴ [*Dangeau Ph.*] *Journal du marquis de Dangeau*. P. 101.

д'Антина. Этот молодой господин назначен исполнять в королевских резиденциях обязанности своего отца, который не мог сопровождать царя по причине занятости важными делами в Совете по внутренним делам. Царь рассчитывал провести несколько дней в Версале и его приготовились там принимать, однако он остановился там лишь на минутку и отправился в Трианон. Здесь он занял со своей свитой апартаменты коридора, который выходит на канавки. Во время пребывания в Трианоне он чаще всего прогуливался в карете и по каналу в гондоле; он посетил все замечательные места в окрестностях <...>12-го он покинул с сожалением эти очаровательные места, чтобы вернуться в Париж, он проехал через Версаль, где отобедал. Прежде чем сесть за стол, он осмотрел все апартаменты и кабинет редкостей, который рядом с часовней. Ему показали медали и раковины. Замечательные книги и прекрасные эстампы бывших королевских балетов привлекли его внимание больше, чем другие вещи. Затем он остановился в больших и малых конюшнях и видел многих лошадей, которых конюхи седлали в его присутствии»⁴⁵.

Как видим, в конце второго пребывания в Версале царь еще раз осмотрел апартаменты дворца. Однако можно усомниться в том, что среди диковин версальского дворца внимание царя больше всего привлекли эстампы с изображением бывших королевских балетов. Здесь журналист приписал русскому царю вкус придворного короля-солнца, которому было положено восхищаться балетами с участием самого короля. А вот медали царя действительно очень интересовали, что специально отметила официальная газета⁴⁶.

С поездкой в Версаль связано пребывание Петра I в других близлежащих королевских резиденциях. Неизгладимое впечатление произвел на царя дворцово-парковый ансамбль Марли, который создавался по заказу Людовика XIV архитекторами Жюлем Ардуэном-Мансаром и Робером де Коттом (Robert de Cotte; 1656–1735), как камерная альтернатива официальному Версалу. Это было место увеселений и праздников короля в узком кругу приближенных. В южной части уютной долины, спускавшейся к Сене, находился двухэтажный королевский павильон («дворец Солнца»). От него вниз к Сене шел роскошный мраморный каскад «Ривьера», украшенный статуями и фонтанами. Вдоль бассейнов каскада были расположены двенадцать гостевых домиков — по шесть с каждой сто-

⁴⁵ Le Nouveau Mercure. 1717, juin. P. 185–189.

⁴⁶ Gazette. № 25, 19 juin 1717.

роны. Небольшие двухэтажные домики соединялись крытыми галереями. До наших дней от этой резиденции сохранился лишь парк, в котором проводятся реставрационные работы.

Пётр I в первый раз посетил Марли 26 мая. Журнал царского путешествия сообщал:

«<...> его величество был в Марли и там обедал. После обеда гулял в марлиском огороде, для чего також все игровые воды, фонтаны и кашкады были пущены, и возвратился паки в Версалию»⁴⁷.

По словам Сен-Симона, особое внимание царь в этот день уделил «машине Марли»⁴⁸ — уникальному для своего времени сооружению, находившемуся на одном из рукавов Сены. Она была устроена в 1682 году голландским инженером Ренекемом Суалемом и снабжала водой фонтаны королевских резиденций. Четырнадцать гребных колес машины приводили в движение 200 насосов, которые поднимали воду на холм высотой 155 м, откуда она по каналу и акведуку поступала в бассейны и фонтаны. Пётр узнал о существовании машины от фонтанных мастеров, работавших в Петербурге. Она вызвала у него острый интерес, и он поручил своим агентам во Франции собрать о ней информацию. 7 октября 1715 года К.Н. Зотов писал царю: «Махину, о которой вашему величеству доносили огородники, аз ее видел и вскоре пришлю чертеж. Она ничто иное, толко пожарная труба»⁴⁹. В следующем письме от 28 октября 1715 года Зотов сообщалскойкорой отправке гравюр, в том числе «профилей махины марлинской»⁵⁰. Так что Пётр имел представление о машине до поездки во Францию. Говорили, что в реальности её механизм так увлек царя, что, сидя за столом, «он изображал движение этой машины с помощью ложки и вилки»⁵¹.

Второе пребывание царя в Марли было более длительным (с 5 по 11 июня): «В 27 день его величество прибыл ис Треано в Марли, и тут был до 31»⁵². По дороге из Версаля царь посетил дворец Кланьи (не сохранившуюся до наших дней бывшую резиденцию маркизы

⁴⁷ Обстоятельный журнал о вояже (или о путешествии) его царского величества. С. 617.

⁴⁸ Сен-Симон. Мемуары. С. 366.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 9, отд. II. № 23. Л. 411 об.

⁵⁰ Там же. Л. 412 об. Гравюры сохранились в составе библиотеки Петра I.

⁵¹ [Buvat J.] Journal de la Régence (1715–1723) / par J. Buvat...; publ. pour la première fois et d'après les mss originaux, précédé d'une introd. et accompagné de notes et d'un index alphabétique, par É. Campardon,.... Paris, 1865. Т. 1. Р. 271.

⁵² Обстоятельный журнал о вояже (или о путешествии) его царского величества. С. 617. Даты по старому стилю.

де Монтеспан), осмотрел большой акведук, а затем прибыл в Марли, где его интересовали фонтаны и каскады, особенно ему нравился бассейн и каскад Агриппины. Речь идет о небольшом «рустическом» каскаде, облицованном диким камнем, который современники называли «простым» или «сельским». (Он послужил прообразом для каскада Драконов в Петергофе.) Царь и его приближенные расположились в гостевых павильонах, расположенных ближе всего к «дворцу Солнца». Кульминацией этой увеселительной поездки был праздник, устроенный в саду Марли 10 июня по случаю 45-летия царя. Газета сообщала:

«Господин Вертон, королевский метрдетель, которому приказано двором обслуживать царя, устроил прекрасный фейерверк, поместив в боскете Марли большое количество гобоистов и других музыкантов, которые открывали праздник серенадой. После этого запускали фейерверк, который продолжался иллюминацией — её господин Бельгард подготовил в боскетах Бассейна Агриппины и в боскете каскада. Праздник закончился чем-то вроде бала. Все дамы, которых любопытство привлекло в Марли, танцевали в Салоне до наступления ночи. Царь был так доволен оказанным ему приемом, что отправился спать гораздо позже обычного»⁵³.

Только на площадки для иллюминаций придворное ведомство герцога д'Антина израсходовало 260 ливров⁵⁴. Пребывание в Марли оставило самые приятные воспоминания у царя, что отразилось в воспроизведении ряда элементов этой резиденции в Стрельне и Петергофе. В последнем был создан целый район «Марли» с одноименным дворцом⁵⁵.

Ж. Бюва, постоянно осуждавший «скупость» царя, отметил, что он не заплатил рабочим, обслуживавшим «машину Марли», которые долго удовлетворяли его любопытство⁵⁶. На деле Пётр пожаловал служителям «в Марли и у Машины марлинской 15 люидоров, итого 360 ливров»⁵⁷, а кроме того обеспечил безбедное будущее целой плеяде потомков создателя «машин Марли»: два его племянника и три внучатых племянника ещё в 1716 году переехали в Россию. С 1722 года Поль Жозеф Суалем руководил строительством фонтанов в Петергофе, многие из которых были сделаны по подобию версальских⁵⁸.

⁵³ Le Nouveau Mercure. 1717, juin. P. 187–188.

⁵⁴ Bentz B. Pierre le Grand et Marly: une visite impérieuse. P. 70.

⁵⁵ Горбатенко С.Б. Архитектура Стрельны. СПб., 2006. С. 88–89.

⁵⁶ [Buvat J.] Gazette de la Régence. P. 182–183.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 93. 1717. № 15. Л. 12.

⁵⁸ Soullard E. Les Sualem en Russie // Marly art et patrimoine. 2013. N 7. P. 73–78.

Из Марли Петр I выезжал 11 июня в королевскую резиденцию Сен-Жермен-ан-Ле. Здесь на берегу Сены соседствовали старинный замок, совмещавший черты средневековой крепости и ренессансного дворца, и Новый дворец, перестроенный уже при Людовике XIV. Склон перед дворцом представлял собой грандиозный террасированный парк. Газета «Le Nouveau Mercure» сообщила: «11-го царь отправился утром в Сен-Жермен-ан-Ле, он осмотрел старый и новый дворцы и очень долго оставался на террасе»⁵⁹. Особое внимание царя привлек парк, бывший синтезом архитектурного и садового искусства. По-видимому, царь уже не застал здесь гротов времени Генриха IV с их необыкновенными гидротехническими и механическими затеями (это был своеобразный театр двигающихся фигур). Поздний русский источник сообщал, что царь посетил в Новом дворце ту комнату, где родился Людовик XIV⁶⁰. Это вполне вероятно, ибо у русского царя был особый интерес к королю-солнцу. Не случайно из Сен-Жермена он отправился в Сен-Сир, где доживала свой век морганатическая супруга Людовика XIV маркиза Франсуаза де Ментенон.

Отдых царя и его свиты в Версале и его окрестностях породил немало слухов в парижском обществе. Даже сдержанный Данжо в своём дневнике отметил общение людей царской свиты с девицами легкого поведения. Впрочем, Париж эпохи Регентства было невозможно удивить подобными шалостями. Сен-Симон обвинил людей, возмущавшихся поведением русских придворных, в ханжестве, но при этом намекнул, что и сам царь не привык «сдерживаться». Общение царя с «метресишками» было в общем-то обычным делом, которое даже не скрывалось от жены. Пётр лишь отшучивался в ответ на её упреки: «а что пишете, что я скоряя даму сыщу, и то моей старости не прилично»⁶¹. В Париже пересказывали сплетню о любовных подвигах русского царя в Марли. Маркиз де Лувиль писал:

«Он выбрал Марли, чтобы запереться с любовницей, которую взял здесь и с которой он развлекался в покоях мадам де Ментенон. Даже Геркулес не сравнится с ним в этой работе. Как-то он рассказал герцогу Орлеанскому историю, которую я не могу вам не пересказать. Когда с ним прощалась некая особа легкого

⁵⁹ Le Nouveau Mercure. 1717, juin. P. 188.

⁶⁰ Журнал ежедневный пребывания в Париже государя императора Петра Алексеевича. С. 405.

⁶¹ Письма русских государей и других особ царского семейства. Т. 1: Переписка Петра I с Екатериною Алексеевною. М., 1861. С. 67; в другом письме Пётр писал: «Друг мой, ты чаю описалась, понеже у Шафирова то [любовница?] есть, а не у меня: сама знаешь, что я не таковский, да и стар» (с. 69).

поведения, «отработавшая» ночью одна за десятерых и получившая за такой тяжкий труд всего две монеты, она воскликнула: «Поистине, государь, ты со мной действовал как мужчина великомерно, но как император — более чем скупой!»⁶²

В слухах, которые записал Жан Бюва, пороки царя и его окружения приобрели вопиющий характер. Он сообщал в своей рукописной газете, что «у царя есть девица 16 лет, с которой он открыто спит по ночам, и она расположилась в Версале на виду у всего света»⁶³. В дневнике он уже писал о приходящих девицах, общение с которыми отразилось на здоровье царя:

«Когда царь был в Версале, он не преминул развлечься с женщинами и девицами, привыкшими щедро делиться своими ласками. По их милости этот монарх и сопровождавшие его господа из свиты вскоре почувствовали последствия удовольствий Венеры. Пришлось им обращаться к врачам, которых привезли в Трианон — это очаровательное место, где Купидон так часто праздновал победу и где он только что сразил одного из великих монархов мира и его компаньонов. Во время визита один из докторов заявил, что он не предпримет никакого лечения меньше чем за 400 пистолей. Это привело в ужас монарха, не привыкшего тратить свои огромные богатства»⁶⁴.

В этом анекдоте царю инкриминировалась не только любвеобильность, но и жадность. Как раз скупость была главным лейтмотивом парижских сплетников, судачивших о царе. Жан Бюва несколько раз возвращался к этой теме. Царь якобы «дал только одну монетку в 25 су фонтанщику, который был удивлен этой “щедростью” и жалел о том, что не облил гостей из своего крана, когда показывал действие фонтанов»⁶⁵. В другой раз Пётр, будучи в Версале и Трианоне, будто бы обидел пятнадцать музыкантов, которые развлекали его в течение четырех дней, главным образом до трех и четырех часов утра. В итоге «он их отправил в Париж, не дав им никакой платы»⁶⁶. Эти, в сущности, фантастические анекдоты легко опровергаются записями расходов царя, которые, правда, сохранились в разрозненном виде и частично опубликованы. Но в сово-

⁶² *D'Allonville de Louville C.A. Mémoires secrets sur l'Établissement de la Maison de Bourbon en Espagne.* Paris, 1818. Т. 2. P. 241.

⁶³ [*Buvat J.*] *Gazette de la Régence.* P. 188.

⁶⁴ [*Buvat J.*] *Journal de la Régence.* P. 275–276.

⁶⁵ *Ibid.* P. 267–268.

⁶⁶ *Ibid.* P. 275.

купности они не оставляют сомнений, что все услуги исправно оплачивались царем. Так, в Трианоне было дано «волынщику, который играл перед его царским величеством на волынке <...> тридцать ливров»⁶⁷. Там же «заплачено <...> французскому артиллерийскому служителю за показывание пробы ракет и протчих огненных фигур, за порох, серу, по его росписи, всего 60 ливров»⁶⁸. Из средств вице-канцлера П.П. Шафирова во время первого пребывания царя «в Версалии дано на дрынкгельт [чаевые] служителям сорок три ливера»⁶⁹ и т.д. Тем не менее, приговор толпы был суровым в отношении царя, по крайней мере, в том виде, как его зафиксировал Ж. Бюва:

«Мы видели в субботу вечером, как царь вернулся из Версаля в сопровождении эскорта 30 гвардейцев. В пятницу [на самом деле — в четверг] для него был устроен галантный и роскошный праздник, чтобы отметить его день рождения, пришедшийся на этот день. Невозможно поверить, до какой степени отталкивающее ведет себя этот монарх по отношению к окружающим. Он всех считает рабами, включая самых высокопоставленных персон, которые приложили столько усилий для его приёма и угощения. Его вельможи творили в Версале безобразия, выходящие за всякие рамки; повсюду исчезает постельное бельё, которое его люди присваивают»⁷⁰.

Самому царю пребывание в Версале и Марли представлялось большим удовольствием. При этом можно заметить, что царь проявил к парку бóльший интерес, чем к дворцу, а более всего его увлекли фонтаны и другие гидротехнические затеи. Не склонный делиться своими впечатлениями, он не удержался от похвалы в письме к жене: «и могу сказать <...> что я был в Версалии и Марли, дней з 12, сколь великий плезир имел!»⁷¹. Екатерина, сетуя на то, что давно не имела писем от мужа, объясняла это следующим обра-

⁶⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 342. Оп. 1. № 40. Л. 53.

⁶⁸ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. 2. М., 1872. С. 64–65.

⁶⁹ РГАДА. Ф. 93. 1717. № 15. Л. 10. Всего из средств вице-канцлера «в розных числах роздано в бытность его царского величества, а имянно, в Медоне, в забавном королевском дому, пять люидров, итого 150 ливров; в Сенклю шесть люидоров, итого 180 ливров; в Марли и у Машины Марлинской 15 люидоров, итого 450 ливров; в Версалии 12 люидоров, итого 360 ливров; швейцарам, которые в садах возили, 5 люидоров, итого 150 ливров» — Там же. Л. 12.

⁷⁰ [Buvat J.] Gazette de la Régence. P. 189.

⁷¹ Письма русских государей и других особ царского семейства. Т. 1. С. 71.

зом: «<...> ваша милость ныне при множестве фантаннах и протчих таких забав пребываете, и нас забываете»⁷².

Однако Версаль оставил у царя не только приятные воспоминания — знакомство с ним можно оценить как фактор, повлиявший на дальнейшую культурную политику Петра I. Едва ли царь уяснил во всей полноте идейную подоплёку Версальского комплекса, но он, несомненно, глубже проникся пониманием роли искусства в репрезентации власти, в утверждении её престижа. Он ещё раз убедился в важной роли античного наследия в культуре того времени. Так, версальский лабиринт на темы басен Эзопа обернулся в Петергофе аллеей фонтанов, располагавшихся в трельяжных нишах и украшенных скульптурными композициями на сюжеты басен Эзопа⁷³. Фонтаны, украшенные фигурами персонажей из басен Эзопа, были устроены также в Летнем саду. Можно сомневаться, что русский царь осознал всё художественное значение Версальского ансамбля, проявившееся в простоте и величии нового стиля — классицизма. Хотя он заметил особенность классицистической архитектуры: «Во Франции я сам был, где никакой архитектуры нет и не любят, но толко гладко и просто и очень толсто строят и все из камня, а не из кирпича (понеже везде камень есть)»⁷⁴. Самого же его, кажется, более привлекало барокко с его пышными украшениями, которые царь и называл собственно «архитектурой». Но масштаб резиденции царя впечатлил: не случайно он приказал измерить расстояние от дворца до канала. Как справедливо заметил С.Б. Горбатенко, «Пётр наконец прочувствовал эти ансамбли в ландшафте и пространстве, в бесконечном разнообразии дворцов, павильонов, партеров и боскетов, фонтанов и каскадов, в архитектуре “малых форм”»⁷⁵. Царя покорила прелесть отдельных интимных резиденций — Трианона, Марли. А более всего, пожалуй, царь восхищался «утешными фонтанами». Трудно согласиться с мнением, что «реальный, а не увиденный на гравюрах и увражах ансамбль Версаля не получил должной оценки русского царя»⁷⁶. Хорошо известно, как радовался царь приему на русскую службу ученика А. Ленотра Жана Батиста Александра Леблона, которому было поручено руководство строительством Стрельны и Петергофа. При этом последнее слово в принятии архитектурных решений царь оставлял за

⁷² Там же. С. 163.

⁷³ Горбатенко С.Б. Архитектура Стрельны. С. 83.

⁷⁴ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270. № 107. Л. 404.

⁷⁵ Горбатенко С.Б. Архитектура Стрельны. С. 81.

⁷⁶ Кальницкая Е.Я. Русский Версаль: правда и мифы // Санкт-Петербург — Франция. Наука, культура, политика. СПб., 2010. С. 25.

собой. Под непосредственным влиянием версальских (и не только) впечатлений Пётр I указывал А.Д. Меншикову в письме от 4 июля⁷⁷ 1717 года из Спа:

«Пишете к Макарову⁷⁸, что в Стрелине мызе внизу исправляют работу, а деревья на горе посажены, из чего разумею, что ещё внизу деревья не посажены, что зело изрядно, ибо хотя я и писал из Галандии, чтоб по проекту Леблову огород сажать, но как видел во Франции, что надлежит многой переправке быть»⁷⁹.

Действительно, под влиянием увиденного царь сформулировал собственную идейную и архитектурную программу резиденции в Стрельне⁸⁰, что испортило его отношения с Лебломом. При обустройстве своих летних резиденций Пётр I неоднократно обращался к имеющейся в его распоряжении литературе и к своим версальским впечатлениям. В рукописном альбоме с планами Версаля, подаренном царю д'Антенном, сохранились его собственноручные пометки, свидетельствующие о том, что он использовал его в качестве образца для устройства парков и фонтанов в Петергофе. Об этом же свидетельствует его письмо к Ульяну Синявину 1721 года⁸¹. А 1 марта 1722 года Пётр писал к своему послу в Париже В.Л. Долгорукову:

«<...>также купи книги огородов королевских и фантаннов, а имянно Треано, Шантелиу⁸²; тажкож вели, зделать мадель маленькой кашкаде, которая в Треано, да найди доброва мастера с подмастерьем, которой бы смог такие фантанны делать, какие во Франции есть»⁸³.

В промежутке между поездками в Версаль Пётр I посетил ряд резиденций, лежащих выше по течению Сены к юго-востоку от Парижа. По замыслу принимающей стороны главным событием этой части визита должна была стать охота в лесах Фонтенбло, однако эти планы не вполне совпали со вкусами русского гостя.

⁷⁷ По старому стилю.

⁷⁸ Макаров Алексей Васильевич — кабинет-секретарь царя.

⁷⁹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270. № 85. Л. 3 об.

⁸⁰ См.: Горбатенко С.Б. Архитектура Стрельны. С. 94–98.

⁸¹ *Khmelevskikh I. L'album de Marly dans la bibliothèque de Pierre le Grand.* P. 24.

⁸² Речь, вероятно, идет о замке Шантйи в долине Луары, где сам Пётр I не был.

⁸³ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270. № 100. Л. 247.

«30 мая герцог д'Аnten пригласил этого монарха на обед в Пти-Бур, откуда он должен был отправиться в Фонтенбло, где все было приготовлено для его приема, чтобы доставить ему удовольствие последовательно охотиться на волка, оленя и кабана. Многочисленные экипажи егерей были отправлены туда заранее и только ожидали приказаний. Граф Тулузский сопровождал монарха пока тот оставался в Фонтенбло и руководил охотой»⁸⁴ —

сообщала хроника Франсуа Бюше. Рано утром 30 мая царь выехал из Парижа в сопровождении сына герцога д'Антена маркиза Бельгарда. Сам герцог приготовил ему в своей резиденции Пти-Бур роскошное угощение. Этот замок на берегу Сены когда-то принадлежал фаворитке «короля-солнца» маркизе де Монтеспан, а затем перешел к её сыну. В 1717 году, когда д'Аnten принимал здесь русского царя, существовал еще старый дворец, напоминавший средневековый замок. Он был почти квадратной формы, с внутренним двором и с башенками-павильонами по углам. Главный фасад, выходящий к Сене, был двухэтажным, с окнами на 9 осей, без особых украшений, его венчала высокая крыша с окнами-люкарнами. Перед ним расстился роскошный партер-бродри, украшенный фонтаном. В обширном парке, террасами спускавшемся к реке, имелись оранжерея, павильоны и разнообразные боскеты.

Отобедав у гостеприимного д'Антена, царь отправился в Фонтенбло — королевскую резиденцию, лежащую в 56 км к юго-востоку от Парижа. Произошедшие далее события подробнее всего осветила газета «Le nouveau Mercure»:

«На следующий день [31 мая] он преследовал оленя с егерями короля верхом на лошади графа Тулузского, который находился с ним на этой охоте. Всё происходило так живо, что олень был затравлен меньше, чем за полтора часа. Царь, который никогда не участвовал в этой королевской забаве, казалось, был очень доволен, и выказывал графу Тулузскому всяческую благодарность. После обеда царь обедал в павильоне, который расположен посреди большого пруда. Там он долго находился за столом. Надеюсь, что он будет дольше находиться в Фонтенбло, и для того всё было приготовлено, однако он уехал отсюда в тот же день, после небольшой прогулки вдоль Тибра (вероятно, речь идет о фонтане с таким названием. — *С.М.*). Он возвратился ночевать в Пти-Бур, где герцог д'Аnten принимал его с той же пышностью, что и накануне, хотя это возвращение и не было предусмотрено. После

⁸⁴ [Buchet P.F.] Abbégé de l'Histoire du Czar Peter Alexiewitz. P. 207.

прогулки по саду и по террасе, которая служит набережной Сены, он погрузился 1 июня на гондолу, которая доставила его в Париж <...> Он остановился в Шуази, где был принят вдовствующей принцессой Конти. Она должна там пребывать все лето; он осмотрел сады и апартаменты. Освежившись, он продолжал свой путь в гондоле»⁸⁵.

Интересно сравнить, как интерпретировались эти события в мемуарных источниках. Из дневника маркиза Данжо:

«Охота на оленей в Фонтенбло совсем не развлекала царя; он находит это занятие слишком жестоким; он едва не упал с лошади, хотя является хорошим наездником. Он очень доволен беседой графа Тулузского, однако он не в восторге от Фонтенбло в отличие от других королевских резиденций»⁸⁶.

Как видим, он опровергает мнение журналиста о том, что охота понравилась царю. Мемуарист, конечно, прав. Хорошо известно, что Пётр I не любил охоты и не имел привычки к этому развлечению. Сохранилось устное предание, что «травли не мог он терпеть столько же, как и вообще всякого другого способа мучить зверей». Царь якобы говорил охотникам: «Гоняйтесь вы за дикими зверями, сколько вам угодно; эта забава не для меня»⁸⁷. Что же касается отрицательного мнения царя о Фонтенбло, то вероятно здешние ренессансные постройки казались ему уже старомодными. Не случайно русский дипломат петровского времени отмечал, что дворец Фонтенбло состоит «во многих малых дворцах и неправильною архитектурою построенных, понеже в притычку делан один после другого»⁸⁸. По-видимому, в глазах царя дворцовому комплексу также не хватало так любимой им «регулярности». Замечание журналиста о том, что царь долго задержался за столом, находит объяснение у герцога Сен-Симона:

«По возвращении [с охоты] он соизволил ужинать вместе со своими людьми на острове пруда в Фонтанном дворе. Там они согнали усталость. В Пти-Бур он возвратился в карете с тремя людьми из своей свиты. Похоже, в карете они изрядно закусили и выпили»⁸⁹.

⁸⁵ Le Nouveau Mercure. 1717, juin. P. 183–184.

⁸⁶ [Dangeau Ph.] Journal du marquis de Dangeau. P. 99.

⁸⁷ Пётр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. М., 1993. С. 337.

⁸⁸ Русский дипломат во Франции (Записки Андрея Матвеева) / публ. И.С. Шарковой под ред. А.Д. Люблинской. Л., 1972. С. 61.

⁸⁹ Сен-Симон. Мемуары. С. 366–367.

Принимавший царя в Фонтенбло узаконенный сын Людовика XIV и маркизы де Монтеспан Луи Александр де Бурбон, граф Тулузский, хотя и состоял в звании адмирала⁹⁰, не смог завладеть вниманием русского гостя, который решил возвратиться в Пти-Бур к расторопному герцогу д'Антену. Отмеченное мемуаристом пьянство царя и его придворных обросло отталкивающими подробностями под пером язвительного Ж. Бюва, по сообщению которого, царь даже не охотился в Фонтенбло, а только пьянствовал и обедался:

«На следующий день он был в Фонтенбло, где было столько хорошего вина, что он напился, как и в Пти-Буре. Выйдя из-за стола и удалившись в комнату, где он ночевал, он приказал принести еще несколько бутылок шампанского, которые выпил со своим вице-канцлером и князем Куракиным, прежде чем лечь спать. На следующий день, осмотрев красоты замка Фонтенбло, он сел за стол и напился до такой степени, что его несли в карету четвером, чтобы вернуться в Пти-Бур. Герцог д'Антен, предвидя, что могло произойти, сел в другую карету. На повороте от Фонтенбло к Пти-Буру, объевшись и опившись, царь задремал и всё содержимое его желудка оказалось на штанах, пришлось его высаживать из кареты так же, как его туда сажали, так как винные пары ещё не улетучились из его головы. Привели двух женщин из деревни, чтобы почистить карету. Его уложили в кровать, где он еще приложился к вину, а затем оделся, уселся за стол и вновь стал наполнять свой желудок. После обеда он погрузился на судно, приготовленное герцогом д'Антенем, и отправился в Париж»⁹¹.

Фантазия автора выплеснулась здесь в шокирующих подробностях событий, свидетелем которых он сам не был. Неадекватность этого описания, по-видимому, признавал сам автор, ибо в его рукописной газете эти же события были освещены гораздо спокойнее: царь «был в Фонтенбло, где не захотел охотиться. Он повсюду снимает планы. У него есть священник, который выпивает за едой зараз 12 или 15 бутылок шампанского. Что касается царя, то он умерен [в питье] и после нескольких глотков пива выпивает только немного вина»⁹².

⁹⁰ В связи с этим в Париже рассказывали анекдот: «Царь, узнав, что граф Тулузский как принц крови хотел занять место сзади его, сказал, что так делать не следует, ибо граф — адмирал, а он только вице-адмирал». См.: *Les correspondants de la marquise de Balleroy*. P. 165.

⁹¹ [Buvat J.] *Journal de la Régence*. P. 271–272.

⁹² [Buvat J.] *Gazette de la Régence*. P. 186.

Утром 1 июня, прогулявшись по саду герцога д'Анте́на, царь погрузился на судно и отправился в Париж. По пути ему встретился дворец в местечке Шуази на левом берегу Сены, созданный архитектором Жаком V Габриэлем (Jacques V Gabriel, 1667–1742) для кузины Людовика XIV Анны Марии Луизы Орлеанской, герцогини де Монпансье. Двухэтажный дворец был выстроен «покоем» и отличался классической простотой форм и сдержанностью декора. Его главный фасад выходил к Сене, а боковые крылья составляли парадный двор. Между фасадом и Сенной протянулся партер с фонтаном. В 1716 году усадьбу купила вдовствующая принцесса Мария Анна де Конти (дочь Людовика XIV и мадемуазель Лавальер). Ф. Данжо писал в своем дневнике: Пётр I, «проплывая у берега Шуази, захотел его увидеть. Поскольку там находилась принцесса де Конти, он не мог избежать визита к ней. Она была с ним любезна, но лишь слегка»⁹³. Французские авторы удивлялись тому, что царь «на принцев и принцесс крови <...> обращал внимания не больше, чем на первых вельмож двора, да и не очень их различал»⁹⁴. Как видим, встреча с принцессой была обусловлена внезапно возникшим интересом к её дворцу и парку. Герцог Сен-Симон подчеркивал: «Из-за этого любопытства ему пришлось на минуту зайти к принцессе де Конти, которая была в доме. Совершив прогулку, он снова сел на судно и выразил желание проплыть под всеми парижскими мостами»⁹⁵.

Последней поездкой царя за пределы Парижа было посещение загородного дома герцога де Трема (Bernard François Potier, marquis de Gesvres, duc de Tresmes, 1655–1739); царь был у него 2 и 16 июня:

«16-го он ездил ужинать в Сент-Уэн к герцогу де Трему, губернатору Парижа. Царя здесь замечательно принимали; он все время беседовал с графом де Бетюном, который говорит польски и по-немецки. Монарх узнав, что графиня де Бетюн, дочь герцога де Трема, была простой зрительницей, очень любезно просил её сесть за стол, что и было сделано»⁹⁶.

⁹³ [Dangeau Ph.] Journal du marquis de Dangeau. P. 100.

⁹⁴ Сен-Симон. Мемуары. С. 363; ср.: «Что касается принцев крови, которых он не хотел визитировать, и которые требовали, чтобы им был нанесен визит, то они уклонились от посещения его под предлогом его инкогнито. Есть основание полагать, что царь не обращал на них внимания, даже если где-то их встречал» — [Dangeau Ph.] Journal du marquis de Dangeau. P. 100.

⁹⁵ Сен-Симон. Мемуары. С. 367.

⁹⁶ Le Nouveau Mercure. 1717, juin. P. 196.

В данном случае примечателен французский обычай парадных обедов, на которых присутствовали не только участники, но и зрители.

Поездки Петра I в резиденции французских королей и аристократии произвели, пожалуй, самые яркие и позитивные впечатления на царя за время его визита во Францию. Стремление принимающей стороны развлекать русского монарха и поражать его «чудесами искусства» совпало с его желанием «всега смотреть» и перенимать опыт дворцово-паркового строительства, а до некоторой степени — и сам образ жизни французской знати. При этом русский гость свободно держался перед этими своеобразными проявлениями французской культуры, заключавшими в себе достижения различных искусств и бывшими предметом престижа и гордости французского общества. Эта свобода поведения, избирательный подход к достопримечательностям и развлечениям, пренебрежение этикетом поражали французских современников. Царь проявил умение использовать поездки для разных целей — от политических переговоров и познания нового в искусствах и науках до забав в присущей Петру грубоватой манере. «Разного рода разгул», имевший место во время пребывания царя в загородных резиденциях, оброс невероятными слухами и повлиял на снижение его образа в общественном мнении французской столицы. Герцог Сен-Симон констатировал:

«Ему была свойственна некая непринужденность, доходившая до вольности, однако в ней еще сохранился отпечаток давнего варварского состояния его страны, что проявилось в порывистых и даже стремительных манерах, в непостоянстве желаний, причем он не выносил никакого их стеснения»⁹⁷.

В этих поездках проявились в полной мере природная любознательность и прагматизм русского монарха. Всякий раз он подмечал и тщательно изучал то, что могло пригодиться в культурной практике российского общества. «Его любознательность распространялась на все, не пренебрегая даже самыми ничтожными подробностями, если впоследствии они могли оказаться полезными»⁹⁸, — писал тот же Сен-Симон, который не только наблюдал за поступками царя, но и одним из первых постарался их проанализировать. «Он собрал и увез с собой планы всех прекраснейших мест им посещенных»⁹⁹, — отме-

⁹⁷ Сен-Симон. Мемуары. С. 357.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Дюнуайе А.М. Пребывание имп. Петра Великого в Париже. С. 79.

чала благожелательная к нему современница. Повторяющаяся в источниках фраза о том, что царь снимал планы посещаемых им мест, может служить своеобразной метафорой трансплантации западноевропейской культуры, осуществляемой царем. А проявившийся в этом деле избирательный подход свидетельствует о том, что речь шла не только о пересаживании готовых образцов на русскую почву, но и об их адаптации к русским условиям. Поездки по прекрасным дворцам и паркам, бывшим своеобразной квинтэссенцией культуры «великого века», несомненно способствовали расширению культурного кругозора Петра I и послужили делу развития культурных связей между Россией и Францией.

«Где художества больши прочих всех государств цветут»: Пётр I перед лицом европейского искусства в Париже

Он закупил в Италии и во Франции много картин, которые научили тому, что есть живопись, людей, не знавших её...

Фонтенель

О цветущем состоянии французского искусства Пётр I был наслышан задолго до поездки в Париж. Известный русский дипломат А.А. Матвеев, чьи слова вынесены в заголовок, предлагал использовать французский опыт как культурную модель¹. Царь получал из Франции книги и гравюры по архитектуре, военному делу, кораблестроению, искусству, истории. Царский агент К. Зотов писал из Парижа 28 октября 1715 года: «Книги же об архитектуре, планы огородам, план дому королевскому в Версалии, профил махины Марлинской, проспективы и медали, по которым все дела и виктории бывшего короля французского бессмертны пребудут, к вашему величеству немедленно управлено будет»². Интерес к французской художественной культуре, которая ассоциировалась у Петра с меценатской деятельностью Людовика XIV, выразился в известном письме к Конону Зотову от 20 сентября³ 1715 года:

«Господин капитан порутчик. Как вам при отъезде наказано старатца о механике и протчих, тож и ныне поттвержаю, к тому ж

¹ См.: *Bereelowitch W. Aux sources d'un model à construire: la France de 1705 vue par un Russe // De Russie et d'ailleurs. Mélanges Marc Ferro. Paris, 1995. P. 389–403.*

² РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого), отд. II. № 23. Л. 412 об.

³ По старому стилю.

и сие прилагаю: понеже кароль французской умер⁴, а наследник зело молод, то чаю, многия мастеровыя люди будут искать фортуны в ьных государствах, чего для наведывайся о таких и пиши, дабы потребных не пропустить, также не будут ли чего из двора продавать, а именно убороф каких, шалдереи и прочево, о чем также дай знать»⁵.

В ответном письме Зотов сообщал, что «из королевского дому ничего не продают». Однако «из уборов королевских нашли постелю продажную со всем убором комнатным, то есть стулья и убитье стенное, все оное из одной материи, а материя оная есть златоглав по кармазину шелковому, велми изрядной работы и дорогой цены, если б новую делать нарочно <...> Шилдереи (картин. — С.М.) в дому Версальском нет, но толко самое лутчее стенное писмо. Толко у партикулярных мочно изрядных [картин] купить»⁶.

В подтверждение надежд царя другой царский агент И. Лефорт писал из Парижа 4 ноября того же года: «Приходят ко мне много искусных людей, которые хотят вашему величеству служить. <...> Время самое хорошее для исполнения вашего величества комиссии; <...> бывают случаи хорошие для покупки дешевою ценою всяких домовых уборов, драгоценных вещиц, посуды серебряной зело дивной работы также ис королевских домов, все то еще для того дешево, что ныне здесь печаль». Лефорт приложил к письму длинный список мастеров, на котором царь своей рукой отметил пушечного литейщика, переплетчика, резчика «для монет и медалей», кожевенника, каретника, чулочника, шпалерного мастера, но при этом заметил: «отписать до чего будут стоить»⁷.

В ответ на сообщение К. Зотова о том, что он «приискал» двух славных мастеров — архитектора Ж.Б.А. Леблона и фонтанного мастера П. Ламбо (Pierre Lambert), царь приказывал (9/20 декабря 1715 года) смотреть, чтобы те мастера для себя и для своих компаньонов «лишку» жалования не приписали. И там же добавлял: «Ис продажных вещей, ежели найдуца хорошие картины самых добрых писем, также и шпалеры хорошей работы <...> и дешевою ценою, как ты сам писал, что можно достать у партикулярных людей <...> в треть цены, то купите»⁸. В начале 1716 года Зотов купил для царя картины и шпалеры на 14700 ливров⁹. В следующем письме царя к

⁴ Людовик XIV умер 1 сентября 1715 года.

⁵ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270, оп. 1. Д. 79/2. Л. 353.

⁶ РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого), отд. II. № 23. Л. 439—440.

⁷ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270, оп. 1. Д. 79/3. Л. 329—330а.

⁸ Там же. Л. 401 об.

⁹ РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого), отд. II. № 23. Л. 828, 868.

Зотову (23 декабря/3 января 1715/1716 года) речь шла о группе мастеров, выезжающих вместе с Леблоном, а далее следовало новое задание: «Искать исторического маляра, а особливо домогатца ис таких, кто был бы в подмастерьях у славного мастера ле Брюнна, который был у короля французского, однакож осведомитца наперед, чего он будет просить, и о том нам писать»¹⁰. Упоминание в письме царя знаменитого живописца Людовика XIV Шарля Лебрена (Charles Le Brun) свидетельствует о его знакомстве с состоянием французской живописи и приверженности к патетическому барочному искусству. (С работами Лебрена Пётр мог познакомиться по гравюрам с изображением интерьеров Версаля.)

Как заметила О. Медведкова, письма Ж. Лефорта из Парижа информировали царя не только о французских художниках, но и о принципах цивилизованной культурной политики. В частности, он наставлял царя, что выгоднее хорошо платить квалифицированному художнику, чем давать среднюю плату посредственному мастеру. Лефорт просвещал монарха на тот счет, что в Европе давно сложилась узкая специализация мастеров. Так, живописцы работают в разных жанрах — историческом, пейзажном, декоративном, жанре натюрморта, поэтому не следует стремиться, чтобы один мастер выполнял все работы. В письме от 3 февраля 1716 года царский агент представлял Петру ряд живописцев разной специализации и цены: исторического живописца Клода Вердо (Claude Verdot), портретиста Жана Марка Наттье (Jean Marc Nattier), мастера натюрморта Гислока (Guyslock), декоратора Говера (Gauvert)¹¹. На что царь, кажется, так и не преодолевший своего практицизма, отвечал: «Живописца наймите из двух одного, Вердота или Гуислока (с одним или двумя учениками), кто из них лутче»¹². В одном из писем из Парижа Лефорт представил длинный список картин известных мастеров (Рафаэля, Тициана, Рубенса, Ван Дейка, Пуссена, Лебрена и др.), имеющих в продаже¹³, однако указанные в списке цены, по-видимому, охладили собирательский пыл царя.

Благодаря стараниям русских агентов накануне царского визита удалось пригласить в Петербург большую группу высококлассных мастеров. 15 апреля 1716 года герцог д'Антен и кардинал Дюбуа скрепили своими подписями «Список лиц, которые пожелали ехать в Санкт-Петербург, чтобы вступить в службу Его Царского Величе-

¹⁰ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270, оп. 1. Д. 79/3. Л. 452.

¹¹ *Medvedkova O. Jean-Baptiste Alexandre Le Blond. Architecte 1679–1719. De Paris à Saint-Pétersbourg.* Paris, 2007. P. 156–158.

¹² Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270, оп. 1. Д. 81. Л. 281; Д. 79/2. Л. 353.

¹³ РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого), отд. II. № 23. Л. 876–880.

ства». Кроме известного архитектора Ж. Б. А. Леблona (Jean-Baptiste Alexandre Le Blond, 1679–1719) этот перечень включал более 30 имен различных мастеров: скульптор и резчик Н. Пино (Nicolas Pineau), скульпторы Бартеlemi Гийом (Barthélemy Guillaume) и Николая Перар (Nicolas Perard), два рисовальщика — Николая Жирар (Nikolas Girard или Gérard) и Антуан Тесье (Antoine Tessier), проектировщик и инспектор строений Шарль Тапа (Charles Tapa), три каменотеса — Эдмед Бурбон (Edmede Bourbon), Франсуа Бателье (François Batellier), Антуан Кёр д'Асье (Antoine Coeur d'Acier), каменщик Франсуа Фуа (François Foy), плотник Шарль Ле Клер (Charles Le Clerc), столяр Жан Мишель (Jean Michel), машинисты-гидротехники — Жирар Суалем (Girard Sualem) и Поль Жозеф Суалем (Paul-Joseph Sualem), три слесаря — Гийом Белен (Guillaume Bellin), Антуан Барбье (Antoine Barbier) и Жан Бюффе (Jean Buffet), литейщик Этьен Соваж (Estienne Sauvage), два ювелира — Жан Ломбар (Jean Lombard) и Эдм Бургуен (Edme Bourgoin), мастер по изготовлению футляров Жан Нуазе де Сен-Манж (Jean Noiset de Saint-Mange), садовник Жан Ферре (Jean Ferré), четыре ковровщика — Жан Жак Готье (Jean Jacques Gauthier), Жан Луи Вавок (Jean Louis Vavoque), Пьер Гриньон (Pierre Grignon), Жан-Батист Бурден (Jean Baptiste Bourdin) и пять красильщиков шерсти и шелка — Пьер Камус (Pierre Camousse), Франсуа Камус (François Camousse) и Филипп Камус (Philippe Camousse), Арнуль Массон (Arnoul Masson), Ноэль Рансон (Noël Ranson)¹⁴. Список включал также слуг Леблona, который ехал как важный господин, и родственников мастеров. Отдельно были приглашены скульптор Б.К. Растрелли, живописцы Л. Каравак (Louis Caravaque), Ф. Пильман (Philippe Pillement), гравер Ж.Н. Семанж (J.N. Semange), ковровщик А. Рошебо (Antoine Rochebot), литейщик Ф. Васы (Philippe Vassoux), скульпторы по дереву Перон (Péron), Сен-Лоран (Saint-Laurent), П. Фоле (Pierre Follet), А. Ламбер (Antoine Lambert), садовник Годе (Gaudet), каретный мастер Расин (Racine)¹⁵. Ж. Лефорт и барон Вигуру завербовали группу лионских ткачей, которые прибыли в Петербург осенью 1717 года.

Заботы о нанятых во Франции мастерах не сходили со страниц царских писем 1716 года. Пётр просил Меншикова позаботиться

¹⁴ Guiffrey J.J. Congés accordés à des artistes français pour aller travailler à l'étranger (1693–1792) // Nouvelles Archives de l'art français. Paris, 1878. P. 13–16; см. также: Medvedkova O. Jean-Baptiste Alexandre Le Blond. P. 163–164; Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270, оп. 1. Д. 85. Л. 26 об.–27.

¹⁵ Les Français en Russie au siècle des Lumières. Dictionnaire des Français, Suisses, Wallons et autres francophones en Russie de Pierre le Grand à Paul I-er / sous la direction de Anne Mézin et Vladislav Rjéoutski. Ferney-Voltaire, 2011. Т. 1. P. 14.

о Растрелли, «дабы ни в чем не удовольствован не был для привады другим»; обеспечивал нанятым художникам безопасный путь в Петербург, устраивал встречу с Леблоном в Пирмонте, велел Меншикову принять французских мастеров «с ласкою», «отвести им квартиры» и т.д.

К этому следует добавить, что к 1717 году русский царь имел множество контактов с представителями европейского художественного мира, уже более свободно держался перед лицом европейского искусства и начал коллекционировать произведения живописи, скульптуры и прикладного искусства.

По дороге в Париж Пётр I имел возможность видеть образцы французского искусства «при смотре костелов, мануфактур, садов и иных достойных смотрения мест»¹⁶. В Дюнкерке он приобрел на память картины с видами города: «одна пристани, другая города, третья бомбардировки Дункерка»¹⁷. Впрочем, в данном случае царь руководствовался скорее военно-техническим, чем художественным интересом: он хотел иметь изображение знаменитой крепости, которая была разрушена, и на руины которой ему было «зело жалка смотреть».

Более обстоятельные встречи с французским искусством произошли уже в Париже, когда царь в первый день своих поездок по городу осмотрел статуи королей на городских площадях, в том числе знаменитую конную статую Людовика XIV работы Ф. Жирардона (1699), а также побывал в литейных мастерских в Арсенале. Знакомство с французской скульптурой царь позже продолжил на примере мемориальных памятников. В церкви Коллежа четырех наций он видел надгробие кардинала Мазарини (скульптор А. Кузевокс, 1689); в Сорбонне «он любовался надгробием кардинала Ришелье, которое является шедевром Жирардона»¹⁸ (скульптор Ф. Жирардон по проекту Ш. Лебрена). С посещением Сорбонны связан анекдот о том, будто царь обнял статую на могиле Ришелье и сказал, обращаясь к ней: «“Великий министр, — сказал он, — жаль, что ты не рожден в мое время. Я дал бы тебе половину моей империи, чтобы ты научил меня управлять второй половиной”». Некто, имевший меньше энтузиазма, чем царь, уразумев его слова, сказанные по-русски, ответил: “Если бы он отдал ему половину, он ненадолго сохранил бы и вторую”»¹⁹. В часовне Сент-Эсташ базилики Сен-Дени он осматривал пышное мраморное надгробие маршала Тюренна, воздвигнутое скульпторами Ж. Б. Тюби (Jean Baptiste Tuby,

¹⁶ РГАДА Ф. 93 (Сношения России с Францией) 1717. Д. 15. Л. 7.

¹⁷ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. Т. 2. С. 59.

¹⁸ *Le Nouveau Mercure*. 1717, juin. P. 192.

¹⁹ *Voltaire*. Les oeuvres complètes de Voltaire. Oxford, 1999. Т. 46. P. 78.

1635–1700) и братьями Марси (Gaspard, Balthazar Marsy) по рисунку Ш. Лебрена. Увидев на надгробии «орла уstraшенного», Пётр якобы спросил, что это значит. Ему сказали, что эта эмблема «знаменует Германию, подвигами сего героя в ужас приведенную». На что царь заметил: «Достойному мужу достойная и честь, когда Тюренн между королями погребен»²⁰. Оба приведенных анекдота относятся к поздней литературной традиции и едва ли отражают реальные факты.

Интерес Петра I к картинам голландских и фламандских художников подтверждается и устным преданием («особливо в рисунках на фламандской и брабантской вкус находил он величайшее удовольствие»)²¹, и подлинными документами. Так, после посещения Южных Нидерландов царь писал своему агенту Ю. Кологривову из Дюнкерка 13/24 апреля 1717 года: «Когда поедешь к нам в Антверпен и в Брусель, поищи ещё купить картин, ибо зело много и, чаю, дешевле <...> против голанского»²². Стремление купить больше картин за меньшую цену свидетельствует о том, что художественные достоинства не всегда были главным критерием для Петра-коллекционера. Между тем, при Людовике XIV Париж превратился в художественную столицу Европы, и принимающая сторона, конечно, не упустила возможности продемонстрировать царю успехи искусств. Во Франции русский царь часто видел собрания живописи и встречался с художниками, однако источники содержат мало сведений о его отношении к увиденному.

Первые встречи в Париже с искусством живописи, казалось, не очень увлекли царя. 14 мая он посетил Большую галерею Лувра, «где лутчия картины»²³, а также Королевскую академию живописи и скульптуры. Её директор — первый художник короля Антуан Койпель (Antoine Coypel, 1661–1722) — «имел честь объяснять ему различные сюжеты, заслуживающие внимания»²⁴. (Работы самого Койпеля,

²⁰ Пётр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. М., 1993. С. 314.

²¹ [Штелин Я.] Подлинные анекдоты Петра Великого, слышанные из уст знатных особ в Москве и Санктпетербурге. М., 1787. С. 80.

²² Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270, оп. 1. Д. 84. Л. 357. См. также: Вагеманс Э. Царь в республике. Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды (1716–1717) / пер. с нидерл. В.К. Ронина. СПб., 2013. С. 74.

²³ Обстоятельный журнал о вояже (или о путешествии) его царского величества, как ис Копенгагена поехал и был в Галандии, во Франции и в протчих тамошних местах, и что там чинилось // История Свейской войны: Поденная записка Петра Великого / сост. Т.С. Майкова. Вып. 1. М., 2004. С. 616.

²⁴ [Buchet P.F.] Abbégé de l’Histoire du Czar Peter Alexiewitz, avec une Relation de l’Etat présent de la Moscovie, et de ce qui s’est passée de plus considerable, depuis son arrivée en France jusqu’ à ce jour. Paris, 1717. P. 196.

пользовавшегося покровительством герцога Орлеанского, царь тоже мог видеть в Пале-Рояль, в Версале, в Марли. Он был автором предварительных рисунков к истории Людовика XIV в медалях, которая вызвала большой интерес царя.) Но в этот раз царя гораздо больше заинтересовали находившиеся здесь же, в Большой галерее, макеты лучших крепостей королевства, «которые он рассматривал очень долго», беседуя с военными специалистами. По словам Сен-Симона, царь «посетил многие помещения Лувра»²⁵.

Посещая королевские резиденции и дворцы аристократов, царь мог убедиться в распространенности и престижности коллекционирования произведений живописи. Герцог Орлеанский показал царю «свою галерею и картины»²⁶. Известно, что правитель Франции обладал богатейшей коллекцией полотен европейских художников, но источники не сообщают, что она вызвала интерес у его русского гостя. С частными картинными галереями царь мог познакомиться во дворцах графа Тулузского и герцога д'Антена. Царь побывал в «украшенном картинами» кабинете директора Монетного двора Н. де Лоне (Nicolas de Launay, 1647–1727), который обладал замечательным собранием живописи, включавшим полотна Рафаэля, А. Карраччи, Я. Бассано, Н. Пуссена и др. Вновь возникает вопрос, видел ли царь эти картины, а если и видел, рассматривал ли он их?

19 июня, во время посещения Французской академии в Лувре, её неперемный секретарь А. Дасье познакомил царя с этим учреждением и показал портреты основателей — покойного короля (скорее всего, это была реплика знаменитого портрета Людовика XIV работы Гиацинта Риго²⁷), кардинала Ришелье (вероятно, речь шла о копии с известного портрета Филиппа де Шампаня²⁸) и канцлера Пьера Сегье (возможно, работы Шарля Лебрена)²⁹, которые царь осмотрел с большим интересом. Книга записей Французской ака-

²⁵ Сен-Симон. Мемуары. Полные и доподлинные воспоминания герцога де Сен-Симона о веке Людовика XIV и Регентстве. Избранные главы / пер. с фр. Ю.Б. Корнеева; предисл. А.Д. Михайлова; сост. и коммент. А.П. Бондарева. Кн. 2. М., 1991. С. 361.

²⁶ [Buchet P.F.] *Abbregé de l'Histoire du Czar Peter Alexiewitz*. P. 195.

²⁷ *Iacent Rigaud, 1659–1743*.

²⁸ *Philippe de Champaigne, 1602–1674*.

²⁹ В «Описании Парижа» Ж. Бриса сказано: «В зале, где происходят заседания, мы видим несколько картин. Это изображение Святой Девы, а также короля в коронационных одеждах <...>; портрет кардинала Ришелье, а также канцлера Пьера Сегье <...>; наконец, портрет королевы Кристины Шведской, подаренный ею самой при посещении академии». — *Brice G. Description de la ville de Paris et de tout ce qu'elle contient de plus remarquable*. Paris, 1717. Т. 1. P. 77.

демии зафиксировала реакцию царя на портрет Ришелье: «красота его головы и благородство лица поразили царя»³⁰. Внимание гостя обратили и на портрет шведской королевы Кристины, которая в 1658 году посещала академию. Затем царь проследовал в Академию живописи и скульптуры (это был второй его визит сюда), где осмотрел работы учеников, которые трудились в его присутствии. По комплиментарному свидетельству источника, царь «выказал много вкуса по отношению к этому искусству»³¹.

Еще один случай, когда источник зафиксировал интерес Петра I к конкретным произведениям живописи, относится к посещению царем герцогини Беррийской в Люксембургском дворце 22 мая. Дворец считался одной из главных художественных достопримечательностей столицы: «Из всех значительных сооружений Парижа и всего королевства нет прекрасней, чем этот величественный дворец. Можно добавить со ссылкой на знающих и беспристрастных людей, что и в Италии едва ли можно увидеть здание столь регулярное и столь благородно украшенное»³². Его интерьеры в начале XVIII века оценивались как роскошные, но уже старомодные: «Внутренние покои дворца долго считались самыми пышными благодаря богатым скульптурным орнаментам и позолоте, которые можно видеть и сегодня. Но с тех пор, как в моду вошли более удобные и менее просторные апартаменты, дворец уступил в этом отношении более новым постройкам»³³. Главным украшением дворца была «большая галерея справа от входа, украшенная живописью знаменитого Питера Пауля Рубенса».

После получасовой беседы «царь попросил у герцогини позволения осмотреть апартаменты, где она его сопровождала. Его Величество остановился надолго в зале Муз и любовался “Давидом” Гвидо [Рени], особенно его поразила картина Ван Дейка “Венера, спрашивающая оружие для Энея”. Он её рассматривал почти четверть часа, что указывает на его большой вкус к живописи. Не меньшее удивление вызвала у него галерея, где он мог видеть всю историю Марии Медичи и Генриха IV, изображенную Рубенсом. Его очень тронуло полотно, представляющее роды королевы, где видны страдания и радость, одновременно отразившиеся на её лице»³⁴. С произ-

³⁰ *Henry C.* Le séjour de Pierre le Grand à Paris. Contribution à l'histoire de la formation du cabinet de Saint-Petersbourg // <http://www.ghamu.org/IMG/pdf/Pierre1er-txt-def-20-04-2011.pdf>. P. 18.

³¹ Ibid.

³² *Brice G.* Description de la ville de Paris. T. 3. P. 69.

³³ Ibid. P. 75.

³⁴ [*Buchet P.F.*] Abbégé de l'Histoire du Czar Peter Alexiewitz. P. 200–201.

ведениями Рубенса Петр познакомился еще в России, когда ему был прислан альбом с гравюрами, «списанными с славных картин Рубенсовых из галереи Люксембургского дому, которые картины все знатоки почитают за наилучшие в малярстве из дальних времен»³⁵. Это знакомство продолжилось во Фландрии. Будучи в городе Рубенса Антверпене, царь посетил барочную церковь Св. Карла Борромео с плафонами работы знаменитого мастера. Как пишет современный исследователь, Петру посчастливилось застать эту «главную церковь Рубенса» во всей красе. Год спустя пожар уничтожил 39 плафонных росписей Рубенса³⁶. В Люксембургском дворце на царя особое впечатление произвела знаменитая серия картин Рубенса, посвященная истории Марии Медичи и Генриха IV (ныне находится в Лувре). Полотна были вывешены в специальной галерее, стены которой были украшены росписями в виде цветов, камней и пейзажей. Все вместе являло собой апофеоз искусства барокко. Картина, изображавшая роды королевы, особенно тронула царя своим сочетанием страдания и радости, которое художник передал на лице королевы. Речь идет о полотне «Рождение дофина»: «Королева изображена сидящей; усталая после разрешения от бремени, но радостная и довольная, она смотрит на Дофина, которого держит гений Здоровья...»³⁷. Что же поразило царя в этой картине: факт изображения родов королевы или искусство Рубенса? — с иронией спрашивает современный исследователь³⁸. Скорее всего, и то и другое. Глядя на картину, царь вполне мог вспомнить не только своего новорожденного сына Павла, родившегося в январе 1717 года и умершего на следующий день, но и «проклятого <...> большого сына», бежавшего накануне от отца, опозорив его на всю Европу. В условиях, когда единственный сын от Екатерины малолетний Пётр от-

³⁵ Бакланова Н.А. Культурные связи России с Францией в первой четверти XVIII в. // Международные связи России в XVII–XVIII вв. (Экономика, политика и культура). Сб. статей. М., 1966. С. 317.

³⁶ Ваеманс Э. Петр Великий в Бельгии. СПб., 2007. С. 105.

³⁷ Питер-Пауль Рубенс. М., 1977. С. 135. Путеводитель 1717 года так характеризовал это полотно: «<...>мы видим рождение короля Людовика XIII, имевшее место в Фонтенбло 27 сентября 1601 года. Это произведение, безусловно, одно из прекраснейших и наиболее трогательных в галерее благодаря живому изображению радости и страдания, отразившихся на лице королевы, бросающей взор на новорожденного дофина. Справедливость держит его на руках и, кажется, передает его под охрану доброго гения, изображенного в виде юноши со змеей, обвинившей его руку. Другие фигуры представляют Аполлона на колеснице в небе и Фортуну, которая держит бразды правления». — *Brice G. Description de la ville de Paris*. Т. 3. Р. 79. Не от путеводителя ли шёл французский журналист, описывая впечатления Петра I?

³⁸ *Henry C. Le séjour de Pierre le Grand à Paris*. Р. 17.

личался крайней болезненностью, было о чем задуматься, глядя на королевского наследника в руках «гения Здоровья». Оказавшийся равнодушным к утонченной живописи периода регентства, Пётр явно отдавал предпочтение искусству барокко с его сильными чувствами и яркими красками.

Царя привлекала также батальная живопись А.Ф. Ван дер Мелена (Adam François Van der Meulen, 1632–1690), участвовавшего под руководством Ш. Лебрена в подготовке картин для создания гобеленов на тему «История короля», а затем создавшего для Людовика XIV серию полотен на тему «Завоевания короля». 47 картин, изображавших виды городов и их окрестностей с кавалькадами всадников или триумфальным шествием войск, украшали стены королевского павильона в Марли³⁹. Несомненно, они произвели впечатление на русского царя, о чем свидетельствует альбом гравюр с картин Ван дер Мелена, подаренный ему во время пребывания во Франции (ныне утраченный), а также заказ художнику-баталисту Мартену-младшему серии картин, посвященных победам в Северной войне.

Впрочем, восходящая к эстетике барокко традиция французского парадного портрета также не оставила русского царя равнодушным. Французский искусствовед Л. Рео писал: «Если верить мемуаристам-современникам, Петра I писали в 1717 году четыре самых известных портретиста того времени: Натье, Риго, Ларжильер и Удри. Только двум первым царь позировал; два других портретировали его по памяти, или, как говорили в XVIII веке, “по реминисценции”, несомненно, пользуясь гравюрой»⁴⁰. Факт работы Г. Риго и Н. Ларжильера над портретами царя основан лишь на устной традиции⁴¹ и вызывает обоснованные сомнения у специалистов⁴². Портрет Петра I работы Жана Марка Натье (Jean Marc Nattier, 1685–1766) хорошо известен, а знакомство царя с художником подтверждается многочисленными документами⁴³. Это, несомненно,

³⁹ См.: Marly, art et patrimoine. 2014. № 8. Dossier special: Van der Meulen le peintre de Marly.

⁴⁰ Réau L. Portraits français de Pierre le Grand // Gazette des Beaux-Arts. 1922. 2-е semestre. P. 302.

⁴¹ Пётр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. С. 312.

⁴² La France et la Russie au Siècle des Lumières. Relations culturelles et artistiques de la France et de la Russie au XVIII-e siècle. Paris, 1986. P. 161.

⁴³ См.: Немилова И.С. Загадки старых картин. М., 1989. С. 184–206. Примечательно, что дочь портретиста мадам Токе в своих мемуарах обвинила Петра в том, что он не заплатил ее отцу за исполненные портреты. Обнаруженные в архивах расписки Натье в получении денег как за картины, так и за поездку в Голландию, опровергают эту ложь. См.: Там же. С. 202–203; Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. Т. 2. С. 71; ОПИ ГИМ. Ф. 342. Оп. 1. № 40. Л. 102, 123.

самое элегантное из всех прижизненных изображений царя. По-видимому, именно о работе Натье идет речь в журнале царского путешествия: 29 мая «после обеда писал тамошний живописец персону его величества»⁴⁴. Портрет Петра был написан Натье в пандан парадному изображению царицы Екатерины, сделанному в Амстердаме. Там же по заказу царя им была создана батальная картина «Битва при Лесной» (ГМИИ им. Пушкина, Москва). Жан Батист Удри (Jean Baptiste Oudry, 1681–1755) — ученик Н. Ларжильера, ставший впоследствии известным художником-анималистом, — также работал над портретом царя, о чем свидетельствуют пять подготовительных эскизов (Лувр, Париж). Примечательно, что оба художника еще до царского визита в Париж приглашались в Россию, но затем отказались от поездки. Петру I был также известен проживавший в Париже миниатюрист Шарль Буат (Charles Boit, 1662–1725), которому заказывались изображения царя и его жены на эмали⁴⁵. Существуют предположения о контактах Петра с художником Франсуа Жувене (François Jouvénet), который впоследствии работал в России, а также с неким Леруа (Le Roy). Документы, относящиеся ко времени парижского визита, упоминают плату «живописцу Арло, который писал меньшей его царского величества портрет»⁴⁶. Считается, что лучше всего цельный характер царя уловил неизвестный художник в портрете Петра, хранящемся в парижском Арсенале. Французские авторы связывают его с именем Ф. Жувене, но более обоснованной является точка зрения, что этот портрет был позже создан Л. Караваком и мог оказаться в Париже в качестве образца для создания шпалеры⁴⁷.

Посредником между царем и французскими художниками чаще всего выступал герцог Луи Антуан д'Антен. Как уже упоминалось, им были поднесены царю путеводитель по Парижу и два роскошных рукописных альбома с изображениями Версаля и Марли. 13 июня он принимал царя в своем парижском дворце на улице Нев-Сент-Огюстен⁴⁸. В своем кабинете хозяин продемонстрировал Петру «всевозможные планы и разнообразные диковинки», о которых гость задавал множество вопросов. Герцог удивил царя и его приближенных тем, что выставил у себя на камине портрет царицы

⁴⁴ Походный журнал 1717 года. СПб., 1855. С. 17.

⁴⁵ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. С. 71.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Шарандак Н. Портрет Петра I // Творчество. 1988. №8. С. 19–20.

⁴⁸ Le Nouveau Mercure. 1717, juin. P. 191 (газета датировала этот визит 15 июня); Обстоятельный журнал о вояже (или о путешествии) его царского величества. С. 617–618.

вместе со стихами в её честь⁴⁹. По свидетельству Сен-Симона, «д'Антен, никогда не изменяющий себе, нашел способ получить очень похожий портрет царицы, который он и поставил в той зале на камин вместе со стихами в её честь, что весьма польстило и понравилось царю. И он и его свита нашли портрет весьма похожим»⁵⁰. На основании этого сюжета А.А. Нартов сочинил целую историю с вымышленными речами:

«Его величество, увидя нечаянно в столовой зале под великолепным балдахином поставленный портрет супруги своей Екатерины, был весьма доволен дюком д'Антином, который сие приготовить велел. Государь, сев за стол против сего портрета, во время обеда часто на оный смотрел и, будучи весел, дюку говорил: “Вы отгадали, я её люблю, и вас, как за учтивость, так и за неожиданное с женою моею свидание, благодарю”.

Между тем как обед часа с два продолжался, славный живописец, будучи в другой комнате, портрет с самого Петра Великого написал, и когда дюк д'Антин поднес оный его величеству, то государь, смотря на него и удивляясь сходству, показывал бывшим при нем князю Куракину, Шафирову и Ягушинскому и говорил: “Право, похож”. Потом приказал живописцу Риго оный докончить, за что и пожаловал ему сто лудиров»⁵¹.

Контактам царя с художниками посвящено одно из его писем царице Екатерине из Парижа от 2/13 мая:

«Тапицерейная (ковровая. — *С.М.*) работа здесь зело преславная, того для пришли мою партрету, что писал Мор, и свои обе: которую Мор и другую, что француз — писали⁵², также и крепшиша (водки. — *С.М.*) с племянником⁵³, <...> дабы здесь тапицерейною работою оных несколько сделать, также и финифтяных маленьких, ибо тот еще мастер жив — кои делал в Англии при мне⁵⁴ <...> Француза живописца Натьера пришлите сюда-ж вместе с пле-

⁴⁹ Некоторые авторы (Рео, Лосский, Анри) ошибочно относили этот случай к более раннему пребыванию Петра I в загородной резиденции герцога д'Антена Пти-Бур. При этом Л. Рео цитировал «Мемуары» герцога Сен-Симона, в которых якобы говорится о том, что рядом с портретом царицы работы Натъе Петр увидел «свой собственный портрет, написанный Удри за несколько часов». — *Réau L. Portraits français de Pierre le Grand. P. 306–307.*

⁵⁰ *Сен-Симон. Мемуары. С. 369.*

⁵¹ Пётр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. С. 311–312.

⁵² Речь идет о портретах Петра I и Екатерины работы голландского художника К. Мора, а также о портрете царицы работы Ж.М. Натъе.

⁵³ Вероятно, речь идет о племяннике Савы Рагузинского Ефиме.

⁵⁴ Речь идет о миниатюристе Ш. Буате.

мянником или Орликовым, и велите тому живописцу взять с собою картину, которую он писал о Левенгонской баталии (битве при Лесной. — С.М.)»⁵⁵.

В этом письме проявилось стремление царя извлечь максимальную пользу из уже созданных и понравившихся портретов — создать их гобеленовые и миниатюрные повторения, которые можно использовать в качестве украшения интерьера и наград.

Во время своих путешествий Пётр I всегда посещал мануфактуры, но в Париже особое внимание было уделено художественно-промышленным предприятиям, которыми славилась французская столица. Царь побывал на стекольной мануфактуре в Сент-Антуанском предместье (13 мая) и на чулочной фабрике (25 мая). По всей вероятности, эти поездки были обусловлены тем, что именно французы организовали в 1704 году чулочное и зеркальное производство в Москве. В 1707 году царь посещал созданную ими зеркальную мануфактуру на Воробьевых горах и «всё то строение и дело изволил хвалить»⁵⁶. Теперь у него была возможность сравнить аналогичное производство в России и во Франции. Директор стекольной мануфактуры граф де Лонуа (Lainou) вошел в доверие к царю и был приглашен в Россию. Он взялся за организацию производства стекла и хрусталя в Москве, но вскоре был устранен от дел вследствие обнаружившегося невежества и непомерного честолюбия. Тем не менее, он получил пенсию от царя за заслуги своей жены, которая стала гувернанткой и учительницей французского языка у царских дочерей⁵⁷.

Самый большой интерес вызвали у Петра мануфактура Гобеленов и Монетный двор. 12 мая царь вместе с герцогом д'Антенем в 5 часов утра отправился на мануфактуру Гобеленов. Эта знаменитая на весь мир фабрика возникла на окраине Парижа в предместье Сен-Марсель на берегу речки Бьевр. Около 1440 года Жан Гобелен основал на этом месте небольшую красильную мастерскую. Генрих IV в 1601 году пригласил сюда двух ткачей из Брюсселя для производства ковров. Однако лишь при Людовике XIV производ-

⁵⁵ Письма русских государей и других особ царского семейства. Т. 1: Переписка Петра I с Екатериною Алексеевною. М., 1861. С. 68. В ответном письме Екатерина писала: «Живописца француза Натьера отправила я к вашей милости с Орликовым, и с ним посылаю партрет свой, которой он писал. А вашего и моего друга портретов, которые писал Мор, не могла ныне послать для того, что он взял из к себе дописывать и сколь скоро оные совершит, то немедленно отправлю с нарочным к вашей милости». — Там же. С. 162.

⁵⁶ Ковригина В.А. Немецкая слобода Москвы и её жители в конце XVII — первой четверти XVIII в. М., 1998. С. 105—107.

⁵⁷ Les Français en Russie au siècle des Lumières. Т. 2. Р. 479.

ство ковров в «Королевской мануфактуре по изготовлению ковров для Короны» приобрело широкий размах. Благодаря усилиям Кольбера в 1662 году здесь были сосредоточены все мастера, производившие шпалеры. Здесь же существовали мастерские по производству мебели, бронзового литья, изделий из камня (флорентийской мозаики) и лака, ателье живописцев и граверов. Мануфактура обеспечивала мебелью и предметами роскоши Версаль и другие королевские резиденции. Ковры создавались по эскизам Ш. Лебрена и многих известных художников. Мануфактура состояла из нескольких зданий, где располагались различные мастерские. В период регентства производство пошло на спад:

«Правда, что сегодня это учреждение не столь интересно, как прежде, когда здесь насчитывалось более 800 ковровых мастеров, живописцев, скульпторов, ювелиров, вышивальщиков и мастеров прочих специальностей, служащих для производства предметов роскоши; однако здесь еще можно увидеть примечательные вещи, которые позволяют рассматривать мануфактуру как единственное во всей Европе место, где искусства находятся на столь высокой степени совершенства»⁵⁸.

К 1717 году на мануфактуре уже прекратилось производство изделий из флорентийской мозаики.

Многие современники упоминали о царских посещениях мануфактуры Гобеленов. «Монарх долго наблюдал за работой над обратной стороной тех ковров, которые производили на этой королевской мануфактуре; он любовался сноровкой и мастерством работников»⁵⁹, — отмечал французский журналист. Л.Ф. Дюбуа де Сен-Желе более детально описал визит в своей «Повседневной истории Парижа»⁶⁰. Накануне визита вечером герцог д'Антен распорядился приготовить все к царскому приезду. Петра принимал директор королевской мануфактуры Жюль Робер де Котт (Jules Robert de Cotte, 1683—1767). Присутствовал и его отец — первый архитектор короля, генеральный интендант садов, искусств и мануфактур Робер де Котт. Сначала высокому гостю продемонстрировали готовые ковры — повторения наиболее известных произведений местных мастеров. Затем ему показали ателье по их изготовлению в готлисной и баслисной технике (высокого и низкого плетения). Современник писал: «Ковроткачеством сейчас занимается большинство мастеров. Приятно видеть способ их работы в готлисной и

⁵⁸ Brice G. Description de la ville de Paris. Т. 2. P. 223.

⁵⁹ [Buchet P.F.] Abbégé de l'Histoire du Czar Peter Alexiewitz. P. 194.

⁶⁰ Dubois de Saint-Gelais L. F. Histoire journalière de Paris pendant l'année 1710 et les six premiers mois de l'année 1717. Т. 2: 1717. Paris, 1885. P. 138—142.

баслисной манере; роскошные гобелены, производящиеся здесь, не менее достойны внимания благодаря красоте рисунка, богатству материалов, звучности цвета. Самые редкие произведения больших мастеров часто копируются с тем, чтобы производить только отличные экземпляры»⁶¹.

Царь долго беседовал с мастерами, наблюдал за их работой. Среди рабочих были и дети, некоторые из которых были не старше семи лет. Растроганный царь поцеловал одного из маленьких работников. Затем гость ознакомился с новой технологией окраски шерсти, разработанной неким Керховеном (Kerchoven). Привлекло внимание Петра и лаковое производство «в китайском вкусе», недавно организованное на мануфактуре. Лишь в полдень царь покинул столь заинтересовавшую его художественную фабрику.

Петр вернулся сюда 15 июня. Он вновь осмотрел все производство. Заинтересованность царя не осталась без внимания принимающей стороны: на этот раз ему приготовили подарки. Петру преподнесли две серии гобеленов, выполненных по баслисной технологии: на одной серии из четырех ковров работы мастера Пьера Лефевра (Pierre Le Febvre) по картонам Жана Батиста Жувене были представлены сюжеты из Нового Завета («Трапеза у Симона-фарисея», «Чудесный улов», «Изгнание торгующих из храма», «Воскрешение Лазаря» — в настоящее время в коллекции Эрмитажа)⁶². Восемь ковров работы мастера Жана по картону А.Ф. Депорта (Alexandre François Desportes, 1661—1743) в жанре натюрморта принадлежали к так называемой «Индийской серии» (серия была отдана на Петербургскую шпалерную мануфактуру для копирования и до наших дней не сохранилась). К ним были добавлены два гобеленовых портрета, выполненных в готлисной манере, особенно понравившихся царю (их судьба неизвестна). На одном работы мастера Суэта (Jean Souët) было изображение Иисуса Христа с картины Шарля Лебрена, на втором работы Жана-младшего был портрет испанки с картины Жана Батиста Сантерра (Jean Baptiste Santerre). По другим сведениям, царю преподнесли шпалеру из серии «История Дона Кихота» по рисункам Шарля Антуана Койпеля-младшего⁶³.

Пётр I планировал создать в Петербурге свою шпалерную мануфактуру, для чего в 1716—1717 годах из Франции были приглашены мастера готлисной и баслисной работы. Как раз в июне 1717 года в русскую столицу прибыли две группы французских специалистов. Они составили ядро рабочих Петербургской шпалерной мануфак-

⁶¹ Brice G. Description de la ville de Paris. Т. 2. Р. 224.

⁶² См.: [Штелин Я.] Подлинные анекдоты Петра Великого. С. 66—67.

⁶³ Le Nouveau Mercure. 1717, juin. Р. 193.

туры, основанной в том же году⁶⁴. Из Парижа царь писал Меншикову 23 мая о необходимости быстрее налаживания этого производства:

«<...> Слышали мы от Волкова, что шпалерные мастера ничего не делают и отговариваются, что без исторических картин и без красильщика, который красит материалы, делать не могут, и такой красильщик из Ростова отправлен, а картины или картоны исторические, с которых делать, подрядили здесь, однакож между тем выберите вы з Брюсом из моих лучших картин, которые есть у Мошкова в дому моем, также и у себя поищите, и заставьте их делать, чтоб они без дела не сидели. Шерсти для той работы послали из Амстердама довольно с красильщиком Бегагелем, а шелку сырцу и красок мочно купить на Москве, а ежели каких красок у нас не сыщется и шерсти будет мало, пиши от себя в Амстердам Соловьеву, чтоб он, купя, к вам прислал. Живописца француза Каравака також заставьте писать для той шпалерной работы исторические картины, ибо он договором своим имянно обязался писать всякие истории, и для того велите ему ныне писать баталии Полтавскую и Левенгауптскую и прочия и придайте ему учеников»⁶⁵.

Как видно из письма, царь лично вникал во все подробности коврового производства, которое он хотел видеть у себя в Петербурге.

Не меньший интерес русского гостя вызвала работа Монетного двора (Hôtel de la Monnaie et Médailles), который занимал в Лувре «четыре аркады под Большой галереей». Сохранилось несколько источников, сообщающих о посещении царем этого заведения: «Журнал Монетного двора», в котором имеется соответствующая запись о царском визите (она воспроизведена в статье Мазероля), сообщение журналиста Ф. Бюше и информация Дюбуа де Сен-Желе в «Повседневной истории Парижа»⁶⁶.

Первое посещение состоялось 28 мая, когда «монарх в сопровождении маршала де Тессе отправился на Монетный двор, где он осматривал производство различных изделий из золота и серебра. Он сам отчеканил три экю»⁶⁷. О втором приезде газета сообщала гораздо подробней:

⁶⁴ См.: *Кориунова Т.Т.* Французские шпалерные мастера и их роль в создании Петербургской шпалерной мануфактуры // Россия—Франция. Век Просвещения. Сб. научных трудов. СПб., 1992. С. 26–37.

⁶⁵ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270. № 84. Л. 443.

⁶⁶ См.: *Mazerolle F.* Visites de Pierre le Grand et de Nicolas II à la Monnaie des Médailles // *Gazette des Beaux Arts*. 1896. 2-е semestre. P. 363–369.

⁶⁷ [*Buchet P.F.*] *Abbrégé de l'Histoire du Czar Peter Alexiewitz*. P. 207.

«12 июня, возвращаясь из Версаля, он заехал к господину де Лоне в Монетный двор, где его ждал господин д'Антен. В присутствии монарха он отчеканил золотую медаль, которую ему подарил. Царь был удивлён, увидев с одной стороны свой подгрудный портрет с легендой «*Petrus Alexievitz Tzar. Mag. Russ. Imperator*», а на реверсе была изображена слава в воздухе с двумя трубами, а вокруг слова «*Vires acquirit eundo*». Это аллюзия на разнообразные путешествия, которые этот монарх совершал в течение двадцати лет. А по краю шла надпись: «*Lutet, Paris, 1717*». Затем царь поднялся, чтобы осмотреть кабинет медалей, где он обнаружил футляр, наполненный 30 серебряными и 40 бронзовыми медалями подобными той золотой, что была ему поднесена. Его удивление еще больше возросло, когда они были розданы людям его свиты. Внимательно осмотрев все, что имелось на Монетном дворе, он прошел в ювелирные мастерские, где имелось большое количество прекрасных изделий из металла, большая часть которых предназначалась королю, а некоторые — португальскому королю, и были украшены их гербами. Он тщательно их осмотрел, что свидетельствует о его вкусе к различным вещам. Когда он уходил, ему поднесли его рельефный портрет подобный изображению на медали, который только что был закончен. Его фон был из темной бронзы, а все рельефы — из золота»⁶⁸.

Л.Ф. Дюбуа де Сен-Желе добавлял, что царь также изучал прессы и всё необходимое для производства медалей. По его сведениям, русским было роздано 40 серебряных и 40 бронзовых медалей. Он также сообщал, что кабинет медалей представлял собой род галереи-музея, где в прекрасных шкафах, украшенных бронзой и зеркалами, хранились штампы (чеканы) медалей. Кабинет был украшен портретами королей, начиная с Генриха IV. Царь также посетил кабинет директора, украшенный картинами и различными диковинами⁶⁹.

Проект медали, посвященной царскому путешествию, был разработан в Академии Надписей. С одной стороны находился порт-

⁶⁸ Le Nouveau Mercure. 1717, juin. P. 189–191. Походный журнал содержит более краткую запись об этом визите: «И потом были на манетном королевском дворе, где всякие медали теснят, где тогда и его царского величества персону вытиснили из золота, которую тогда дюк де Антенн, яко обер-директор всех мануфактур, его величеству презентовал, а другим всем раздал по серебряной медали с партретом его величества» — Обстоятельный журнал о вояже (или о путешествии) его царского величества. С. 617.

⁶⁹ *Dubois de Saint-Gelais L.F. Histoire journalière de Paris pendant l'année 1710 et les six premiers mois de l'année 1717. T. 2: 1717. Paris, 1885. P. 152–155.*

рет царя в латах, покрытых порфирой, а с другой — парящая Слава в лучах солнца. Строка из Вергилия — «Шествуя, прибавляет себе сил» — намекала на пользу путешествий царя. Портрет Петра на медали был сделан по рисунку Ж. Дювивье (Jean Duvivier, 1687–1761). По свидетельству художника, герцог д’Антен хотел преподнести царю сюрприз, изготовив медаль с его портретом, но втайне от него. Поэтому он представил художнику возможность повсюду следовать за царем, чтобы делать зарисовки и создать его портрет, очень схожий с оригиналом. Для ускорения работы изображение славы на реверсе было заказано другому гравёру — Мишелю Рёгу (Michel Rög) — датчанину на службе французского короля. За свою необычную работу Дювивье получил благодарность от короля — ему предоставили жильё в Лувре.

Перед отъездом из Парижа, 20 июня, царь вновь посетил Монетный двор.

«В два часа пополудни он послал спросить, может ли он еще раз осмотреть королевские медали и историю Людовика XIV <...> Он туда приехал через час и рассматривал все еще с большим интересом, чем в первый раз. Поскольку он уделил большое внимание медали с изображением Людовика XV, у которой на реверсе было изображено восходящее солнце, то директор Монетного двора считал своим долгом её ему подарить. Царь её принял очень любезно, показывая, прикасаясь к груди, что сохранит её навечно»⁷⁰.

С серией медалей, посвященных Людовику XIV, Пётр I был знаком ранее по книге «История царствования Людовика Великого в медалях» (Париж, 1704), которая была ему прислана в 1715 году⁷¹. Затем он неоднократно рассматривал сами медали на Монетном дворе, в Версале, а также в Академии надписей, где и были разработаны их проекты. Умение французов прославить своих монархов явно импонировало Петру, который ранее заказал в Германии серию медалей на события Северной войны. Царь не упустил возможности продемонстрировать французским академикам медали, относящиеся к событиям его царствования.

Много лет спустя (1760) Бенжамен Дювивье (Benjamin Duvivier, 1730–1819) изготовил медаль из серии, посвященной истории Людовика XV. На ней изображен русский царь в дорожной одежде, принимающий в свои объятия юного короля Франции. Два пресса для изготовления медалей, которые осматривал Пётр, по сведени-

⁷⁰ Le Nouveau Mercure. 1717, juin. P. 202–203.

⁷¹ Берелович В. Петр Великий и Людовик XIV: скрытое противопоставление в России XVIII века // Пинакотекa. 2001. № 1–2. С. 23.

ям Мазероля, долго находились на Монетном дворе и сами по себе были произведениями технического мастерства и литейного искусства.

Проявив столь настойчивый интерес к произведениям коврового и медальерного искусства, Пётр I показал себя более равнодушным к другим видам декоративно-прикладного искусства. Принимающая сторона стремилась поразить русского гостя красотой и роскошью дворцовых интерьеров. Как уже отмечалось, в Лувре для него были предназначены роскошные апартаменты, принадлежавшие прежде Анне Австрийской. Они были оформлены в начале XVII века Д.Ф. Романелли (Giovanni Francesco Romanelli, 1610–1662) и специально меблированы для царя. В частности, ему предложили «богатейшую и великолепнейшую в мире» кровать, которую мадам де Монтеспан когда-то заказала для короля-солнца⁷². «В Лувре необходимо осмотреть апартаменты королевы-матери Анны Австрийской», — указывалось в путеводителе по Парижу 1717 года. — «Они состоят из нескольких комнат, потолки которых украшены прекрасной живописью. В тех, которые украшались последними, над галереей Аполлона, на повороте на маленький сад со стороны реки, Франсуа Романелли, весьма уважаемый за красоту своих работ ученик Пьетро де Кортоне, расписал потолок и стенные панели в превосходной манере. Большие пейзажи писал известный мастер этого жанра Бурсон. Однако всё превосходит по богатству украшений маленький кабинет, выходящий окнами на реку, в котором ничего не пожалели для великолепия вплоть до паркета, чрезвычайно красиво выполненного в технике маркетри»⁷³.

Эта роскошь не привлекла царя, и он предпочел Лувру отель Ледигьер, который, впрочем, тоже был обставлен по-королевски. Интерьеры Версаля и других резиденций вызвали у царя гораздо меньший интерес, чем садово-парковое и фонтанное искусство. Однако нельзя сказать, что французское искусство интерьера вовсе не заинтересовало царя. Об этом свидетельствуют его многочисленные покупки, сделанные в парижских магазинах роскоши. Так, у известного продавца галантереи Эдма Кале (Edme Calley, ок. 1670–1758), в его магазине «У испанского короля», расположенном рядом с Новым мостом и предлагавшем «все лучшее для меблировки

⁷² Le Cabinet historique: revue... contenant, avec un texte et des pièces inédites, intéressantes ou peu connues, le catalogue général des manuscrits que renferment les bibliothèques publiques de Paris et des départements touchant l'histoire de l'ancienne France et de ses diverses localités, avec les indications de sources, et des notices sur les bibliothèques et les archives départementales / Sous la direction de Louis Paris. Paris, 1856. T. 2. Part. 1. P. 35.

⁷³ Brice G. Description de la ville de Paris. T. 1. P. 49.

дворца», царь покупал мебель и предметы для «убора комнат»: «кровать большая убрана от дамаска красного позументом и цветами шелка белого», столы и столики, шкафы⁷⁴. Для царского обихода приобретались «ящик табашный», чернильницы, табакерки, шахматы и т.д. Покупалось также парадное оружие, украшенное золотом и серебром.

Пожалуй, лишь театральное искусство, с которым Пётр также ознакомился в Париже, не произвело на него должного впечатления и не вызвало желания пересаживать его на русскую почву. В финансовых бумагах П.П. Шафирова имеется любопытное указание: «з 24 числа апреля по 15 мая (старого стиля. — С.М.) в операх и в комедиях в бытность его царского величества роздано 569 ливров»⁷⁵, которое можно трактовать как свидетельство неоднократного посещения театров. В письме мадам Дюнуайе также говорится об этом: «Посетил и оперу и комедию нашу, более из любопытства, чем по склонности к развлечению»⁷⁶. Однако хроника визита зафиксировала лишь одно такое посещение: вечером 14 мая Петр вместе с регентом побывал в Королевской опере Пале-Рояль. Давали оперу Ш.Ю. Жерве «Гиперместра». Газета сообщала, что «как только подняли занавес, Его Величество был поражен великолепием зрелища, сменой декораций и танцем госпожи Прево». Однако вскоре царь выразил желание освежиться несколькими стаканами пива и покинул театр во время четвертого акта⁷⁷. Как видно, античный сюжет, пение и танцы «египтян», «греков» и «пастухов» не увлекли русского царя. Какие-то «комедианты» развлекали царя в доме герцога д'Антена⁷⁸.

В Париже Петру приходилось сталкиваться с искусством уличных музыкантов и танцоров. В книге расходов отмечена плата «девочке, которая перед его величеством танцевала»⁷⁹. А.А. Нартов приписывал царю отрицательное отношение к уличным актерам: «Я видел в Париже множество шарлатанов на площадях. Петербург не Париж <...> Пришельцам, шатунам сорить деньги без пользы — грех»⁸⁰.

В результате многочисленных поездок и встреч Пётр I убедился в высочайшем уровне работ французских архитекторов, скульпто-

⁷⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 342. Оп. 1. № 40. Л. 82–82 об

⁷⁵ РГАДА. Ф. 93. 1717. №15. Л. 10 об.

⁷⁶ Дюнуайе А.М. Пребывание имп. Петра Великого в Париже // Мая современного просвещения и образованности. 1840. Ч. 6. С. 80.

⁷⁷ [Buchet P.F.] Abbregé de l'Histoire du Czar Peter Alexiewitz. P. 196; см.: http://operabaroque.fr/GERVAIS_HYPERMNESTRE.htm.

⁷⁸ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. С. 66.

⁷⁹ Там же. С. 71.

⁸⁰ Пётр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. С. 238.

ров, живописцев, мастеров прикладного искусства. Интерес к их работам со стороны русского царя носил избирательный характер: он внимательно изучал всё, что можно было позаимствовать, что могло, по его мнению, пригодиться на русской почве. Может быть, царь не постиг всех тонкостей и совершенства французского искусства периода регентства. В его отношении к прекрасному отчетливо просматривается прагматический, почти утилитарный подход. Однако нельзя отрицать того, что парижские встречи способствовали росту интереса к искусству и развитию художественного вкуса царя. Пётр глубже осознал престижность коллекционирования предметов искусства и создания картинных галерей. Он убедился в том, какую важную роль может играть высочайшая поддержка в деле развития культуры, а созданный художниками образ монарха — в политической пропаганде и прославлении успехов страны.

Парижские встречи Петра I с художниками и знакомство с французским искусством имели свое продолжение. Царь пожелал заказать французскому художнику-баталисту изображение своих важнейших побед. Позднейшая переписка позволяет с уверенностью утверждать, что Пётр имел в Париже личную встречу с живописцем Пьером Дени Мартеном (Pierre Denis Martin, 1663—1742), которого в отличие от его старшего брата Жана-Батиста, известного художника-баталиста, называют Мартеном-младшим. Он тоже писал батальные сцены, но более был известен как художник «перспективного» жанра, изображавший виды городов и королевских резиденций. 2 августа⁸¹ 1717 года царь напоминал своему агенту в Париже Ю. Кологривову «о живописце, который всякие баталии пишет, также города и ландшафты»⁸². 4 ноября Кологривов заключил с Мартеном-младшим договоры на создание больших картин, посвященных битве при Лесной, Полтавскому сражению, капитуляции шведов у Переволочны и Гангутскому морскому сражению⁸³. В письме царю от 18 ноября царский агент, отчитываясь о проделанной работе, ссылался на личные переговоры Петра с художником относительно цены заказа («той цены, за которую, он (Мартен. — С.М.) сказывает, будто ваше величество указали писать оные баталии»⁸⁴). Позже, в 1721 году, царь указывал своему послу в Париже князю Долгорукову в связи с работой Мартена: «имей старание картины и шпалеры, кото-

⁸¹ По старому стилю.

⁸² Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270, оп. 1. Д. 85. Л. 46.

⁸³ Лантева Т.А. «По указу вашего величества з живописцем договорился писать баталии». Документы ГРАДА об исполнении парижскими мастерами заказа Петра I. 1717—1727 гг. // Исторический архив. 2011. № 1. С. 182.

⁸⁴ Там же. С. 184.

рые заказал я делать при себе в Париже (курсив мой. — С.М.), старайся дабы скоряя были <...>»⁸⁵. Предполагалось также создать рисунки, гравюры и шпалеры (на мануфактуре Гобеленов) по картинам Мартена; самому художнику заказали ещё четыре уменьшенных повторения картин. Выполнение заказа, к которому оказались причастными царский агент в Париже А.И. Юров⁸⁶, российские послы Г.Х. Шлейниц, В.Л. Долгоруков, Б.И. Куракин, французский посол Ж. Кампредон и герцог д'Антен, растянулось на много лет и закончилось уже после смерти императора⁸⁷. Заказ обошелся казне в огромную сумму около ста тысяч ливров⁸⁸. Однако драгоценные шпалеры были утрачены еще при ближайших преемниках Петра I. Частично были утрачены и оригиналы картин, а оставшиеся распроданы сегодня по разным музеям.

Судьба художников и мастеров, приглашенных царем из Франции, сложилась по-разному. Леблон проработал в Петербурге лишь до начала 1719 года, но сумел оставить след в истории русской архитектуры. Растрелли заложил основы монументальной скульптуры в России, создал первый конный памятник Петру Великому, а его сын стал знаменитейшим архитектором русского барокко. На редкость долгой оказалась творческая жизнь в России придворного живописца Каравака. Однако, как заметил В. Ржеуцкий, говорить о французском землячестве в петровском Петербурге не приходится⁸⁹. Уже в 1720 году некоторые специалисты, не найдя достойного применения своим силам, вернулись на родину. В списке мастеров, которых консул де Лави посадил на корабль для отправки во Францию, значится 30 имен⁹⁰, но в нем не назван ни один мастер из списка, приведенного в начале главы. В 1724—1725 годах поверенный в делах Франции в России Кампредон отослал во Францию еще более сорока французов: поваров, кондитеров, печатников, резчиков, переплетчиков и т.д.⁹¹ Обратный поток французских специалистов устремится в Россию лишь во второй половине XVIII века.

⁸⁵ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270, оп. 1. Д. 98. Л. 115.

⁸⁶ См.: *Курукин И.В.* Алексей Юров: «лишний человек» в эпоху петровских реформ и после // *Россия в XVIII столетии. Вып. 3. / отв. ред. Е.Е. Рычаловский.* М., 2009. С. 136—151.

⁸⁷ См.: *Макаров В.К.* Судьба одного художественного замысла Петра I // *Труды Государственного Эрмитажа.* Л., 1970. Т. 11. С. 122—130.

⁸⁸ Там же. С. 126—127.

⁸⁹ *Ржеуцкий В.С.* История французского землячества в России в XVIII — начале XIX века. Дисс... канд. истор. наук. СПб., 2003. С. 78.

⁹⁰ Там же. Приложение. С. 410—413.

⁹¹ Там же. С. 79.

«Царь проявил просвещенность и знания»: научные контакты Петра I в Париже

Петру I приписывают слова «Добро у французов перенимать художества и науки. Сие желал бы я видеть у себя <...>»¹. Царь едва ли произносил эту фразу, сочиненную А.А. Нартовым, но она вполне отражает его умонастроение во время визита в Париж. Примечательный факт: Пётр I, считавший военное дело первейшей обязанностью монарха, будучи во Франции, уделил ему весьма скромное внимание. Он не осуществил запланированного знакомства с французским флотом в Бресте² и покинул смотр королевских войск на Елисейских Полях, не дождавшись их прохода. Напротив, культурные и научные интересы вышли на первый план, что было отмечено современниками. «Судя по тому интересу, с которым Пётр изучает все, имеющее отношение к наукам математическим, к механике и к технике, а также и к изящным искусствам, я полагаю, что ближайшее ознакомление с ними в интересах пересадения их на родину была главная, если не единственная цель его поездки»³, — писал испанский дипломат, внимательно следивший за передвиже-

¹ Пётр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. М., 1993. С. 273.

² М.Д. Олсуфьев писал А.Д. Меншикову 20 апреля 1717 года из Кале: «Государь <...> изволит путь свой воспринять в Париж, а потом, может быть, и далее до Брешта, где Французский большой флот стоит». — Братья Олсуфьевы, обергофмейстеры Петра Великого. Переписка их с князем А.Д. Меншиковым (1717–1727) // Русский архив. 1883. Кн. 3. С. 30. См. также письмо Петра I к А.Л. Нарышкину от 19 мая 1717 года: «Хотя мы сами хотели в Бресте побывать, однакож краткость времени не допустила <...>». — Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. № 84. Л. 429.

³ Ковалевский М. Новые данные о пребывании Петра в Париже, почерпнутые из испанских архивов // Русская мысль. 1884. №1. С. 111–112.

ниями царя. Источники дают достаточный материал, чтобы выявить научные контакты царя во французской столице и оценить их значение для самого монарха, а также для развития русско-французских научных связей.

Естественнонаучные и технические знания были давним пристрастием Петра I. Интерес русского царя к медицине, увлечение анатомией, тяга к различного рода редкостям⁴ сполна реализовались во время поездок в Ботанический сад. В первый же день осмотра французской столицы Пётр I «был в Аптекарском огороде, и в других огородах, и в Аптекарском доме, где смотрел анатомических вещей». Затем царь не раз возвращался сюда⁵. Основанный в 1626 году Королевский сад лекарственных растений превратился при Людовике XIV в важный научно-просветительный центр. В начале XVIII века в саду произошли заметные перемены: здесь был устроен амфитеатр, в котором демонстрировали растения и проводились анатомические сеансы, построены оранжереи, химическая лаборатория. Едва ли не главной достопримечательностью был кабинет лекарственных веществ, добытых из растений, животных и минералов. Препараты хранились здесь в хрустальных сосудах, выставленных в прекрасных шкафах-витринах. Петр познакомился с ведущими учеными-естествоиспытателями, работавшими в Ботаническом саду. Знаменитый ботаник Себастьян Вайян (Sébastien Vaillant, 1669–1722), автор книги «*Botanicon Parisiense*», показывал царю кабинет лекарственных веществ, о чем писал в предисловии к этой книге известный голландский врач и знакомый Петра I Герман Бургаве (Бурхааве): «С тех пор, как он (Вайян. — С.М.) привел этот прекрасный кабинет в добрый порядок, он стал хранителем Королевского кабинета лекарственных веществ; потом г. Вайян показывал и описывал редкости этого кабинета его Царскому Величеству <...>»⁶. Себастьян Вайян мог водить высокого гостя по саду и знакомить с диковинными растениями и красотами сада: «Следует заметить, что цветник этого сада представляет собой холм, вокруг которого проложена спиралевидная аллея, обсаженная кустиками разных пород. С высоты этой изрядной возвышенности открывается приятный вид, простирающийся до Сент-Антуанско-

⁴ См.: *Богданов К.* Петр Первый о медицине: игра природы, порядок правления // Петр Великий / сост. и ред. Е.В. Анисимов. М., 2007. С. 175–209.

⁵ См.: *Обстоятельный журнал о вояже (или о путешествии) его царского величества, как ис Копенгагена поехал и был в Галандии, во Франции и в протчих тамошних местах, и что там чинилось* // История Свейской войны: Поденная записка Петра Великого / сост. Т.С. Майкова. Вып. 1. М., 2004. С. 616–617.

⁶ *Vaillant S.* *Botanicon Parisiense...* Leide et Amsterdam, 1727. Preface, s. p.

го предместья, на окрестные холмы и деревни»⁷. Знаменитый врач Жозеф Гишар Дюверне (Joseph Gichard Duverney, 1648–1730) устраивал здесь анатомические сеансы, а химик Этьен Франсуа Жоффруа (Etienne François Geoffroy 1672–1731) демонстрировал опыты в лаборатории. В поездках в Ботанический сад царя сопровождал лейб-медик Арескин (Роберт Эрскин), который выступал посредником и переводчиком во встречах царя с французскими учеными. Перед отъездом из Парижа, 18 июня, царь через Арескина и Дюверне пригласил в свою резиденцию, в отель Ледигьер, английского окулиста Джона Томаса Вулхауза (John Thomas Woolhouse, 1650?–1734), который сделал в присутствии монарха операцию снятия катаракты 65-летнему солдату-ветерану. «Царь, увидев иголку, воткнутую в глаз инвалида, отвернулся на мгновение, но любопытство взяло верх, и он наблюдал за работой и убедился, что катаракта была устранена»⁸. После успешной операции царь попросил доктора обучить русского ученика.

Позже, в 1717–1718 годах, Арескин вел переписку с Ж.Г. Дюверне по поводу заказанных ему Петром восковых моделей органов человеческого тела. Однако в связи с возникшими финансовыми проблемами известный анатом передал русской стороне лишь восковое изображение черепа с моделью мозга внутри⁹. У Дюверне консультировался и будущий лейб-медик Л. Блюментрост, ставший впоследствии первым президентом Академии наук в Петербурге¹⁰. Летом 1721 года царский библиотекарь Иоганн Даниил Шумахер был послан в Париж с научными поручениями, в том числе и для приглашения на русскую службу сына Ж.Г. Дюверне, который стал уже известным анатомом, однако Дюверне-младший отказался от предложения царя¹¹.

Знакомство с Ботаническим садом было актуальным для Петра I в плане перенимания опыта, который можно было применить в Аптекарском огороде в Петербурге, заложенном около 1713 года, в Генеральном госпитале (1715), а также при устройстве Кунсткамеры (1719). В 1724 году в Петербург приезжал французский ботаник Пьер Дешизо, который предложил свой проект сада лекарственных расте-

⁷ Brice G. Description de la ville de Paris. Paris, 1717. Т. 2. Р. 213.

⁸ Le Nouveau Mercure. 1717, juin. Р. 199.

⁹ Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 537.

¹⁰ Андреев А.И. Основание Академии Наук в Петербурге // Петр Великий. Сб. статей / под ред. А.И. Андреева. М.; Л., 1947. С. 290.

¹¹ Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. С. 538; Княжецкая Е.А. Начало русско-французских научных связей // Французский ежегодник. 1972. М., 1974. С. 272.

ний с учетом опыта парижского Ботанического сада¹². В 1726 году он во второй раз приезжал в Петербург, однако не был принят на службу в Академию наук, поскольку место ботаника было уже занято¹³.

Живой интерес у Петра I вызвала Парижская обсерватория, бывшая в то время выдающимся научным центром, где производились не только астрономические, но также математические и физические исследования. «Здание Обсерватории — это очень простой корпус в два этажа примерно 14 туазов высотой. Его главный фасад фланкируется двумя восьмиугольными башнями той же высоты и столь же симметричными; большая эспланада, поднимающаяся террасами и вымощенная камнем, со всех сторон окружает здание. <...> В конструкции обсерватории не были использованы ни железо, ни дерево (чтобы не мешать магнетическим опытам. — С.М.); её своды сделаны с особой тщательностью»¹⁴. Газета «Nouveau Mercure» сообщала: «12 [мая]... после обеда он зашел в Обсерваторию, где пробыл очень недолго, пообещав вернуться сюда, чтобы все рассмотреть»; «19 [мая] монарх посетил после обеда во второй раз Обсерваторию, господин Маральди показывал ему всё, что служит для астрономических наблюдений. В этом случае царь проявил просвещенность и знания, приобретенные им в этой науке»; «17 [июня] <...> он завернул ещё раз в Обсерваторию, где пробыл около двух часов, делая [астрономические] наблюдения»¹⁵. В 1717 году директором Обсерватории был Жак Кассини (Jacques Cassini, 1677–1756), а у телескопов царя сопровождал его племянник, известный астроном и математик Жак Филипп Маральди (Jacques Philippe Maraldi, 1665–1729). Интерес царя к астрономии побудил его купить модель движущейся небесной сферы у известного парижского мастера Жана Пижона (Jean Pigeon d'Osangis, 1654–1739). Это была модель, следующая системе Коперника и указывающая не только курс Меркурия, Венеры, Земли, Марса, Юпитера, Сатурна, Солнца и луны и движение спутников Юпитера и Сатурна, но и вращение этих планет вок-

¹² См.: *Княжецкая Е.А.* У истоков русской ботаники // Ботанический журнал. 1972. Т. 57. № 1. С. 144–146.

¹³ См.: *Дешизо П.* Путешествия в Петербург (1724 и 1726) / предисловие, перевод с фр. и примечания Н.Л. Сухачева и Ю.Н. Беспярых // Русская культура первой четверти XVIII века: Дворец Меншикова / под ред. Н.В. Калязиной. СПб., 1992. С. 134–151.

¹⁴ *Brice G.* Description de la ville de Paris. Т. 2. Р. 439–440.

¹⁵ [*Buchet P.F.*] Abbregé de l'Histoire du Czar Peter Alexiewitz, avec une Relation de l'Etat présent de la Moscovie, et de ce qui s'est passée de plus considerable, depuis son arrivée en France jusqu' à ce jour. Paris, 1717. Р. 194, 198; Le Nouveau Mercure. 1717, juin. Р. 197; см. также: Обстоятельный журнал о вояже (или о путешествии) его царского величества. С. 616.

руг их осей»¹⁶. Посетил царь (22 мая) и зал в Лувре, в котором помещались два глобуса, изготовленные мастером Коронелли (Vincenzo Maria Coronelli, 1650–1718) по заказу маршала д'Эстре и находившиеся долгое время в двух павильонах Марли¹⁷.

Царь захотел устроить нечто похожее на Парижскую обсерваторию у себя в новой столице. В 1721 году он предложил известному астроному Жозефу Никола Делилю (Joseph Nicolas Delisle, 1688–1768) взяться за решение этой задачи. Однако французский ученый, приняв предложение, прибыл в Петербург только в 1726 году¹⁸. Он действительно стал основоположником астрономических исследований в России. Существует мнение, что переломным моментом в жизни астронома стала встреча с русским царём в 1717 году, однако высказанные отечественными историками предположения о личных встречах ученого с царем в Париже¹⁹ и о передаче им тогда же записки с изложением широкого плана астрономических работ, которые он предполагал осуществить в России²⁰, — не более чем смелые гипотезы.

В рассказах А.А. Нартова сюжет о посещении царем обсерватории интерпретирован в духе антипросветительской книжки Юбера Ле Блана «Царь Петр Первый во Франции»²¹. Царь здесь подвергает критике рационализм Декарта и Фонтенеля:

«Его величество, быв в Париже на астрономической обсерватории, с удовольствием смотрел в зрительную трубу на весь небесный свод, и обратясь к бывшим с ним россиянам, с восхищением говорил: «Вот для глаз отверзтая книга чудес Божьих, которая

¹⁶ Le Nouveau Mercure. 1717, juin. P. 191–192.

¹⁷ Le Cabinet historique: revue... contenant, avec un texte et des pièces inédites, intéressantes ou peu connues, le catalogue général des manuscrits que renferment les bibliothèques publiques de Paris et des départements touchant l'histoire de l'ancienne France et de ses diverses localités, avec les indications de sources, et des notices sur les bibliothèques et les archives départementales / Sous la direction de Louis Paris. Paris, 1856. T. 2. Part. 1. P. 40; *Brice G.* Description de la ville de Paris. Paris, 1717. T. 1. P. 59–60.

¹⁸ *Chabin M.A.* Les Français et la Russie dans la première moitié du XVIII-e siècle: la famille Deslisle et les milieux savants // Positions des thèses soutenues par les élèves de la promotion de 1983 pour obtenir le diplôme d'archiviste paléographique. Paris, 1983. P. 50.

¹⁹ *Невская Н.И.* Петербургская астрономическая школа XVIII века. Л., 1984. С. 21–28; Les Français en Russie au siècle des Lumières / sous la direction d'Anne Mézin et de Vladislav Rjéoutski. Ferney-Voltaire, 2011. T. 2. P. 243.

²⁰ *Княжецкая Е.А.* Научные связи России и Франции при Петре I // Вопросы истории. 1981 № 5. С. 92.

²¹ *Le Blanc H.* Le czar Pierre Premier en France. Amsterdam, 1741. P. 167–168.

ясно показывает великую премудрость Творца <...> Советовал бы я безбожникам и вольнодумцам учиться астрономии и почаще быть на обсерватории <...>²².

Во время своих поездок по Парижу Пётр неоднократно выказывал интерес к географии и географическим картам. Утром 24 мая царь инкогнито посетил в Тюильри юного Людовика XV. Во время встречи речь зашла о карте Московии, которая была составлена географом Г. Делилем «по запискам царя»²³. Маршал Вильруа велел её принести и сказал царю, что король хотел бы знать, насколько она точна. Юный король, устремив взгляд на карту, рассуждал о положении провинций, о разнообразии рек, о числе главных городов. Удивленный ясностью его рассуждений, царь взял карандаш и показал предпринятое им соединение рек Волги и Дона для сообщения Каспийского и Черного морей. Он указал, что обилие рек позволяет гораздо быстрее передвигаться его армии к театру военных действий. Трудно сказать, было ли все на самом деле так, как описывал журналист, и говорил ли царь о своей неудачной попытке соединить Волгу с Доном каналом.

Более серьезное научное значение имела беседа с географом Гийомом Делилем (Guillaume Delisle, 1675–1726), который был приглашен в отель Ледигьер утром 18 июня. Состоялся долгий разговор через переводчика «о расположении и протяженности» царской империи. Чтобы дать своему собеседнику более точное представление о предмете, царь велел принести «две рукописные карты, которые он повелел сделать с одной части своего государства». Речь шла о юго-восточных районах Российского государства, населенных татарами и калмыками, о какой-то основанной на этих территориях крепости²⁴. Вероятно, эти карты имели отношение к Каспийской экспедиции князя А.Б. Черкасского, который в 1716 году получил царский приказ заложить крепость на полуострове Мангышлак²⁵. Г. Делиль в 1722 году изложил содержание своей беседы с царем²⁶. Он уточнил,

²² Пётр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. С. 317.

²³ [Buchet P.F.] Abbégé de l'Histoire du Czar Peter Alexiewitz. P. 204. Карта была выполнена по просьбе А.А. Матвеева и обобщила все имеющиеся на тот период европейские сведения о России. — См.: Кусакин А. Пётр Великий и первый географ короля // Пинакотекa. 2001. №1–2. С. 24; La France et la Russie au Siècle des Lumières. Relations culturelles et artistiques de la France et de la Russie au XVIII-e siècle. Paris, 1986. P. 33–34.

²⁴ Le Nouveau Mercure. 1717, juin. P. 197–198.

²⁵ Княжецкая Е.А. Судьба одной карты. М., 1964. С. 26–27.

²⁶ Delisle G. Determination géographique de la situation et de l'étendue des différentes parties de la terre // Histoire de l'Academie royale des sciences. Annee. 1720. Paris, 1722. P. 382 (вторая пагинация).

что речь шла о Каспийском море и прилегающих к нему территориях. Получив от царя в 1721 году новое изображение Каспийского моря, Делиль в 1723 году составил и опубликовал на основе «карты Его Величества Царя» собственную карту с градусной сеткой, получившую широкую известность в Европе²⁷. Для европейского научного мира именно Пётр I стал человеком, «который после почти двух тысячелетий неведения либо неполных, сомнительных данных вернул наконец Каспийскому морю его “истинный облик”»²⁸.

Примечательно, что младшие братья знаменитого географа Делиля, астрономы Жозеф Никола и Луи, во время своего пребывания в России, занимались географией и картографией, однако оценки деятельности Ж.Н. Делиля в этой области резко расходятся²⁹.

Регенту Франции Филиппу Орлеанскому во время прощального визита царь подарил план Петербурга. Судя по характеристике этого плана: «О важности и величии этого города можно судить по 32 бастионам, которые должны его защищать»³⁰, — речь, несомненно, шла о генеральном проекте Ж.Б.А. Леблона, составленном в начале 1717 года и полученном царем в Нидерландах накануне поездки во Францию. Правда, план этот имел для царя не столько научно-познавательное, сколько пропагандистское значение: «проект этот был нужен ему, чтобы заставить говорить о себе Западную Европу»³¹.

В Коллеже четырёх наций 14 июня 1717 года Пётр I познакомился с известным ученым-геометром Пьером Вариньоном (Pierre Varignon, 1654—1722). Он давал пояснения царю, когда тот осматривал церковь и богатую библиотеку Коллежа Мазарини, спрашивал об устройстве учебного заведения, о средствах, которые вы-

²⁷ La France et la Russie au Siècle des Lumières. P. 44—45; *Delisle G.* Determination géographique de la situation et de l'étendue des différentes parties de la terre // Histoire de l'Academie royale des sciences. Année. 1720. Paris, 1722. P. 365—384 (вторая пагинация).

²⁸ *Вольфияк-Оже К.* Соединять пустыни с пустынями? Каспийское море глазами французов XVIII века // Европейское Просвещение и цивилизация России. М., 2004. С. 43.

²⁹ Последний всплеск дискуссии см.: *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.* «В начале был Делиль», или гипотеза о причинах расформирования одной французской коллекции // Труды Государственного Эрмитажа: Т. 73: Петровское время в лицах—2014: К 300-летию победы при Гангуте (1714—2014): материалы научной конференции. СПб., 2014. С. 112—120; *Гусарова Е.В.* К истории создания первого академического плана Петербурга (о замысле Петра I, роли астронома Делиля и прочем) // Там же. С. 131—149.

³⁰ Le Nouveau Mercure. 1717, juin. P. 198.

³¹ *Базарова Т.А.* Планы петровского Петербурга: Источниковедческое исследование. СПб., 2003. С. 108.

деляются на его содержание. Вариньон был своеобразной визитной карточкой этого заведения, что отмечалось в «Описании Парижа» Ж. Бриса: «существенное преимущество этого коллежа перед другими заключается в наличии профессора математики. Весьма искусный в математических науках профессор Вариньон преподает здесь с большим успехом»³². Едва ли во время экскурсии речь шла о математике, но царь имел возможность еще раз убедиться в пользе соединения науки и просвещения. Газета «Le Nouveau Mercure» в связи с посещением Коллежа писала, что царь уже основал подобные учебные заведения в Москве и Петербурге (по-видимому, имелись в виду Навигацкая школа и Морская академия) и планирует завести новые³³.

С техническими новинками Пётр I, как уже отмечалось, мог познакомиться в Арсенале и в Монетном дворе. Много интересного для себя Пётр I увидел 22 мая в доме генерального директора почт Луи Леона Пажо графа д'Онз-ан-Бре (Louis Léon Rajot, comte d'Ons en Bray, 1678—1754) в пригороде Парижа Берси. Царь приехал сюда, чтобы познакомиться с Кабинетом редкостей³⁴. Хозяин дома был ученым-механиком и изобретателем. С легкой руки Сен-Симона принято считать, что коллекцию редкостей, а также машины и инструменты демонстрировал царю известный изобретатель и математик, кармелитский монах отец Себастьян (Жан Трюше; Jean Truchet, 1657—1729)³⁵. Однако в архиве царского врача Р. Арескина сохранилось письмо Ж. Трюше, в котором тот извинялся за то, что не может быть в Берси у графа д'Онз-ан-Бре, «чтобы ему помочь принимать его императорское величество и чтобы иметь честь помочь ему описать математические и физические произведения», поскольку вызван с докладом к регенту³⁶. Во время пребывания Петра в Берси «было сделано много химических опытов, что, как

³² Brice G. Description de la ville de Paris. Т. 3. Р. 266.

³³ Le Nouveau Mercure. 1717, juin. Р. 191—192.

³⁴ [Buchet P.F.] Abbregé de l'Histoire du Czar Peter Alexiewitz. Р. 201—202.

³⁵ Сен-Симон. Мемуары. Полные и доподлинные воспоминания герцога де Сен-Симона о веке Людовика XIV и Регентстве. Избранные главы. Кн. 2. М., 1991. С. 364.

³⁶ СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. № 5. Л. 60—60 об. Здесь же хранится еще одно письмо Ж. Трюше, свидетельствующее о том, что у него была встреча (встречи?) с царем до 19 мая. Ученый монах просил Арескина уточнить, какие «увражи» необходимо скопировать для царя. Здесь же содержалась просьба вернуть «маленькую рукописную книгу с текстами из священного писания, украшенную золотыми пластинками с эмалью». Некто показывал царю эту вещицу, которую царь воспринял как подарок, но хозяин соглашался уступить её только за 15 тысяч ливров. — Там же. Л. 57—58.

говорят, царь очень любил и в чем он имел весьма основательные познания»³⁷. Современный автор предположил, что среди прочего царю продемонстрировали «зажигательное зеркало», с помощью которого плавил золотые монеты и кусочки стали³⁸. По-видимому, в результате этой поездки в коллекции царя оказались «план дому <...> Пажота» и «10 чертежей машинных»³⁹. Вернувшись в Россию, царь послал ученому графу токарный станок работы А.К. Нартова и свои токарные изделия⁴⁰. У Л.Л. Пажо завязалась переписка с царским медиком Арескиным, касавшаяся анатомических препаратов устраиваемой в Петербурге Кунсткамеры и русских книг⁴¹. Однако Петр отказался сообщить французским ученым секрет консервации трупов, купленный им вместе с коллекцией анатомических препаратов Ф. Рюйша. Царский токар А.К. Нартов, будучи в 1719–1720 годах в Париже, посещал домашний музей графа д'Онз-ан-Бре и делился затем своими впечатлениями с царем, что вызвало обращение последнего 21 июля⁴² 1724 года к послу Б.И. Куракину:

«Сказывал мне Костянтинов Андрей, которой был во Франции для учения токарных дел, что видел он у почтмейстера парижского коляску, которая висит перпендикулярно всегда, как бы колеса криво ни шли на четырех пружинах. Постарайся такую сделать»⁴³.

Необходимо отметить, что со времени первого путешествия в Европу значительно выросли гуманитарные интересы Петра I, и это отразилось на его парижских поездках. Монарх нанес визит в Сорбонну (14 июня), бывшую тогда бастионом янсенистского богословия. В журнале царского путешествия сказано: «Июня в 3 день поутру его величество был в Академии, где предлагали его величеству учителя сорбонские о соединении веры, рассуждая, что легко сие учинить»⁴⁴. Как только царь из церкви перешел в библиотеку

³⁷ Le Cabinet historique. P. 40.

³⁸ Henry C. Le séjour de Pierre le Grand à Paris. Contribution à l'histoire de la formation du cabinet de Saint-Petersbourg // <http://www.ghamu.org/IMG/pdf/Pierre1er-txt-def-20-04-2011.pdf>. P. 8.

³⁹ РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого). Отд. 2. Кн. 88. Л. 203.

⁴⁰ Луазо Ж. Токарный станок А.К. Нартова во Французском Национальном хранилище искусств и ремесел // Вопросы истории естествознания и техники. 1957. Вып. 3. С. 212–216.

⁴¹ Княжецкая Е.А. Научные связи России и Франции при Петре I. С. 93, 94, 97, 99, 100.

⁴² По старому стилю.

⁴³ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270. № 107. Л. 214.

⁴⁴ Обстоятельный журнал о вояже (или о путешествии) его царского величества. С. 618.

и обратил внимание на славянские книги, глава местных теологов Лоран Франсуа Бурсье (Laurent François Boursier, 1679–1749) поспешил заметить, что соединением церквей царь довел бы свою славу до высшей степени, к победам на поле брани добавляя торжество духовное. Улыбка пробежала по губам Петра, и он ответил, что он не более чем солдат. Бурсье ловко подхватил слово и возразил, что царь не только солдат, но и герой, а в качестве монарха и защитник религии. На возражение царя о различиях православия и католичества сорбонские профессора дружно заявили, что по всем пунктам расхождения легко согласовать позиции, а власть папы русской церкви можно и не признавать. Тогда Пётр предложил им составить записку, которую он передаст русским епископам⁴⁵. Современный исследователь полагает, что у этого демарша янсенистов была двойная цель: обратить русских в католицизм в соответствии с собственными идеалами и ослабить позиции папы⁴⁶. Своё критическое отношение к Святому престолу царь выразил в словах, якобы сказанных герцогу Орлеанскому: «Если папа считает себя непогрешимым, то он, должно быть, глупец, а если не считает, то мошенник»⁴⁷. Записку, которую парижские богословы срочно составили за 24 часа⁴⁸, царь передал русским иерархам. Последние в своем ответе, направленном в Париж 15 июня 1718 года, писали, что они не могут решить этого вопроса без вселенского собора с участием четырех восточных патриархов⁴⁹. В поступившем затем письме Стефана Яворского указывалось, что русские епископы не могут решить этот вопрос пока пустует патриарший престол.

Вслед за Сорбонной Пётр I посетил в Лувре Королевскую типографию, где ему продемонстрировали различные пробные оттиски⁵⁰. 28 мая Пётр I побывал в Королевской библиотеке. Походный жур-

⁴⁵ Этот рассказ, восходящий к самому Бурсье, приведен во многих изданиях: *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. С. 40; *Pierling P.* La Sorbonne et la Russie : 1717–1747. Paris, 1882. P. 25–26; *Цветаев Д.В.* Петр Великий во Франции // Русское обозрение. 1894. № 2. С. 626–627.

⁴⁶ *Лиштенан Ф.Д.* «Если папа считает себя непогрешимым, то он, должно быть, глупец; если не считает, то мошенник» (Петр Великий) // Культурные инициативы Петра Великого. Материалы II Международного конгресса петровских городов. Санкт-Петербург 9–1 июня 2010 года. СПб., 2011. С. 60.

⁴⁷ Там же. С. 61.

⁴⁸ См.: Сорбонских учителей рукописание о примирении церкви российской с церковию французскою // История Свейской войны. С. 625–631.

⁴⁹ Журнал или Поденная записка, блаженные и вечнодостойная памяти государя императора Петра Великого с 1698 года, даже до заключения Нейштатского мира. СПб., 1772. Ч. 2. С. 436–438 (а, б, в, г, д, е).

⁵⁰ *Le Nouveau Mercure.* 1717, juin. P. 191.

нал царя сообщал: «его величество ездил смотреть кабинета королевского, который в Тюлери»⁵¹. Однако в Тюильри такового не было. Собственно Кабинет книг короля, куда поступали все книжные новинки, выходившие во Франции, находился в Лувре⁵². Судя по свидетельствам французских источников, речь шла о посещении именно Королевской библиотеки. Автор специальной статьи, посвященной этому сюжету, указывал, что библиотека помещалась тогда на улице Вивьен⁵³. Однако путеводитель 1717 года сообщал, что для Королевской библиотеки предназначены апартаменты в Лувре, которые прежде занимала Академия живописи. Сюда библиотека должна была переехать с улицы Вивьен, «где она много лет располагалась в небольшом тесном доме»⁵⁴. Царя принимал королевский библиотекарь аббат Лувуа (Camille Le Tellier, abbé de Louvois, 1675–1718).

Современник так описывал визит царя в Королевскую библиотеку:

«29-го, в 11 часов утра, царь был в Библиотеке короля, сопровождаемый князем Куракиным, который стоял за Его Величеством, и его вице-канцлером, который стоял по другую сторону стола. Царь сидел в кресле. Господин аббат де Лувуа, библиотекарь короля, показал ему ряд древних греческих манускриптов, украшенных прекрасными миниатюрами. Некоторые из них привлекли его своей святостью, и он прижимался к ним щекой, чтобы поцеловать. Ему продемонстрировали самые редкие и любопытные вещи, хранящиеся в этой богатой библиотеке, и среди прочего вещи из гробницы Хильдерика, отца Хлодвига — первого христианского короля. Его внимание обратили на большую золотую печать на манер кольца, которая одевается на палец и которой, как утверждают, этот монарх скреплял свои письма. По периметру этой печати выгравированы слова: «Childerici Regis». А также много других вещей из гробницы: искусно сделанную голову быка, украшенную красной эмалью, которую считают его идолом, несколько золотых римских монет и несколько золотых лиллий, а также военный топор, который царь приложил к щекам, чтобы выразить свое почтение к этому древнему монарху фран-

⁵¹ Обстоятельный журнал о вояже (или о путешествии) его царского величества. С. 617.

⁵² *Brice G.* Description de la ville de Paris. Paris, 1717. Т. 1. Р. 62.

⁵³ *Порше Ж.* Пётр Великий и Парижская королевская библиотека // *Временник Общества друзей русской книги.* Париж, 1938. Кн. 4. С. 43.

⁵⁴ *Brice G.* Description de la ville de Paris. Paris, 1717. Т. 1. Р. 54.

цузов. После чего царь удалился с господином Либуа, королевским камер-юнкером, который должен его повсюду сопровождать. <...> При входе в Библиотеку короля он приветствовал аббата Лувуа легким кивком головы, а тот отвечал ему глубоким поклоном и каждый раз именовал его «Ваше Величество», когда монарх задавал ему какой-нибудь вопрос. Он забыл проявить щедрость в этой библиотеке. У дверей его ждали 12 французских гвардейцев без огнестрельного оружия, которые выстраивались в ряд, когда он куда-либо входил или выходил»⁵⁵.

Это повествование королевского писца Жана Бюва историки считают точным наблюдением очевидца. В рукописном варианте текста есть даже приписка, касающаяся гробницы Хильдерика: «Я ему представлял этот памятник»⁵⁶.

Впрочем, ошибка в дате царского посещения, указание на Либуа в качестве сопровождающего царя и клишированное изображение варварского поведения царя позволяют усомниться в том, что перед нами точно запротоколированное событие. Едва ли греческие богослужебные книги могли вызвать большой интерес царя. Ж. Порше обнаружил косвенное указание на то, что царю показали единственную на тот момент в Королевской библиотеке рукопись на русском языке — это было описание посольства в Китай Николая Спафария Милеску⁵⁷. По записанному много позже свидетельству царского секретаря И.А. Черкасова, «в Королевской библиотеке, где так же царь рассматривал особенные редкости, подарены ему двенадцать книг, величиной в александрийской лист, переплетенных в сафьян с золотом, а именно: превосходно гравированныя изображения королевских садов в Версалии, походы Людвига XIV, рисованные славным ван дер Миленом (А.Ф. Ван дер Мёлен — художник-баталист Людовика XIV), и лучшими парижскими художниками гравированные». В примечании Я. Штелина говорится, что «все сии драгоценныя вещи имел Петр Великий по самую свою смерть в своем кабинете, а потом были отданы в библиотеку Академии Наук»⁵⁸. Рукописные (а не гравированные!) раскрашенные сборники в сафьяновых переплетах с изображением планов Версаля и

⁵⁵ [Buvat J.] Journal de la Régence (1715–1723) / par J. Buvat...; publ. pour la première fois et d'après les mss originaux, précédé d'une introd. et accompagné de notes et d'un index alphabétique, par É. Campardon,... Paris, 1865. Т. 1. Р. 269–271.

⁵⁶ Порше Ж. Пётр Великий и Парижская королевская библиотека. С. 45.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ [Штелин Я.] Подлинные анекдоты Петра Великого, слышанные из уст знатных особ в Москве и Санктпетербурге. М., 1787. С. 67.

Марли происходили из библиотеки герцога д'Антена и не имели отношения к Королевской библиотеке. От сборника гравюр с батальных полотен Ван дер Мёлена сохранился лишь переплёт. Возможно, к числу подаренных книг принадлежат «Description de la grotte de Versailles» и «Tapisserie du roi»⁵⁹. Другие из «двенадцати книг» идентифицировать с сохранившимися экземплярами библиотеки Петра I затруднительно. В списках парижских приобретенных книги, якобы преподнесенные в Королевской библиотеке, не значатся.

Царь покупал в Париже приборы, инструменты, книги. В Отделе письменных источников Государственного исторического музея частично сохранились счета на оплату инструментов и книг, купленных у парижских мастеров⁶⁰. Некоторые из них опубликованы на французском языке в приложении к статье Е.А. Княжецкой и В.Л. Ченакала⁶¹. Более полное представление о царских приобретениях дает список книг и инструментов, опубликованный недавно Светланой Романовной Долговой⁶². Она рассматривает этот документ как опись личной коллекции А.П. Ганнибала, с чем едва ли можно согласиться⁶³. В архивной описи Кабинета Петра Великого документ числится как «Росписи присланным вещам из Голландии и из других мест от Бранта и от прочих в 1718 году и с коносаментом (с распиской. — С.М.)»⁶⁴. Таким образом, это описание большой посылки, направленной Петру его резидентом в Амстердаме Крис-

⁵⁹ Библиотека Петра I. Указатель-справочник / сост. Е.И. Боброва; под ред. Д.С. Лихачева. Л., 1978. С. 123. № 1110, 1113.

⁶⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 342. Оп. 1. № 40 (Материалы по пребыванию Петра I во Франции). Л. 50–52, 55, 80–80 об.

⁶¹ *Kniajetskaia E.A., Tchenakal V.L.* Pierre le Grand et les fabricants français d'instruments scientifiques // *Revue d'histoire des sciences*. Т. 28, № 3, juillet 1975. P. 257–258.

⁶² *Долгова С.Р.* Кабинет Петра I — уникальная коллекция Российского государственного архива древних актов // *Петровские реликвии в собраниях России и Европы. Материалы III Международного конгресса петровских городов. Санкт-Петербург, 8–10 июня 2011 года*. СПб., 2012. С. 21–24.

⁶³ В частности, из опубликованных писем Абрама Арапа следует, что нерегулярно выплачиваемые ему 240 «эфимков на год» едва позволяли выживать в «нищете» и «голоде», «в долгу», «без всяких прихотей» (*Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 163–167). Тем не менее, благодаря дальнейшей службе во Франции, А.П. Ганнибал привез в Россию библиотеку, которая по составу значительно отличалась от царской. См.: *Ганнибал А.С.* Ганнибалы. Новые данные для их биографий // *Пушкин и его современники. Материалы и исследования*. СПб., 1913. Вып. 17–18. С. 232–234.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Оп. 4, ч. 3. Кн. 88 (Росписи присланным вещам из Голландии и из других мест). Л. 200–209.

тоффелем Брантсом⁶⁵. Эта посылка включала в себя приобретения и подарки, накопившиеся за время путешествия царя 1716–1717 годов. По-видимому, царь, возвратившийся в Голландию после визита во Францию, поручил Брантсу доставить эти вещи в Россию. Документ состоит из нескольких «росписей»: «роспись книгам и инструментам», находившихся во время путешествия в ведении «Аврама Арапа» и принятые затем у него Иваном Орловым⁶⁶ (сам Абрам Ганнибал остался для обучения во Франции); «опись книгам», подаренным царю, и (отдельно) «купленные книги»; «книги, что привез Сава Рагузинский», приехавший по приказанию Петра из Италии в Париж; «роспись инструментам математицким, которые куплены в Париже»; опись книг и инструментов, принятых у Афанасия Татищева; «две книги от Веселовского (секретаря русского посольства в Лондоне. — С.М.) присланы об архитектуре» и другие подарки. Часть предметов из этой большой описи явно были приобретены в Голландии: «фут галанский», «Разговоры на галанском и русском языке» (голландско-русский разговорник), «2 книги Евангелия галанские», «Пословицы на голанском языке», «чайник полотняный, что привезен из Везеля» и другие. Явно итальянское происхождение имели книги, привезенные Саввой Рагузинским: «Книга о строении Венеции», «Книга о римских фонтанах» и пр.

Однако большинство предметов, описанных здесь, были получены и куплены во Франции. В частности, приведенный здесь большой список инструментов и механизмов не оставляет сомнения в том, что речь идет о парижских покупках царя. Здесь мы видим известную «сферу Коперникову»⁶⁷, купленную за 2000 ливров у Жана Пижона, набор зрительных трубок, купленных 21 мая (1 июня) Юрием Кологривовым за 340 ливров («трупка большая в три чети, трупка в две чети, трупка обронея стальная» и т.д.)⁶⁸, «план дома <...> Пажета» (речь идет о домашнем музее Луи Леона Пажо), явно снятый для Петра, думавшего об устройстве собственного кабинета редкостей. Кабинетская «Роспись инструментам математицким, которые куплены в Париже» с указанием имен изготовивших их мастеров содержит новые сведения о контактах царя с этими мас-

⁶⁵ О нем см.: *Вагеманс Э.* Царь в Республике. Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды. (1716–1717). СПб., 2013. С. 52–65.

⁶⁶ После завершения царского визита во Францию денщик И. Орлов был направлен из Льежа в Голландию «с шпалеры и другими нужными вещами». — ОПИ ГИМ. Ф. 324. Оп. 1. № 40. Л. 112 об.

⁶⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 324. Оп. 1. № 40. Л. 92.

⁶⁸ *Долгова С.Р.* Кабинет Петра I — уникальная коллекция Российского государственного архива древних актов. С. 23; Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. Т. 2. С. 65.

терами, так как здесь названо больше мастеров и приборов, чем в сохранившихся счетах. Несмотря на то, что сравнение французских и русских названий инструментов иногда вызывает трудности, в «росписи» узнаются предметы, указанные в счетах. Так, указанные в счете мастера Макара (Macquart)⁶⁹ «deux grands cadrans Equinoxiaux» соответствуют двум указанным в списке «часам солнечным» того же мастера, а «un instrument a pointer le canon» — «трубке для стрельня из пушек» и т.д. В счете мастера Л. Шапото⁷⁰ (Louis Chapoteau или Chapotot) фигурируют «une Equerre d'arpenteur a huit fantes», «un grand Niveau de vingt pouces de longueur a Lunette dans son Etuit» — они соответствуют «инструменту ради углов» и «ватерпасу с трупкой», а «un Etuit en Casset d'un pied de long garnie d'insrument de mathematique», возможно, означает «готовальню з большими инструментами солнечными». Третий счет, включающий большое количество уровней-ватерпасов, компасов, а также книг-руководств по использованию инструментов, в подлиннике не подписан⁷¹. Его сравнение с кабинетской росписью позволяет с большой долей вероятности предположить, что эти инструменты и книги были куплены у мастера Николя Биона (Nicolas Byon) в его мастерской на набережной Орлож (quay de l'Horloge). Кроме математических инструментов, изготовлением которых он славился, список включает книги самого Н. Биона, в том числе его основной труд «Traité de la construction et des principaux usages des instrumens de mathématique...» (Paris, 1716)⁷². С тремя названными мастерами расплачивался денщик Афанасий Татишев, заплативший по сохранившимся счетам 1751 ливр. В «росписи инструментам» названы также изделия известного парижского мастера Майкла Баттерфилда («Бутерфила», Mickael Butterfield). По свидетельству газет, царь посещал его три или четыре раза в его ателье на набережной Морфондю и заказывал у него приборы и инструменты. Журналисты отметили, что царь беседовал с Баттерфилдом по-голландски без переводчика⁷³. Рос-

⁶⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 324. Оп. 1. № 40. Л. 50.

⁷⁰ Там же. Л. 55.

⁷¹ Там же. Л. 52.

⁷² Версия Н.И. Невской о том, что анонимный список является не счетом, а памятной запиской, составленной Ж.Н. Делилем и свидетельствующей о встречах ученого с царем в Париже, основана лишь на энтузиазме автора. Счет, включающий «полукруг», несколько уровней, несколько компасов, готовальню, «ногу» для приборов, письменный прибор и т.д., с указанием, из какого материала сделаны предметы и какого они качества (с рекламным оттенком!), прямого отношения к плану астрономических наблюдений не имеет, но хорошо соотносится со списком приобретенных из Кабинетского архива. См.: *Невская Н.И.* Петербургская астрономическая школа XVIII века. Л., 1984. С. 21–28.

⁷³ [Buchet P.F.] Abbégé de l'Histoire du Czar Peter Alexiewitz. P. 202.

пись называется также единичные изделия мастеров «Лефеврела» (Le Febvre) и «Мера», имена которых до сих пор не упоминались в связи с визитом Петра в Париж.

«Роспись инструментам» частично совпадает и с опубликованной недавно «Тетрадью с документами по расходу кабинетных денег Юрьем Кологривовы»⁷⁴. Здесь упомянуты те же три зрительных трубки, купленных 21 мая за 340 ливров. Публикация А.Г. Каминской позволяет говорить о том, что царь в Париже не только покупал готовые инструменты, но и заказывал их мастерам, в том числе по собственным проектам («по модели Вашего Величества»). Некоторые из заказанных инструментов Кологривов в ноябре 1717 года планировал «отдать в Голландию». Таким образом они и попали в посылку Брантса.

Кабинетские «росписи», опубликованные С.Р. Долговой, содержат, пожалуй, наиболее полный перечень книг, увезенных русским царем из Парижа. Здесь мы видим большое количество книг, подаренных Петру официальными лицами, имевшими отношение к приему высокого гостя. В Кале царю преподнесли «Гисторию Июлия Цезаря»⁷⁵. Маршал К.Л.Г. Виллар, сопровождавший Петра при посещении Дома Инвалидов 16 мая, подарил ему книгу, названную здесь «Описание Дазавалид»⁷⁶. Герцог Л.А. д'Антен преподнес несколько роскошных рукописных книг и гравюр: «описание Версалии рисована, описание Марли рисована⁷⁷, большой план и одиннадцать листов Триано»; книгу «о строении кораблей <...> поднес генерал-майор Рено»; какие-то книги и чертеж галеры подарил вице-адмирал д'Эстрэ. Две книги, посвященные ордену Святого Духа, «поднёс генеоложист того ордера»⁷⁸.

Список «купленных книг» свидетельствует о разнообразных научных и культурных интересах царя. Он в значительной степени совпадает с росписью книг, приобретенных 17 июня по указу Петра Юрием Кологривовым за 120 ливров⁷⁹: «Фабулы Овидиовы» («кни-

⁷⁴ Каминская А.Г. Пребывание Петра Великого в Париже в 1717 году // Санкт-Петербург—Франция. Наука, культура, политика СПб., 2010. С. 19–20.

⁷⁵ Речь идет о роскошном издании «Записок о гальской войне» Юлия Цезаря на латинском языке (Лондон, 1712).

⁷⁶ Речь идет о книге: *Boullencourt de*. «Description générale de l'Hôtel Royal des Invalides...» (Paris, 1683). См.: Библиотека Петра I. С. 120, №1060.

⁷⁷ Библиотека Петра I. С. 98, № 818, 823; *Montclos B. de*. Un album du duc d'Antin à Saint-Petersbourg: les jardins de Versailles en 1717 // Bulletin de la Société de l'Histoire de l'Art française. 2004. P. 85–95; *Khmelevskikh I.* L'album de Marly dans la bibliothèque de Pierre le Grand // Marly, art et patrimoine. 2013. № 7. P. 19–24.

⁷⁸ Библиотека Петра I. С. 140, № 1350, 1352.

⁷⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 342. Оп. 1. № 40. Л. 80-80 об.

га Овидиуш с фигурами» за 47 ливров) — иллюстрированное издание «Метаморфоз» П.Н. Овидия⁸⁰, «Описание Версалии в лицах»⁸¹, «книга о слюзах»⁸², «книга о фортификации Фрегна» (в «росписи» Кологривова она названа «Архитектура милитарис де Фригна»)⁸³, «книга о фортификации Девина, Покана, Вибана» — описание методов фортификации военных инженеров Л. Пагана, А. Девилля, С. Вобана⁸⁴, «Книга о фортификации графа Покана»⁸⁵, «Книга должность афицеров артиллерских»⁸⁶. Здесь же названы книги мастера Н. Биона, купленные у автора: «Книга математических инструментов, Книга употребление глобуса, Книга употребление астролябии»⁸⁷. Как видим, книги по военному искусству соседствуют здесь с научными изданиями.

В конце своего пребывания в Париже Пётр I нанёс визит в Королевскую Академию наук, располагавшуюся в Лувре. Её президентом в то время был аббат Жан Поль Биньон (Jean Paule Bignon, 1662—1743). Он уже зарекомендовал себя как сторонник налаживания культурных и политических связей между Россией и Францией и даже пытался играть некоторую политическую роль в деле сближения двух стран⁸⁸. 19 июня 42 академика во главе с аббатом Биньоном встретили царя на лестнице, провели его в зал заседаний и продемонстрировали ему свои достижения: геометр и механик Ж.Э. де Лафей (Jean Élie Leriget de la Faye, 1674—1731) показал модель машины для подъема воды с наименьшей затратой сил, основанную на сложных геометрических расчетах; химик и врач Л. Лемери (Louis Lémery, 1677—1743) познакомил с эффективным химическим опытом по получению кристаллов сернокислого цинка (Arbre de Mars); физик А. Далем (André Dalèsme) показал свое главное изобретение — новую конструкцию реечного домкрата большой мощности; механик Ф.Ж. де Камю (François Joseph de Camus, 1672—1732) продемонстрировал

⁸⁰ Библиотека Петра I. с. 141, № 1368.

⁸¹ Там же. С. 138, № 1317 (?).

⁸² Там же. С. 152, № 1526.

⁸³ Там же. С. 125, № 1133.

⁸⁴ Там же. С. 135, № 1290.

⁸⁵ Там же. С. 142, № 1376 (?).

⁸⁶ Там же. С. 132, № 1243.

⁸⁷ Там же. С. 110, № 928—930.

⁸⁸ См.: *Liechtenhan F.D.* L'abbé Bignon, précurseur des relations scientifiques et culturelles avec la Russie // Французы в научной и интеллектуальной жизни России XVIII—XX вв. М., 2010. С. 127—140; *Мезин С.А.* Царь, вице-адмирал и академик // Труды Государственного Эрмитажа: Т. 73: Петровское время в лицах—2014: К 300-летию победы при Гануте (1714—2014): материалы научной конференции. СПб., 2014. С. 262—270.

механическую игрушку, созданную для юного короля, — упряжку лошадей, тянувшую игрушечную карету⁸⁹. Думается, что академики, среди которых были уже знакомые Петру I Дюверне, Жоффруа, Маральди, Вариньон, Пажо д'Онз-ан-Бре, Трюше, разрабатывая программу встречи, учли интересы русского царя, проявившиеся в ходе предшествующих встреч с французскими учеными. Позже, 22 декабря 1717 года, Пётр I был избран членом академии. Этот хорошо известный факт получил в литературе различные интерпретации, на которые хотелось бы обратить внимание.

Факт избрания Петра I академиком уже в XVIII веке оброс значительной литературой. Современник царя и участник его избрания Б. де Фонтенель в своем «Похвальном слове» (1725) дал довольно точное изображение отношений Петра с Парижской академией наук:

«19 июня 1717 года он своим посещением оказал честь академии наук. Она хвалилась тем, что у неё было самого нового и любопытного из опытов и машин. После возвращения в свою страну он повелел придворному врачу шотландцу Арескину написать господину аббату Биньону, что хотел бы быть членом этого сообщества; и когда академия удовлетворила его просьбу со всем должным уважением и признательностью, он сам написал ей письмо, которое я не осмелюсь назвать благодарственным, поскольку оно исходило от монарха, который давно привык быть господином. Все это запечатлено в истории (академии) 1720 года <...> Он повелел снять карту этого (Каспийского) моря; благодаря этому академическому завоеванию мы узнали наконец его истинные очертания, сильно отличающиеся от тех, что обычно давались. Академия также получила от царя карту его нового Каспийского моря»⁹⁰.

⁸⁹ Списки ученых, выступавших перед Петром I, представленные в протоколе заседания Академии наук (Archives de l'Académie des sciences, Paris. Procès-verbal de la séance de l'Académie royale des sciences du 19 juin 1717 (сообщено К. Демельнаер-Дуйер); опубликовано: *Demeulenaere-Douyère C. L'Académie des sciences de Paris : un lieu privilégié des échanges scientifiques entre la France et la Russie (XVIII–XIX siècles) // Французы в научной и интеллектуальной жизни России XVIII–XX вв. М., 2010. С. 94–95*) и в газете «Le Nouveau Mercure» (Le Nouveau Mercure. 1717, juin. P. 201–202) не совпадают: вместо названного в протоколе Ф.Ж. де Камю в газете упомянут также присутствующий на заседании Р.А. Реомюр (René Antoine de Réaumur), который якобы продемонстрировал рисунки к готовящемуся изданию «Description générale des Arts et Metiers de France». В опубликованной ранее на русском языке версии протокола (Голыцын А. Пётр I. Член Парижской Академии наук // Русский заграничный сборник. Ч. 3., тетр. 3. Париж, 1859. С. 5) допущена ошибка: царю якобы представили «карту г. де Камюса».

⁹⁰ *Fontenelle B de. Éloge du czar Pierre I-er // Oeuvres complètes. Genève, 1968. T. 1. P. 348–351.*

Как видим, факты визита царя в Академию, его избрания и присылки новой карты Каспийского моря здесь четко разделены во времени.

Вольтер в «Истории Российской империи при Петре Великом» (1759—1763) соединил в одном рассказе факты посещения Академии, исправления географических карт, в том числе карты Каспийского моря, принятия царем звания академика:

«Петр был механиком, художником, геометром. Он посетил Академию наук, которая хвасталась перед ним всем тем, что у неё было наиболее редкого. Однако самой большой редкостью был сам Петр. Он исправил несколько географических ошибок на имеющихся картах его государства особенно на карте Каспийского моря. Наконец, он соизволил стать одним из членов этой Академии и с тех пор поддерживал постоянную переписку, посвященную опытам и открытиям, с теми, кому он хотел быть простым собратом»⁹¹.

Знаменитый француз не погрешил в своем рассказе против истины, ибо Пётр действительно указывал в Париже (в частности, в Парижском парламенте)⁹² на неверное изображение на европейских картах Каспийского моря, а кроме того, автор не уточнял, когда именно эти события происходили.

В конце XVIII в. французский историк России П.Ш. Левек писал: «Он (Пётр) хотел присутствовать в Академии наук и не погнушался быть принятым в число её членов: чтобы заслужить эту честь, он исправил в собрании (академиков) карты России, особенно карту Каспийского моря»⁹³.

В середине XIX века Н.А. Полевой, не любивший кропотливой работы с источниками, но хорошо знакомый с французскими публикациями, в «Истории Петра Великого» (1843) предложил свою версию избрания царя академиком: «Приглашенный в собрание Академии, царь своими руками поправил показанную ему карту Каспийского моря и показал обширные сведения в географии и математике. Фонтенель приветствовал посетителя речью. Академия просила царя удостоить её принятием звания члена её. Царь отвечал, что он почтет за честь такое почетное звание»⁹⁴. Здесь все события спрессованы воедино и отнесены к 19 июня; автор измыслил ещё приветственную речь Фонтенеля.

⁹¹ *Voltaire. Oeuvres complètes.* Oxford, 1999. Т. 47. Р. 807—808.

⁹² [*Dangeau Ph.*] *Journal du marquis de Dangeau / Publié en entier pour la première fois par MM. Soulié, Dussieux, de Chennevières, Mantz, de Montaiglon; avec les additions inédites du duc de Saint-Simon publiées par M. Feuillet de Conches.* Paris, 1859. Т. 17: 1717—1719. Р. 411.

⁹³ *Levêque P.Ch. Histoire de Russie.* Hambourg et Brunswick, 1800. Т. 4. Р. 487.

⁹⁴ *Полевой Н.А. История Петра Великого.* Ч. 4. СПб., 1843. С. 47.

Впрочем, в 1841 году в журнале «Русский вестник» был опубликован источник, который как будто подтверждал версию избрания Петра академиком уже 19 июня 1717 года:

«<...> Шествие было в Академию Наук, в которой президентом был аббат Биньон. Г. Делафая показывал модель изобретенной им машины, с которою, с меньшею пред прежними силою, поднимать можно вверх воду. Г. Летери делал опыты над двумя растениями, а Г. Далем предложил особый список некоторого подъема, весьма способнее и сильнее обыкновенного. На все сие государь Петр Великий смотрел прилежно, делал свои примечания и желал, чтобы члены сего славного собрания сели, дабы мог он видеть порядок их заседания. Тогда подарил он Академии Наук карту Каспийского моря, совсем иного вида, нежели прежние карты, географами об оном изданные. Она принята была академиком с отменным удовольствием и чрезвычайным почетом, и тотчас избран он был почтеннейшим и знаменитейшим Парижской Академии членом»⁹⁵.

И хотя еще раньше, в 1821 году, началась публикация переписки, не оставлявшей сомнений в том, что посещение академии, избрание и передача новой карты Каспийского моря были событиями неодновременными⁹⁶, версия об избрании Петра академиком 19 июня 1717 года возродилась в научной литературе XX века. Косвенно её поддержал Б. Лосский, поместив в своей хронике пребывания Петра I в Париже в качестве достоверного известия вышеприведенный отрывок из «Журнала ежедневного»⁹⁷.

О том, что царь представил на заседании академии новую карту Каспийского моря и в тот же день был избран академиком, в 1950–1980-е годы неоднократно писала Екатерина Андреевна Княжецкая. Обнаружив в архиве рукописные карты Каспийского и Аральского морей, предположительно составленные экспедицией А.Б. Черкасского 1715 года⁹⁸, она в следующих работах пришла к

⁹⁵ Журнал ежедневный пребывания в Париже государя императора Петра Алексеевича // Русский вестник. 1741. Т. 2. С. 410.

⁹⁶ Избрание Петра Великого в Члены Французской Академии Наук // Отечественные записки. 1821. Ч. 5, № 10. С. 179–189; Первый из русских член королевской Парижской Академии наук // Маяк современного просвещения и образованности. 1840. № 1. С. 1–6; *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 529–558.

⁹⁷ *Lossky B.* Le séjour de Pierre le Grand en France // *Le monde slave.* 1932. № 8. P. 279–280, 299.

⁹⁸ См.: *Шафрановский К.И., Княжецкая Е.А.* Карты Каспийского и Аральского морей, составленные в результате экспедиции Александра Бековича-Черкасского 1715 года // *Известия Всесоюзного Географического общества.* Т. 84, вып. 6. Ноябрь–декабрь 1952. С. 539–551.

заклучению, что царь 19 июня представил в Академии карту Каспийского моря и был избран академиком, но уже на следующий день отказался от звания⁹⁹. Развивая тему, она называла разные причины «отказа» — от этических до политических, склоняясь к последним: отказ царя должен был повлиять на регента и ускорить заключение русско-французского союзного договора. Имея в качестве основного источника своих утверждений «Журнал ежедневный», Княжецкая толковала в пользу своей версии записку Арескина (?) Биньону от 20 июня 1717 года: «Вчера я имел честь предложить вам, сударь, принять его царское величество в вашу академию. В настоящее время я имею честь просить вас не думать более об этом и ничего в этом направлении не предпринимать»¹⁰⁰, хотя из текста явствует, что Петр тогда академиком избран не был. Она дополнительно привлекла свидетельство так называемых «записок» герцога Ришелье, которые являются апокрифом начала XIX века¹⁰¹, и даже научно-популярную книгу французского автора, описывавшего «силовое давление» русского царя, «вырвавшего» у регента Филиппа Орлеанского обещание заключить союзный договор¹⁰². Княжецкой, долго державшейся за свою идею, пришлось объяснять, почему царь в собственном письме от 11 февраля 1721 года, посылая карту Каспийского моря писал: «До сего времени не было еще никакой подлинной карты Каспийскому морю»¹⁰³. Она «не заметила» слов из отчета Шумахера, подтверждавших, что академическое собрание в 1721 году впервые видело новую карту Каспийского моря: «О карте вельми все удивлялись, понеже Каспийское море, против мнения всех географов, иной образ приемлет»¹⁰⁴. Обосновывая свою «внешнеполитическую» версию отказа царя от звания, Княжецкая погрешила против фактов, утверждая, что демарш Петра 20 июня («отказ») произвел желаемое действие на регента Франции: «в тот же день состоялись последние переговоры царя с

⁹⁹ Княжецкая Е.А. О причинах избрания Петра I членом Парижской Академии наук // Известия Всесоюзного Географического общества. Т. 92, вып. 2. Март—апрель 1960. С. 154—158; Она же. Судьба одной карты. М., 1964. С. 59—60; Она же. Пётр I и французская Академия наук // Наука и жизнь. 1972. № 2. С. 63; Она же. Пётр I — член Французской Академии наук // Вопросы истории. 1972. № 12. С. 200—201; Она же. Начало русско-французских научных связей // Французский ежегодник. 1972. М., 1974. С. 261.

¹⁰⁰ Княжецкая Е.А. Начало русско-французских научных связей. С. 261.

¹⁰¹ Mémoires historiques et anecdotiques du duc de Richelieu [Par E.L. de Lamothé-Langon]. Paris, 1829. Т. 2. P. 195—216.

¹⁰² Le Glay A. Les origines historiques de l'alliance franco-russe. Paris, 1897. P. 80—81.

¹⁰³ Княжецкая Е.А. Начало русско-французских научных связей. С. 267.

¹⁰⁴ Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. С. 536.

регентом, увенчавшиеся успехом»¹⁰⁵. На самом деле хорошо известно, что царь и Филипп Орлеанский последний раз встречались 18 июня — до визита царя в Академию, а 20 июня после обеда царь уже выехал из столицы Франции¹⁰⁶.

И лишь в последней своей статье 1981 года¹⁰⁷ исследовательница, по сути, отказалась от своей точки зрения, ибо обнаружила документ (письмо Дюверне Арескину), в котором прямо говорилось, что когда Арескин 19 июня предложил Биньону принять Петра в члены Академии, то получил отказ. Вот о чем писал известный врач и член Академии Ж.Г. Дюверне своему коллеге Р. Арескину 15 августа 1717 года:

«Со времени вашего отъезда у меня было несколько бесед с господином аббатом Биньоном по нашей теме. Я ему дал понять, что Его Царское Величество питает к вам особое уважение и рассматривает вас как свое доверенное лицо, что было подтверждено герцогом д'Антенем и всеми учеными этого города; он (Биньон. — *С.М.*) меня очень просил совсем не говорить об отказе, которым он вам ответил на предмет почетного места для *Его Царского Величества*. Я его заверил, что никому об этом не скажу; но мне известно, что в разговоре с господином регентом он засвидетельствовал, что мы должны его (царя. — *С.М.*) поспешно принять сверх всех рангов, и следовало бы вам об этом написать; это было сделано господином Биньоном, и он мне показывал свое письмо. Вы увидите, что *его речь будет сильно отличаться от той, которую вы слышали от него в Лувре*. Я был рад и я хотел бы, чтобы вы были довольны (курсив мой. — *С.М.*)»¹⁰⁸.

Из текста письма следует, что на предложение Арескина принять царя в Академию наук, царский врач получил недвусмысленный отказ от президента академии Биньона. Однако затем, согласовав этот вопрос с регентом, Биньон оправдывался тем, что не считал обращение Арескина официальным, и спешил исправить эту оплошность.

И в последней статье Е.А. Княжецкая, зная содержание этого письма, утверждала, что на заседании 19 июня Пётр представил рукописную карту Каспийского моря и «единогласно был признан

¹⁰⁵ Княжецкая Е.А. Начало русско-французских научных связей. С. 262.

¹⁰⁶ Lossky B. Le séjour de Pierre le Grand en France. P. 298–301.

¹⁰⁷ Княжецкая Е.А. Научные связи России и Франции при Петре I // Вопросы истории. 1981 № 5. С. 91.

¹⁰⁸ СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. № 5. Л. 64–64 об.

достойным звания члена Академии», будто имело место какое-то голосование.

Все вышесказанное побуждает исключить «Журнал ежедневный пребывания в Париже государя императора Петра Алексеевича» из числа достоверных источников.

Возвращаясь к вопросу о посещении Петром I Парижской академии наук, заметим, что кропотливые изыскания Е.А. Княжецкой приводят к заключению, которое сама исследовательница не сделала: об имевшихся трудностях в отношениях русского царя с парижскими академиками. Петру действительно отказали в приеме в сообщество ученых. Лишь со временем этот неприятный для царя инцидент разрешился положительно. Карту Каспийского моря царь 19 июня 1717 года в Академии наук не представлял.

Менее известны факты посещения царем в Лувре в тот же день, 19 июня, других академий — Академии надписей, Французской академии, Академии живописи и скульптуры. Сведения об этом сохранились в книге записей Французской академии¹⁰⁹. Академия надписей (*Académie des inscriptions et des belles lettres*) была основана при Людовике XIV с целью «оставить потомкам истинную идею величия Франции»: сочинение надписей, девизов и легенд для медалей и памятников, а также исторических трудов. Члены этой Академии были заранее предупреждены о визите, поэтому встретили монарха в полном составе. Здесь Петру продемонстрировали историю Людовика XIV в медалях. Пояснения, вероятно, давал А. Дасье (*André Dacier*), который был автором исторических комментариев к медальной истории короля-солнца. Царь в свою очередь показал имеющиеся у него медали, относящиеся к событиям его царствования. С Академией надписей царь продолжит научные контакты после возвращения в Россию: к сведению академиков пришлют надпись, предназначенную для конной статуи царя, а также древние тангутские свитки, найденные у калмыков. Тот же А. Дасье, будучи постоянным секретарем Французской академии, познакомил царя с этим учреждением, задачей которого было изучение французского языка и составление словаря. В книге записей названы фамилии 11 присутствующих из 40 членов Французской академии: *l'abbé Dangeau*, *l'abbé Massieu*, *de Bozé*, *l'abbé de Saint-Pierre*, *Campistron*, *l'abbé Renaudot*, *de Sacy*, *Danchet*, *La Motte*, *l'abbé Mongin*. В этом списке обращают на себя внимание имена известного мемуариста маркиза Ф. де Данжо и редактора «*Gazette de France*» аббата Е. Ренодо, которые оставили описания царского

¹⁰⁹ *Riabouchinsky D.* Les Rapports scientifiques entre la France et la Russie // *Révue générale scientifique*. 1934. № 2. P. 46.

визита во Францию. Во Французской академии царю продемонстрировали порядок заседания, а затем показали портреты основателей — покойного короля, кардинала Ришелье и канцлера Пьера Сегье, которые царь осмотрел с большим интересом. Внимание царя обратили на портрет шведской королевы Кристины, которая в свое время также посещала Французскую академию. Академики заверили русского гостя, что так же бережно будут хранить память и о его посещении. Затем царь проследовал в Академию живописи и скульптуры, где осмотрел работы учеников, которые трудились в его присутствии. По свидетельству источника, царь «выказал много вкуса по отношению к этому искусству».

Обзор научных контактов Петра I в Париже свидетельствует о необычайной широте и разнообразии интересов царя, которые могли реализоваться с наибольшей полнотой именно в столице Франции. Можно предположить, что *a priori* царь планировал более тесное знакомство с морским и военным делом во Франции. Однако начавшиеся с первых дней научные экскурсии, знакомство с ведущими учеными Франции так захватили его, что он по несколько раз возвращался в известные научные центры Парижа, отдавая предпочтение естественным наукам и медицине, астрономии, механике, географии. Его увлекал прикладной аспект научных знаний. Не случайно среди книг, приобретенных в Париже, преобладали снабженные чертежами и гравюрами увражи по фортификации и архитектуре, а также технические руководства. Заметный рост гуманитарных интересов царя сдерживался незнанием французского языка.

На примере Франции Пётр убедился, что развитие науки «работает» не только на «общее благо» нации, но и на повышение престижа монарха.

Большинство личных встреч царя с французскими учеными имели продолжение в русско-французских научных связях. Однако мощный импульс, приданный визитом этим связям, реализовался не в полной мере. В отношениях царя с научным сообществом Парижа возникали проблемы, обусловленные в конечном счете существенной разницей в уровне культурного развития двух стран. Тем не менее, едва ли не главное последствие научных контактов царя в Париже видится в основании в Петербурге Академии наук. Не случайно в проекте Академии, утвержденном Петром I, указывалось, что новое учреждение «такой академии, которая в Париже обретается, подобно есть»¹¹⁰.

¹¹⁰ Реформы Петра I. Сб. документов / сост. В.И. Лебедев. М., 1937. С. 326.

«Царь ежедневно моется в бане»: повседневная жизнь русского посольства

Личность — то, чего не скроешь
даже в приходо-расходных книгах.

Марина Цветаева

Особое внимание, которое французы-современники уделили необыкновенному русскому гостю, проявилось в их стремлении фиксировать каждый шаг Петра I, доступный их обозрению, изучать его распорядок дня, бытовые привычки и вкусы. Авторы официальных и неофициальных писем, дневников и мемуаров оставили немало ценных наблюдений, касающихся повседневной жизни Петра I и русского посольства во Франции. Правда, иногда такого рода сведения брались не из первых рук и обрастали невероятными подробностями. К тому же царь не любил праздного любопытства толпы и старался не выставлять напоказ свою частную жизнь. Многие из того, что было недоступно французским наблюдателям, нашло отражение в приходо-расходных книгах посольства, тщательно фиксировавших ежедневные траты, совершавшиеся по указанию царя. На ценность такого рода источников исследователи обратили внимание задолго до того, как история повседневности выделилась в качестве популярного направления исторической науки. «Эти отрывочные записи приходо-расходных книг, при внимательном чтении их, вскрывают перед исследователем подлинную жизнь во всем многообразии её ежедневных проявлений. Перед нами постепенно разворачивается обстановка, в которой жили и действовали люди прошлого, как будничная, так и создававшаяся какими-либо событиями, выходящими за рамки обычных условий. Мы узнаем их занятия, видим, во что они одевались, чем питались, что занимало их досуг»¹.

¹ *Бакланова Н.А.* Великое Посольство за границей в 1697–1698 гг. (его жизнь и быт по приходо-расходным книгам посольства) // *Петр Великий: Сб. статей / под ред. А.И. Андреева. М., 1947. С. 3.*

Французская сторона, следуя дипломатическим обычаям того времени, брала на себя материальное обеспечение посольства и заботы о проживании и проезде царя и его свиты: «все расходы его в пути и во время пребывания в Париже были приняты на казенный счет»². Сначала русским послам хотели предложить вместо содержания «получение ежедневно определенной суммы, которая уплачивалась бы от имени его величества» — от тысячи двухсот до полутора тысяч ливров в день, не считая платы за экипажи³. Поскольку численность царской свиты оказалась больше ожидаемой, вопрос о денежном содержании очень беспокоил королевского представителя Э.Ф. де Либуа. Он пытался объяснить по этому вопросу с князем Б.И. Куракиным, но ему это не удалось. Русский дипломат лишь заметил, «что царь ничего не спрашивает и принимает лишь часть предложений его величества и его королевского высочества»⁴. Судя по всему, Куракин дал понять своему собеседнику, что русского царя нельзя принимать на уровне какого-нибудь владетельного германского князя⁵. Со своей стороны маршал д'Юкселль рекомендовал де Либуа прекратить все разговоры о расходах с русскими представителями: «ваша цель должна состоять в том, чтобы угодить царю и содействовать удобству знатных лиц его свиты»⁶.

Удовлетворение материальных запросов русского посольства, уровень роскоши и комфорта, предоставляемый высокому гостю, были для королевского двора вопросами престижа, которым во Франции очень дорожили. По пути в Париж и на обратной дороге царю предоставлялись для пребывания и ночлега жилища дворцового типа, «меблированные приличным образом». В царских резиденциях предполагалось представление «порядочно меблированных» апартаментов главным лицам его свиты, для прочих знатных лиц отводились квартиры в частных домах, а слугам предоставлялись комнаты в гостиницах. Забота о «приличных и чистых» экипажах и лошадях также ложилась на принимающую сторону. Два французских чиновника сопровождали царя по дороге в Париж, чтобы платить все расходы и заботиться о продовольствии царской свиты. «Царю выслано было по дюнкеркской дороге множество ковров, обоев и других вещей для уборки всех комнат, в которых он

² *Дюнуайе А.М.* Пребывание имп. Петра Великого в Париже // Маяк современного просвещения и образованности. 1840. Ч. 6. С. 78.

³ Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции, за апрель и май месяцы 1717 года // Сборник ИРИО. 1881. Т. 34. С. 133–134.

⁴ Там же. С. 150.

⁵ Там же. С. 147.

⁶ Там же. С. 155.

мог остановиться»⁷.

Весьма осведомленный маркиз Ф. де Данжо записал в дневнике 27 мая: «Подсчитывая расходы на царя, находят, что они достигают в день пяти или шести сотен экю (2500—3000 ливров. — С.М.); царь сильно сократил столы, которые ему сервировали в первые дни пребывания»⁸. Испанский наблюдатель маркиз де Гримальдо утверждал, что эти расходы доходили до 1000 экю в день⁹. «Говорят, что расходы нашего двора на содержание его во Франции простирались ежедневно до 14000 ливров»¹⁰, — сообщила журналистка, явно преувеличивая затраты принимающей стороны.

Герцог Луи Антуан д'Антен заранее озаботился подысканием удобной резиденции для царя в Париже. В письме (к Б.И. Куракину?) от 22 апреля он предлагал подготовить для высокого гостя отдельные апартаменты в Лувре, откуда открывался приятный вид на Сену. Здесь же, в Лувре, могли разместиться пять ближайших сановников царя. Остальных членов свиты предполагалось расселить в домах близлежащего квартала. Герцог выражал желание «все приготовить надлежащим образом, так как я весьма желаю угодить монарху, к которому питаю высокое уважение»¹¹. Тогда же, очевидно, была высказана идея предоставить царю, если он не пожелает поселиться в покоях Лувра, принадлежащий герцогу де Вильруа особняк Ледигьер. 23 апреля Петру уже сообщили о возможных вариантах его размещения во французской столице. Царь рассматривал план Парижа и интересовался расположением Лувра и отеля Ледигьер. Как писал де Либуа, «царь желает избежать королевских дворцов» и хотел бы поселиться в одном из частных домов¹². Тем не менее, принимающая сторона решила приготовить для царя как роскошные помещения в Лувре (покои королевы-матери), так и отель Ледигьер, с тем чтобы царь сам сделал свой выбор. От царя в

⁷ Дюнуайе А.М. Пребывание имп. Петра Великого в Париже. С. 81.

⁸ [Dangeau Ph.] Journal du marquis de Dangeau / Publié en entier pour la première fois par MM. Soulié, Dussieux, de Chennevières, Mantz, de Montaignon; avec les additions inédites du duc de Saint-Simon publiées par M. Feuillet de Conches. Paris, 1859. Т. 17: 1717—1719. Р. 98; Скандальный Ж. Бюва писал о сумме в 1500—3000 ливров в день, отпускаяшейся на столовые расходы царя и его свиты. — [Buvat J.] Journal de la Régence (1715—1723) / par Jean Buvat... ; publ. pour la première fois et d'après les mss originaux, précédé d'une introd. et accompagné de notes et d'un index alphabétique, par É. Campardon,.... Paris, 1865. Т. 1. Р. 265.

⁹ Ковалевский М. Новые данные о пребывании Петра в Париже, почерпнутые из испанских архивов // Русская мысль. 1884. № 1. С. 111.

¹⁰ Дюнуайе А.М. Пребывание имп. Петра Великого в Париже. С. 81.

¹¹ Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции. С. 143.

¹² Там же. С. 149.

Париж был отправлен 24 апреля специальный агент Иван Толстой. В столице он ездил к банкиру «для приема денег»¹³. Там же пивовар Иван Семенов заранее варил для царя «полпиво». Вместе с Кононом Зотовым они по-своему готовились к приезду царя во французскую столицу.

Готовилась к приему царя и французская сторона. «Gazette de France» сообщила, что 5 мая король в сопровождении герцога Менского и маршала де Вильруа, гувернера его величества, посетил отель Ледигьер. Там был приготовлен прекрасный фейерверк, затем юный король смотрел выступление танцоров-канатоходцев¹⁴. Газета «Le Nouveau Mercure» уточнила, что эта поездка связана с предстоящим визитом русского царя в Париж: прекрасно меблированный отель Ледигьер «предначен для размещения царя»¹⁵. Как уже отмечалось, в день приезда царь сделал окончательный выбор в пользу этого особняка, несмотря на уговоры хоть на несколько дней остаться в Лувре. Он «не захотел ни минуты долее оставаться в этом апартаменте и тотчас вышел и просил, чтобы его проводили в другой дом, говоря, что иначе он пойдет пешком», — писал любопытный наблюдатель¹⁶. Вслед за царем в отель Ледигьер из Лувра перенесли ужин и постель.

Предоставленный в распоряжение царя особняк королевского воспитателя герцога де Вильруа был «расположен вблизи сада и арсенала и в незначительном расстоянии от реки»¹⁷ на небольшой тупиковой улице Серизе (rue de la Cerisaie), рядом с Малым Арсеналом, по соседству с аристократическим кварталом Маре и Бастилией. Особняк был построен между 1587 и 1600 годами. Его первым хозяином был флорентийский финансист С. Заме (Zamet, Sebastiano Zametti, 1549–1614), приглашенный в Париж Екатериной Медичи. Затем до начала XVIII века дом принадлежал семье Ледигьер. В 1716 году его приобрел маршал Вильруа, воспитатель юного короля Людовика XV¹⁸. Сад отеля

¹³ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. Т. 2. С. 61.

¹⁴ Gazette. 8 mai 1717. № 19. P. 217.

¹⁵ Le Nouveau Mercure. May 1717. P. 96.

¹⁶ Le Cabinet historique: revue... contenant, avec un texte et des pièces inédites, intéressantes ou peu connues, le catalogue général des manuscrits que renferment les bibliothèques publiques de Paris et des départements touchant l'histoire de l'ancienne France et de ses diverses localités, avec les indications de sources, et des notices sur les bibliothèques et les archives départementales / Sous la direction de Louis Paris. Paris, 1856. Т. 2. Part. 1. P. 35.

¹⁷ Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции. С. 157.

¹⁸ Отель Ледигьер просуществовал до 1877 года. В октябре 1893 года, во время визита делегации русских моряков во главе с великим князем Алексеем Александровичем в Париж, на доме номер 10 по улице Серизе (на пересечении

примыкал к Бастилии. Постройка дворцового типа состояла из большого прямоугольного двора, который фланкировали две группы зданий справа и слева, соединенные двумя протяженными корпусами. Левая группа строений имела длинный внутренний двор с конюшнями, на втором этаже здесь размещались жилые помещения. В правой части отеля с двумя внутренними дворами располагались парадные апартаменты, в которые вела главная лестница. К правой части здания примыкала часовня. В крыле, выходящем на улицу, имелся портик, ведущий во двор. Между двором и садом был более низкий (двухэтажный) корпус с террасой, выходящей в сад. Основные постройки имели три этажа¹⁹. Перед террасой в саду был устроен партер с клумбами, а по периметру были посажены деревья. В саду бывшая хозяйка дома герцогиня Ледигьер установила забавный памятник («маленький мавзолей») любимой кошке с её барельефным изображением и стихотворной эпитафией:

Здесь покоится милая кошечка;
Её хозяйка, которая уже ничего не любит,
Любила её до безумия.
Вы спросите: почему? — Вы сами это прекрасно видите²⁰.

Как писал герцог Сен-Симон, отель Ледигьер — «просторный и красивый дворец, соседствующий с Арсеналом, и принадлежал он маршалу де Вильруа, который жил в Тюильри. Он пустовал, поскольку герцог де Вильруа был не из тех, кто живет на широкую ногу, и считал, что он расположен слишком далеко, чтобы там помещаться. Его целиком и с большим великолепием обставили королевской мебелью»²¹. Журналисты распространили слух, что, прибыв в отель Ледигьер, царь нашел свою спальню излишне роскошной и ночевал в гардеробе, где находилась кровать для прислуги²². В царской рези-

с улицей Ледигьер) установлена мемориальная доска со следующим текстом: «Ici s'élevait l'hôtel de Lesdigières ou le czar Pierre-le-Grand séjourna en 1717» (Здесь возвышался отель Ледигьер, где царь Петр Великий жил в 1717).

¹⁹ http://dev-centrechastel.paris-sorbonne.fr/publication_sources_corpus/inventaires-hotels-paris/16_Lesdiguieres_intro.pdf.

²⁰ [Buvat J.] Gazette de la Régence: janvier 1715—juin 1719 / [attribué à Jean Buvat]; Publ. d'après le ms. inédit conservé à la Bibliothèque royale de La Haye, avec des annotations et un index, par le comte É. de Barthélemy. Paris, 1887. P. 181.

²¹ Сен-Симон. Мемуары. Полные и доподлинные воспоминания герцога де Сен-Симона о веке Людовика XIV и Регентстве. Избранные главы / пер. с фр. Ю.Б. Корнеева; предисл. А.Д. Михайлова; сост. и коммент. А.П. Бондарева. Кн. 2. М., 1991. С. 355—356.

²² [Buchet P.F.] Abbégé de l'Histoire du Czar Peter Alexiewitz, avec une Relation de l'Etat présent de la Moscovie, et de ce qui s'est passée de plus considerable, depuis son arrivée en France jusqu'à ce jour. Paris, 1717. P. 182.

денции были выделены комнаты маршалу де Тессе для удобства ведения дипломатических переговоров и постоянного сопровождения царя в его поездках по Парижу²³.

Все дома маленькой улицы Серизе были заселены теми, кто обслуживал царя. Высшие чины царской свиты занимали в Париже отдельные квартиры. Например, вице-канцлер П.П. Шафиров стоял на отдельной квартире на «Гранд Комдежезу»²⁴. По-видимому, речь идет о находившемся недалеко от отеля Ледигьер квартале, где находилась парижская резиденция Ордена иезуитов и их церковь Сен-Луи на улице Сент-Антуан. Вице-канцлер сам оплачивал свое жилье и проезд, платил «за дрова и кухню»; ему была выдана на расходы от царя большая сумма: 2670 червонных, 2012 ефимков, 13 277 ливров. Часть денег вице-канцлер тратил на себя, а часть — на царские нужды (покупки, раздача чаевых). У подканцлера в услужении находились «для толмачества и россылок» четыре француза, которым было заплачено за работу 325 ливров²⁵.

«Приличный стол» должен был готовиться царю на пути следования гостеприимными хозяевами, но при этом царский повар сам готовил кушанья для Петра I. Прибывший в Дюнкерк де Либуа, которому была сначала выдана фиксированная сумма денег на обеспечение царской свиты всем необходимым, жаловался на большие расходы, в особенности на непомерное истребление столовых припасов. По его словам, царский повар «под предлогом двух или трех тарелок кушанья, которые он готовит ежедневно для его величества, берет говядины и даже вина столько, сколько их потребовалось бы для восьми человек»²⁶. Как заметил де Либуа, царь иногда не присутствует на ужинах, но его сановники с удовольствием поглощают королевское угощение. Дотошного камер-юнкера раздражала даже не прожорливость русских гостей, а отсутствие порядка в потреблении пищи. Он жаловался на то, что приготовленные для царя и его сановников столы иногда пустовали, поскольку царь «обедал у себя», а его вельможи «ели украдкой припасы, взятые без всякой меры и приличия в наших буфетах»²⁷. Де Либуа предлагал в этом случае поступать так, как делалось в Голландии: гофмаршал Олсуфьев должен сам заказывать стол, а ему для этого будет отпускаться «предписанная сумма» из средств короля. От этого предложения французская сторона отказалась, и царский стол в Париже и

²³ [Dangeau Ph.] Journal du marquis de Dangeau. P. 80.

²⁴ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. С. 70.

²⁵ РГАДА. Ф. 93. 1717. № 15. Л. 1, 13 об.

²⁶ Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции. С. 144.

²⁷ Там же. С. 173.

королевских резиденциях оставался в ведении первого метрдотеля маркиза Луи Сангена де Ливри (Louis Sanguin de Livri, 1648–1723). Повседневное услужение царю и кормление русских гостей было поручено Луи Франсуа де Вертону (Louis François de Verton, 1670–1751), который «был весьма неглуп, принадлежал к неплохому обществу, знал толк в хорошей еде и был любителем игры; он организовал в таком порядке услужение царю и сумел так вести себя, что царь проникся к нему исключительной приязнью, равно как и вся его свита»²⁸. Де Либуа также предлагал переложить расходы на угощение русского посольства во время пути на города и городские общества, что по-видимому (отчасти) и было осуществлено.

Ежедневно повар Ян Фельген готовил для Петра два или три блюда. «Несмотря на то, — замечал де Либуа, — этот государь ест все наши кушанья и пьет наши вина, кроме шампанского», и «очень любит» черный хлеб. Продолжая свои наблюдения за гастрономическими привычками царя, де Либуа составил специальную записку о столе царя: «Царь имеет повара, который prepares ему ежедневно два или три кушанья, употребляя на это столько мяса и говядины, сколько бы потребовалось для стола на восемь человек. Ему подают скоромное кушанье, а по пятницам и по субботам постное. Он любит соусы, приправленные пряностями, пеклеванный, черствый хлеб и горошек. Он ест много сладких апельсинов, груш и яблок. Он обыкновенно пьет легкое пиво и красное вино Ньюи, но не сладкое. По утрам он пьет анисовку, перед обедом водку, а пиво и вино после обеда, все это довольно холодное. Он не ест за обедом никаких сластей и не пьет сладких вин»²⁹.

В одном из писем де Либуа описал распорядок дня и бытовые привычки Петра I: «Царь <...> встает очень рано, обедает около десяти часов, пьет водку прежде чем сесть за стол по утру, вино после полудня, а пиво часто, и кроме того (пива), которое ему подается, приказывает приносить себе его одному из своих людей. Ужинает он довольно легко. Когда хорошо пообедал, садится за ужин в семь часов или несколько позже, а иногда и вовсе не ужинает и ложится раньше девяти. Он особенно любит смотреть на воду; занимая обширные квартиры, спит в какой-нибудь маленькой или удаленной комнатке <...>»³⁰. Постоянную компанию царю составляли П.И. Ягужинский, поп Битка, гофмейстер М.Д. Олсуфьев, кабинет-секретарь А.В. Макаров и врач Р. Арескин. Амстердамская

²⁸ Сен-Симон. Мемуары. С. 356–357.

²⁹ Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции. С. 184–185.

³⁰ Там же. С. 174.

газета также сообщала некоторые подробности повседневной жизни царя в Париже: «Его всегда обслуживают в отеле Ледигьер люди короля, которые готовят ему обед к 10 часам; он почти не ужинает и рано ложится спать. Ему накрывают стол на 14 персон <...>»³¹. Сходные сведения приводила и весьма благосклонная к царю французская журналистка А.М. Дюнуайе: «Смело можно сказать, что он с пользою употребил каждый день, каждый час своего кратковременного пребывания в нашей столице: со двора выходил не позже шести часов утра и спешил осматривать все достойное любопытства. Обедал всегда в десять часов, и после легкого ужина рано ложился спать»³².

Царь в поездке во Францию располагал крупной суммой наличных денег в «червонных» (червонцы — золотые монеты, которые начали выпускаться в России при Петре I) и ефимках — серебряных талерах (скорее всего — голландских). Однако наличных средств явно недоставало, что побуждало царя обращаться к вексельным операциям и заимствованиям у частных лиц (например, у Саввы Рагузинского). Так, 18 апреля 1717 года Пётр I послал из Кале комиссару (торговому агенту) Т.Т. Левкину³³ в Амстердам указ о необходимости перевода парижским банкирам крупной суммы денег: «По получении сего переведи немедленно (ис тех ефимков которые у тебя в Амстердаме есть) в Париж десять тысяч ефимков, чтоб отдали в Париже французскою манетою по курсу нынешняго векселя что надлежит, и переведи те денги с совету господина Бранта на имя добрых банкиров, чтоб могли те денги в Париже скоряя получить и пришли те вексели к нам в Париж»³⁴. Царь рекомендовал своему комиссару действовать по совету с Кристоффелем Брантсом — опытным амстердамским финансистом, пользовавшимся полным доверием русского монарха и ставшим позже русским резидентом в Голландии³⁵. Первые переводы по векселям должен был получить в Париже Иван Толстой еще до приезда царя. Примечательно, что векселя были выданы на имя известного королевского

³¹ Amsterdam. 25 mai 1717. № XLII.

³² Дюнуайе А.М. Пребывание имп. Петра Великого в Париже. С. 80.

³³ «Московского денежного двора комиссар Тимофей Тимофеев сын Левкин, а по простому прозванию Топор, а был он для продаж государевых припасов». — Записки Ивана Ивановича Неплюева (1693–1773). СПб., 1893. С. 14; см.: Ковригина В.А. Три поколения иноземцев Левкиных в России // Петровское время в лицах: Краткое содержание докладов научных чтений. СПб., 1999. С. 26–30.

³⁴ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270, оп. 1. Д. 84. Л. 379.

³⁵ См.: Вагеманс Э. Царь в республике. Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды (1716–1717) / пер. с нидерл. В.К. Ронина. СПб., 2013. С. 52–65.

банкира Джона Лоу, который впоследствии прославился как непревзойденный финансовый аферист. 10000 ефимков, переведенные Левкиным, составили 34200 ливров. 14 июня вся сумма была передана П.П. Шафирову для оплаты отправки из Парижа в Петербург нанятых во Франции мастеровых людей³⁶. Как видим, обмен производился по курсу 3,42 ливра за ефимок. Членам русского посольства пришлось заниматься переводом денег и обменом валюты, вникать в своеобразную денежную систему Франции, где в это время были в ходу золотые луидоры, которые по содержанию металла почти в три раза превышали русский червонец, а также серебряные экю («ефимки французские»). Единицей счета денег был ливр. Один луидор считался равным 30 ливрам³⁷, один экю — 5 ливрам³⁸. В ливре числилось 20 су — мелких монет, называемых в русских документах на голландский манер «штиверами».

Судя по кабинетным расходным книгам, которые вел подьячий Иван Черкасов, первый обмен денег был совершен 24 апреля: «променено в Дункеркене 32 червонных на люидоры, которых взято 8 и 8 ливров, считая за червонной по 7 ливров 15 штиверов, а в люидоре по 30 ливров»³⁹. Полученные 248 ливров были небольшой суммой, которая покрывала лишь мелкие расходы на первых порах. Второй обмен зафиксирован 25 мая, когда за 100 червонных было получено 705 ливров⁴⁰. Однако эта сумма составила лишь малую часть затрат, которые были сделаны в тот же день и составили 4493 ливра 40 су⁴¹. 31 мая и 1 июня Иван Черкасов ездил к банкиру получать деньги (суммы не названы) по векселям⁴². Следующий обмен происходит на 19 июня: за 412 червонных было получено 2910 ливров, но в тот же день затраты царского кабинета составили свыше 2100 червонных и 803 ливра⁴³. А днем раньше, 18 июня, было истрачено на царские покупки и отpravку мастеровых людей в Россию свыше 13200 ливров и 100 червонных⁴⁴. Приведенные суммы лишь приблизительно показывают уровень финансовых затрат русского посольства во Франции. К сожалению, имеющиеся в моем распоряжении документы не позволяют назвать точную сумму денег, ис-

³⁶ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. С. 66–67.

³⁷ Там же. С. 59.

³⁸ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270, оп. 1. Д. 84. Л. 484.

³⁹ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. С. 59.

⁴⁰ Там же. С. 63.

⁴¹ Там же. С. 63–64.

⁴² Там же. С. 66.

⁴³ Там же. С. 68–69.

⁴⁴ Там же. С. 68.

траченную Петром I во время пребывания во Франции. Несомненно лишь то, что эти затраты, по представлениям членов посольства, были велики, а французские цены казались им очень высокими. Самостоятельно распоряжался казенными суммами П.П. Шафиров, в ведении которого находилась крупная сумма наличных денег, а также меха⁴⁵. А.И. Остреману одновременно было дано «для дороговизны парижской» 150 червонных (свыше 1000 ливров) из сумм Шафинова⁴⁶, а М.Д. Олсуфьеву из кабинетских сумм было дано 500 ливров взаймы. Последний, изрядно потратившийся в Париже, брал деньги в долг у К. Брантса и у А.Д. Меншикова. По-видимому, многие члены свиты в Париже сильно издержались и просили царя выдать деньги в счет жалования. Арапу Авраму, оставленному в Париже «для науки языка и прочих некоторых наук», было назначено содержание по четыреста ефимков (2000 ливров) в год⁴⁷, которое обрекало русского пенсионера на весьма скудное существование.

В одном из писем 1759 года Вольтер писал о своей встрече с русским царем: «<...> я его видел сорок лет назад бегающим по парижским лавкам <...>»⁴⁸. Вероятность такой уличной встречи невелика, ибо в первые дни пребывания русского царя в Париже Вольтер был посажен в Бастилию⁴⁹. Тем не менее, поездки по магазинам занимали действительно важное место в парижской повседневности царя.

В предшествующих главах речь уже шла о приобретении царем научных приборов, инструментов, книг и произведений искусства. Книга записей расходов «кабинетной казны»⁵⁰, а также некоторые сохранившиеся счета и расписки содержат сведения о повседневных тратах «про царский обиход» и на нужды царской свиты. Для посольства покупалась писчая бумага и чернила, сургуч, свечи, была приобретена чернильница и песочница «в канцелярию», оплачивались почтовые расходы. Оплачивались разъезды членов свиты в каретах и в портшезах, а также затраты на их питание в дороге; в связи с царскими выездами в загородные резиденции платили работникам за перенос личных вещей в «баулах»; 19 июня работники за плату укладывали вещи в сундуки перед отъездом посольства из Парижа. Отмечены и расходы на «мытье сорочек».

Значительной статьей расходов стали в Париже приобретение и

⁴⁵ РГАДА. Ф. 93. 1717. № 15. Л. 1.

⁴⁶ Там же. Л. 9 об.

⁴⁷ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270, оп. 1. Д. 84. Л. 497.

⁴⁸ Best. D. 8348.

⁴⁹ «Среда, 19 <...> Аруэ посажен в Бастилию; это молодой поэт, обвиненный за очень неосторожные стихи...» — [*Dangeau Ph.*] *Journal du marquis de Dangeau*. Paris, 1859. Т. 17: 1717–1719. Р. 92.

⁵⁰ См.: Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. С. 59–71.

заказ одежды, обуви, аксессуаров. Можно заметить, что все посольство, начиная от царя и сановников и кончая певчими и слугами, заново оделось по французской моде. Впрочем, французская одежда присутствовала в гардеробе царя с молодости: её время от времени закупали в Париже. Французский тип одежды к началу XVIII века стал преобладающим в аристократических кругах Европы, что характерно и для России, которая переходила на европейское платье⁵¹.

Царь и его окружение явно обратили внимание на то, что во французской столице одежде и моде придавалось большое значение. Для первой встречи с королем («для публичной церемонии, когда король французской его царскому величеству визиту отдавал») царю было сделано парадное платье. Сшитый по этому поводу голубой кафтан с узким серебряным шитьем Пётр и позже надевал во время торжественных церемоний⁵². Отдавая дань французской моде в одежде, царь не стремился подражать французской аристократии в её пристрастии к роскоши. Современники-французы обратили внимание на приверженность царя к серо-коричневым цветам в одежде, на его равнодушие к парикам, кружевам и перчаткам. В Париже рассказывали: «<...>Недавно один парикмахер поднес царю прекрасно сделанный парик. Надев его на голову, его величество нашел, что парик очень длинен. Он тотчас взял ножницы и обрезал его по своему вкусу, после чего приказал дать парикмахеру 7 ливров 10 су и оставил у себя парик, стоящий, говорят, более 25 экю»⁵³. Рассказчик таким образом хотел сказать, что царь не только не следовал моде, но и проявлял скупость.

Тем не менее, «для пребывания в Париже всем его царского величества двора людям по указу велено делать платье доброе»⁵⁴. Изменение внешности царской свиты отметили и журналисты: «Говорят, что ему понравились обычаи наши и что ему хочется одеть свиту свою по французской моде»⁵⁵. «Он приказал одеть своих людей по-французски в одежду из зеленой ткани с золотым галуном на кафтане и на камзоле»⁵⁶. Зеленый цвет одежды служителей, по видимому, отражал тот факт, что многие из них были солдатами и

⁵¹ Моисеенко Е.Ю. Опись гардероба А.Д. Меншикова. К истории мужского костюма первой четверти XVIII века в России // Культура и искусство петровского времени: Публикации и исследования. Л., 1977. С. 88; см. также: Моисеенко Е.Ю. Гардероб Петра I // Основателю Петербурга: Каталог выставки. СПб., 2003. С. 128–153.

⁵² Моисеенко Е.Ю. Гардероб Петра I. С. 150.

⁵³ Le Cabinet historique. P. 41–42.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 93. 1717. № 15. Л. 8 об.

⁵⁵ Дюнуайе А.М. Пребывание имп. Петра Великого в Париже. С. 79.

⁵⁶ Amsterdam. 25 mai 1717. № XLII.

офицерами Преображенского полка. Стоимость приобретенной за казенный счет одежды точно отражала положение человека в свите: за платье Шафирово было заплачено 1564 ливра, за платье Остермана — 1053 ливра, за платье переводчика было дано 40 червонных (282 ливра), одежда подьячих стоила 30 червонных (211,5 ливров), низшим служителям шилась одежда по 20 червонных (141 ливр)⁵⁷. Как видим, немало парижских портных были обеспечены работой.

Приобретение тканей и заказ одежды производились на протяжении всего пребывания русского посольства в Париже. Генералу Бутурлину на платье покупались золото (золотые нити), пуговицы, петли, золотая парча на камзол, а также коробка, зубочистка и набалдашник к трости из золота. Последние покупки делались «на его счет», то есть кабинетные деньги брались взаймы. Генерал был явно неравнодушен к парижскому шику. Среди тех, кто получал парижские обновки за казенный счет, упоминаются царский шут Лакоста, которому были куплены парик, башмаки и чулки, карлик Лука Честихин, которому приобрели парик и башмаки, а также серебряную шпагу, а затем заказали платье, шитое серебром, купили шляпу, чулки и перчатки. Поп Битка разжился парижским костюмом из черного бархата, новыми рубашками и галстуками, шляпой. Новую одежду справили лекару Яну Фейлю, кухмистеру Яну Фельтену, пивовару Илье Семенову. Позаботились о внешнем виде царских денщиков: арапу Авраму было заказано у портного платье с галуном и серебряной бахромой, обошедшееся в 430 ливров, приобретены шляпа, чулки, затем еще куплены сукно и парча на платье; другим денщикам также было пошито платье: кафтаны с золотым позументом и бахромой, камзолы из золотой парчи (из расчета 450–500 ливров на каждого), были приобретены шляпы «с гарнитуром» (с галуном), чулки и башмаки. Одежда секретаря Ивана Черкасова обошлась в 400 ливров, а других служителей (Федора Мошкова, Ивана Кобылякова, Егора Сергеева) — примерно по 350 ливров. Было сделано новое платье и пяти сержантам из царской охраны⁵⁸.

Обновился за время пребывания в Париже и гардероб самого царя. У него появилась новая епанча (плащ) из серого сукна на подкладке из «стамеда» (шерстяной саржи) и байки⁵⁹. Были куплены ткани: штоф, «золотые парчи», сукно, материи на подкладку — все это сразу же шло «к делу платья его величеству». Для царя был пошит халат — «шляфорк» штофный на подкладке и приобретены ночные колпаки — «шляфмицы». Покупка чулок была важным приобретением, ибо они входили в комплект одежды европейского типа, но их

⁵⁷ РГАДА. Ф. 93. 1717. № 15. Л. 8 об.

⁵⁸ См.: Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. С. 62–70.

⁵⁹ См.: *Моисеенко Е.Ю.* Опись гардероба А.Д. Меншикова. С. 98–99.

производство в России еще не было освоено в полной мере. Для парадного платья царю были куплены кавалерские ленты и заказана шитая звезда царского ордена Андрея Первозванного. Парижские приобретения одежды пополнили царский гардероб, но не внесли в него существенных изменений и новшеств. Наметившаяся во французской моде периода регентства тенденция к упрощению покроев и сдержанность в декоративном шитье вполне отвечала вкусам Петра.

Не забывал Пётр и о подарках для жены; ей был куплен штоф шелковый «пунсовый», «юпки, костровая и нитяная». Незадолго до отъезда из средств Шафирово были оплачены «уборы» для царицы на 3300 ливров, указанные в «Росписи платьям, которые куплены про обиход царского величества»:

«Платье тафтяное, цытронный цвет, шито серебром <...> 330 ливров; платье тафтяное белое, шито золотом <...> 400 ливров; платье тафтяное белое, шито золотом <...> 370 ливров; платье зеленое штофное, шито серебром с цветами шелковыми <...> 1000 ливров; платье желтое штофное, шито серебром с цветами шелковыми <...> 700 ливров; платье серебряное штофное, шито серебром с цветами шелковыми <...> 500 ливров; <...> шарф золотной, ленты и палатин за 500 ливров, платье государю-царевичу <...> 300 ливров»⁶⁰.

Не забыл царь и о своем друге, любившем пышные одежды: была куплена парча на кафтан и камзол в подарок князю Меншикову.

Из предметов парижской роскоши лично для царя были куплены «трость с золотой головкой и с лентой, табашный ларец, ключка с трубкою», парадное оружие: две шпаги стальные с золотом, три серебряные с позолотою, один золоченый и два серебряных кортика.

Для домашнего обихода были закуплены и заказаны полезные вещи, которые должны были послужить царю в его письменных делах, увлечениях и досуге. Так, были приобретены «три стола с чернильницами» (возможно, для секретарей), были заказаны лично для царя конторка и стол, куплены «кабинет новой моды», «книга на письма с чернильницей и песочницей медными»; в конторку государю «гречкая губка», кожаные фугляры для книги для писем, ящик табачный, табакерки, лекарские инструменты, шахматы и волынка, «чемодан коженой болшой».

Кроме предметов для рабочего кабинета царя были приобретены и другие экземпляры роскошной мебели: «Кровать большая убрана от дамаска красного пузементом и цветами шелка белого; сто-

⁶⁰ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270, оп. 1. Д. 84. Л. 509; ОПИ ГИМ. Ф. 342. Оп. 1. № 40. Л. 103.

лик для убрания дам работан с цветами зелеными на меди вызолоченной из золота со всем к оному принадлежащим; маленка библиотека убрана медью вызолоченной из золота в листки вырезана с узорами; шкапа на бажах (?) убрана медью, колечки и ношки той же, с столом мраморовым на верху; 2 шкапи древа джиапийского (японского?) убраны кругом испод и колечики медью; стол древа джиапийского ж большой убран и колечками и протчим медными; стол англинской манеры складный того ж древа джиапийского убран сафтианом черным из внутри; столик ночной прикроватной для свеч от древа черного; стол шахматный с дамою (?) и убранием <...> со всем убран медью и золотом чистым; 2 уборы каминны на огне вызолочены золотом чистым со всем убранием», а также одиннадцать «столов мраморовых»⁶¹. Эти закупки делались, вероятней всего, в магазине галантерейщика Эдма Кале «У испанского короля». Как сообщала амстердамская газета, 13 и 14 июня «Его Царское Величество посетил прекрасный магазин господина Кале у Нового моста. Говорят, что он там купил прекрасную мебель и много редкостей»⁶².

Среди крупных парижских покупок числились две коляски дорожные: «одна крытая с двойными пружинами, цена ей семьсот ливров; другая с кровлею отметною (открывающейся) с такими же пружинами, цена ей четыреста ливров»⁶³. Еще для царя в Париже была изготовлена и опробована «качалка» — коляска, спроектированная едва ли не самим Петром, ценой в 350 ливров⁶⁴.

Поскольку стол царя обеспечивался принимающей стороной, собственные затраты на покупку продовольствия были минимальными. В расходном журнале зафиксирована единственная плата «французскому огороднику за принос фруктов»; отъезжая с узким кругом приближенным на развлекательную прогулку в Фонтенбло, царь устроил небольшой праздник оставшимся в Париже членам свиты: «для оставших служителей за стол куплено вина и пива на 8 ливров»; для варения любимого царского пива закупались солод, хмель и дрова. Хотя пристрастия Петра в области напитков давно определились, и он продолжал во Франции потчеваться любимой анисовой водкой, венгерским вином, «которое здесь зело в диковинку»⁶⁵, и специально

⁶¹ ОПИ ГИМ. Ф. 342. Оп. 1. № 40. Л. 82–82 об.

⁶² Amsterdam. 25 juin 1717. № LI.

⁶³ ОПИ ГИМ. Ф. 342. Оп. 1. № 40. Л. 63.

⁶⁴ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. С. 68.

⁶⁵ «Зело благодарствую за присылку венгерского, которое так у нас подобра-лось, что вместо лекарства пью по одной рюмке в день, и то не по вся дни», — писал Петр жене 28 апреля/9 мая 1717 года. — Письма русских государей и других особ царского семейства. Т. 1: Переписка Петра I с Екатериною Алексеев-ною. М., 1861. С. 67.

сваренным для него полпивом, не остался он равнодушным и к французским винам. Ему нравилось красное бургундское вино Нью (Nuits Saint Georges) с сильным ярко выраженным вкусом. В конце мая царь отправил голландского капитана Фергаса «в Бургонию, в Эрмитаж и в протчие места» для закупки вин «для пробы», которые и были приобретены на сумму 362 ливра⁶⁶. Конкретно речь шла о престижном вино эрмитаж (Hermitage), которое производится в долине Роны. Качество закупленных вин царь вполне оценил, ибо в августе 1717 года последовал указ князю Б.И. Куракину в Голландию о закупке французских вин («эрмитажу и бургундского и протчих») на большую сумму в 6 тысяч ефимков⁶⁷. Позже в письме к послу в Париже В.Л. Долгорукову от 27 августа 1721 года Петр требовал наладить регулярную поставку больших партий любимого вина: «зделай верного корешпандента, где родитца вино эрмитаж, чтоб хотя ста по четыре бутль (ежели более нельзя) прямого того вина постоянно на всякой год присылаано было»⁶⁸.

Подводя итог обзору царских покупок, едва ли можно констатировать «чрезвычайную простоту в отношении личных потребностей, одежды и питания»⁶⁹, как это делала Н.А. Бакланова по поводу царских приобретений, сделанных во время Великого посольства. Пётр I по-прежнему был умерен в личных потребностях, но вопросы комфорта и престижа уже не оставляли его равнодушным. Во всяком случае, европейским наблюдателям показалось, что царь не делал больших затрат и обнаруживал во всем похвальную бережливость⁷⁰.

Досужие журналисты обратили внимание и на вопросы царской гигиены. Ф. Бюше в «Nouveau Mercure» сообщал 19 июня, что «царь отправился в баню, следуя своему обычаю мыться каждую субботу»⁷¹; брюссельский газетчик отмечал, что царь «ежедневно моется в бане»⁷². В походном журнале посещение бани царем отмечено лишь один раз — в субботу 29 мая: «Изволил быть по утру в бане»⁷³. Однако регулярная выплата денег банщикам свидетельствует о более частых гигиенических процедурах. Первая баня была специаль-

⁶⁶ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. С. 64, 68; ОПИ ГИМ. Ф. 324. Оп. 1. № 40. Л. 65.

⁶⁷ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270, оп. 1. Д. 85. Л. 92.

⁶⁸ Там же. Д. 98. Л. 115.

⁶⁹ Бакланова Н.А. Великое Посольство за границей в 1697–1698 гг. (его жизнь и быт по приходо-расходным книгам посольства). С. 27.

⁷⁰ Ковалевский М. Новые данные о пребывании Петра в Париже. С. 111.

⁷¹ Le Nouveau Mercure. 1717, juin. P. 199–200.

⁷² Relations Veritables. 28 mai 1717.

⁷³ Походный журнал 1717 года. СПб., 1855. С. 17.

но устроена для царя в Кале накануне Пасхи. Устроителям было заплачено «за мыльню и за печь в ней для его величества»⁷⁴. Трудно сказать, была ли в Париже специально построена для Петра баня на русский манер или было использовано какое-то имеющееся банное помещение⁷⁵. Документы об оплате скорее свидетельствуют о втором варианте, ибо банщиками в них называются французы: «дано работнику французу, который в Париже баню топил про его величество, 10 ливров»; «на дачу банщикам в Париже 8 ефимков», «дано работнику, который топил баню для его величества, 15 ливров»⁷⁶. Баня, по-видимому, находилась в отдалении от отеля Ледигьер, поскольку туда приходилось ездить верхом на лошади: «Когда его величество изволил ездить купатца, за верховую лошадь заплатил два ливра десять копеек», а «банщику было заплачено за сено, которое брано в баню на постилку полов и за мыло два ливра двенадцать копеек»⁷⁷.

Царская баня в Париже породила один из сюжетов рассказов А.А. Нартова:

«1717 года, в бытность Петра Великого в Париже, приказал он сделать в одном доме для гренадеров баню на берегу Сены и чтоб они в оной после пару купались. Такое необыкновенное, и для парижан, по мнению их, смерть приносящее, действие, произвело многолюдное сборище парижан. Они с удивлением смотрели, как солдаты, выбегая разгоряченные банным паром, кидались в реку, плавали и ныряли. Королевский гофмейстер Вертон, находящийся при услугах императору, видя сам сие купание, Петру Великому докладывал (не зная, что то делается по приказу государя), чтоб он солдатам запретил купаться, ибо де все перемрут. Государь, рассмеявшись, отвечал: «Не опасайтесь, господин Вертон! Солдаты от парижского воздуха несколько ослабли, так закаливают себя русскою банею. У нас бывает сие и зимою. Привычка — вторая натура»⁷⁸.

В этом рассказе бесспорно лишь то, что в 1717 году в Париже Петр и его спутники пользовались баней или, по крайней мере, для них специально создавались условия, близкие к привычным для россиян банным процедурам, и то, что дворецкий Вертон «нахо-

⁷⁴ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. С. 61.

⁷⁵ Возможно, Пётр использовал одну из купален на берегу Сены, которые появились в Париже в конце XVII века — их оборудовали на старых плоскодонных баржах, которые прежде служили для перевозки товаров. — Прим. Н.Ю. Плавинской.

⁷⁶ Там же. С. 64, 65, 70.

⁷⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 342. Оп. 1. № 40. Л. 61.

⁷⁸ Пётр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. М., 1993. С. 311.

дился при услугах» царю, все остальные подробности — результат литературной работы А.А. Нартова.

Во время пребывания во Франции у Петра I имели место проблемы со здоровьем. Уже в Дюнкерке он чувствовал себя нездоровым и «намеревался лечиться» в ближайшие дни⁷⁹. После приезда в Париж приступ болезни случился 13 мая, когда царь «принимал лекарства и никуда до обеда не ездил»⁸⁰; затем обострение произошло 20 мая — в этот день царь «был дома и принимал лекарства, ибо тот день с утра занемог» и пришлось отложить запланированную встречу с регентом Франции в Сен-Клу; болезнь продолжалась и 21 мая⁸¹. Лечили царя его доктора — Арескин и Фейль. Вместе с тем, у Петра еще до поездки существовало очень уважительное отношение к французским врачам, которое только укрепилось за время его визита. Еще в феврале 1717 года Пётр указывал через Арескина «нанять во Франции лекаря» и отправить его из Парижа в Амстердам⁸².

Можно подумать, что смерть сына-младенца, случившаяся, когда Пётр и Екатерина находились в Голландии, разлука с женой и известие о бегстве нелюбимого старшего сына угнетающе подействовали на монарха. Однако вышедшие из-под пера Петра I письма не содержат ни малейших намеков на удрученное состояние. Царь с удовольствием развлекался в загородных резиденциях, праздновал Пасху и собственный день рождения, не отказывался от обильных угощений и алкоголя. Как уже отмечалось, парижские сплетники разносили слухи о любовных подвигах царя и даже о лечении его от венерической болезни. Эти слухи были преувеличенными, но своя (разрешенная женой!) «матреса» при Петре действительно имелась⁸³. На шуточные упреки жены в неверности он лишь отшучивался и в свою очередь упрекал её в излишней ревности⁸⁴.

То, что Пётр I приехал в Париж без Екатерины, которая осталась в Голландии, также вызывало у современников и потомков любопытство и пересуды. Близкий к дипломатическим кругам автор так называемых «Записок Вильбуа» сообщал, что царь «хотел везти её во Францию. Однако эта поездка не состоялась из-за вопросов церемониала, которые были нарочно придуманы герцогом Орлеанским, знавшим всю историю ливонской пленницы. Проблема состояла в представлении Екатерины герцогине де Берри, первой

⁷⁹ Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции. С. 140.

⁸⁰ Походный журнал 1717 года. СПб., 1855. С. 14.

⁸¹ Там же. С. 15.

⁸² ОПИ ГИМ. Ф. 342. Оп. 1. № 40. Л. 1.

⁸³ Письма русских государей и других особ царского семейства. С. 70.

⁸⁴ Там же. С. 65, 69.

принцессе крови и внучке короля Франции»⁸⁵. Обычно историки указывали на то, что царь побоялся представить высокомерному и требовательному к этикету французскому двору свою худородную супругу⁸⁶. Упоминается и её болезненное состояние после родов. Австрийский посол О.А. Плейер сообщал о резкой ссоре, которая произошла между супругами накануне отъезда царя во Францию из-за царевича Алексея, в разрыве с которым царь якобы обвинял свою жену⁸⁷. Впрочем, в царской переписке нет никаких следов охлаждения отношений между мужем и женой.

Вопросы личной жизни русского царя очень интересовали современников-французов. Вот что об этом писал маркиз Данжо, начиная с упоминания о тике, который время от времени искажал лицо Петра:

«Это неправда, что царь был отравлен в детстве. Его тик происходит совсем не от этого; он врожденный. Его первая жена еще жива, но она монахиня. Князь Куракин, который находится здесь с царем, женат на сестре этой первой супруги. Нынешняя царица совсем не была ранее замужем, как об этом говорят; её взяли совсем молодой девушкой в захваченном ливонском городе. Княгиня Меншикова взяла эту девочку под свое покровительство и держала её при себе, где её часто приходилось видеть царю. Он влюбился в неё и женился. Говорят, что это очень достойная женщина. Всё это важные персоны из окружения царя рассказали маршалу де Тессе, который очень этим интересовался»⁸⁸.

По словам Данжо, у царя «было некоторое желание привезти сюда царицу, но теперь он не помышляет более об этом»⁸⁹. Мадам Дюнуайе писала мужу в Голландию: «Описывая мне царицу, супругу его, вы возбудили во мне такое непреодолимое желание видеть её, что я, предубежденная в пользу её и общественной молвой, очень бы желала посмотреть на неё и готова хоть сейчас к ней отправиться. Царицу эту ждали здесь и весьма жалели, что ожидания не исполнились <...>»⁹⁰.

Не исключено, что стремление избежать подобного праздного любопытства наряду с прочими соображениями побудило царя отправиться в Париж без жены.

⁸⁵ Вильбуа. Записки о российском дворе // Вопросы истории. 1991. № 12. С. 205–206.

⁸⁶ Валишевский К. Пётр Великий // Собр. соч.: в 5 т. М., 1993. Т. 2. С. 353.

⁸⁷ См.: Вагеманс Э. Царь в республике. С. 128–129.

⁸⁸ [Dangeau Ph.] Journal du marquis de Dangeau. P. 92–93.

⁸⁹ Ibid. P. 98.

⁹⁰ Дюнуайе А.М. Пребывание имп. Петра Великого в Париже. С. 80–81.

Как видим, Пётр I жил во время пребывания во Франции по устоявшемуся распорядку: рано вставал и рано ложился спать, ел привычную пищу, хотя не отказывался и от гастрономических изысков гостеприимных хозяев, употреблял любимые напитки, одевался по своему вкусу, хотя и обратил внимание на французскую моду... Царь отдыхал и веселился в присущей ему грубоватой манере в окружении своих приближенных, лечился испытанными методами, ходил в «баню». Он с удовольствием пользовался французским комфортом, но бытовая роскошь не искушала его. В своих покупках Пётр показал себя довольно расчетливым хозяином, который, однако, уже заботился о престиже, о том, чтобы он и его окружение достойно выглядели на европейском фоне. Главное место в его жизни во Франции занимали политические переговоры, полезные встречи со специалистами, познавательные поездки — всё то, что сделало визит 1717 года историческим событием.

«Когда ехали от Парижа сухим путем до Шарлавиля»

Обратный путь Петра I из Парижа до границы с Австрийскими Нидерландами редко привлекал внимание историков. Эдуар де Бартелими первым описал пребывание царя в Суассоне и Реймсе и использовал официальную переписку из местных архивов¹. Гораздо полнее эти и другие документы привлек в своей статье Жан Бургигньон². Правда, использованные и опубликованные им в качестве приложения бумаги имеют в основном хозяйственный и финансовый характер, но тем не менее они дают наиболее полное представление о царской поездке по Шампани и Арденнам. Эта же сторона путешествия отражена в посольском документе «Росход дорожной, когда ехали от Парижа сухим путем до Шарлавиля и от Шарлавиля до Лиежа водою»³.

Пётр I был довольно беспокойным и обременительным гостем, поэтому французская сторона уже в мае поговаривала о предстоящем отъезде его на воды в Спа. Но дата отъезда была определена не ранее середины июня. 15 июня глава Совета по иностранным делам маршал д'Юкселль направил интенданту Шампани С.Ш. де Лекалопье (César Charles de Lescalopier, 1671–1753) инструкцию⁴, которая касалась обеспечения царственного путешественника всем необходимым в пути следования. Пётр со свитой в 61 человек должен был следовать до Шарлавиля в почтовых каретах со сменными лошадьми⁵, а далее по реке Мёз в барках до границы Франции. По-видимому, лишь

¹ *Бартелими Э. де.* Пётр Великий во Франции в 1716 году // Еженедельное прибавление к Русскому инвалиду. 1865, 1 февраля. № 5. С. 5–6.

² *Bourguignon J.* Le passage de Pierre le Grand à son départ de France en 1717 // *Revue d'Ardenne et d'Argonne* publiée par La Société d'études ardennaises. 1902. №1–2. P. 1–12; № 5–6. P. 65–91; № 7–8. P. 181–195.

³ ОПИ ГИМ. Ф. 342. Оп. 1. № 40. Л. 112–113.

⁴ *Ibid.* № 5–6. P. 66.

⁵ Сам царь, возможно, ехал в той «качалке» (коляске), которая по его заказу изготавливалась и испытывалась в Париже.

16 июня было окончательно решено, что царь отъедет из Парижа 20 июня после обеда, но места царских остановок и ночевок не были определены. Об этом говорилось во втором письме д'Юкселля к интенданту⁶. Маршала особенно беспокоил вопрос продовольственного обеспечения царского поезда. Поэтому в тот же день он отправил Лекалопье еще одно письмо, в котором сообщал, что в пути русское посольство будет обслуживать специально назначенный метрдотель господин Боке (Vocquet)⁷, но в местах остановок его следует обеспечить «по разумным ценам» мясом, хлебом, вином, посудой, кухонной утварью, столовым бельем и прочими вещами⁸.

Вопросы военного сопровождения царского поезда, а также оказания царю положенных воинских почестей находились в ведении маршала К.Л.Г. Виллара, который со своей стороны направил властям Шампани соответствующие указания⁹. Сначала царя должен был сопровождать военный эскорт из 10 гвардейцев из гарнизона Суассона; предполагалось, что они будут ожидать царя и меняться в четырех местах. За пределами Шампани эскорт должен был формироваться из состава кавалерии гарнизонов Мезьера и Шарлевиля.

Проблема состояла в том, что путь следования царя не был заранее утвержден: места остановок, обедов и ночевок зависели от воли царя, который мог изменить и сам маршрут. По словам французского историка, «Пётр Великий был путешественником нерегулярным и капризным; он не любил заранее планировать места остановок и отдыха в пути»¹⁰. В конце концов, был определен следующий сухопутный маршрут: Париж, Ливри, Ле-Бурже, Ле-Мениль, Нантёй, Виллер-Котре, Суассон, Брен, Жоншери, Реймс, Иль, Ретель, Лонуа, Мезьер, Шарлевиль¹¹. Предполагалось также, что царь посетит Седан, но поездка туда не состоялась.

Отблагодарив представителей принимающей стороны ценными подарками и завершив «культурную программу» последней поездкой на Монетный двор, царь собрался в обратную дорогу. День отъезда, 20 июня, пришелся на праздник Святой Троицы. После праздничного богослужения в отеле Ледигьер царь во второй по-

⁶ *Bourguignon J.* Le passage de Pierre le Grand à son depart de France en 1717... № 5–6. P. 66–67.

⁷ По-видимому, ему — «кухмистеру короля французского, который провозжал от Парижа до Шарлевиля» — было подарено в конце пути три золотых медали, а поварам и служителям — 40 червонных. — ОПИ ГИМ. Ф. 342. Оп. 1. № 40. Л. 112 об.

⁸ *Ibid.* P. 68.

⁹ *Ibid.* P. 68–70.

¹⁰ *Ibid.* P. 70.

¹¹ *Ibid.* P. 71.

ловине дня выехал из Парижа в сопровождении эскорта королевских мушкетеров. Была ветреная погода с дождем и градом. До деревни Ливри царя провожали маршал де Тессе и Л.Ф. де Вертон. Царь не захотел, чтобы далее его сопровождали официальные лица. Прощальный ужин состоялся во дворце Ренси, принадлежавшем первому королевскому метрдотелю маркизу Л.С. де Ливри¹², где Пётр остановился на ночь. За ужином высокий гость пил за здоровье короля и регента. Кучерам и караульщикам, «которые были ночью на карауле», было роздано 60 ливров.

Утром следующего дня царь прогулялся в садах Ливри и написал письмо Екатерине. В нем он благодарил её за подарки («а паче за крепши»), которые получил только накануне в Париже, ибо были задержаны на таможне. «Отсель новова писать нечево, толко что мы вчерась из Парижа поехали прямо в Шпа, и чаем в пять или 6 дней зачать воды пить; а отголь к вам. Дай Боже в радости вас видеть и вскорее»¹³, — писал Пётр жене. Выехав 21 июня из Ливри и проехав две станции, царь обедал в деревне Нантёй, принадлежавшей маршалу д'Эстре.

На следующем отрезке пути ответственность за прием Петра ложилась на интенданта Суассона де Нуантеля (Louis Claude Béchameil de Nointel, 1682–1761). Наслышанный о «причудливом» характере царя, он развернул бурную деятельность, чтобы угодить высокому гостю. Во всех местах, где царь должен был менять лошадей, интендант приказал приготовить «много мяса, вина, пива и прочей готовой провизии, на случай, если ему придет в голову там остановиться». Нуантель писал, что «постарается привести царя в Суассон» для следующей ночевки, поскольку здесь были приготовлены для него апартаменты и ужин. Хозяин стремился учесть гастрономические предпочтения русского гостя, включив в меню «много мяса, окорока, языки, пеклеванный хлеб, ибо <...> все это ему очень нравится»¹⁴. Царь действительно переночевал в Суассоне, «где были ввечеру и интенданта на дворе люминации»¹⁵, а рано утром 22 июня отбыл в сторону Реймса.

¹² Обстоятельный журнал о вояже (или о путешествии) его царского величества, как ис Копенгагена поехал и был в Галандии, во Франции и в протчих тамошних местах, и что там чинилось // История Свейской войны: Поденная записка Петра Великого / сост. Т.С. Майкова. Вып. 1. М., 2004. С. 618; Le Nouveau Mercure. 1717, juin. P. 202–203.

¹³ Письма русских государей и других особ царского семейства. Т. 1: Переписка Петра I с Екатериною Алексеевною. М., 1861. С. 69.

¹⁴ *Bourguignon J.* Le passage de Pierre le Grand à son depart de France en 1717... № 5–6. P. 72.

¹⁵ Обстоятельный журнал о вояже (или о путешествии) его царского величества. С. 618.

В Жоншери царя встретил интендант Шампани де Лекалопье, приготовивший здесь обильное угощение за счет средств реймского муниципалитета. Для русских гостей закупили шесть окороков, шесть больших пирогов с дичью, два бочонка пива, бочонок вина, шесть бутылок коньяка¹⁶.

Прибыв в Реймс в час пополудни, Пётр I провел там не более двух часов¹⁷. В столице Шампани царя принимали с пушечной стрельбой; городские власти и архиепископ встретили его у Парижских ворот и поднесли прохладительные напитки. Коротко ответив на приветствия, Пётр направился в аббатство Сен-Реми, в котором хранилась знаменитая Святая Стекланница — сосуд (флакон римского стекла) со священным елеем, якобы использованным в V веке при крещении короля франков Хлодвига; этим елеем совершалось помазание при коронации французских королей. Затем царь побывал в церкви Сен-Никез, известной на всю Европу своей «трясущейся колонной» — «третьей справа в центральном нефе — которая сильно вибрировала, когда били во все колокола»¹⁸. Говорят, что царь внимательно все осматривал и делал заметки в своей записной книжке.

Существует легенда, что Пётр I посетил и Реймский собор, где в сокровищнице ему показали так называемое Реймское евангелие («Евангелие Святого Жерома») — рукописную книгу XI века, содержащую старославянские кириллический и глаголический тексты. На этой книге, которую почитали за древность, но никто не мог прочитать, французские короли якобы приносили священную присягу во время коронации. Евангелие имело богатый оклад, украшенный частицами мошей и драгоценными камнями. Говорят, что царь с благоговением поцеловал оклад, а члены его свиты раскрыли книгу и заявили, что могут читать её первую часть, содержащую литургические фрагменты Евангелий, написанные кириллицей, но вторая часть (глаголическая) оказалась им неизвестной¹⁹. По другой версии, Пётр сам взял в руки книгу и, к удивлению присутствующих, начал свободно читать её вслух: «царь <...> едва

¹⁶ Bourguignon J. Le passage de Pierre le Grand à son départ de France en 1717... № 5—6. P. 73.

¹⁷ Пребыванию Петра I в Реймсе посвящена брошюра: Jadart H. «Passage de Pierre le Grand à Reims, le 22 juin 1717, notice accompagnée de documents inédites tirés des archives et de la bibliothèque de Reims» (Reims, 1890), а также глава «Молниеносный визит русского царя Петра Великого» в научно-популярной книге: Pellus D. «Reims: deux siècles d'événements. 1600—1800» (Reims, 2005).

¹⁸ Ibid. P. 73—74.

¹⁹ Paris L., Silvestre J.B. Évangélaire slave, dit Texte du sacré, de la Bibliothèque de Reims // Bibliothèque de l'école des chartres. 1854. Vol. 15. P. 193.

бросив взгляд на первую страницу, прочел несколько фраз, а сопровождавший его князь Куракин тут же перевел эти фразы на французский язык. Царь пояснил, что евангельский текст написан от руки по церковнославянски <...> Цифра на первой странице означает 19, следовательно недостает начальных 18 страниц. О второй части царь не мог сказать ничего определенного»²⁰. Вся эта история с евангелием не имеет под собой прочных оснований в виде достоверных источников.

На пути из Реймса царя провожал интендант Шампани до деревни Иль. Вечером 22 июня царь прибыл в город Ретель, где представители муниципалитета приветствовали его и преподнесли ему шесть дюжин бутылок вина. Пётр остановился на ночлег в доме на улице Гран Пон²¹. Ужин для русских гостей традиционно был выдержан в раблезианском духе: для его приготовления запасли большое количество индеек, кур, зайцев, окороков, языков, дичи, вина, пива, хлеба, а также лососей и форелей²².

23 июня из Ретеля Пётр направился в Мезьер — «французской город, которой граничит с Брабандиею, которой фортификован и имеет гарнизон»²³. На въезде в Мезьер царю были оказаны воинские почести местным гарнизоном, а запасы подаренного вина увеличились еще на четыре дюжины бутылок. Высокий гость очень быстро проследовал в соседний Шарлевилль, где опять был встречен у ворот городскими властями и одарен шестью дюжинами бутылок вина, «тогда была троекратная стрельба как ис пушек, так и из мелкого ружья»²⁴. Приняв привычные почести, он направился во дворец местного судьи на Фландрской улице²⁵. После обеда царю представлялись члены городской администрации (город находился под формальным управлением принцев Конде). Жан Бургиньон ошибочно полагал, что Пётр I ночевал в Шарлевиле и здесь же посещал на следующее утро оружейную мануфактуру²⁶. Однако царский пу-

²⁰ Громан Г. Реймс, короли и древнерусское Евангелие // Наука и религия. 1970. № 5. С. 76.

²¹ В конце XIX века этот дом еще сохранялся на улице Кольбера и в нем располагался мировой суд. — *Bourguignon J. Le passage de Pierre le Grand à son depart de France en 1717...* № 5–6. Р. 76.

²² *Ibid.* Р. 75.

²³ Обстоятельный журнал о вояже (или о путешествии) его царского величества. С. 618.

²⁴ Там же.

²⁵ Дворец сохранялся до конца XIX века на Фландрской улице под номером 6/8. — *Bourguignon J. Le passage de Pierre le Grand à son depart de France en 1717...* № 5–6. Р. 78.

²⁶ *Ibid.* Р. 78.

тевой журнал указывает, что «того же числа (23 июня. — С.М.) из Шарлевил его царское величество пошел рекою Мазою судами»²⁷. «Почтмейстерам и постолионам», которые везли царя и его свиту сухим путем, было роздано 150 ливров чаевых²⁸.

За неделю до царского приезда маршал д'Юкселль распорядился подготовить в Шарлевиле шесть барок для дальнейшего путешествия русского посольства по реке Мёз: «поскольку трудно сделать, чтобы они были одинаково чистые, необходимо обратить особое внимание на то, чтобы по крайней мере две из них были подготовлены тщательнейшим образом, а две другие также могли бы принять важных персон»²⁹. Все было сделано лучшим образом. В Шарлевиле царя ожидала целая флотилия: одна барка предназначалась для царя, вторая — для его кухни, третья — для слуг, четвертая — для «министров», пятая — для «генералов», шестая — для царской канцелярии. Суда были снабжены мебелью, кухонной утварью и съестными припасами. Было заготовлено 170 фунтов баранины, говядины и телятины, молодая косуля, два больших зайца, куропатка, восемь перепелов, пятнадцать кур, десять пар больших цыплят, три пары больших индюков, два больших индюшонка, шесть пар голубей, 350 раков, шесть окороков, один коровий и два свиных языка, 20 маленьких белых хлебов, 10 больших хлебов, 25 вилок капусты, 25 мускатных орехов, полфунта молотого перца, 3,5 фунта канарского сахара, четыре фунта риса, около фунта ячневой крупы, 20 фунтов коровьего масла, две сотни яиц, 24 артишока и большое количество овощей и фруктов. Ничего не забыли для оборудования кухни: от вертелов, ножей и шумовок до больших медных котлов. Барки, предназначенные для царя и его сановников, были снабжены коврами и занавесками, кроватями, креслами и даже стульчаками. Павильоны и флюгеры на барках были украшены царскими гербами³⁰. Общая сумма затрат на подготовку судов составила 4821 ливр, 8 су, 6 денье. Правда, часть суммы затем вернулась в городскую казну: мебель и кухонные принадлежности после возвращения судов из Льежа были проданы с торгов на 494 ливра³¹.

Путь флотилии проходил по узкому извилистому коридору между скалистыми берегами Мёза. По свидетельству царского журнала, ночевка состоялась у деревни Фур (Лефур) в шести милях от Шар-

²⁷ Обстоятельный журнал о вояже (или о путешествии) его царского величества. С. 618.

²⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 342. Оп. 1. № 40. Л. 112.

²⁹ Ibid. P. 66.

³⁰ Ibid. P. 80.

³¹ Ibid. P. 81.

левиля. «В той деревне его царское величество был на заводах, где делают ружье»³². Однако французский автор полагал, что оружейные фабрики царь мог посетить в Шарлевиле и в городке Нузоне (Нузонвиле). Говорят, что здесь он беседовал с рабочими и вникал в малейшие детали производства. По преданию, некоторые из здешних мастеров были приглашены в Россию. Царю хотели показать и фабрику кружев, но он якобы ответил: «Кружева — это не мое дело; это было бы интересно царице, если бы она была здесь»³³.

Судя по журнальным записям, царь все-таки ночевал в Лефуре, а на следующее утро, отплыв «в шестом часу» и «с милю отошед», проехали село или слободу, именуемую Ревель (правильнее — Ревен. — С.М.), где мещане стояли на берегу реки, стреляли из ружья и укрывали тремя знаменами. Тут же приехали пасторы иезуиты в лотках и поздравляли его величеству»³⁴. 24 июня «в шестом часу» приплыли в город Живе с крепостью Шарлемон — это был последний пункт царского путешествия по Франции. «Тут стреляли из пушек, и от того места канвой французской поворотился, для того что от Шарлемонт встретили и пошли за его величеством цесарские салдаты»³⁵. Вскоре царя приветствовала делегация кельнского курфюрста. В тот же день царский караван прибыл в находившийся под властью австрийского императора город Динан, 25-го — в Намюр, 26-го — в Льеж³⁶. Дальше в карете царь направился в Спа.

К сожалению, почти ничего не известно о впечатлениях Петра от путешествия по Шампани и Арденнам. До нас дошел лишь один рассказ царского секретаря Ивана Антоновича Черкасова, записанный через много лет после поездки Яковом Штелиным³⁷. Пётр I, по словам его секретаря, «дорогою во многих местах из дорожной своей коляски выходил, рассматривал и исследовал полевые и домашние работы поселян и с самими мужиками о том говорил <...> и вкратце вносил свои примечания в памятную свою книгу, которую он всегда при себе имел. Особливо делал сие на почтовых станциях, покамест лошадей переменяли». На пути из Парижа царь увидел в одной из деревень работающего в своем саду человека,

³² Обстоятельный журнал о вояже (или о путешествии) его царского величества. С. 618.

³³ *Bourguignon J.* Le passage de Pierre le Grand à son depart de France en 1717... № 5–6. Р. 78.

³⁴ Обстоятельный журнал о вояже (или о путешествии) его царского величества. С. 619.

³⁵ Там же.

³⁶ См.: Вагеманс Э. Пётр Великий в Бельгии. СПб., 2007. С. 170–176.

³⁷ См.: Штелин Я. Подлинные анекдоты Петра Великого, слышанные из уст знатных особ в Москве и Санктпетербурге. М., 1787. С. 71–74.

который «совсем не мужицкое имел одеяние». Узнав, что это священник, царь вошел к нему в сад и долго разговаривал с ним о садовой и полевой работе. Священник сказал, что его звание приносит небольшой доход, но оставляет свободное время «для обработывания сада и поля». Проданные плоды и шелк позволяют ему иметь лучшее пропитание, «нежели от малого дохода моего чина». Монарх восхищался трудолюбием этого священника и хвалил его своим спутникам, говоря: «Напомните мне о нем, когда мы возвратимся в наше отечество. Я постараюсь праздных наших деревенских попов таким порядком понудить к трудам, чтобы они посредством полевой и садовой работы собственный доставляли себе хлеб, пиво и квас и лучшей бы наслаждались жизнью, нежели как теперь в своей лени». Ситуация, обрисованная в рассказе Черкасова, «который вместе был на сем пути», представляется вполне реалистичной. А тот факт, что Пётр в заграничном путешествии сравнивал европейские реалии с российскими и думал о внутренних проблемах российской жизни, не вызывает сомнения.

«Все здесь без ума от него»: Пётр I глазами французских современников

Известный немецкий историк Райнхард Виттрам заметил, что присущие тогдашней французской культуре умение описывать и формулировать, «литературная ответственность» авторов позволили современникам сделать «фотографически точный» портрет царя во время его пребывания в Париже¹. Это замечание в первую очередь касается описаний внешности монарха, однако и многие черты его характера и поведения были зафиксированы весьма прозорливо. За этими эскизами последовали и общие характеристики деятельности Петра I. Однако «зарисовки с натуры» неизбежно накладывались у французских современников на исторически сложившиеся стереотипные представления о России и её царе.

К началу XVIII века во Франции сложился негативный образ далекой северной страны² (заметим, что у русских были не менее негативные представления об иностранцах). Русские традиционно относились к разряду «варваров», «чужих». Россия неизменно и без оснований представлялась как страна с деспотическим правителем и рабски-покорным населением. В «Mémoires du Chevalier Hasard» (1703) их автор Гатьен де Куртильз де Сандра³ (Gatien de Courtilz de Sandras, 1644—1712), якобы присутствовавший на встрече Петра I с курфюрстом Бранденбурга, нарисовал такой портрет русского царя: «Несколько дней спустя приехал царь Московии, что обеспечило нам развлечение на пять или шесть дней. Никогда мы не видели столь необычных манер <...> Он въехал в город втихомолку на смехотворном экипаже; он был больше похож на медве-

¹ *Wittram R.* Peter I Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Grossen in seiner Zeit. Göttingen, 1964. Bd. 2. S. 315.

² См.: *Mervaud M., Roberti J.C.* Une infinie brutalité. L'image de la Russie dans la France des XVI-e et XVII-e siècles. Paris, 1991.

³ Автор «Мемуаров д'Артаньяна», положенных в основу известного романа А. Дюма.

дя, чем на человека, он был одет в шкуры и колпак на голове. Одежда волочилась по земле вместе с саблей колоссальных размеров. Усы его закручивались вокруг ушей <...> Он приблизился к курфюрсту, не снимая с головы колпака, с испанской важностью, не сгибаясь, словно аршин проглотил». Царь грубо вел себя с дамами, пил перцовую водку словно простую воду, и все время грозил всех повесить и убить⁴. Не будет большим преувеличением предположить, что примерно такого «медведя» ожидали увидеть на улицах своего города парижане в 1717 году.

Впрочем, к этому времени во французской литературе появились и более благожелательные отзывы о русском царе, хотя и очень немногочисленные. Еще де ла Невиль в своем «Любопытном и новом известии о Московии» дал обнадеживающий портрет русского царя: «Пётр очень красив и строен собою, и острота ума его дает большие надежды на славное царствование, если только будут руководить им славные советники». Однако затем автор приводил следующие детали, ставящие вышеупомянутые «большие надежды» под сомнение: «Глаза у него довольно большие, но блуждающие, вследствие чего бывает неприятно на него смотреть. Несмотря на то, что ему только 20 лет, голова у него постоянно трясется. Любимая его забава заключается в натравливании своих любимцев друг на друга, и весьма нередко один убивает другого из желания войти к царю в милость»⁵. Публикация сочинения Невилля, совпавшая с Великим посольством, вызвала возмущение Петра. В результате «Любопытные и новые известия о Московии» перешли в России в разряд запретной литературы⁶. «Journal de savants», извещавший своих читателей о военных походах Карла XII, писал в 1708 году: «В характере царя, как его здесь описывают, имеется нечто странное. Он считает ниже своего достоинства блистать своей свитой, своим столом, своими одеяниями <...>»⁷. Известный во Франции «Journal de Trévoux» трижды (в 1706, 1710 и 1711 годах) помещал заметки И. Копиевича об успехах русского просвещения при Петре I. В одной из заметок сообщалось: «Заботы царя Петра Алексеевича о воспитании у своих подданных воинского духа и

⁴ Lortholary A. Les «Philosophes» du XVIII siècle et la Russie. Le mirage Russe en France au XVIII siècle. Paris, 1951. P. 15.

⁵ Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С. 485, 519; ср.: Де ла Невиль. Записки о Московии / отв. ред. В.Д. Назаров, Ю.П. Калинин; предисловие, подготовка текста, перевод и комментарии А.С. Лаврова. М., 1996. С. 169.

⁶ Лавров А.С. «Записки о Московии» де ла Невилля во Франции и в России XVIII века // Книга в России: век Просвещения. Л., 1990. С. 101.

⁷ Цит. по: Mohrenshildt D.S. Russia in the intellectual life of eighteenth century France. New York, 1936. P. 11.

литературного вкуса увенчиваются успехами. Победа, одержанная под Полтавой, показывает, насколько московитское войско изменилось после Нарвской битвы. Большое количество полезных книг, созданных на славянском языке или переведенных на этот природный язык Московии, доказывает, что московиты не далеки от того, чтобы с помощью наук снискать себе такую же славу, какую они уже заслужили на ратном поле». Далее приводилось любопытное свидетельство о том, что сам Пётр I бы переводчиком одной из книг⁸. В год смерти Людовика XIV имя героя Полтавы появляется, наконец, в «Королевском Альманахе» в числе европейских монархов. Правда, имена членов царской фамилии совершенно исковерканы, а в качестве жены Петра указана Евдокия Лопухина⁹.

Стереотипные, мифические представления о России и о Петре I столкнулись в 1717 году с реальными впечатлениями о деятельности русского царя во Франции. Каковы же были результаты?

Камер-юнкер де Либуа, посланный навстречу царю в Дюнкерк, нашел в лице Петра I довольно беспокойного и своенравного гостя. В своих письмах к регенту де Либуа подчеркивал, как трудно ему приходится с русскими, однако отдавал должное достоинствам русского монарха:

«Царь очень велик ростом, несколько сутуловат и имеет привычку держать голову немного вниз. Он смугл и в выражении его лица есть что-то суровое; кажется, он обладает живым умом и большой сметливостью; в движениях его заметно некоторое величие, впрочем, не всегда выдерживаемое. Он задумчив и рассеян, хотя для всех доступен и прост в обращении; говорят, что он очень силен и способен в работе физической и умственной».

Позже де Либуа писал с некоторым раздражением: «Я продолжаю убеждаться в том, что писал о характере царя, в котором действительно встречаются зародыши добродетелей, но они в диком состоянии и чрезвычайно перемешаны с недостатками»¹⁰.

Маркиз Майи де Нель, прибывший на помощь де Либуа, сначала давал нейтральную информацию: «<...> Его величество не говорит и не понимает по-французски. Царь высок ростом, довольно хорошо сложен и приятной наружности»¹¹. Затем он писал о рус-

⁸ См.: *Копанев Н.А.* Пётр I — переводчик // XVIII век: Сб. 16. С. 180–183.

⁹ *Almanach Royal.* Paris, 1716. P. 32

¹⁰ Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции, за апрель и май месяцы 1717 года // Сборник ИРЮ. 1881. Т. 34. С. 145, 163.

¹¹ Там же. С. 188.

ском царе с бóльшим недоброжелательством: «Люди обыкновенно руководствуются разумом, но эти люди (царь и его свита. — *С.М.*), если только таковыми можно назвать тех, в ком нет ничего человеческого, совершенно не слушают доводов разума»¹². Именно с де Нелем связывали баснословные слухи, будто Пётр прогнал маркиза ударом кулака, когда тот хотел сесть в его карету; московский государь якобы ответил на какое-то возражение маркиза пощечиной и т.д.¹³. Слухи о том, что царь встречает любопытных зевак кулаками, пинками и пощечинами, распространились в Европе еще во время его первого путешествия в Европу и оживились, как только Пётр прибыл во Францию.

О восприятии Петра простыми горожанами можно судить по материалам дневника Ж. Бюва и его же сообщений в рукописной «*Gazette de la Régence*». Они свидетельствуют о том, что горожане отнеслись к необычному монарху с любопытством, отметив первым делом, что он плохо одет и пренебрегает этикетом. В сущности, это означало лишь то, что он одевался совсем не так, как французский король или французская знать и не соблюдал привычных для французов правил публичного поведения. Ходили слухи о его «странностях»: он сам сконструировал себе карету, установил свою кровать в гардеробной отведенного ему особняка; поговаривали о том, что белье исчезает из комнат, где ночуют члены его свиты. Слухи эти вполне понятны с учетом того, что парижане привыкли к сказочной роскоши одеяний короля и придворных, к чрезмерной сложности королевского этикета, к недоступности короля для простых смертных. Когда первое удивление прошло, французы смогли оценить простоту и доступность царя, отмечая его приветливость ко всем.

Париж легко отзывался словом на любое значимое событие. Появление в столице диковинного путешественника породило следующие наивные куплеты:

«Сколько радости наш Париж
И все мы увидели в эти дни!
Сей славный князь и государь
К нам вдруг возьми да загляни.
Покинул он свои края,
Чтоб почтить нашего короля.

¹² Цит. по: *Валишевский К.* Собр. соч. М., 1993. Т. 2. С. 356.

¹³ *Le Cabinet historique: revue... contenant, avec un texte et des pièces inédites, intéressantes ou peu connues, le catalogue général des manuscrits que renferment les bibliothèques publiques de Paris et des départements touchant l'histoire de l'ancienne France et de ses diverses localités, avec les indications de sources, et des notices sur les bibliothèques et les archives départementales / Sous la direction de Louis Paris.* Paris, 1856. Т. 2. Part. 1. P. 36.

Король Луи, о коем речь,
Послал людей ему навстречь.
Далекой Московии властелин
Везде почитаем и знаменит —
Как по Парижу он будет гулять.
Каждый с радостью поглядит <...>¹⁴.

Однако царь не переносил любопытства толпы, стремился избежать скопления народа. «О нем больше здесь не говорят, — отмечал наблюдатель, — Он ездит по Парижу инкогнито, в карете, запряженной парой лошадей, без охраны. Жалуются, что он совсем не щедрый»¹⁵. Действительно, парижане вскоре стали обсуждать «скудность» царя, которая в глазах толпы постепенно вырастала до размеров смертного греха: «он совсем не кажется щедрым», его «мелочность» вызывала осуждение, он уже казался не просто экономным, но «скардным», с манерами «мелкого буржуа»: он дал лишь одно эю в качестве чаевых работникам мануфактуры Гобеленов; он торговался с продавцами; он подал лишь мелкую монету человеку, обслуживавшему фонтаны, царь не заплатил музыкантам, которые по ночам увеселяли его в Версале, и т.д.¹⁶. Такого парижская толпа монарху простить не могла. «Как будто бы смысл существования королей заключается в том, чтобы бросать золото в толпу»¹⁷, — восклицал французский историк. Так называемая «скудность» объяснялась не только весьма умеренными личными потребностями царя. Видимо можно согласиться с К. Валишевским в том, что Пётр помнил о своем инкогнито и старался вести себя не как царь, а как частное лицо. Лишь в конце своего пребывания в Париже он щедро одарил всех принимавших его французов, о чем

¹⁴ Перевод В.К. Ронина цит. по: Вагеманс Э. Царь в республике. Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды (1716–1717) / пер. с нидерл. В.К. Ронина. СПб., 2013. С. 151; полный текст см.: Французские стихи в честь Петра Великого / сообщено И.Я. Бутковским // Исторический вестник. 1883. № 12. С. 633–634; см. также: Bourguignon J. Le passage de Pierre le Grand à son départ de France en 1717 // Revue d'Ardenne et d'Argonne publiée par La Société d'études ardennaises. 1902. №1–2. P. 2; Порше Ж. Пётр Великий и Парижская королевская библиотека // Временник Общества друзей русской книги. Париж, 1938. Кн. 4. С. 59–60.

¹⁵ Le Cabinet historique. P. 41.

¹⁶ [Buvat J.] Journal de la Régence (1715–1723) / par Jean Buvat. Paris, 1865. Т. 1. P. 267, 269, 270, 275; [Buvat J.] Gazette de la Régence: janvier 1715–juin 1719 / [attribué à Jean Buvat]; Publ. d'après le ms. inédit conservé à la Bibliothèque royale de La Haye, avec des annotations et un index, par le comte É. de Barthélemy. Paris, 1887. P. 176, 182, 186, 187.

¹⁷ Lortholary A. Les «Philosophes» du XVIII siècle et la Russie. Le mirage Russe en France au XVIII siècle. P. 19.

единогласно писали многие современники¹⁸. Один из них писал: «Царь, которого упрекали в отсутствии щедрости, в день отъезда блестяще показал ее присутствие; он дал 50 000 ливров для тех, кто заботился о его столе во время его пребывания во Франции; 30 000 ливров для своей стражи; 30 000 ливров для раздачи на королевских мануфактурах и заводах, которые он посетил; он подарил свой украшенный бриллиантами портрет королю; такой же — маршалу де Тессе, герцогу д'Антену и маршалу д'Эстре; портрет ценою в 6000 ливров он дал королевскому метрдотелю, который служил ему. Царь роздал, кроме того, много золотых и серебряных медалей с изображением великих событий его царствования и некоторых сражений»¹⁹. Медали, о которых идет речь в письме, были еще в 1713 году заказаны известному немецкому медальеру Ф.Г. Миллеру. Миниатюрные портреты с бриллиантами были выполнены в Париже Ш. Буатом. Недостающие для подарков портреты царь позаимствовал у знатных персон своей свиты (П.А. Толстого, А.И. Остермана, П.П. Шафирова). Книга расходов посольства точно зафиксировала количество подарков и их стоимость: маршалу де Тессе — «персона от Петра Андреевича» и 6 пар соболей, герцогу д'Антену — «персона большая от Остермана», а его сыну — 4 пары соболей, королевскому метрдотелю маркизу де Ливри — «персона из меньших», дворецкому Л.Ф. Вертону — «персона из меньших» и 2 пары соболей; «контролеру» де Кресму — часы золотые в 80 червонных, конюшим маршала де Тессе и его служителям медали и 100 червонных, служителям дворцов в Версале, Трианоне и Марли — 100 червонных, метрдотелям, служившим при столах, — по 2 медали золотых, прочим служителям «при столе на поварне» (126 человек) — 1000 червонных, королевским комнатным («коморным») служителям — 100 червонных; людям маршала Вильруа в отеле Ледигьер — 50 червонных; всего — 1430 червонных²⁰. Как видим, французские сановники, сопровождавшие царя в поездках и обеспечивавшие ему комфортное пребывание, принимавшие его в своих домах, заслужили наибольшую благодарность царя. Сохранилось благодарственное письмо герцога д'Антена Р. Арескину от 23 июня 1717 года:

¹⁸ См.: [*Dangeau Ph.*] *Journal du marquis de Dangeau*. Т. 17. Paris, 1859. P. 108; Сен-Симон. Мемуары. Полные и доподлинные воспоминания герцога де Сен-Симона о веке Людовика XIV и Регентстве. Избранные главы. М., 1991. Кн. 2. С. 369–370; *Lossky B.* *Le séjour de Pierre le Grand en France // Le monde slave*. 1932. № 8. P. 300.

¹⁹ Цит. по: *Валишевский К.* Собр. соч. Т. 2. С. 365.

²⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 342. Оп. 1, № 40. Л. 108–109.

«Господин, я получил письмо, которое вы потрудились мне написать 20-го. Я отдал необходимые приказания Риго относительно двух экземпляров Ко[р]неля²¹, которые вы просили. Мне очень досадно, что перед отъездом я не мог обнять вас, питая к вам в результате немногих встреч большое уважение и почтение. Я преисполнен благодарности за всю доброту Царя и за чудесный подарок, который он мне сделал; осмелюсь сказать, что таковой я получил впервые и сохранию его в моей семье в честь великого монарха, который мне его дал; и я был бы счастлив, если он пожелает что-то мне поручить в этой стране»²².

Вышеупомянутый Ж. Бюва кроме «скупоści» отмечал и другие странности в поведении русского царя, о которых судачили в Париже: пьянство, дурные манеры, свидания с дочерьми торговцев, лечение от венерической болезни...²³ Эти слухи отразились и в других источниках — от писем матери регента, до донесений некоего Сержана, снабжавшего информацией герцога Лотарингского. Сержан сообщал: «Он не общается с дамами днём, но не вечером и ночью; его предупреждали о необходимости позаботиться о здоровье»²⁴. Впрочем, даже злоязыкий Ж. Бюва колебался в оценке русского гостя. В «*Gazette de Régence*» промелькнула мысль о противоположности «просвещенного» царя его «варварскому» народу: «Здесь начинают говорить об этом монархе только с похвалой: будучи приветливым со всеми, он глядит на вещи с умом и рассудительностью. Он презирает своих подданных, сравнивая их с теми людьми, что видит здесь»²⁵.

В середине XVIII века Ж. Лакомб подметил: «Француз, который любит славу и который часто оценивает не суть, а только чисто внешний блеск, не воздает должное прекрасной простоте искренней и свободной души. Герой ускользнул из глаз простонародья, в Петре I видели лишь иностранца, не имевшего наших манер. Мало наших любопытных наблюдателей обратило внимание на глубину этого величественного и редкого гения, который вызвал удивление и восхищение Европы»²⁶. Впрочем, этот автор лишь повторил на-

²¹ По-видимому, речь идет о каких-то заказах, касающихся живописца Г. Риго и работ живописца и гравера М. Корнеля (Corneille).

²² СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. № 5. Л. 62.

²³ [Buvat J.] *Journal de la Régence* (1715–1723). P. 268, 269, 271, 272, 276, 277; [Buvat J.] *Gazette de la Régence: janvier 1715–juin 1719*. P. 188, 189.

²⁴ *Le Cabinet historique*. P. 42.

²⁵ [Buvat J.] *Gazette de la Régence: janvier 1715–juin 1719*. P. 175.

²⁶ *Lacombe J. Histoire des révolutions de l'empire de Russie*. Paris, 1760. P. 310.

блюдение Вольтера: «большинство французов заметило в нем (Петре I. — С.М.) только внешнюю грубость, оставшуюся у него от дурного воспитания, а преобразователь, создатель новой нации, великий человек, — ускользнул от их внимания»²⁷.

Мнение придворных о Петре было в большинстве случаев поверхностным. Все отмечали отсутствие у царя хороших манер и простоту его одежды, описывали его внешность. Как писал позже д'Аламбер, «царь Петр рассматривался придворными как достаточно посредственный человек, потому что он всегда носил коричневую одежду и был плохо причесан»²⁸. Герцог Сен-Симон оставил, пожалуй, самый лучший словесный портрет Петра I:

«Царь Петр был высок ростом, очень хорошо сложен, не тучен телом, с лицом округлой формы, высоким лбом и красивыми бровями; нос у него был довольно короткий и не массивный, чуть расширенный на конце, довольно полные губы, красноватое смуглое лицо, большие, красивые, живые и пронизательные черные глаза, взгляд величественный и благосклонный, когда он следил за собой, но иногда суровый и бешеный; он страдал судорогами, которые случались у него не часто, но так искажали лицо и глаза, что внушали ужас. Продолжались они всего мгновение, взгляд становился блуждающим и страшным, но тотчас же прекращались. Весь его вид свидетельствовал об уме, рассудительности и величии и не чужд был известной приятности. Он носил полотняный воротник, круглый, темный, похоже, не напудренный парик, не доходивший до плеч, коричневый полукафтан с золотыми пуговицами, башмаки, чулки, звезду и ленту ордена своего государства; перчаток и манжет он никогда не носил; полукафтан у него нередко был полностью расстегнут; шляпа вечно валялась на столе: он ее никогда не надевал, даже на улице. Но и при всей этой простоте, при том, что он иной раз ехал в первом попавшемся экипаже, сопровождаемый теми, кто подвернулся, все сразу понимали, кто он такой, по присущему ему от природы величественному виду»²⁹.

Оригинальную портретную зарисовку царя оставил монах-капуцин Фюрси де Перон, увидевший Петра «с короткими волосами, без парика, с гладким лицом, большими глазами; тело его достаточ-

²⁷ Вольтер. История Карла XII, короля Шведского / пер с фр. И.И. Ильяхенко. СПб., 1909. Т. 2. С. 163.

²⁸ Lortholary A. Les «Philosophes» du XVIII siècle et la Russie. Le mirage Russe en France au XVIII siècle. P. 282.

²⁹ Сен-Симон. Мемуары. Полные и доподлинные воспоминания герцога де Сен-Симона о веке Людовика XIV и Регентстве. Избранные главы. М., 1991. Кн. 2. С. 358–359.

но дородно». Автор отметил «грубые манеры, а также обычай его страны, происходящий от суровой жизни, избегать встреч с женщинами и их визитов: он не видел и не принял ни одной во время своего пребывания в Париже, кроме тех встреч, от которых невозможно было уклониться <...> Он уважал ученых и писателей, интересовался всеми редкими и прекрасными вещами, запоминал все, что видел, он всегда носил с собой карандаш, разыскивая ремесленников и мастеров, приглашая их ехать в свою страну, чтобы там их поселить — и многие последовали за ним»³⁰. Ж. Бюва, вероятно видевший Петра в Королевской библиотеке, так описывал его внешность:

«Царь был одет совсем просто: в сюртук из серого буракана, довольно грубого, без всяких украшений, в серую куртку из шерстяной ткани с пуговицами, украшенными бриллиантами; ни галстука, ни манжет, ни кружев на рубашке у него не было. Его испанский парик сзади был обрезан и не был напудрен, на сюртуке у него был небольшой воротник, который обычно носят путешественники. Поверх сюртука имелся пояс, украшенный серебряным галуном, на нем висел тесак на восточный манер. Монарх был высокого роста, довольно стройный, скорее худой, чем толстый, цвет его кожи немного бледный, без красноты, вид у него был несколько смущенный, он часто мигал глазами, что считают следствием данного ему когда-то яда»³¹.

Присущая Петру небрежная манера одеваться на некоторое время даже вызвала подражание парижских модников. Эту моду окрестили «habit du Tzar ou du Farouche» («одежда царя или дикаря»).

Мемуаристы из высшего общества не были едины в своих оценках русского царя. Мать регента Елизавета Шарлотта Баварская, принцесса Палатинская — умная, начитанная и наблюдательная женщина, которая давно следила за политическими успехами Петра, писала после встречи 14 мая своей сестре: «Сегодня меня посетил некто великий, почти мой герой, царь. Я нахожу его хорошим, в том смысле, что когда-то называли “хорошим”, то есть простым и без всякого позерства. Он умен, он действительно говорит на очень плохом немецком языке, но он очень толков и его легко понимать. Он вежлив со всеми и всем очень нравится»³². Однако вскоре принцесса, весьма чувствительная к вопросам этикета и морали, изменила свое мнение: «До того, как царь побывал во Франции, я счита-

³⁰ Sawizki M. Unbekannte Aufzeichnungen... // Die Welt als Geschichte. 1957. XVII. Heft 1. S. 54

³¹ [Buvat J.] Journal de la Régence (1715–1723). P. 270.

³² Lettres de Madame, duchesse d'Orléans née princesse Palatine. Paris, 2010. P. 526, 551.

ла его моим героем. Когда я с ним говорила, я была им очень довольна. Но с тех пор, как он пустился в разного рода разгул, он упал в моих глазах. Я его видела только один раз»³³. Впоследствии, узнав о трагической судьбе царевича Алексея, принцесса Палатинская даже пыталась защищать Петра, заявив, что в газетах сообщают ложные известия, а царь «уже не такой варвар», каким он был до своих путешествий. До мадам Ментенон дошли такие слухи:

«Мне только что сказали, что царь притащил с собой девку и что Версаль и Марли страшно скандализированы. Пришлось послать врачей из Парижа в Трианон. Охота в Фонтенбло мало понравилась царю; зато он так хорошо поужинал, что герцог д'Антен нашел необходимым отказаться от его общества и сел в другую карету. Сен-Симон рассказывает, что в карете царь доказал, что слишком много ел и пил. В Пти-Буре, где остановились на ночь, пришлось нанять двух крестьянок, чтобы привести в порядок карету»³⁴.

По позднейшему свидетельству Вольтера и Д'Аламбера, кардинал Дюбуа говорил, что царь просто «сумасшедший, рожденный быть помощником боцмана на голландском судне»³⁵.

И все-таки личные встречи с царем способствовали преодолению стереотипов, о чем свидетельствует, например, отзыв из письма воспитателя короля маршала Вильюра к маркизе Ментенон:

«<...> Должен заметить, что этот государь, мнимый варвар, вовсе не походит на такового; он представляет такие чувства величия, великодушия и приветливости, каких мы вовсе не ожидали»³⁶.

Об этом же более пространно писал в своем письме маркиз де Лувиль:

«В этом монархе гораздо больше хороших качеств, чем дурных, так как я нахожу его недостатки незначительными и поверхностными. Его внешность не слишком эффектна, но внутренне он очень развит. Он не очень галантен, и женщины не входят в круг

³³ *Cruyssen D. van der*. Madame Palatine, princesse européenne. Paris, 1988. P. 562.

³⁴ Цит. по: *Валишевский К.* Собр. соч. Т. 2. С. 364; ср: [*Buvat J.*] *Journal de la Régence*. P. 271–272.

³⁵ *Lortholary A.* Les «Philosophes» du XVIII siècle et la Russie. Le mirage Russe en France au XVIII siècle. P. 19.

³⁶ [*Ле Дран Н.Л.*] Переговоры касательно заключения союза между королем Людовиком XIV и царем Петром Первым. Переговоры между Францией и царем всероссийским Петром Первым. 1715–1717 // Сборник Императорского Русского исторического общества. 1881. Т. 34. С. XXV.

его интересов, ибо в качестве любовниц он использует лишь рабынь. Он много умеет, и нет ни одного человека во Франции ни во флоте, ни в армии, ни в фортификации столь же знающего, как он. Он уважает своих врагов и питает особое почтение к шведскому королю и к покойному королю (Людовику XIV. — *С.М.*). Он скуп по отношению ко всем бесполезным вещам. Он любит искусства и ненавидит роскошь. С тех пор, как он находится здесь, он говорил тысячу раз, что со слезами смотрит на Францию, что он видит, что наш маленький король теряет свое королевство из-за роскоши и излишеств. Он знает Францию так, будто он здесь вырос <...> Он ни минуты не бывает без работы. Он ложится в восемь часов вечера и встает в четыре утра»³⁷.

«Чем больше мы его (царя. — *С.М.*) видим, тем больше мы им довольны», — писал граф д'Аржансон маркизе Баллерау. А журналистка А.М. Дюнуайе в своем письме мужу в Голландию, написанном явно задним числом, сложила целый панегирик русскому царю-преобразователю:

«Все здесь без ума от него и находят его величайшим из когда-либо виданных монархов. До его времени на Московию смотрели с каким-то отвращением. Это была страна, которую едва знали по карте и частным известиям некоторых писателей, которые не боялись опровержений и часто рассказывали о ней небылицы. Теперь дело другое: Московия или великая Россия весьма часто посещается иностранцами и производит значительный торг. Многочисленные войска, сформированные новым царем, превосходно обучены; искусства и мануфактуры этой страны процветают, равно как и науки <...> Одним словом, империя царя, уже и без того обширнейшая, после новейшего её образования и устройства, сделалась одной из страшнейших империй в мире. Все это свидетельствует о величии гения её государя, который одною силою своего ума и воли создал и привел в исполнение столько великих начинаний, и который для успешности оных подвергся различным опасностям, перенес столько трудов и совершил столько долговременных путешествий, наблюдая нравы и обычаи разных народов Европы и замечая в них все достойное подражания для своего государства <...> Особы, которые могли беседовать с ним без переводчиков, уверяют, что он чрезвычайно умен, сметливость и изящный вкус его проявляются во всех похвалах его и суждениях. Страсть его к наукам доказывается той любознатель-

³⁷ Цит. по: *Guichen E. de. Pierre le Grand et le premier traité franco-russe (1682–1717)*. Paris, 1908. P. 237–238.

ностью, с которой он следил за деятельностью нашей обсерватории, все осматривал, обо всем расспрашивал по нескольку раз наших математиков, тщательно собирал и скупал все любопытное и полезное для блага своей державы и образования своих подданных. Смело можно сказать, что он с пользою употребил каждый день, каждый час своего кратковременного пребывания в нашей столице <...>³⁸.

Герцог Л.А. д'Антен, довольно близко общавшийся с царем, в своих мемуарах («*Mémoires de la Régence*», т. 3) постарался дать разностороннюю характеристику необычному гостю³⁹. Герцог отмечал, что в Петре совместились «две натуры: одна — скифа и вандала, другая — человека, который заботами и трудами смог себе дать всё, чего ему недоставало с точки зрения образования». Д'Антен повторил некоторые распространённые оценки парижан: царь плохо одет, «он не прочь хорошо выпить», «он совсем не кажется щедрым». Однако эти мелкие недостатки не затмевали в глазах автора мемуаров «добрых и великих» качества царя: он умён и постоянно думает о благе своей страны, он овладевает всеми полезными знаниями, обладает вкусом к искусствам. Царь далек от роскоши, которую находил во Франции чрезмерной, и часто говорил герцогу, «что это великое королевство погибнет только от неё». Наконец, Пётр представлен в записках д'Анте́на как дальновидный политик, сделавший могущественным своё государство. Причём автор полагал, что Россия и Франция не опасны друг другу из-за удаленности, а потому могут быть союзниками. Примечательно, что подобно многим европейским современникам д'Анте́н не распространял высокую оценку русского монарха ни на его окружение, ни на русский народ в целом — их он часто противопоставлял царю-реформатору. Можно предположить, что устные отзывы д'Анте́на о царе, а может быть, и его оставшиеся неопубликованными мемуары были известны его приятелю герцогу Сен-Симону, повторившему некоторые оценки почти дословно.

В общем-то благожелательное отношение к Петру I высказывал в своем дневнике маркиз Ф. Данжо. Он отмечал, что в окружении герцога Орлеанского «весьма довольны царем»⁴⁰.

Герцог Сен-Симон первый набросок характеристики царя сделал задним числом в виде примечания к дневниковой записи Данжо:

³⁸ Дюнуайе А.М. Пребывание имп. Петра Великого в Париже // Маяк современного просвещения и образованности. 1840. Ч. 6. С. 79–80.

³⁹ Bibliothèque nationale de France. Département des Manuscrits. Fr. nouv. acq. 23931. (*Duc d'Antine. Mémoires de la Régence*. Т. III. 1717. Fol. 6r–9v).

⁴⁰ См.: [*Dangeau Ph.*] *Journal du marquis de Dangeau*. P. 80, 82, 84.

«Этот знаменитый царь наделал в мире столько шума, что было бы бесполезно об этом распространяться. Ограничусь лишь тем, что скажем, как им восхищались здесь из-за его исключительной любознательности, которая касалась всего и не пренебрегала даже малейшими подробностями, могущими принести пользу в будущем; он во всем был сведущим и уважал лишь то, что стоит ценить; он проявлял блестящий и обширный ум, верное и живое понимание вещей, просвещенность и некоторую постоянную значительность. Он удивительным образом соединял явное, самое благородное, самое деликатное и в то же время ничуть не стесненное в своей уверенности величие с учтивостью во всегдашнем обращении со всеми, которую он выказывал в зависимости от положения своего собеседника. Непринужденность, происходившая от свободы, и сильный отпечаток древнего варварства его страны делали его манеры живыми, даже торопливыми, а его желания непостоянными, не терпящими принуждения и возражения. Его стол иногда был менее приличным, чем стол сопровождавших его, небрежно накрытым, что свойственно тем, кто повсюду чувствует себя хозяином. Если он что-то хотел увидеть или сделать, то независимо от средств, он принуждал действовать так, как он желал и говорил. Охота все видеть так, как ему удобно, нежелание выставлять себя напоказ, привычка к свободе заставляли его часто предпочитать наемные кареты или фиакры, или даже первую попавшуюся под руки карету его людей или тех, кого он не знал, чтобы ехать по городу или за город; после чего маршалу де Тессе или свите приходилось бежать за ним, часто не имея возможности его догнать. Как бы ни был он просто одетым, без пышного окружения и в простой карете, в нем сразу узнавался монарх — и в манерах, и в личности <....>»⁴¹

В 1717 году Сен-Симон тщательно присматривался к русскому гостю и, кажется, многое сумел в нем увидеть и запомнить. Его мемуары, как уже отмечалось, были завершены только в 1740-х годах, когда прояснились результаты государственной деятельности царя и роль России в Европе. Сен-Симон был горячим сторонником союза Франции и России.

Общая оценка Петра I у Сен-Симона — самая высокая. Она как будто заимствована из многочисленных в XVIII веке панегириков царю: «Пётр I, царь Московии, совершенно заслуженно стал настолько знаменит и у себя, и по всей Европе и Азии, что я не решусь сказать, будто знаю другого столь же великого и прославленного

⁴¹ [Dangeau Ph.] Journal du marquis de Dangeau. P. 80–81.

монарха, равного героям древности, который вызывал бы такое восхищение в свое время и будет вызывать в грядущие века»⁴². Однако мемуарист не ограничивался этим панегириком и тщательно анализировал все то, что он знал и читал о русском царе, и то, что видел собственными глазами. Для него, как и для всех французов, Россия до Петра, была варварской страной, и сам Пётр еще не совсем избавился от «варварских нравов». Странные манеры, упрямство, непостоянство желаний, нежелание считаться с общепринятыми правилами поведения и с интересами окружающих — эти «варварские черты» и «пороки», по мнению Сен-Симона, объясняются его «варварским» происхождением, «варварством» его родины и дурным воспитанием. Сен-Симон рассказывал о том, как царь, выйдя из своей резиденции, садился в первую попавшуюся карету, приказывал вести себя в город, оставляя в недоумении и ужасе владелицу экипажа; по словам мемуариста, царь даже не поклонился мадам Ментенон во время своего странного визита к ней; Пётр не проявлял должного почтения к французской аристократии... Однако все это лишь неприятные детали, за которыми Сен-Симон старался разглядеть человека в высшей степени одаренного, незаурядного. Царь покорила мемуариста своей всеобъемлющей любознательностью, страстью к просвещению, своим блистательным умом, умением перенимать необходимое и полезное. Примечательно, что мемуарист преподносил свое высокое мнение о царе как единодушное мнение, сложившееся о нем во Франции, «которая взирала на него, как на чудо, и была очарована им», что, конечно, не соответствовало действительности.

При этом даже такой начитанный и внимательный автор, как Сен-Симон, часто демонстрировал незнание петровской России⁴³, которую он искренне хотел видеть союзницей Франции.

Мемуары Сен-Симона с их благожелательным отзывом о Петре давно известны в России и широко использовались отечественными историками. Перевод отрывка о пребывании Петра I в Париже был опубликован в 1856 году⁴⁴ и недавно вновь был переиздан в солидном издании⁴⁵. К сожалению, старый перевод не был сверен с

⁴² Сен-Симон. Мемуары. С. 394.

⁴³ Этот общий недостаток тогдашней французской литературы отразился, например, в стихах неизвестного автора, «воскресившего» царя Алексея Михайловича, которому Петр якобы собирается рассказать свои впечатления о Франции. См.: Бутковский И.Я. Французские стихи в честь Петра Великого // Исторический вестник. 1883. Т. 14.

⁴⁴ Журнал Министерства народного просвещения. 1856. № 1. Отд. 2. С. 1–24.

⁴⁵ Пётр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. СПб., 1993. С. 138–153.

оригиналом. Пропуски и искажения перевода (например, везде опущено слово «варварство» и т.д.) свидетельствуют о том, что и в середине XIX века умеренная критика Сен-Симона в адрес царя казалась недопустимой с точки зрения цензуры или, скорее, «внутреннего редактора» переводчика. Впрочем, это был далеко не первый и не единственный случай неприятия русскими оценок Петра I, высказанных французами.

Эхом царского визита в Париж и следствием принятия царя в Академию наук было «Похвальное слово царю Петру I» известного писателя, ученого-популяризатора, предшественника просветителей Бернара Ле Бовье де Фонтенеля (1657–1757).

В ноябре 1725 года Парижская Академия наук поручила своему секретарю произнести посмертное слово в похвалу Петру I. Панегирик Фонтенеля⁴⁶ — это не перечень конкретных заслуг царя перед наукой. Ведь речь шла об императоре, который в силу своей власти мог сделать для наук и художеств больше, чем обычный ученый. Даже как военачальник и завоеватель он способствовал распространению военного искусства среди своих подданных. Предваряя свою речь такими замечаниями, Фонтенель ставил перед собой задачу не просто рассказать о просвещенном государе и об успехах науки в России, но дать оценку реформам Петра I в целом.

Фонтенель начинал с того, что характеризовал положение России до Петра. Крестьяне, рожденные рабами и не заинтересованные в своем труде; господа, угнетенные деспотической властью; всякое производство задавлено; чахлая коммерция находится в руках иностранных купцов; военное искусство прозябает в небрежении; флот отсутствует, — такова мрачная картина «варварской» Московии накануне преобразований. «Повсюду царствовала крайняя развращенность нравов и чувств, которая даже не была прикрыта внешней благопристойностью <...>» На двух страницах текста у Фонтенеля уместились почти все стереотипы, выработанные «цивилизованной» Европой в отношении «варварской», азиатской России к началу XVIII века. Нельзя сказать, что эта картина была ложной, целиком вымышленной, но в ней отсутствовало стремление понять и объяснить состояние допетровской Руси. Автор ограничился лишь ссылкой на то, что все народы переживают похожий период в первые века своей истории, а также указывал, что русские не были лишены добрых природных задатков. Фонтенель отнюдь не питал неприязни к русскому народу, он подчеркивал его былое невежество, желая тем самым возвысить просветительскую миссию Петра I.

⁴⁶ Fontenelle B de. Éloge du czar Pierre I-er // Oeuvres complètes. Genève, 1968. Т. 1. P. 338–356.

«Герои всех видов выходят из рук природы целиком сформированными», поэтому, считает Фонтенель, дурное воспитание и окружение никак не испортили царя. Тяжелая школа, которую Петр прошел в потешном полку, давала ему право, по мнению автора, быть требовательным к другим.

«Все нужно было делать заново в Московии, улучшать было нечего. Речь идет о создании новой нации, причем надо было действовать одному, без помощи, без инструментов»⁴⁷. Пётр у Фонтенеля «творил» свою нацию силою своего разума, своей энергии. При этом нация сопротивлялась: в «грубом, непокорном, ленивом» народе находилось много недовольных. Далее автор разворачивал перед своими читателями панораму основных событий петровского времени. Главной для Фонтенеля являлась тема цивилизации или европеизации России. Он отмечал благотворное влияние поездок русских на учебу за границу и даже писал о цивилизующей деятельности пленных шведов в Сибири: «Они стали чем-то вроде колонии, которая цивилизовала прежних жителей». Но первенствующая роль в просвещении России принадлежала все-таки самому Петру. Автор говорил о его путешествиях по Европе, беседах с учеными, о тщательном изучении географии своей страны, о создании грандиозных планов по соединению русских рек каналами, об организации научных экспедиций. Фонтенель лишь перечислял нововведения царя: новые органы государственного управления, школы, учебные заведения в Москве, Петербурге и Киеве, обсерватория, Кунсткамера, Ботанический сад, типография, библиотека. Чтобы показать успехи нового русского искусства, Фонтенель принижал древнерусскую архитектуру и живопись, которые ему просто не были известны.

Большое внимание Фонтенель уделял религиозной политике Петра. Главные достижения в этой области, по его мнению, состояли в том, что церковь избавилась от многих предрассудков и обогатилась мудрыми регламентами, а главное, царь не побоялся сам встать во главе церкви и даже посягнуть на ее богатства. Французский академик был явно озабочен засильем церкви в своей стране, поэтому русский пример кажется ему весьма поучительным.

Фонтенель не избегал вовсе неприятных сторон характера и деятельности Петра: грубости, пристрастия к вину, жестокости по отношению к царевичу Алексею, но не они были для него определяющими в характеристике царя.

Секретарь Академии наук выступал как довольно осведомленный автор: ему известны многие научные замыслы Петра, благодаря общению, которое с легкой руки царя установилось между учеными

⁴⁷ *Fontenelle B de. Éloge du czar Pierre I-er.* P. 343.

Петербурга и Парижа⁴⁸. Главные источники сочинения Фонтенеля — это известные записки Д. Перри и Х.Ф. Вебера. Можно предположить, что автор «Похвального слова» пользовался какими-то материалами русского посла в Париже Б.И. Куракина, который сам выступал в качестве историка Петра I. И тем не менее в текст Фонтенеля закралось немало фактических ошибок: неточно названы даты рождения Петра, взятия Азова, Великого посольства, основания Петербурга, Прутского похода. Встречаются наивные суждения вроде того, что Пётр перед отъездом в Европу разослал по разным странам главных вельмож, чтобы обезопасить страну от возможного мятежа.

В сочинении Фонтенеля хорошо просматриваются идеи, которые станут ключевыми в век Просвещения. Прежде всего это безграничная вера в разум и прогресс. Предшественник просветителей восхвалял Петра за отказ от традиций, за религиозную терпимость, за покровительство наукам и технике. В русском царе Фонтенель одним из первых увидел просвещенного монарха, который вывел свой народ из состояния «варварства» и приобщил к цивилизации. Ради прогресса, свершившегося во имя народа, Фонтенель готов был простить Петру его деспотизм и недостатки.

А. Лортолари писал, что Фонтенель создал «ядро русского мифа» о царе, сотворившем новую нацию. При этом необходимо отметить, что миф о Петре — творце новой России еще до появления «Похвального слова» Фонтенеля бытовал в европейском общественном мнении и официальной идеологии Российского государства. Иностранцы уже в 1716 году считали возможным называть Петра «творцом своего народа». К. Зотов докладывал царю из Парижа: у маршала и вице-адмирала д'Эстре был на аудиенции «и принял меня так милостиво, как бы сына своего <...> при мне господин маршал назвал ваше величество творцом российского народа: что может быть говорено в вашу государеву хвалу лутче сего»⁴⁹. Канцлер Г.И. Головкин при поднесении Петру I императорского титула говорил: «<...> токмо едиными вашими неусыпными трудами и руковождением мы, ваши верные подданные, из тьмы неведения на феатр славы всего света и, тако реши, из небытия в бытие произведены и в общество политичных народов присовокуплены, яко то не токмо нам, но и всему свету известно <...>»⁵⁰. Таким образом, Фонтенель лишь обосновал идею, «носившуюся в воздухе», и придал ей законченный вид, освятил ее своим ученым именем. Однако всякий миф имеет под собой какую-то реальную основу: как бы строго

⁴⁸ См.: *Радовский М.И.* Французский ученый об успехах науки в России начала XVIII в. // Вестник АН СССР. 1960. № 6.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 9, отд. II. № 27. Л. 96–96 об.

⁵⁰ ПСЗ. Т. 6. С. 445.

мы ни оценивали реальные результаты культурной политики царя, они имели далеко идущие последствия, — и современные историки уверенно говорят о культурном перевороте петровского времени.

«Похвальное слово» Фонтенеля оказалось едва ли не первым произведением иностранного автора о Петре I, переведенным на русский язык и опубликованным, хотя публикация состоялась лишь в 1771 году⁵¹. То, что было в Париже панегириком, отнюдь не казалось таковым в Петербурге. Поэтому все переводы сочинения Фонтенеля на русский язык вплоть до середины XIX века подвергались редактированию и сокращению⁵². Наиболее близким к оригиналу был перевод А. Воинова, опубликованный в 1807 году⁵³.

Несовпадение мнений французских и русских историков заметно в вопросе о том, какова была общая оценка Петра I, сложившаяся в итоге его визита в Париж. Отечественные исследователи единодушно считали эту оценку положительной: «Впечатление, которое произвел Петр на современников своим пребыванием во Франции было весьма благоприятное»⁵⁴. Из французских историков такого мнения придерживался лишь дипломатичный Э. Гишан⁵⁵. Более осторожен К. Валишевский: «<...>общее впечатление <...> остается неопределенным и скорее неблагоприятным»⁵⁶. Совсем категоричен А. Лортолари, по мнению которого, лишь ничтожное меньшинство в обществе показало себя благорасположенным к Петру, в том числе Сен-Симон, которого Лортолари называл «жертвой обмана».

Приведенный выше материал, к которому следует прибавить благожелательные по отношению к Петру хронику в журнале «Nouveau Mercure» и книгу П. Бюше «Краткий очерк истории царя Петра Алексеевича»⁵⁷, вышедшую во время визита, не позволяет согласиться с выводом Лортолари. Но и безоговорочный оптимизм отечественных авторов не выдерживает строгой критики. Общественное

⁵¹ Трудолюбивый муравей. 1771. № 2–6.

⁵² См.: Мезин С.А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 2003. С. 69–71.

⁵³ Похвальное слово императору Петру Великому, сочиненное Фонтенелем. Переведено с французского А. Воиновым. М., 1807.

⁵⁴ Брикнер А. Путешествия Петра Великого за границу с 1711 до 1717 года // Русский вестник. 1881. № 3. С. 71; ср.: Бакланова Н.А. Культурные связи России с Францией в первой четверти XVIII в. // Международные связи России в XVII–XVIII вв. М., 1966. С. 332–333.

⁵⁵ Guichen E. de. Pierre le Grand et le premier traité franco-russe. P. 236–237.

⁵⁶ Валишевский К. Собр. соч. Т. 2. С. 364–365.

⁵⁷ [Buchet P.F.] Abbégé le l'histoire du Czar Peter Alexiewitz, avec une relation de l'état présent de la Moscovie, et de ce qui s'est passé de plus considerable, depuis son arrivée en France jusqu'à ce jour. Paris, 1717.

мнение не было единогласным. Подсчет сторонников и противников царя едва ли окажется точным. Важнее отметить то, что деятельность Петра начала разрушать образ «русского варвара», исторически сложившийся во Франции. Путешествие Петра во Францию стало важным поворотным пунктом во взаимоотношениях двух стран: это был момент первого близкого знакомства, взаимного узнавания, взаимного любопытства — открытие «другого», хотя оно протекало не всегда гладко. У русского царя появились сторонники в образованном французском обществе. Наконец, после длительного периода пренебрежения к далекой и «варварской» стране во Франции зародился живой интерес к Петру I и к России.

Любил ли Пётр I французов? Вместо заключения

24 июня 1717 года закончилось путешествие Петра I во Францию. Задуманный в первую очередь для решения актуальных политических задач, визит царя вышел за первоначально планируемые рамки. Формальный союз с Францией был достигнут, но не получил желаемого содержания и развития. Политические контакты в Париже не могли доставить царю полного удовлетворения. Он убедился, что обещание французских властей, что «его де царскому величеству ни в чем здесь не откажут», оказалось лишь фигурой речи. Однако надежда на истинный союз с Францией, закрепленный династическим браком, не покидала царя до конца жизни.

Визит во Францию значительной мере удовлетворил любознательность царя в различных областях военного дела, промышленности, науки, архитектуры и искусства. При этом в ходе визита произошло заметное смещение интересов Петра I от сферы военно-морского дела к области культуры. Во многом формальным оказалось знакомство с французской системой государственного управления. Напротив, культурные и научные интересы вышли на первый план. Встречи с учеными, мастерами, художниками, коллекционерами, поездки по достопримечательностям Парижа и загородных резиденций увлекли царя и принесли, пожалуй, наиболее ощутимые результаты.

Значение визита Петра I в Париж в целом выходит за рамки относительного дипломатического успеха. Представляется неоправданным скепсис А. Лортолари, утверждавшего, что «путешествие закончилось неудачей, неудача политическая сопровождалась личным провалом»¹. Не было ни политического, ни личного провала. Необычайная популярность Петра I в общественном мнении Франции XVIII века — тому подтверждение. Именно французские авто-

¹ *Lortholary A.* Les «Philosophes» du XVIII siècle et la Russie. Le mirage Russe en France au XVIII siècle. Paris, 1951. P. 20.

ры — Фонтенель и Вольтер — сделали Петра I героем века Просвещения, сотворили европейский «миф Петра Великого». А главное — визит положил мощное начало диалогу двух стран в XVIII веке, открыл дорогу французскому культурному влиянию в России, которое развивалось по нарастающей, несмотря на трудности политического диалога.

Когда-то С.М. Соловьев написал о нелюбви Петра I к французам: «С Францией не ладилось у нас с самого начала. Петр был воспитан под впечатлением этих неладов <...> что он не любил Франции и французов — это хорошо известно»². Основанием для такого суждения послужили утверждения французского дипломата барона Ш.Ф. д'Ибервиля, адресованные в 1705 году А.А. Матвееву, что царь

«<...>малую всегда с их королем к дружбе склонность имел, и их двор вовсе презирал и за неприятеля себе вменял <...> К тому же будто великий государь из себя николи слышать не может о дворе французском, и кто при дворе честно имя короля их упомянет, из чужих или из своих, всегда тот обретаецца в бедствах; также будто в Ганновере в свой прежний поход (во время Великого посольства. — С.М.) великий государь, будучи изволил когда пити вино шампани французское, гораздо похвалял его, и угодно то ему было. Когда спросил, откуда то привезено вино, сказали, что из Франции. Тогда в другоряд то вино пролил и рюмку розбил, злослова тот народ».

На это Матвеев отвечал: «А что о великом государе, коего будто б несклонность к двору французскому, то самая лжа была писана из Ганноверского двора явно для развращения с короною французскою, понеже ганноверский с шведом единомушны»³. Впрочем, в антифранцузских настроениях Петра I во время Великого посольства едва ли можно сомневаться⁴.

О неприязни царя к французам можно узнать и из одного из рассказов А.А. Нартова, в котором, правда, речь идет не столько о французах, сколько о французском языке. Царь, якобы, «надобными языками для России почитал <...> голландский и немецкий. “А с французами, — говорил он, — не имеем мы дела”»⁵. Однако

² Соловьев С.М. Сочинения: в 18 кн. Кн. 8: История России с древнейших времен. Т. 15. М., 1993. С. 57.

³ РГАДА. Ф. 93, оп. 1. 1705. № 2. Л. 34 об.—35.

⁴ См.: Кросс Э. Английский Пётр. Пётр Великий глазами британцев XVII—XX веков / пер. с англ. М. Вишнякова. СПб., 2013. С. 18—19, 52—53.

⁵ Пётр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. М., 1993. С. 301.

этот литературный вымысел А.А. Нартова имел целью борьбу с галломанией, распространившейся в русском дворянском обществе конца XVIII века, а кроме того, противоречил другим им же приписанным царю речам: «Добро перенимать у французов науки и художества <...>»⁶. Было бы ошибочным считать, что царь не хотел иметь дела с французами. В анекдоте, записанном Я. Штелиным, царь утверждал, что с французами выгодно иметь дело: «Французу <...> всегда можно дать несколько больше жалованья; ибо он вельсчак и опять в государстве то истратит, что получит»⁷.

Живой интерес, который Пётр проявил к французской культуре в самых различных её проявлениях (военно-морское дело, архитектура и садово-парковое искусство, техника, художественные ремёсла, живопись, точные и естественные науки, книжное искусство и т.д.), настойчивое приглашение французских специалистов на русскую службу, его искреннее желание заключить союз и даже породниться с французским двором скорее говорят о его симпатии к Франции и стремлении наладить с ней прочные и долговременные отношения.

Как отметил Э. Вагеманс, после 1717 года закончился «голландский период» в истории России. Канула в прошлое юношеская любовь Петра к морской республике. «Главное влияние оказывали отныне немцы и французы»⁸, — заключает исследователь. Смену художественных ориентиров заметили и историки искусства: «Когда Пётр I стремительным натиском вывел Россию на мировой рынок и «ногою твердой стал при море», одолев шведского льва, он уверовал в себя как властелина мирового размаха, и тогда пышные лавры Людовика XIV стали манить его сильнее, чем демократическая простота голландских бюргеров»⁹. Но если у Петра I была склонность к Франции — это была не пылкая страсть, а скорее стремление к «браку по расчету», из которого можно было извлечь немало политических и культурных выгод.

⁶ Там же. С. 273.

⁷ [Штелин Я.] Подлинные анекдоты Петра Великого слышанные из уст знатных особ в Москве и Санктпетербурге. М., 1787. С. 97.

⁸ Вагеманс Э. Царь в республике. Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды (1716–1717) / пер. с нидерл. В.К. Ронина. СПб., 2013. С. 227.

⁹ Дмитриева Н.А. Краткая история искусства. Очерки. М., 1975. Вып. 2. С. 306–307.

Фонтенель

Похвальное слово царю Петру I¹

Поскольку нет примера, чтобы академия слагала похвальное слово государю, прославляя в его лице, если можно так сказать, одного из своих членов, мы обязаны предупредить, что рассматриваем покойного царя не только в качестве академика, но академика-монарха и императора, который учредил науки и искусства на обширных подвластных ему территориях; и если мы его рассматриваем как воителя и завоевателя, то лишь потому, что он дал своим подданным понимание военного искусства.

Московия или Россия была еще почти в таком состоянии невежества и грубости, которое свойственно начальным этапам истории народов. Нельзя сказать, что в московитах не было живости, пронизательности, таланта и умения подражать тому, что они могли видеть; но всякое производство было подавлено. Крестьяне, рожденные в рабстве, и беспощадно угнетенные своими господами, довольствовались лишь тем, чтобы примитивное земледелие доставляло им минимальное пропитание; они не могли и не смели обогащаться. Сами господа не смели казаться богатыми; а ведь искусства — это плоды богатства и мудрости правительства. Военное искусство, к сожалению столь же необходимое, как земледелие, было в таком же небрежении. Поэтому московиты распространяли свое владычество лишь на Севере и на Востоке, где они находили еще более варварские народы, а не на Юге и не на Западе, где находились шведы, поляки и турки. Политика царей удаляла от военной деятельности вельмож и дворян, которые дошли до того, что рассматривали свою недостойную праздность как почетное избавление. И если некоторые из них служили, то становились командирами благодаря происхождению, а не служебному опыту. В войска приглашали много немецких офицеров, но большинство из них были простыми солдатами в своей стране, и, став офицерами лишь потому, что находились в Московии, они плохо знали свое новую должность. Русские войска, набранные насильно, состоявшие из подлой черни, не привыкшей к дисциплине и командам, не могли противостоять врагам, привыкшим к войне. И если счастливое стечение обстоя-

¹ Перевод выполнен С.А. Мезиным по изданию: *Fontenelle B de. Éloge du czar Pierre I-er // Oeuvres complètes. Genève, 1968. Т. 1. P. 338–356.*

тельство давало им в руки победу, они оставались к ней равнодушными. Главную силу империи составляли стрельцы — войско подобное турецким янычарам: они представляли опасность для своих государей в той же мере, как государи, опиравшиеся на янычар, были опасны для других народов.

Слабая и немощная торговля целиком находилась в руках иностранных купцов, которые обманывали невежественное и ленивое местное население. У москвитов не было ни военных, ни торговых кораблей, а Архангельским портом пользовались лишь иностранцы.

Само христианство, которое требует некоторых знаний, по крайней мере, от духовенства, оставляло священников в таком же мраке невежества, в каком находился народ; все знали лишь, что они принадлежат к греческой религии, и что им следует ненавидеть латинян. Никто из духовенства не был способен к проповедничеству перед столь простодушной публикой; в самых древних и богатых монастырях почти не было книг, даже притом что они не читались. Повсюду царствовала крайняя развращенность нравов и чувств, которая даже не была прикрыта, как в других местах, внешней благопристойностью или видимостью знания или внешними прикрасами. Притом этот самый народ был крайне горд, полон презрения к тому, чего он совсем не знал; и таковое высокомерие есть верх невежества. Цари способствовали этому, не позволяя их подданным путешествовать: может быть, они боялись, что тем они откроют глаза на их бедственное положение. Московитский народ мало известный даже ближайшим соседям, был совершенно посторонним для европейской системы, имел лишь слабые связи с другими державами и малое уважение с их стороны; лишь время от времени едва доходили сведения о каких-то важных переворотах.

Таково было состояние Московии, когда у царя Алексея Михайловича и его второй жены Наталии Кирилловны 11 июня 1672 года родился царевич Пётр². Царь умер в 1676 году; его старший сын Федор наследовал ему и умер в 1682 году, процарствовав 6 лет. Царевич Пётр, имея лишь 10 лет от роду, был провозглашен царем в обход брата Ивана, который был хотя и старшим, но слабым здоровьем и умом. Стрельцы, подстрекаемые царевной Софьей, которая надеялась оказывать влияние на своего неспособного к правлению брата по отцу и матери, подняли восстание в пользу Ивана. Чтобы погасить гражданскую войну, было принято решение, что два брата будут царствовать вместе.

Став царем в столь нежном возрасте, Пётр был очень плохо образован не только из-за общей порочности московитского образования, но и вследствие обычного образования царевичей, которое портилось лестью в том возрасте, когда необходимо прививать правила и истины, а еще и стараниями царевны Софьи, которая уже достаточно знала Петра, чтобы опасаться того, что однажды он станет неуправляемым. Она окружила его людьми,

² Пётр I родился 30 мая / 9 июня 1672 года. *Здесь и далее примечания переводчика.*

способными задушить его природные задатки, испортить его, изнежить удовольствиями. Однако хорошее образование не создает великого человека, а плохое его не портит. Разного рода герои выходят готовыми из рук природы, снабженные непревзойденными качествами. Склонность царя Петра к военным занятиям заявила о себе уже в ранней молодости; он увлекался барабанным боем; и он не просто развлекался как ребенок, но изучал должность солдата, стремился достичь умения до такой степени, что обучал других солдат, у которых это получалось не так ловко, как у него.

Царь Фёдор любил пышность в одеждах и в экипажах. Пётр же, хотя и задетый этой пышностью, которую он считал бесполезной и дорогостоящей, с удовольствием замечал, что его подданные, бывшие до сих пор бесконечно далекими от всякой роскоши, постепенно приобретали к ней вкус.

Пётр понимал, что наилучшим образом может действовать своим примером. Он составил роту из 50 человек под командованием иностранных офицеров — все они имели форму и выполняли военные упражнения на немецкий манер. Сам он принял в этом войске младший чин — звание барабанщика. Это не было пустым представлением, служащим лишь для развлечений и шуток царевича и его двора. Он запретил своему капитану вспоминать, что он есть царь: он служил с тщательностью и подчинением, которых требовала его должность. Он жил на свое жалование и спал в палатке барабанщика. Он стал сержантом, заслужив звание по решению офицеров, которых он мог бы наказать за излишне благоприятное мнение о себе. Он продвигался по службе как выслужившийся солдат, повышение которого было одобрено его товарищами. Таким образом он хотел приучить своих вельмож к мысли, что одного происхождения совсем недостаточно для получения военных отличий, и показать всем подданным значение выслуги для получения чинов. Низшие должности, которые он прошел, суровая жизнь, которую он испытал, давали ему право требовать от подданных того же в большей степени, чем могла дать его деспотическая власть.

К этой первой роте из 50 человек он прибавил новые — всегда под началом иностранцев, всегда обучаемые на немецкий манер, и наконец он сформировал значительное войско. Поскольку время было мирное, он заставлял свои войска сражаться между собой или представлять осады крепостей. Он давал своим солдатам опыт, который не стоил пока крови, он испытывал их мужество и готовил к победам.

Стрельцы смотрели на все это как на потехи молодого царя, и сами забавлялись новыми зрелищами, которые им представлялись. Между тем, эта игра касалась их более, нежели они думали. Царь, видя, сколь они сильны и притом привязаны к царевне Софье, лелеял в глубине души замысел их уничтожить. Он хотел обезопасить себя войсками — и лучше обученными, и более преданными.

В то же время царь преследовал еще одну важную и труднодостижимую цель. Голландский ботик, который он нашел на пруде одной из своих летних резиденций, где он оставался брошенным и бесполезным, поразил

его. И он дошел до мысли о создании флота, какой бы смелой эта мысль ни казалась даже ему самому.

Сначала он приказал неким голландцам построить маленькие суда в Москве, потом — четыре четырехпушечных фрегата на Переславском озере. Он их учил уже сражаться друг с другом. Две следующие кампании он плывал у Архангельска на голландских и английских судах, чтобы самому овладеть всеми морскими навыками.

В начале 1696 года умер царь Иван, и Пётр, став единовластным, почувствовал себя в состоянии осуществить то, что не мог сделать при разделенной власти. Начало его нового царствования было ознаменовано осадой турецкого Азова. Он его взял только в 1697 году³, после того, как пригласил венецианцев для строительства на Дону галер, которые перекрыли устье реки и не дали туркам прийти на помощь крепости.

Таким образом он познал лучше, чем когда-либо, важность флота, но также он почувствовал крайнее неудобство использования иностранных судов или кораблей, сделанных руками иностранцев. Он захотел избавиться от этого, но поскольку то, что он замыслил, было слишком новым, чтобы быть предметом обсуждения, а исполнение его планов, доверенное кому-то другому, было бы очень ненадежным и медленным, царь решил на смелый и странный на первый взгляд демарш, который в случае неуспеха был бы оправдан лишь немногими, умеющими повсюду распознавать подлинное величие. В 1698 году, не процарствовав самостоятельно и двух лет, он послал в Голландию посольство⁴, руководителями которого были его фаворит женевец Лефорт и великий канцлер граф Головин; царь вошел в их свиту *incognito*, чтобы ехать учиться строительству кораблей.

В Амстердаме он обратился в адмиралтейство компании Обеих Индий и записался плотником под именем Петра Михайлова, а не Петра Михайловича, как он должен бы называться по своему деду, так как в русском языке эта разница в окончании отличает простолюдина от знатного человека; и он хотел, чтобы не осталось никакого следа его высшего сана. Он полностью позабыл о нем или скорее он никогда так хорошо о нем не помнил, если он состоит более в делах полезных для народа, чем в сопутствующих ему великолепии и блеске. Он работал на верфи с большим усердием и пылом, чем его компаньоны, которые не имели сходных побудительных причин. Все узнавали царя, на него указывали друг другу с уважением, вызываемым его высокой целью. Английский король Вильгельм III, находившийся в Голландии, умевший ценить личные достоинства, оказал ему должное уважение; *incognito* отсекало все ложное и кажущееся.

Перед отъездом из своей страны он послал знатных московитских вельмож путешествовать в разные европейские страны, наметив каждому из их в соответствии с известной ему склонностью, чему собственно он

³ Азов был взят в июне 1696 года.

⁴ Великое посольство выехало из Москвы в марте 1697 года.

должен учиться; он также думал рассредоточением вельмож предотвратить опасность, которую могло повлечь его удаление из страны. Некоторые из них повиновались весьма неохотно, и нашелся один, который провел четыре года в Венеции, запершись у себя, чтобы возвратиться с чувством удовлетворения от того, что он ничего не видел и ничего не узнал. Но в целом опыт царя удался: вельможи получили образование в чужих краях, и Европа была для них новым зрелищем, из которого они извлекли пользу.

Царь, видя, что в Голландии кораблестроение ведется только по практическим навыкам мастеров и по традиции, и узнав, что в Англии это делается по плану, в которых точно отмечены все пропорции, посчитал этот способ предпочтительным и отправился в Англию. Король Вильгельм вновь принял его там и, желая сделать ему подарок по его вкусу, который был бы связан с недавно освоенным ремеслом, подарил ему великолепную яхту.

Из Англии царь вернулся в Голландию, чтобы возвратиться затем в свои земли через Германию, увозя с собой знание о строительстве кораблей, приобретенное менее чем за два года, приобретенное им самим, купленное смелым отречением от царского достоинства, ценой, которая показалась бы чрезмерной всем другим монархам.

В Вене он был внезапно отозван новостью о восстании сорока тысяч стрельцов⁵. Приехав в Москву в конце 1699 года⁶, он их всех уничтожил без колебаний, уверенный в том, что его смелость вызовет большее уважение, чем его указы.

С 1700 года он поставил на ноги 30000 регулярной пехоты, часть которой составляли войска, предусмотрительно сформированные ранее и особенно к нему привязанные.

Тогда раскрылся во всем своем объеме великий план, который он предначертал. Все необходимо было делать заново в Московии, там нечего было улучшать. Речь шла о том, чтобы создать новую нацию; и то, что неразрывно с творением: действовать приходилось одному, без помощи, без инструментов. Слепая политика его предшественников почти полностью отделила Московию от остального мира: коммерция здесь была либо неведома, либо пренебрегаема до крайней степени, а между тем все богатства, даже богатства духовные, зависят от коммерции. Царь открыл свои великие владения, бывшие до тех пор закрытыми. Послав своих знатнейших подданных за знаниями и просвещением за границу, царь привлек в страну, сколько мог, иностранцев, способных просветить его подданных: сухопутных и морских офицеров, матросов, инженеров, математиков, архитекторов, людей, могущих добывать руды и плавить металлы, врачей, хирургов и всякого рода мастеров.

Между тем, все эти новшества давали удобный случай хулителям уже своей новизной и порождали много недовольных; и в этом случае деспоти-

⁵ Восстали четыре стрелецких полка общей численностью менее трех тысяч человек.

⁶ Царь прибыл в Москву в августе 1699 года.

ческая власть, даже используемая по закону, была едва ли не бессильна. Царь имел дело с народом грубым, непокорным, ставшим ленивым из-за малой продуктивности своих трудов, привыкшим к жестоким и часто несправедливым наказаниям, не ценившим жизнь из-за её крайней бедности, убежденным долгим опытом в невозможности трудиться для собственного счастья, и невосприимчивым к этому неведомому счастью. Даже самые нечувствительные и легкие перемены, такие, как отмена старинного платья или бритье длинных бород, вызывали упорное сопротивление и подчас служили причиной мятежей. И чтобы привязать народ к полезным новшествам, нужно было применять силу больше той, что была бы достаточна для народа более мягкого и сговорчивого. Царь тем более обязан был применять силу, что Московиты не признавали величия и превосходства, не основанного на способности к жестокому наказанию, и государь снисходительный и добрый не казался им великим и даже способным быть хозяином.

В 1700 году царь в союзе с польским королем Августом начал войну с королем Швеции Карлом XII, самым опасным и честолюбивым противником, какого можно представить. Это был молодой государь — не просто враг всякой роскоши, но влюбленный в самый изнурительный труд и в суровую жизнь, ищущий опасности как удовольствия, непреодолимо упорный во всех крайностях, куда заводила его смелость. Это был бы Александр [Македонский], если бы имел больше пороков и удачи. Говорят, что царь и он — оба были результатом спекулятивной ошибки абсолютного провидения. Равенство, которое могло быть между двумя враждебными монархами, не распространялось на их народы. Московиты, едва получившие представления о дисциплине, не имевшие никакой привычки к доблести, никакой славы, которую они опасались бы потерять и которая могла бы вселить в них смелость, шли против шведов, издавна строго дисциплинированных, привыкших сражаться при сменявшихся друг друга королях-воителях и генералах, одушевленных одним воспоминанием их истории. Сам царь говорил в начале этой войны: «Я хорошо знаю, что мои войска будут долго терпеть поражения, но это научит их в конце концов побеждать». Он вооружился терпением более героическим, чем сама доблесть, и пожертвовал собственной славою тому, чтобы приучить свой народ к войне.

После того, как трудности начального периода войны были пережиты, он одержал несколько достаточно важных побед; успехи сторон стали переменными, что уже делало честь его оружию. Можно было надеяться вскоре помериться силами со шведами на равных — так быстро собрались с силами московиты! Через четыре года царь имел уже немалые успехи в Ливонии и в Ингрии — провинциях, принадлежавших Швеции, — и был в состоянии думать о создании города и порта на Балтийском море, который был бы пристанищем флоту. И действительно, он заложил в 1704 году знаменитый Петербург⁷.

⁷ Петербург был заложен 16/27 мая 1703 года.

Царь продвигался на военной службе по закону, который он предписал сам себе: только за реальные заслуги. В Гродно, что в Литве, где находился польский король со своими вельможами, он просил этого монарха принять командование над русской армией. Через несколько дней царь ему предложил публично через московитского генерала Огильви произвести двух человек в полковничье звание. Король Август ответил, что он не знает еще достаточно московитских офицеров, и просил генерала назвать нескольких наиболее достойных этого звания. Огильви назвал ему князя Александра Меншикова и подполковника Петра Алексеевича, то есть царя. Король сказал, что он знает заслуги Меншикова, и ему немедленно будет отправлен патент; что же касается второго, то он имеет недостаточно сведений о его службе. Пять или шесть дней продолжались ходатайства за Петра Алексеевича, — и наконец король произвел его в полковники. Это была своего рода комедия, но она была поучительной и достойной того, чтобы разыгрываться перед всеми королями.

После больших неудач в борьбе со шведами, имевших место после 1704 года, наконец, царь одержал над ними полную победу в 1709 году под Полтавой. Здесь он показал себя столь же большим полководцем, сколь и храбрым солдатом; он дал понять своим противникам, насколько многому его войска научились от них самих. Большая часть шведской армии попала в плен, а героического шведского короля видели бегущим в турецкие владения, а затем почти пленником в Бендерах. Тогда царь турчил себя достойным произведением в генерал-лейтенанты.

Он приглашал к своему столу шведских пленных генералов; когда однажды он пил за здоровье своих учителей в военном искусстве, граф Реншильд, один из наиболее знаменитых пленников, спросил, кому он дает столь славный титул. Царь ответил: «Вам, господа генералы». — «Ваше величество неблагодарны, — возразил граф, — столь худо поступая со своими учителями». Царь, чтобы исправить некоторым образом эту славную неблагодарность, велел тут же вернуть им шпаги. Он всегда с ними вел себя так, словно их король, которому они доставили победу.

Он не преминул воспользоваться несчастьем и удалением шведского короля завершил завоевание Ливонии и Ингрии, присоединил к ним Финляндию и часть шведской Померании. Более чем когда-либо он мог заботиться о зарождающемся Петербурге. Он приказал вельможам строить здесь свои дома, и населял его как русскими ремесленниками, так и теми, которых он привлекал из разных стран.

Он приказал строить галеры, которые прежде были неизвестны на этих морях, чтобы достигнуть скалистых берегов Швеции и Финляндии, недоступных для кораблей с высокими бортами. Он покупал английские корабли, и велел неустанно трудиться над строительством новых судов. Наконец, был построен 90-пушечный корабль, над которым трудились, к его удовольствию, лишь московитские мастера. Этот большой корабль был спущен на море в 1718 году под восклицание всего народа и с помпой, достойной главного плотника.

Поражение шведов под Полтавой доставило ему такое преимущество в отношении введения наук и искусств, какого он и сам не ожидал. Около трех тысяч шведских офицеров были расселены во всех его землях, особенно в Сибири — обширной области, которая тянется вплоть до границ Китая и предназначена для наказания ссыльных московитов. Эти пленники, испытывавшие недостаток в содержании и не надеявшиеся на скорое возвращение, почти все принялись за различные ремесла, о которых имели хоть малейшее представление, и по необходимости быстро сделались умельцами. Среди них имелись даже знатоки языков и математики. Они составили своеобразную колонию, которая цивилизовала местных жителей. Знания, которые уже были известны в Москве и Петербурге, но долго еще проникали бы в Сибирь, были вдруг перенесены туда.

История должна признать ошибки великих людей, чему они сами подавали примеры. Турки разорвали перемирие с царем, и он дал возможность их армии окружить себя на берегу реки Прут в 1712 году⁸, в таком месте, где ему грозила неминуемая гибель. Посреди отчаявшейся армии царица Екатерина, которая пожелала следовать за ним, одна осмелилась найти выход; она послала переговорщиков к великому визирю, обещая ему послать большую сумму денег. Визирь впал в искушение, а благоразумие царя довершило дело. В память об этом событии он пожелал, чтобы царица учредила орден Святой Екатерины и стала бы его шефом. И жаловала бы его только дамам. Он испытал полное удовлетворение, будучи обязанным любимому человеку и признаваясь в том публично.

Шведский король, выйдя наконец из турецких владений в 1713 году, после своих поступков в Бендерах не мог притворяться римлянином. Царь опять нашел в нем опасного врага, но укрепил себя союзом с датским королем. Он перенес военные действия в герцогство Голштинское, которое было союзником Швеции. В то же время он производил там постоянные наблюдения и извлекал политические уроки. Он приказывал инженерам снимать планы каждого города, делать рисунки различных мельниц и машин, которых у него еще не было, вникал во все особенности хлебопашества и ремесел, и повсюду он приглашал переселяться к себе умелых мастеров. В Готторпе, принадлежавшем датскому королю, он осматривал большой глобус, имевший внутри вид небесной сферы и изображение земли снаружи, сделанный по проекту Тихо Браге. Двенадцать человек могут сесть внутри его вокруг стола и заниматься наблюдениями над звездами, поворачивая этот огромный глобус. Царь был поражен этим зрелищем, он попросил глобус у датского короля и специально прислал из Петербурга фрегат для его доставки к себе. Астрономы поместили его в большой специально построенный дом.

Московия в 1714 году увидела совершенно новое зрелище, которое и сам царь представлял ей столь рано не без удивления: триумф по поводу морской победы, одержанной над шведами при Гангуте у берегов Финлян-

⁸ Прутский поход состоялся в мае—июле 1711 года.

дни. Московитский флот вошел в гавань Петербурга с захваченными вражескими кораблями и пленным шведским адмиралом Эреншильдом, получившим в этом сражении семь ран. Высадившееся войско с большой помпой проходило под специально возведенной триумфальной аркой. И царь, сражавшийся лично и бывший истинным триумфатором — не столько как монарх, сколько как первый устроитель флота, — участвовал в этой процессии в ранге простого контр-адмирала в соответствии со своим чином. Он проследовал в крепость, где замещавший царя Ромадановский, сидя на троне в окружении сенаторов, объявил ему, получив из его рук реляцию о победе и после долгих расспросов и совещаний, звание вице-адмирала. Этот монарх не имел необходимости в рабе, который сопровождал римских триумфаторов [и порицал их]; он сам умел предписать пределы скромности своему триумфу.

К этому он присоединил доброту и щедрость по отношению к шведскому контр-адмиралу Эреншильду, как прежде к генералу Реншильду. Истинная доблесть, встречая себя в неприятеле, и в нем уважает себя.

С этого места мы будем опускать почти все, что касается войны. Все препятствия были преодолены, хорошие начала были заложены.

В 1716 году царь с царицей отправился на встречу с датским королем в Копенгаген, где провел три месяца. Там он посещал все училища, все академии, виделся со всеми учеными. Ему было все равно: приглашать их к себе или самому идти к ним. Дни напролет он плавал в лодке с двумя инженерами вдоль берегов Дании и Швеции, чтобы измерить все изгибы, изучить дно и все нанести на точнейшую карту, на которой не была бы пропущена ни малейшая песчаная мель. Он был весьма уважаем своими союзниками, которые не препятствовали этому столь тщательному изучению.

Они оказали ему еще более блистательные знаки уважения. Англия была его союзником так же, как и Дания, и эти две державы, соединив свои флоты с его, уступили ему главное командование. Самые опытные морские нации уже хотели подчиниться первому из русских, кто изучил море.

Из Дании он проследовал в Гамбург, из Гамбурга в Ганновер и Вольфенбюттель, повсюду всё осматривая, а оттуда в Голландию, где он оставил царицу, и приехал во Францию в 1717 году. Он уже не мог научиться ничему существенному и ничего важного не мог перенести в свою страну; но он еще не видел Франции, где знания ушли далеко вперед, а общественная обходительность и вежливость — дальше, чем где-либо; надо только опасаться, чтобы мы не почувствовали странного презрения к тому благу, к которому мы слишком привыкли.

Царь был очарован особой короля, бывшего еще ребенком. Мы видели его, проходящим по апартаментам в Лувре за руку с королем, почти берущим короля на руки, чтобы оградить его от толпы, делающего это с такой заботой и нежностью, точно его собственный воспитатель.

19 июня 1717 года он оказал честь Академии наук своим посещением. Она похвасталась всем, что она имела самого нового и интересного в

плане опытов и машин. Возвратившись в свою страну, он велел шотландцу Арескину, своему первому медику, написать господину аббату Биньону, что он хотел бы стать членом этого сообщества, и когда ему оказали такую честь со всем должным уважением и признательностью, то он сам написал письмо, которое не смеем называть благодарственным, поскольку оно исходило от Государя, который давно привык быть Человеком. Сведения об этом напечатаны в истории [Академии] за 1720 год, и сколь ни славен этот случай для академии, мы не будем повторять его. Царю регулярно посылали каждый год том истории, полагающийся академику, и он принимал его с удовольствием от своих собратьев. Науки, ради которых он опускался до положения простого человека, в качестве компенсации должны вознести его до степени Августов и Карлов Великих, которые также были с науками на дружеской ноге.

Чтобы умножить могущество государства до предела, необходимо, чтобы сам правитель знал свою страну почти как географ и физик, отлично представляющий все её естественные преимущества и умеющий ими воспользоваться. Царь неустанно трудился, чтобы приобрести эти знания и умения. В этом он не полагался на министров, которые не привыкли заботиться об общественном благе; он верил только собственным глазам; познавательные путешествия в триста или четыреста лье не были для него тягостны. Он ездил в сопровождении трех или четырех человек и с такой неустранимостью, которая одна может удалить опасности. Также царь в совершенстве знал карту своей обширной империи, что разрабатывал, не боясь ошибиться, великие проекты, основываясь как на общем положении, так и на особенностях своей страны.

Поскольку все меридианы сходятся на полюсе в единую точку, то французы и китайцы, например, сделались бы соседями на Севере, если бы их страны простирались далее в эту сторону. Северное положение Московитской империи при её большой протяженности приводит к тому, что её южные части касаются северных границ великих государств, которые весьма удалены друг от друга на юге. Она соседствует со значительной частью Европы и со всей Азией; её великие реки впадают в различные моря: Двина — в Белое море, которое является частью океана, Дон — в Черное море, связанное со Средиземным, а Волга — в Каспийское море. Царь понимал, что эти реки, до того почти бесполезные, привлекут к нему богатства самых отдаленных стран, если их соединить между собой либо посредством маленьких рек, которые в них впадают, либо посредством каналов, которые он протянет. Он предпринял эти великие работы, приказал сделать необходимое выравнивание, выбрал места, где должны быть прокопаны каналы, и устанавливал количество шлюзов.

Соединение реки Волхова, текущей к Петербургу, с Волгой сейчас закончено, и по воде можно проплыть через всю Россию на расстоянии 800 лье, от Петербурга до Каспийского моря или в Персию. Царь послал в академию план этой великой водной коммуникации, в составлении

которого он принимал участие как инженер; кажется, что он хотел таким образом подтвердить свое звание академика.

Есть еще другой законченный канал, который соединяет Дон с Волгой⁹. Но поскольку турки вновь взяли город Азов, лежащий в устье Дона, то великая польза этого канала зависит от нового завоевания.

На Востоке владычество царя простирается более чем на 1500 лье до границ Китая и приближается к Японским морям. Московитские караваны, отправляемые в Китай, тратят на свое путешествие целый год. Это дало обильный материал для размышлений гения, ибо этот долгий путь может быть сокращен и облегчен, как через соединение рек, так и другими работами, а также договорами с татарскими князьями, которые могли бы дать проезд через их земли. Путешествие могло бы занимать не более четырех месяцев. По его замыслу, все должно сходиться в Петербурге, который по своему положению может быть мировым складом товаров. Этот город, которому он дал жизнь и свое имя, был для него тем же, что Александрия для Александра, её основателя. И как Александрия была расположена столь удачно, что изменила лицо тогдашней торговли, и стала её столицей вместо Тира, так же и Петербург переменит сегодняшние торговые пути и станет центром одной из величайших экономик мира.

Царь обратил свой взор еще дальше. Он хотел узнать, каково положение его владений в отношении Америки; примыкает ли она к Татарии или Северное море образует проход в этом огромном континенте, что открылось бы ему новый свет. Из двух кораблей, что отправились из Архангельска для этого до сих пор невозможного открытия, один был остановлен льдами, а о другом нет известий, он, вероятно, погиб. В начале этого года он отдал приказ искусному морскому капитану построить два судна для той же цели. В таких предприятиях решимость совершить путешествие должна соединиться с упорством исполнителей.

Переворот, произошедший в Персии из-за восстания Махмуда, привлек в эту страну оружие царя и турецкого султана. Царь овладел городом Дербентом на западном побережье Каспийского моря и всем, что ему было необходимо для осуществления проекта по распространению московитской торговли; он приказал составить план этого моря; благодаря этому завоевателю-академику мы наконец узнали его истинную конфигурацию, очень отличающуюся от той, к которой мы привыкли. Академия получила от царя карту его нового Каспийского моря.

Московия имела много рудных богатств, которые однако были неизвестными или находились в небрежении из-за прежней лени и общего уныния народа. Невозможно представить, чтобы они укрылись от живого внимания монарха, касающегося всего. Он вызвал из Германии людей, сведущих в металлургии, и вызволил эти скрытые сокровища; ему доставили золотой песок с берегов Каспийского моря и из глубинки Сибири. Говорят, что фунт такого песка содержит четырнадцать унций чистого золота. По крайней

⁹ Строительство Волго-донского канала не было завершено.

мере, железо, гораздо более необходимое, чем золото, сделалось распространенным в России, а вместе с тем и все связанные с ним ремесла.

Можно лишь кратко обозреть различные учреждения, которыми ему обязана Московия — и то лишь главнейшие.

Пехота в сто тысяч человек, такая же прекрасная и приученная к войне, как у других европейских государств, и большинство офицеров в ней уже московиты. Согласимся, что кавалерия не так хороша из-за отсутствия хороших лошадей.

Флот из сорока линейных кораблей и двухсот галер.

Укрепления, созданные по последним правилам, во всех необходимых местах.

Отличная полиция в больших городах, которые прежде были столь же опасными ночью, как самые отдаленные леса.

Морская и навигационная академия, куда все знатные фамилии должны посылать нескольких своих детей.

Коллегии (училища) в Москве, Петербурге и Киеве для изучения языков, изящной словесности и математики; начальные училища в селах, где крестьянские дети учатся читать и писать.

Медицинская школа и прекрасная общедоступная аптека в Москве, которая обеспечивает лекарствами большие города и армию. До сих пор во всей империи вообще не было врачей, кроме царского лекаря, и никаких аптекарей.

Публичные уроки анатомии, которой и имя не было известно, и то, что можно считать постоянным прекрасным уроком — кабинет знаменитого Рюйша, купленный царем. В нем собрано большое количество тонких, познавательных и редких препаратов.

Обсерватория, в которой не только астрономы занимаются изучением неба, но и хранятся редкости, касающиеся натуральной истории, которые могут дать повод к скрупулезным физическим исследованиям.

Ботанический сад, где приглашенные им ботаники соберут вместе с известными европейскими образцами растений раритеты из северной Европы, Азии, Персии и Китая.

Типографии, в которых он переменял древний шрифт — варварский и почти неразборчивый из-за частых сокращений. Впрочем, столь трудно читаемые книги были еще редкими, чем иностранные товары.

Переводчики со всех европейских языков, а также с латинского, греческого, турецкого, калмыцкого, монгольского и китайского знаменуют собой огромную протяженность этой империи и возможность её роста.

Царская библиотека, составленная из трех больших библиотек, купленных в Англии, Голландии и Германии.

Обеспечив своему творению необходимый солидный фундамент, он присоединил к нему то, что служит для украшения и блеска. Он изменил древнюю архитектуру, грубую и безобразную до последней степени, точнее, он способствовал зарождению в стране архитектуры. Мы видим возведенными большое количество регулярных и удобных зданий, несколько

дворцов, общественных зданий, и в особенности адмиралтейство, которое он создал великолепным и величественным, но не ради одного хвастовства и блеска. Он закупил в Италии и во Франции много картин, которые научили тому, что есть живопись, людей, не знавших её за исключением очень плохого изображения их святых. Он посылал в Геную и в Ливорно корабли, нагруженные товарами, которые доставляли ему оттуда мрамор и скульптуру. Папа Климент XI, тронутый его вкусом к искусству, подарил ему античную статую, которую он велел везти в Петербург посуху, из страха рисковать ею на море. Он даже создал кабинет медалей, что является редким новшеством в его стране. Он имел преимущество в том, что заимствовал всё в состоянии, доведенном до совершенства самыми просвещенными и цивилизованными народами, и они его избавляли от столь длительного пути прогресса, который они претерпели; вскоре они увидят русский народ достигшим их уровня, что делает честь этой удаленной части Европы.

Планы царя были настолько обширны, что ему пришло в голову отправить путешествовать в некоторые главные города Германии московитских девушек, чтобы они там обучились политесу и манерам, отсутствие которых их сильно портило. Он видел в других странах, насколько занятия искусством помогают природе делать человека любезным, и насколько они важны вообще. Но скоро обнаружилось неудобство таких путешествий, пришлось от них отказаться и ожидать, пока воспитанные и образованные мужья будут в состоянии образовывать своих жен, которые вскоре превзойдут своих учителей.

Всеобщая перемена коснулась и религии, которая была едва достойна имени христианства. Московиты соблюдали множество постов, как все греки; и эти посты, если их строго соблюдать, заменяли им все. Культ святых вырожден в позорное суеверие; каждый имел (изображение) своего святого в доме, чтобы заручиться его особым покровительством, и они даже одалживали друг другу домашнего святого, если чувствовали его помощь; чудеса зависели только от желания и жадности священников. Пастыри, которые сами ничего не знали, ничему не обучали свой народ; и порча нравов, которая может сохраняться определенное время даже вопреки образованию, бесконечно стимулировалась и прирастала благодаря невежеству. Царь решил предпринять реформу многочисленных заблуждений, в чем у него была даже политическая заинтересованность. Например, посты, столь частые и суровые, слишком изматывали войска и подчас делали их неспособными к действиям. Его предшественники избавились от подчинения константинопольскому патриарху и тем обособились. Он же упразднил сам сан патриарха, уже достаточно зависимого от царя, тем самым он еще в большей степени стал хозяином своей церкви. Он создал разнообразные духовные регламенты, умные и полезные, и, что не всегда случается, приложил руку к их исполнению. Сегодня уже проповедают по-русски в Петербурге: и это новое чудо дополняет здесь другие. Царь решился на большее: он урезал у церквей и у слишком

богатых монастырей избыток их имуществ и использовал его в своих целях. Мы бы хвалили только его политику, а не религиозное усердие, но очищенная религия могла компенсировать эти потери. Он также установил полную свободу совести в своем государстве, — предмет, за и против которого могут равно говорить и политика, и религия

Имея не более 52 лет от роду, он скончался 28 января¹⁰ 1725 года от запора мочи, вызванного абсцессом на шейке мочевого пузыря. Двенадцать дней он страдал от невыносимой боли, и лишь три последних дня находился в постели. Он расстался с жизнью со всем мужеством героя и благочестием христианина. Тремя годами ранее он объявил своим указом, что он имеет полное право распоряжаться наследованием престола, и оставил его царице, своей вдове, которая была признана всеми сословиями государства самодержавной российской императрицей. Он всегда питал к ней нежное чувство, которое она оправдывала своими редкими достоинствами: своею мудростью, способною проникать во все его планы и поддерживать их, своею отвагой, почти равной его мужеству, склонностью к благотворительности, которой достаточно лишь знать о несчастных, чтобы помочь им.

Власть императрицы Екатерины укреплена ещё и глубоким почтением, которое все подданные царя питали к нему. Они почтили его смерть искренними слезами. Вся его слава была им полезна. Если Август хвалился тем, что нашел Рим кирпичным, а оставил его мраморным, мы видим, насколько в этом отношении римский император ниже российского императора. Только то в честь него выбиты медали. На которых он назван Петром Великим; и несомненно имя Великого будет подтверждено согласием иностранцев, необходимых для утверждения этих почетных титулов, данных подданными своему государю.

Его характер достаточно ясен из того, что сказано; можно лишь добавить несколько наиболее заметных особенностей. Он считал недостойными помпезность и пышность, которые бы окружали его персону, и он оставил князю Меншикову пышностью и блеском фаворита представлять величие своего господина. Он поручил ему внешнее блестящее представительство, а за собой закрепил лишь трудоемкие функции. Он их простирал до такой степени, что сам ездил на пожары, которые очень часты в Московии и приводят к большим опустошениям, поскольку дома там обычно деревянные. Он создал специальную службу для оказания помощи в этих случаях и принял на себя в ней одну из должностей; чтобы показать пример, он поднимался на крыши горящих домов, несмотря на опасность; и то, чем мы здесь восхищаемся в простом офицере, практиковал сам император. И от того пожары тушатся сегодня гораздо быстрее. Мы должны остерегаться брать за основания наших суждений нравы деликатные и, так сказать, изнеженные, как у нас. В таком случае мы слишком быстро будем осуждать нравы более твердые и решительные.

¹⁰ По старому стилю, 8 февраля — по новому.

Петр не был лишен некоторой суровости, естественной для всего его народа, и от которой абсолютная власть не могла его излечить. Он исцелился от излишнего употребления горячительных напитков, очень распространенного в Московии, последствия которого могут быть ужасными в том, кому никто не может противиться. Царица умела его успокаивать, вовремя противостоять вспышкам его гнева, смягчать его суровость. И он наслаждался тем редким счастьем, когда опасная власть любви, которая обеславила многих великих людей, была употреблена только для его величия. Он обнародовал со всеми оригинальными документами несчастную историю своего сына царевича Алексея; и то доверие, с которым он сделал весь мир судьей собственного поведения, доказывает, что он не упрекал себя ни в чем. Поразительные черты его милосердия в отношении людей, которые были ему менее дороги и менее важны, также показывают, что его строгость к сыну была необходимой. Он отлично умел чтить достоинства, и это было единственное средство породить их и размножить в своем государстве. Он не довольствовался тем, что оказывал благодеяния, давал пенсии, необходимые и заслуженные милости, отвечающие его государственным замыслам; иногда он оказывал уважение другими способами, более лестными для людей, иногда он оказывал их даже после смерти. Он устроил пышные похороны Арескину, своему первому врачу, и сам присутствовал на них с зажженным факелом в руках. Таковую же почесть он оказал двум англичанам: контр-адмиралу своего флота и переводчику.

Мы говорили в 1716 году¹¹, что, консультируясь о своих великих планах со знаменитым Лейбницем, он дал ему почетную должность и значительную пенсию, хотя иностранному ученому было бы достаточно чести подавать советы. Царь сам составил морские трактаты и тем увеличил своим именем немногочисленный список монархов-писателей. Он развлекался работой на токарном станке; он послал свои изделия китайскому императору и соблаговолил подарить одно господину д'Онзан-Бре, кабинет которого он считал достойным столь великого украшения. В развлечениях, которые он устраивал со своим двором, о которых имеются некоторые сообщения, можно найти следы древней Московии; ему хватало того, чтобы снять умственное напряжение, и у него не было времени, чтобы прилагать усилия для утончения удовольствий. Это искусство само приходит вслед за другими.

При краткости его жизни, планы его, требовавшие долгого, твердого и неослабного исполнения, могли бы погибнуть почти при рождении, и всё могло бы обрушиться под собственной тяжестью в древний хаос, если бы императрица Екатерина не наследовала бы корону. Будучи полностью в курсе всех проектов Петра Великого, она сделала их своей путеводной нитью и следовала ей; таким образом, он стал действовать через неё.

¹¹ В похвальном слове Лейбницу. См.: *Fontenelle B de. Éloge de Leibnitz // Oeuvres complètes. T. 1. P. 124.*

Умирая, он ей особенно рекомендовал покровительствовать иностранцам и привлекать их. Делиль, астроном нашей академии, только что отбыл в Петербург, привлеченный милостями императрицы. Николай и Даниэль Бернулли, сыновья Жана Бернулли, имя которого будет бессмертно среди математиков, опередили его на несколько месяцев, а славный Герман, прекрасные труды которого у нас имеются, прибыл в Петербург еще раньше. Какая славная колония для Петербурга! Высшая геометрия бесконечно малых величин проникает в страну, где еще 25 лет назад были совершенно неизвестны основы Эвклидовой геометрии. Мы не говорим о других членах Петербургской академии, они еще прославят себя, ободряемые и поощряемые монаршей властью. В Дании была королева, которую называли Семирамидой Севера; Московии необходимо найти столь же славное имя для своей императрицы.

Биография Петра I во французской газете 1725 года¹

Пожалуй, впервые франкоязычная пресса проявила серьезный интерес к персоне Петра I в 1717 году, во время его второго большого путешествия по Европе, в ходе которого царь посетил Францию. Среди газет, освещавших царский визит, была и официальная «Gazette de France», выходившая тогда под заголовком «Gazette» один раз в неделю. Её редактором был Эзб Ренодо — аббат-ораторианец, известный ориенталист, член Французской академии. Издание подвергалось строгой цензуре со стороны правительства. Это было периодическое издание эпистолярного типа, в котором материалы были представлены в виде серии писем из-за рубежа, но помещались и сообщения «из Парижа»². Сообщения «Gazette», посвященные царю в 1717 году, уступали по богатству информации аналогичным материалам парижского ежемесячника «Le Nouveau Mercure» и касались лишь внешней канвы визита. Газета, как правило, ограничивалась информацией об официальных встречах и о посещении королевских учреждений. Сведениям о пребывании русского царя в газете отводилось далеко не первое место.

В 1717 году корреспонденции «Из Петербурга» в «Gazette de France» почти не встречаются, однако сообщения «Из Варшавы» очень часто были заполнены сведениями о событиях Северной войны и действиях русских войск. Ранее информация о действиях русских войск и флота в Прибалтике помещалась в письмах «Из Гамбурга». Кажется, перелом произошел в 1721 году, когда, начиная с 30-х номеров, «Gazette» начинает регулярно помещать корреспонденции из российской столицы. Несомненно, это было связано с победой России в Северной войне и отразило повышение статуса северной державы в европейской политической системе. Появление регулярных сообщений из Петербурга было обусловлено и установлением более тесных дипломатических отношений: осенью 1721 году маркиз Ж.Ж. Кампредон поселился в Петербурге в качестве первого постоянного посланника и полномочного министра Франции при русском дворе. Письма «Из Петербурга» открывали почти каждый номер официального

¹ Впервые опубликовано: Историографический сборник: межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2014. Вып. 25. С. 101–113.

² Dictionnaire des journaux. 1600–1789 / sous la direction de J. Sgard. Paris, 1991. T. 1. P. 443–449.

двенадцатистраничного еженедельника, который завершался сообщениями из Лондона, Гааги и Парижа.

В начале 1725 году главной петербургской новостью, интересовавшей газетчиков, был предстоящий брак царевны Анны Петровны с герцогом Гольштейнским: «5 декабря собрав придворных во дворце, царь сообщил им о заключении брака принцессы, его старшей дочери, с герцогом Гольштейнским и содержание статей подписанного брачного договора»³. По этому поводу в Петербурге давались обеды и приемы, жгли фейерверк. Передавались слухи о благодеяниях, которые царь готов оказать своему будущему зятю. Для французской политики это был отнюдь не праздный сюжет: Франция поддерживала Данию, захватившую у Готторп-Гольштейнского дома Шлезвиг. Союз герцога Гольштейнского, бывшего к тому же претендентом на шведский престол, с царем грозил Дании и её союзникам неприятностями⁴.

Сообщения о придворных празднествах и приготовлениях к свадьбе перемежались в газете с информацией неспражничного характера: о фиксации цен на зерно и продукты питания в северной столице (свидетельство неурожая и роста цен), об урагане, который нанес урон набережным города, об эпидемии среди русских войск в Прикаспии, о необыкновенно холодной погоде, установившейся в декабре.

В корреспонденции «Из Петербурга» от 23 января 1725 года речь шла о праздновании Богоявления и церемонии водосвятия: «царь, прослушав литургию, отправился со всем двором на реку Неву, на некоторое расстояние от берега напротив церкви Св. Троицы. Гвардейские и гарнизонные полки были расставлены рядами на льду. В специально возведенном павильоне была сделана прорубь. Архиепископ освятил воду реки с церемониями, которые совершаются здесь ежегодно в этот день. Затем прозвучали пушечные залпы в крепости, в адмиралтействе и на городских заставах, после чего Их Величества возвратились во дворец, где был устроен пир»⁵. Когда парижские читатели знакомились с этим сообщением в номере от 24 февраля, русского царя уже полмесяца не было в живых.

О смерти царя Петра французская газета объявила только через месяц после свершившегося события в номере от 10 марта 1725 года: «Получено сообщение от чрезвычайного курьера, что царь Пётр Алексеевич умер в Петербурге 8 февраля, в 5 часов утра, после 12 дней болезни, в возрасте 52 лет, 7 месяцев, 27 дней»⁶. Далее следовал перевод манифеста

³ Gazette, 6 janvier 1725, № 1. P. 4.

⁴ См.: Дипломатическая переписка французского полномочного министра при русском дворе Кампредона // Сборник ИРИО. 1886. Т. 52. С. 348–354; *Бели Л.* Французская дипломатия и русская держава в XVIII веке // Россия — Франция. 300 лет особых отношений. М., 2010. С. 49.

⁵ Gazette, 24 fevrier 1725, № 8. P. 85.

⁶ Gazette, 10 mars 1725, № 10. P. 115.

о смерти царя и восшествии на престол Екатерины I⁷. Здесь же была помещена краткая биография Петра I⁸.

Наскорю составленный очерк жизни русского царя представляет интерес как концентрированное выражение представлений образованных французов о своем выдающемся современнике, монархе далекой северной страны, которая на глазах одного поколения превратилась в могущественную державу. Парижский адвокат М. Маре писал в своем дневнике в марте 1725 года: «Царь умер. Мы узнали великую новость, которая интересуется всю Европу и Азию. <...> «Gazette de France» от 9 марта содержит краткий очерк его жизни и его генеалогию, что составляет интересную статью»⁹. Правда, Альбер Лортолари — историк, писавший во времена «холодной войны», — заявлял: «для того, чтобы находить интересной эту статью, содержащую лишь банальности, надо быть полным невеждой в данной теме»¹⁰. Однако, во-первых, французы в 1725 году действительно мало знали о России и её царе. Во-вторых, то, что многомудрому исследователю середины XX века казалось «банальностью», явно не было повторением избитых истин для читателей газеты в начале царствования Людовика XV.

Французская россика петровского времени не отличалась богатством содержания¹¹. Сведения о необыкновенном русском царе французские читатели могли почерпнуть из книги английского инженера Д. Перри «Состояние России при нынешнем царе», которая выдержала в 1717–1718 годах пять изданий на французском языке. Один из первых опытов биографии царя содержала книга редактора газеты «Le Nouveau Mercure» П.Ф. Бюше «Краткий очерк истории царя Петра Алексеевича»¹², вышедшая во время визита царя в Париж. Стремление автора представить «верную материю царствования Петра I» не могло реализоваться в полной мере, ибо он мог предложить своим читателям лишь компиляцию из сочинений европейцев о русском царе, в первую очередь, из книги того же Перри, в чем и признавался. Поспешность в подготовке книги привела составителя к многочисленным ошибкам. Издание Бюше было использовано при написании биографической статьи в «Gazette de France», на что

⁷ Ibid. P. 115–116; ср.: ПСЗ — I. Т. 7. № 4643. С. 410.

⁸ Gazette, 10 mars 1725, № 10. P. 116–120. Перевод см. в приложении к настоящей статье.

⁹ Journal et memoires de Mathieu Marais, avocat au Parlement de Paris sur la Rÿgence et le Rÿgne de Louis XV (1715–1737). Paris, 1864. Т. 3. P. 157.

¹⁰ Lortholary A. Les “philosophes” du XVIII-e siècle et la Russie. Le mirage Russe en France au XVIII-e siècle. Paris, 1951. P. 20

¹¹ См.: Мезин С.А. Французская Россика конца XVII—первой четверти XVIII века // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 7. М., 2015.

¹² [Buchet P.F.] Abbrégé le l’histoire du Czar Peter Alexiewitz, avec une relation de l’état présent de la Moscovie, et de ce qui s’est passé de plus considerable, depuis son arrivée en France jusqu’ à ce jour. Paris, 1717.

указывает повторение не только одних и тех же сюжетов, но и одних и тех же ошибок.

Итак, что же смог и захотел сообщить читателям официальной французской газеты автор статьи о жизни покойного русского царя? Источники информации, отбор фактов, оценочные суждения представляют историографический интерес.

Самые общие сведения о генеалогии и семье царя Петра журналист, по-видимому, позаимствовал из «Королевского Альманаха», где царь начал фигурировать лишь с 1716 года¹³. Признание Петра I европейским монархом, как видно, нелегко давалось официальному Парижу. Имена членов царской фамилии в альманахе исковерканы, а в качестве жены Петра названа Евдокия (Ottokosa) Лопухина. В «Королевском Альманахе» 1724 года Евдокия по-прежнему указывалась в качестве супруги царя, а ближайшим наследником назван внук Пётр Алексеевич (сын казненного ранее царевича Алексея). Правда, здесь появились имена дочерей Петра — Екатерины, родившейся в августе 1718 года (на самом деле младшую дочь царя звали Натальей) и «старшей дочери» Анны, родившейся якобы в феврале 1702 года. Имя матери дочерей не указывалось, а вымышленная дата рождения Анны, родившейся на самом деле в январе 1708 года, возможно, должна была означать её появление на свет в законном браке. В «Альманахе» 1724 году появились имена племянниц царя Екатерины и Анны, выданных ранее замуж за герцогов Мекленбурга и Курляндии¹⁴.

В газетной статье 1725 года состав семьи царя указан гораздо полнее, но и в данном случае на выбор персоналий повлияли политические представления французского двора. Наконец, было сказано о том, что царь расстался с Евдокией (здесь она, как и в «Альманахе», названа странным именем Ottokosa) в 1692 году (на самом деле развод состоялся в 1698 году). Впервые и явно не случайно появились сведения о второй жене царя Екатерине: французский посол при Петербургском дворе уже назвал её в качестве наиболее вероятной наследницы царя¹⁵. При этом указывался более ранний срок заключения брака царя с Екатериной, чем это было на самом деле: «несколькими годами раньше» 1711 года. Таким образом, допускалась возможность рождения законных детей до 1711 года. Однако автор немало потрудились, чтобы скрыть наличие у царя добрачных детей. Журналист не называл прямой причины смерти царевича Алексея, который «навлек на себя немилость своего отца тайным бегством за границу и амбициозными планами». Указывалось лишь, что царевич был «приговорен к смерти судом всех сословий». В отличие от «Альманаха» 1724 года, в статье не акцентировалось право сына казненного царевича Петра Алексеевича на царский престол. Имена и даты рождения детей Петра и Екатерины перепутаны, но в этой путанице просматривается некоторая

¹³ Almanach Royal. Paris, 1716. P. 32.

¹⁴ Almanach Royal. Paris, 1724. P. 53.

¹⁵ Дипломатическая переписка французского полномочного министра при русском дворе Кампредона. С. 422, 424.

система. Старшая дочь царя Анна, ошибочно названная Марией, «помолодела» под пером французского журналиста на пять лет: вместо 27 января 1708 г. датой её рождения указано 20 марта 1713. Едва ли это была случайная ошибка, ибо в номере газеты от 3 февраля 1725 года, где шла речь о её помолвке с герцогом Гольштейнским, указывалось, что ей исполнилось 13 лет¹⁶. Журналист всякий раз хотел показать её рождённой в законном браке. В статье названы почти все дети Петра I и Екатерины, даже умершие вскоре после рождения. Отсутствует лишь одно имя — царевны Елизаветы Петровны, родившейся 18 декабря 1709 года. Забывчивость французского журналиста, думается, объясняется тем, что в то время французский двор находился в двусмысленном положении в отношении этой царевны: с одной стороны, предложение царя о её браке с Людовиком XV всерьез не воспринималось, с другой — не отрицалась возможность её брака с герцогом Шартрским в случае его избрания польским королём¹⁷. В кругах французской дипломатии старших дочерей царя называли «дважды незаконнорожденными» (так как родились до заключения брака Петра с Екатериной и при жизни шведского драбанта, её законного мужа)¹⁸. Таким образом, краткая генеалогическая справка, открывающая газетную статью, свидетельствует не только о семье царя, но и о некоторых трудностях в политических отношениях версальского двора и царя Московии. По сути дела, «ошибки» и недомолвки автора газетной статьи скрывают сомнения французского двора в легитимности наследников русского царя.

Вопрос легитимности наследования затрагивался и в связи с приходом к власти самого Петра I. Автор ошибочно утверждал, что в 1682 году царь Федор Алексеевич в своем завещании назначил Петра наследником в обход царевича Ивана, «потому что, хотя тот и был старше, но считался слишком болезненным для тягот правления». Это восходящее к сочинению Д. Перри¹⁹ утверждение прозвучало и в «Кратком очерке истории царя Петра Алексеевича» П.Ф. Бюше²⁰, а затем будет повторено Вольтером в его «Истории Российской империи при Петре Великом»²¹. Таким образом, воцарение Петра представлялось «более законным»²², а дальней-

¹⁶ Gazette, 3 fevrier 1725, № 5. P. 49.

¹⁷ См.: *Liechtenhan F.D.* Elisabeth I-re de Russie. Paris, 2007. P. 32–39. Реальной причиной окончательного отказа в браке с Людовиком XV, последовавшего уже в 1725 году, в секретном докладе названо «варварское происхождение» дочери царя.

¹⁸ *Вильбуа*. Рассказы о российском дворе // Вопросы истории. 1992. № 1. С. 146.

¹⁹ *Перри Д.* Состояние России при нынешнем царе. М., 1871. С. 91.

²⁰ [*Buchet P.F.*] Abregé le l'histoire du Czar Peter Alexiewitz. P. 2.

²¹ *Voltaire*. Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand / éd. critique par M. Mervaud, avec la collaboration de U. Koelving, C. Mervaud et A. Brown // *Voltaire. Oeuvres complètes*. Oxford, 1999. T. 46. P. 525–526.

²² Тем не менее, эта «законность» французам, уважавшим право первородства в наследовании престола, представлялась относительной.

шая деятельность царевны Софьи нелегитимной. Царевна рисуется властолюбивой особой, которая подвигла стрельцов на бунт и добилась воцарения Ивана. Далее автор, опять же следуя за Перри и Бюше, объединил события 1682 и 1689 годов. Он писал о бегстве юного Петра в Троицкий монастырь с помощью князя Б.А. Голицына, а далее повествовал о совместном заговоре Софьи и главы стрельцов князя Хованского: Софья якобы предлагала ему жениться на себе и разделить власть, устранив обоих её братьев (здесь планы Хованских приписаны Софье). Однако заговор был раскрыт; Хованского казнили, а Софью заключили в монастырь.

Сокращая дальнейший рассказ Бюше, автор газетной статьи объединил два Азовских похода в один победоносный, датированный 1696 годом. Упомянув о заговоре Цыклера, журналист в трех предложениях сообщил о поездке царя в Европу в составе Великого Посольства. Наказав восставших в 1698 году стрельцов, царь «использовал 1699 год для полезных установлений в области финансов, коммерции и полиции (“la police”)». В этой фразе сконцентрирован довольно обширное известие Бюше о преобразованиях в армии, строительстве флота в Воронеже, о новшествах в области налогов и торговли, а также подробный рассказ о введении европейской одежды²³. В «Кратком очерке» Бюше много сказано об отношениях царя с русской церковью. В частности, там указывалось, что патриарх умер вскоре после возвращения царя из Великого Посольства и что Пётр запретил избирать нового патриарха, объявив себя главой церкви²⁴. В биографии 1725 года это событие ошибочно отнесено к 1716 году.

Далее автор биографии обращается к ходу Северной войны, которая уже осознана как главное событие в жизни русского царя. Однако в этой части своего повествования журналист не мог опираться на издание П.Ф. Бюше, ибо оно почти не содержало описания военных действий. С большой долей вероятности можно предположить, что этот раздел статьи основан на газетных сообщениях и на первых опытах истории Северной войны, появившихся на французском языке²⁵. В целом цепочка военных событий представлена верно: неудача под Нарвой, первые победы в Прибалтике (взятие Мариенбурга, Вольмара, Нотебурга, Дерпта, Нарвы); неудачные для царя и его союзников кампании 1706–1707 годов; поход Карла XII «на Московию» с целью захватить Смоленск и Москву, закончившийся «знаменитой» Полтавской битвой и триумфальным входом царя в Москву. Далее упоминается взятие Эльбинга и Риги в 1710 году. Неудача Петра I на Пруте в 1711 году явно сглажена: события похода сведены к «нескольким стычкам» с турками, завершившимся мирным

²³ [Buchet P.F.] Abregé le l’histoire du Czar Peter Alexiewitz. P. 40–50; ср.: *Пеппу Д.* Состояние России при нынешнем царе. С. 119–131.

²⁴ [Buchet P.F.] Abregé le l’histoire du Czar Peter Alexiewitz. P. 90–91; ср.: *Пеппу Д.* Состояние России при нынешнем царе. С. 133.

²⁵ См., например: *Grimarest J.L.* Les Camagns de Charles XII, roi de Suède. Paris, 1705–1706. Т. 1–2; *Limiers H.P.* Histoire de Suède sous le règne de Charles XII. Amsredam, 1721. Т. 1–6.

договором. Дальнейшие военные действия в Померании, победа русского флота 1714 году на Балтике, десант в Швецию привели к успешному для русского царя завершению Северной войны: Ништадтский мир 1721 года сохранил за царем почти все его завоевания. Правда, и в хронике военных действий имеются «темные места». Например, неясно, что имел автор в виду, называя успешное для царя сражение при Штагнитце (Stagnitz) в Ливонии 1702 года, или говоря о том, что в 1705 году войска Шереметева были разбиты генералом Левенгауптом под Варшавой.

Автору газетной статьи явно не хватило фактов для характеристики мирной, реформаторской деятельности Петра I. Он упомянул лишь основание Морской академии в Петербурге. Не мог французский журналист не сказать и о визите царя во Францию 1717 году, выделив при этом посещение царем Королевской академии наук, членом которой тот захотел стать.

Биографический очерк завершался сообщением об успешных завоеваниях царя на берегах Каспийского моря в 1722–1723 годах.

В целом царская биография выдержана в благожелательном духе. Не забудем, что речь шла о возможном союзнике французского короля²⁶. Правда, особой теплотой и доверительностью отношения двух стран не отличались. Среди государств, признавших императорский титул царя, Франции не оказалось, на что косвенно указал и автор статьи. Использование в официальной газете названий «Московия» и «московиты», против которых всегда высказывались петровские дипломаты, можно расценить как проявление европейского высокомерия по отношению к вчерашним «варварам». Почти не прозвучала в статье тема «просвещенного монарха», которая ранее уже наметилась во французской прессе. Автор лишь мельком упомянул о стремлении монарха к достижению «общего блага» его подданных.

В своих следующих номерах «Gazette de France» многократно возвращалась к событиям в Петербурге, связанным со смертью русского царя. В номере от 17 марта появилось уточнение о болезни, которая прекратила жизнь царя: задержание мочи и абсцесс на шейке мочевого пузыря²⁷. Газета описывала последние часы жизни монарха: поставив диагноз, врачи сделали прокол, что облегчило состояние пациента. «Однако операция была сделана слишком поздно; началась гангрена, и царь, видя, что

²⁶ Союзником Франции Пётр I считался после заключения Амстердамского договора 1717 года, однако договор быстро утратил реальное значение, и после 1721 года французская дипломатия вынашивала планы нового союзного договора с участием Англии. Этот план рухнул в 1726 году после заключения русско-австрийского союза.

²⁷ Об этом же сообщал в своих донесениях французский посол в Петербурге Кампредон. Вместе с тем он добавлял, что причиной воспаления был «застарелый и плохо вылеченный сифилис». См.: Дипломатическая переписка французского полномочного министра при русском дворе Кампредона. С. 415, 433–434; *Ефимов С.В.* Болезни и смерть Петра Великого // Ораниенбаумские чтения: Сборник научных статей и публикаций. СПб., 2001. Вып. 1. С. 160–162.

потеряна всякая надежда, приготовился к смерти. Он приказал явиться своим главным министрам, которым отдал различные тайные приказы, затем он с большой твердостью утешил свою семью и, желая остаться в одиночестве, он использовал последние минуты для исполнения надлежащих религиозных обрядов. Наконец, после нескольких часов агонии он умер 8 февраля в 5 часов утра»²⁸. Однако представленная здесь версия, согласно которой царь до последних часов контролировал ситуацию, не соответствовала действительности. Самого главного распоряжения, касавшегося наследования престола, царь, как известно, сделать не успел. Отсутствие царского завещания молчаливо признавалось и автором статьи. По его словам, канцлер и «члены Государственного совета» известили о последней воле Петра I членов Сената, Синода и Военного совета, в результате чего Екатерина I единодушно была провозглашена императрицей. Конечно, о реальной борьбе группировок за царский трон читатели французской газеты не узнали. Им была представлена версия устной передачи последней воли царя его «главными министрами».

В том же сообщении газеты от 17 марта была дана высокая оценка итогов царствования Петра I: «Рожденный с великими добродетелями и необычайными талантами, он с ранней юности казался прозорливым гением, способным осуществить самые грандиозные планы. Зная из истории предшествующих царствований, что та форма правления, которую он обрел с воцарением, не давала возможности сделать народ столь цивилизованным (*polisé*), столь предприимчивым и столь ученым, как он того желал, он мечтал о том, чтобы улучшить управление. Чтобы не делать перемен, в успехе которых он не убедился на деле, он путешествовал по странам, управляемым лучшим образом. И точно замечал все, что могло ему пригодиться в его проектах. Он возвратился в свою страну с тем, чтобы трудиться на благо своих подданных. Их слишком большая привязанность к старым обычаям задерживала исполнение столь прекрасного замысла и заставляла его несколько раз прибегать к суровым действиям. Московия обязана царю установлением более регулярных связей с другими народами, что оказалось весьма полезным для её коммерции. Благодаря ему учрежден процветающий флот, введены науки и искусства, о которых этот народ не имел почти никаких представлений. Он способствовал преодолению многих суеверных обычаев, введению дисциплины в армии, которая из пехоты, годной лишь для обороны, превратилась в войско, способное к завоеваниям. Имя этого монарха снискало уважение у народов Востока»²⁹.

Как видим, сдержанный тон биографической статьи сменился здесь откровенно панегирической риторикой. Образ монарха, цивилизовавшего свой народ, кратко очерченный журналистом «*Gazette de France*», будет развит Фонтенелем в «Похвальном слове царю Петру I» (1725). Затем он будет бесконечно варьироваться в просветительской литературе XVIII

²⁸ Gazette, 17 mars 1725, № 11. P. 121.

²⁹ Ibid. P. 122–123.

века. Вместе с тем нельзя не заметить, что французских авторов остро интересовала проблема законности власти и её наследования.

В следующих номерах «Gazette de France» вплоть до мая 1725 года шли регулярные сообщения о траурных мероприятиях, о присяге жителей новой императрице, о её первых политических шагах. Выпуск от 28 апреля содержал подробнейшее описание пышной церемонии захоронения царя, состоявшейся в Петербурге 21 марта.

ТЕКСТ

«Царь [Пётр I] был сыном царя Алексея Михайловича, умершего 8 февраля³⁰ 1676 года, и Наталии Кирилловны Нарышкиной, почившей 4 февраля³¹ 1694 года. Он женился первым браком на Евдокии (Ottokesa) Федоровне, дочери боярина Федора Абрамовича Лопухина, с которой он расстался в 1692 году³². Вторым браком он был женат на Екатерине Алексеевне. Этот брак был объявлен только в 1711 году, а заключен был несколькими годами раньше³³. Петр имел от первой жены царевича Алексея Петровича, родившегося 18 февраля³⁴ 1690 года, умершего 7 июля³⁵ 1718 года по новому стилю после того, как навлек на себя немилость своего отца тайным бегством за границу и амбициозными планами. За это царь приговорил его к смерти судом всех сословий, собранных для этой цели. Царевич женился 25 октября³⁶ 1711 года в Торгау на принцессе Шарлотте-Кристине-Софии дочери герцога Людвиг-Рудольфа Брунsvик-Вольфенбюттельского, сестре императрицы³⁷; она умерла 1 ноября 1715 года через 9 дней после рождения царевича Петра Алексеевича³⁸, старшая сестра которого царевна Наталия родилась 23 июля³⁹ 1714 года. Дети, которых покойный царь имел от второй ныне царствующей жены, — это царевна Мария, родившаяся 20 марта 1713 года⁴⁰ и помолвленная с

³⁰ 29 января по старому стилю. Далее даты в примечаниях указываются по старому стилю. Разница между Юлианским (принятым до 1918 года в России) и Григорианским (принятым в Европе) календарями составляла 10 дней в XVII в. и 11 дней в XVIII веке. Здесь и далее примечания переводчика.

³¹ 25 января.

³² Примерно в 1692 году началось охлаждение Петра к первой жене, которая была отправлена в 1698 году в Покровский Суздальский монастырь.

³³ Тайное венчание Петра I и Екатерины Алексеевны состоялось 6 марта 1711 года, а свадьба состоялась 19 февраля 1712 года.

³⁴ Дата в тексте указана по старому стилю.

³⁵ 26 июня.

³⁶ 14 октября.

³⁷ Имеется в виду императрица Елизавета-Христина, жена Карла VI, императора Священной Римской империи.

³⁸ Царевич Пётр Алексеевич родился 12 октября 1715 года, а принцесса Шарлотта умерла через 10 дней — 22 октября (2 ноября по новому стилю).

³⁹ 12 июля.

⁴⁰ Речь идет о царевне Анне Петровне, родившейся 28 (27?) января 1708 года. Царевна Наталья, родившаяся 3 марта 1713 года, умерла 27 мая 1715 года.

герцогом Гольштейнским 5 декабря прошлого года⁴¹; царевна Анна-Маргарита, родившаяся 19 сентября 1714 года⁴²; царевич Пётр, родившийся 8 ноября 1715 года, который был объявлен наследником и умер в Петербурге 6 мая 1719 года⁴³; царевич Павел, родившийся в Везеле 13 января 1717 года и умерший в тот же день⁴⁴, царевна Наталия, родившаяся 31 августа 1718 года⁴⁵.

Покойный царь наследовал своему старшему брату царю Федору, который умер 27 апреля 1682 года⁴⁶ и назвал Петра своим наследником, предпочтя его Ивану потому что, хотя тот и был старше, но считался слишком болезненным для тягот правления. На основании этого завещания Пётр был провозглашен царем через несколько дней, имея только 11 лет отроду или около того⁴⁷. Царевна Софья, его сестра по отцу, недовольная тем, что никак не участвовала в управлении из-за устранения её брата царевича Ивана, подвигла на восстание стрельцов — очень могущественный вид войск в Московии. Множество лиц самого высокого ранга были истреблены в этом первом бунте, во время которого царевич Иван был провозглашен царем и привлечен к управлению.

Ныне умерший царь подвергался риску погибнуть в огне этого восстания, если бы не был взят из своих апартаментов князем Борисом Алексеевичем Голицыным, который его тайно увез в Троицкий монастырь — укрепленное место в 120 лье от Москвы. Царевна Софья, будучи слишком амбициозной, чтобы довольствоваться этим первым успехом, убедила стрелецкого генерала князя Хованского, что он мог бы достичь трона, женившись на ней. И они вместе составили заговор против жизни обоих царей — Петра и Ивана, братьев этой царевны. Их замысел был раскрыт двумя испугавшимися соучастниками. Князя Хованского заманили в ловушку и препроводили в Троицкий монастырь, где ему отрубили голову. Царевна Софья была заключена в Девичий монастырь около Москвы, где её строго охраняли вплоть до смерти в июле 1704 года⁴⁸. Два царя правили вместе до 1696 года, когда Иван умер⁴⁹, оставив трех дочерей от брака с Прасковьей Федоровной Салтыковой. Это были Екатерина, вышедшая замуж за 19 апреля 1716 года за Карла-Леопольда⁵⁰, герцога Мекленбург-Шверинского, Анна, вышедшая замуж 13 ноября 1710 года за Фридриха-Вильгельма, герцога

⁴¹ Брачный контракт с герцогом Фридрихом-Карлом Гольштейн-Готторпским был подписан 22 ноября 1714 года.

⁴² Царевна Маргарита, родившаяся 3 сентября 1714 года, умерла 27 июля 1715 года. Второй здравствующей дочерью царя была царевна Елизавета Петровна, родившаяся 18 декабря 1709 года.

⁴³ Царевич Пётр родился 29 октября 1715 года и умер 25 апреля 1719.

⁴⁴ Царевич Павел Петрович (2 января 1717 — 3 января 1717).

⁴⁵ Царевна Наталия родилась 20 августа 1718 года.

⁴⁶ Дата в тексте указана по старому стилю.

⁴⁷ Петру Алексеевичу, родившемуся 30 мая 1672 года, было в то время неполных 10 лет.

⁴⁸ Царевна Софья умерла 3 июля 1704 года.

⁴⁹ Царь Иван Алексеевич умер 29 января 1696 года.

⁵⁰ Свадьба Екатерины Ивановны с герцогом Мекленбургским Карлом-Леопольдом состоялась 8 апреля 1716 года.

Курляндского, вдовой которого она является с 21 января 1711 года⁵¹, и Прасковья, которая ещё не замужем. Царь Пётр, став единственным обладателем земель своего отца, объявил войну туркам и в том же 1696 году захватил Азов на Черном море⁵².

В мае 1697 года, наказав инициаторов нового заговора, который он к счастью раскрыл, и устроив всё, что было необходимо для безопасности государства во время его отсутствия, царь отправился инкогнито в путешествие в зарубежные страны⁵³, где он планировал досконально обучиться механическим наукам, которые были полезны для общего блага его государства. Сначала он пребывал в Амстердаме, откуда переправился в Лондон. Пробыв там три месяца⁵⁴, он направился в 1698 году ко двору императора⁵⁵. Полученные здесь сообщения о новом заговоре, направленном на то, чтобы объявить трон вакантным из-за отсутствия царя, отозвали его в Москву, где мятежники уже были разбиты шотландцем адмиралом Гордоном⁵⁶. В Москве царь наказал оставшихся заговорщиков и использовал 1699 год для полезных установлений в области финансов, коммерции и полиции. В 1700 году он заключил перемирие на 25 лет с турками и объявил войну королю Швеции. Начало этой войны не было для него удачным: в первой же кампании он потерял половину своей армии в битве под Нарвой. В 1702 году успешное сражение при Штагнитце (Stagnitz) в Ливонии облегчило ему взятие Вольмара, Мариенбурга, Дерпта и Нотебурга. Он взял Нарву в 1704 году. В 1705 году войска под руководством Шереметева вошли в Литву, но были разбиты под Варшавой шведским генералом графом Левенгауптом. Кампании 1706–1707 годов были неудачными для союзников Его Величества.

Когда в 1708 году шведский король вошёл в Московию, рассчитывая захватить Смоленск и Москву, его войска были разбиты армией московитов в знаменитой Полтавской битве во время кампании 1709 года. В следующем году царь устроил триумфальный вход в Москву; в том же году его генералы завоевали Эльбинг, Ригу и почти всю Ливонию. В 1711 году султан разорвал перемирие, заключенное с Его Царским Величеством. Борьба, начатая без решительных действий, несколько стычек и переговоры между великим визирем и маршалом Шереметевым положили конец этой новой войне, которая закончилась договором в Фальчи, по условиям которого царь вернул туркам разрушенный Азов и крепость Таганрог.

⁵¹ Анна Ивановна вышла замуж за герцога Курляндского Фридриха-Вильгельма 31 октября 1710 года и овдовела 9 января 1711 года.

⁵² Война с Турцией (Первый Азовский поход) началась в 1695 году. Азов был захвачен в результате Второго Азовского похода 20 июля 1696 года.

⁵³ Речь идет о заговоре Цыклера, раскрытом в феврале 1697 года; царь отправился в Европу в составе Великого посольства в марте 1697 года.

⁵⁴ В Англии Пётр пробыл с 11 января по 25 апреля 1698 года.

⁵⁵ Имеется в виду Леопольд I, император Священной Римской империи.

⁵⁶ Правительственное войско, направленное против взбунтовавшихся стрельцов, возглавлял боярин А.С. Шеин, его помощником был шотландец генерал-поручик Патрик Гордон.

Царь Пётр покорил Померанию в 1713 году. В следующем году московитский флот под командованием адмирала Апраксина разбил шведский флот в Финском заливе. В 1715 году Его Царское Величество учредил Морскую академию в Петербурге — городе, который он основал, планируя перенести туда всю коммерцию своего государства.

После смерти патриарха Московии в 1716 году царь объявил себя главой и покровителем церкви и назначил только что избранного митрополита Рязанского руководить церковными делами⁵⁷.

В 1717 году царь приехал во Францию: он прибыл в Дюнкерк 22 апреля, а в Париж — 9 мая⁵⁸. Его приняли здесь со всеми почестями, приличествующими его положению. Посетив главные королевские резиденции, он уехал 20 июня того же года, чтобы возвратиться в Петербург. Царь удостоил своим посещением Королевскую Академию наук, которой он засвидетельствовал своё удовольствие (возможностью) быть принятым в её члены и иметь с ней корреспонденцию.

Наказание тех, кто советовал царевичу проявить неповиновение, и начало переговоров на Аландских островах — эти дела занимали его на протяжении 1718 года. Он замышлял совершить десант в Швецию в 1719 г., когда узнал о смерти короля Карла XII и о провозглашении королевой Ульрики-Элеоноры из письма этой монархини, которая, сообщая ему о своем приходе к власти, предлагала установить прежние дружеские отношения между двумя народами. Переговоры о мире были продолжены на Аландских островах, но, прервав их через несколько месяцев, Его Величество отправил десант в Швецию, сжег там многие города, разрушил несколько шахт по добыче меди.

В 1720 году царь и Их Величества⁵⁹ условились о мирных переговорах; договор был заключен в Ништадте, в Финляндии, 10 сентября⁶⁰ 1721 года. Согласно этому договору царь оставался обладателем Ливонии, Эстонии, Ингерманландии, части Карелии, округа Выборга и почти всех мест, которые он завоевал во время Северной войны. В день объявления мира 22 октября⁶¹ этот монарх был провозглашен Сенатом Отцом Отечества и Императором Всероссийским. С тех пор этот титул за ним признали король и сословия Швеции, король Пруссии, Голландская республика, Султан.

В 1722 и 1723 годах он направил свое оружие в сторону берегов Каспийского моря, где он занял города Дербент, Терки и завоевал некоторые провинции, которые до того находились под властью персидского шаха. Обладание ими он обеспечил договором, заключенным в последний год в Константинополе между послом Его Царского Величества и представителями Султана.

⁵⁷ Патриарх Адриан умер 15 октября 1700 года, после чего местоблюстителем патриаршего престола был назначен митрополит Рязанский Стефан Яворский.

⁵⁸ Пётр I прибыл в Дюнкерк 10 (21) апреля 1717 года, в Париж — 26 апреля (7 мая), где пробыл до 9 (20) июня.

⁵⁹ Король Швеции Фридрих I и королева Ульрика-Элеонора.

⁶⁰ 30 августа.

⁶¹ Дата в тексте указана по старому стилю.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Август II, *король Польши* 267
Август Октавиан, *римский император* 274
Агеева О.Г. 116
Адриан, *патриарх московский* 288
Акоста Я. д' (Лакоста) 63, 89, 99, 223
Александр Македонский, *царь* 266, 271
Александр I, *император* 21
Алексеев М.П. 81
Алексей Александрович, *великий князь* 215
Алексей Михайлович, *царь* 252, 262, 285
Алексей Петрович, *царевич* 47, 59, 96, 97, 229 248, 275, 280, 285
Аллец П.О. (Alletz P.A.) 19
Андреев А.И. 190, 212
Андросов С.О. 98
Анисимов Е.В. 10, 20, 40, 189
Анна Австрийская, *королева Франции* 184
Анна Ивановна, *царевна, герцогиня Курляндская* 278, 281, 286
Анна Петровна, *царевна, герцогиня Гольштейнская* 276, 279, 284
Анри К. (Henry C.) 31, 173, 174, 177, 196
Антен Л.А. д' (Antin L.A. d') 16, 25, 39, 65, 68, 70, 73, 76, 84, 109, 110, 111, 130, 142, 148–150, 152, 154, 159, 160, 162, 163, 168, 172, 176–179, 181–183, 185, 187, 200 203, 209, 214, 244, 248, 250
Апраксин Ф.М. 286
Ар-в П. 22
Ардюэн-Мансар Ж. (Hardouin-Mansart J.) 110, 133, 134, 136, 137, 142, 146, 147, 150–152
Арескин (Эрскин) Р. 66, 89, 97, 101, 115, 124, 125, 190, 195, 205, 208, 209, 218, 228, 244, 269, 274
Аржансон М.П. д' (Argenson M.P. d') 89, 249
Арло, *живописец* 176
Арменонвиль Ж. д' (Armenonville J. d') 145
Артаньян П. д' (Artagnan P. d') 114
Асфельд К.Ф. д' (Asfeld C.F. d') 66, 113
Базарова Т.А. 40, 149
Бакланова Н.А. 28, 50, 147, 212, 226, 256
Баклановский С. 99
Балеруа М.Е. де (Balleroy M.E. de) 39, 162, 249
Балюз Ж.К. де (Baluze J.C. de) 48, 49
Бантыш-Каменский Д.Н. 105, 126
Бар Ф.К. (Bart F.C.) 85
Барбье А. (Barbier A.) 169
Бартеlemi Г. (Barthélémy G.) 169
Бартеlemi Э. де (Barthélémy E. de) 14, 22, 23, 37, 145, 146, 216, 231, 243
Барятинский А.И. 34
Бассано Я. 172
Бателье Ф. (Batellier F.) 169
Бегаль Ф. (Behagle Ph.) 181
Безобразов П.В. 24
Бекович-Черкасский А. см.: Черкасский А.Б.
Белен Г. (Bellin G.) 169
Бели Л. (Bély L.) 227
Бельгард Г. де (Bellegarde G. de) 70, 71, 109, 151, 154, 160
Беляев О. 86
Беляев С. 100
Бентиволио К. (Bentivoglio C.) 124
Бентц Б. (Bentz B.) 40, 147, 154
Берелович В. (Berelowitch W.) 40, 45, 47, 128, 147, 166, 183
Бернаж Л. де (Bernage L. de) 36, 64, 79, 91
Бернулли Д. 276
Бернулли Ж. 276
Бернулли Н. 276
Беррийская Мария Луиза Елизавета, *герцогиня (Marie Louise Elisabeth, duchesse de Berry)* 68, 108, 173, 229
Берси Ш.А. (Bercy Ch.H.) 144
Бертье Ж. (Berthier J.) 112
Беснятых Ю.Н. 191
Бетюн Л.М.В. де (Bethune L.M.V. de) 144, 163
Бетюн М.Ф. де (Bethune M.F. de) 163
Биар П. (Biard P.) 133

- Биго де Ламотт Ж. (Bigot de la Mothe J.) 82
- Биньон Ж.П. (Bignon J.P.) 75, 204, 205, 207–209, 269
- Бион Н. (Byon N.) 202, 204
- Битке И.Х. («Иван Хрисанфов», «поп Битка») 62, 67, 99, 218, 223
- Бло Ж. (Blot J.)* 140
- Блуэн Л. (Blouin L.) 148, 149
- Блюментрост Л. 190
- Боброва Е.И.* 150, 200
- Бовилье Ф.О.А. де (Beauvilliers F.H.A. de) 64, 91
- Богданов А.* 43
- Богданов К. 189
- Бодье Г. (Baudier G.) 86
- Бозио Ф.Ж. (Bosio F.J.) 133
- Боке, *метрдотель* (Bocquet) 232
- Болотина Н.Ю.* 46
- Бонак М.Л. (Vonaque M.L.)* 40
- Бондарев А.П.* 13, 38, 95, 104, 139, 146, 172, 216
- Бонмазари Я. (Bonmassari G.V.) 50, 77
- Боннак Ж.Л. (Bonnac J.L.) 49, 53
- Борисов Ю.В.* 44
- Браге Т. 267
- Брантс К. 68, 200, 201, 203, 219, 221
- Брикнер А.Г.* 24, 52, 90, 104, 256
- Брис Ж. (Brice G.)* 40, 112, 113, 127, 132, 135, 172–174, 179, 180, 184, 190–192, 195, 198
- Брокет Д. (Broquet D.) 50
- Брокет Ж. (Broquet J.) 50
- Брюан Л. (Bruant L.) 136
- Брюнсвик-Вольфенбюттельская *принцесса Шарлотта Кристина София, жена царевича Алексея Петровича* 285
- Брюнсвик-Вольфенбюттельский герцог Людвиг Рудольф 285
- Брюс Я. 181
- Буат Ш. (Boit Ch.) 176, 177, 244
- Бурбон Э. (Bourbon E.) 169
- Бурбонская Франсуаза Мария, герцогиня Орлеанская, *жена регента Франции* (Françoise Marie de Bourbon, duchesse d'Orléans) 68, 107, 109
- Бурgrave (Бурхааве) Г. 189
- Бургиньон Ж. (Bourguignon J.)* 27, 77, 231–235, 237, 243
- Бургуэн Э. (Bourgoin E.) 169
- Бургундский Луи, *герцог* (Louis, *duc de Bourgogne*) 148
- Бурден Ж.Б. (Bourdin J.B.) 169
- Буре Ж.Ф. (Bourrée J.F.) 63, 90
- Буржуа Н. (Bourgeois N.) 62, 86, 88
- Бурсон, *художник* (Boursou) 184
- Бурсье Л.Ф. (Boursier L.F.) 74, 179
- Бутерфильд М. (Butterfild N.) 202
- Бутковский И.Я.* 243, 252
- Бутурлин И.И. 89, 97, 101, 105, 115, 223
- Бюва Ж. (Buvat J.) 14, 17, 24, 25, 28, 37, 38, 68, 69, 108, 117, 146, 149, 153, 154, 156, 157, 162, 199, 214, 216, 242, 243, 245, 246, 248
- Бюффе Ж. (Buffet J.) 169
- Бюше (П.)Ф. (Buchet P.F.) 12, 36, 60, 64, 68, 91, 100–104, 106, 107, 130, 143–145, 148, 169, 171–173, 179, 181, 185, 191, 193, 195, 202, 216, 226, 256, 279, 281, 282
- Вавок Ж.Л. (Vavoque J.L.) 169
- Вагеманс Э.* 31, 32, 40, 57, 58, 62, 81, 82, 84, 91, 171, 174, 201, 219, 229, 237, 243, 259
- Вайян С. (Vaillant S.) 189
- Валишевский К. (Waliszewski K.)* 26, 109, 229, 242–244, 248, 256
- Ван Дейк А. 173
- Ван дер Мёлен Ф. (Van der Meulen F.) 175, 199, 200
- Вандаль А. (Vandal A.)* 25
- Вандом Л.Ж. де (Vendôme L.J. de) 117
- Вантадур Ш.Э. де (Ventadour Ch. E. de) 146
- Варанжевиль, *мадам* 137
- Вариньон П. (Varignon P.) 15, 74, 194, 205
- Васу Ф. (Vassoux Ph.) 169
- Ватто А. (Watteau A.) 127
- Вебер Х.Ф. 255
- Вельф Э. (Welf E.)* 14, 123
- Вергилий (Публий Вергилий Марон) 183
- Вердо К. (Verdot C.) 168
- Верниман Ж.Б.И. (Vernimmen J.B.I.) 78, 79
- Вертон Л.Ф. де (Vertron L.F. de) 72, 76, 154, 218, 227, 233, 244
- Веселовский Ф.П. 201
- Вигуру, *барон* (Vigouroux) 66, 76, 169
- Виллар К.Л.Г. де (Villars C.L.H. de) 16, 75, 76, 78, 104, 111–113, 203, 232
- Вильбуа Н.П. 33, 46, 228, 229, 281
- Вильгельм III, *король Англии* 263, 264
- Вильруа Ф. де (Villerois F. de) 64, 65, 68, 84, 104, 106, 193, 214–216, 244, 248

- Виттрам Р. (*Wittram R.*) 29, 56, 122, 123, 239
- Вишняков М. 259
- Вобан С. (*Vauban S.*) 46, 112, 113, 204
- Воинов А. 256
- Волков А.Я. 98, 181
- Волков Г.И. 49, 50, 53
- Волковский В.Э. 29
- Вольпьяк-Оже К. (*Volpilhac-Auger C.*) 194
- Вольтер (*Arouet F.M.*; псевд. *Voltaire*) 10, 13–17, 19–21, 39, 40, 170, 206, 221, 246, 248, 259, 281
- Вольтера Р. да 133
- Вулхауз Д.Т. (*Woolhouse J.T.*) 75, 190
- Вьевьёрка М. (*Wieviorka M.*) 41
- Габриэль Ж. V (*Gabriel J. V*) 163
- Габриэль, *господин* 109
- Габсбурги, *династия* 118
- Ганнибал А.П. (Абрам Арап) 62, 63, 76, 89, 99, 100, 200, 201, 221, 223
- Ганнибал А.С. 200
- Генрих IV, *король Франции* (*Henri IV*) 129, 133, 134, 155, 173, 174, 178, 182
- Георг I, *король Великобритании* 54, 119
- Герен, *адвокат* (*Guerin*) 115
- Герман М.Ю. 11, 127
- Герман Я. 275
- Гёрц Г.Х. фон 16, 54, 123
- Гзелль Г. 86
- Гиз, *герцог* (*Guise*) 130
- Гислок, *живописец* (*Guyslock*) 168
- Гиш А. де (*Guiche A. de*) 114
- Гишан Э. де (*Guichen E. de*) 26, 59, 116, 249, 256
- Гнамманку Д. 100
- Гобелен Ж. 178
- Говер, *декоратор* (*Gauvert*) 168
- Годе, *садовник* (*Gaudet*) 169
- Голиков И.И. 20, 21, 34, 60, 76, 89, 106, 121
- Голицын А. 205
- Голицын Б.А. 282, 286
- Головин А.И. 47, 48
- Головин И.М. 47, 48
- Головин Ф.А. 263
- Головкин Г.И. 47, 54, 55, 121, 255
- Гольштейн-Готторпский Карл Фридрих, *герцог* 277, 279, 284
- Гольштейн-Плоенский Иоахим Фредерик, *герцог* (*Joachim Frédéric, duc de Holstein-Ploën*) 93
- Горбатенко С.Б. 30, 135, 154, 158, 159
- Гордон П. 286
- Готье Ж.Ж. (*Gauthier J.J.*) 169
- Грабовский И. 63
- Гревс И.М. 8
- Гримальдо, *маркиз де* 35, 65, 214
- Гримоар Ф.А. де (*Grimoard Ph.H.*) 38, 141
- Гриньон П. (*Grignon P.*) 169
- Громан Г. 235
- Груши Э.А. де (*Grouchy E. H. de*) 38
- Грюнвальд К. 28
- Гузевич Д.Ю. 31, 40, 45, 53, 60, 194
- Гузевич И.Д. 31, 40, 45, 53, 60, 194
- Гусарова Е.В. 194
- Гусева Н.Ю. 40
- Д'Аламбер Ж. (*D'Alambert J.*) 10, 146, 248
- Далем А. (*Dalésme A.*) 75, 204, 207
- Данжо Ф. де (*Dangeau Ph. de*) 13, 38, 66–76, 93, 108, 115, 143, 144, 148, 149, 151, 155, 161, 163, 206, 210, 214, 217, 221, 229, 244, 250, 251
- Дасье А. (*Dacier A.*) 172, 210
- Девилль А. (*Deville A.*) 204
- Дежарден М. (*Desjardins M.*) 133
- Декарт Р. (*Descartes R.*) 192
- Делиль Г. (*Delisle G.*) 68, 75, 106, 193, 194
- Делиль Ж.Н. (*Delisle J.N.*) 9, 192, 194, 202, 276
- Делиль Л. (*Delisle L.*) 194
- Демельнаер-Дуьер К. (*Demeulenaere-Doüyère C.*) 30, 75, 205
- Депорт А.Ф. (*Desportes A.F.*) 180
- Дефрени К. 68
- Дешизо П. (*Deschisaux P.*) 190, 191
- Дидро Д. (*Diderot D.*) 17
- Дмитриева Н.А. 260
- Долгова С.Р. 34, 100, 143, 200, 203
- Долгоруков (Долгорукий) Я.Ф. 7, 44
- Долгоруков В.В. 67, 76, 89, 95, 101, 115, 117, 121
- Долгоруков В.Л. 77, 159, 187, 226
- Дрѐ Т. де (*Dreux T. de*) 116
- Дюбуа Г. (*Dubois G.*) 22, 26, 55, 56, 168, 248
- Дюбуа де Сен-Желе Л.Ф. (*Dubois de Saint-Gelais L.F.*) 39, 65, 179, 181, 182
- Дюверне Ж.Г. (*Duverney J.G.*) 67, 190, 205, 209
- Дюверне Э.М. (*Duverney E.M.*) 190
- Дювивье Б. (*Duvivier B.*) 183
- Дювивье Ж. (*Duvivier J.*) 183
- Дюкло Ш.П. (*Duclos Ch.P.*) 17, 22, 25
- Дюма А. (*Dumas A.*) 114, 239
- Дюмень, *кондуктор* 74

- Дюнуайе А.М. (Dunoyer A.M.) 39, 147, 164, 185, 213, 214, 219, 222, 229, 249
- Евангулова О.С.** 96
- Евдокия (Лопухина), *царица* 241, 280, 285
- Екатерина I (Екатерина Алексеевна), *императрица* 16, 33, 58, 60–65, 69–71, 77, 84, 90, 99, 104, 105, 126, 155, 157, 174, 176–178, 225, 228, 229, 233, 274, 275, 278, 280, 281, 285
- Екатерина Ивановна, *царевна, герцогиня Мекленбургская* 280, 286
- Екатерина Медичи, *королева Франции* 133, 215
- Екатерина II, *императрица* 17, 45
- Елизавета Петровна, *императрица* 25, 59, 99, 106, 281, 286
- Елизавета Христина, *императрица Священной Римской империи* 285
- Ефимов С.В.** 282
- Жакоб Ф.** (*Jacob F.*) 14, 31
- Жан, *мастер* 180
- Жан-младший, *мастер* 180
- Жерве Ш.Ю. (*Gervais Ch. N.*) 66, 185
- Жирар Н. (*Girard N.*) 169
- Жирардон Ф. (*Girardon F.*) 132, 134, 136, 170
- Жоффруа Э.Ф. (*Geoffroy E.F.*) 190, 205
- Жувене Ж.Б. (*Jouvénét J.B.*) 180
- Жувене Ф. (*Jouvénét F.*) 176
- Заме С. (*Zamet S.*) 215
- Заозерский А.И.* 47
- Зотов К.Н. 33, 50, 52, 53, 57, 58, 61, 62, 71, 84, 98, 107, 111, 130, 131 142, 153, 166–168, 214, 255
- Ибервиль Ш.Ф.** д' (*Iberville Ch. F. d'*) 259
- Иван Алексеевич, *царь* 45, 261, 281, 286
- Иконников В.С.** 24
- Ильяшенко И.И.* 16, 246
- Кале Э. (*Calley E.*) 73, 74, 184, 225
- Кальницкая Е.Я.* 40, 158
- Калязина Н.В.* 126, 191
- Каминская А.Г.* 30, 34, 203
- Кампредон Ж. (*Campredon J.*) 123, 187, 277, 278, 280, 283
- Камус П. (*Camousse P.*) 169
- Камус Ф. (*Camousse F.*) 169
- Камус Ф. (*Camousse Ph.*) 169
- Камю Ф.Ж. де (*Camus F.J. de*) 75, 204, 205
- Канийяк Ф.К. де (*Canillac Ph.C. de*) 114
- Каравак Л. (*Caravaque L.*) 50, 71, 169, 176, 181, 187
- Карл VI, *император Священной Римской империи* 285
- Карл XII, *король Швеции* 15, 16, 49, 120, 240, 266, 282, 288
- Карп С.Я. (*Karp S.*) 40, 86
- Карраччи А. 172
- Каррер д'Анкосс Э. (Carrère d'Encausse H.)* 45
- Кассини Ж. (*Cassini J.*) 15, 191
- Катина Н. (*Catinat N.*) 117
- Катиборо А.* 20
- Келлер Ж.Б. (*Keller J.B.*) 131. 132
- Келлер Ж.Ж. (*Keller J.J.*) 131
- Кельнский курфюрст 70
- Кёр д'Асье А. (*Coeur d'Acier A.*) 169
- Керховен, мастер (*Kerchoven*) 180
- Климент XI, *папа Римский* 273
- Ключевский В.О.* 8
- Книппгаузен Ф.Э. 56, 120
- Княжецкая Е.А.* 29, 144, 190–193, 196, 200, 207–210
- Кобак А.В.* 41
- Кобьялков И. 99, 223
- Ковалева М.В.* 40
- Ковалевский М.М.* 35, 65, 94, 108, 124, 188, 214, 226
- Ковригина В.А.* 44, 47, 178, 219
- Койпель (Куапель) А. (*Coypel A.*) 65, 171
- Койпель-младший Ш.А. (*Coypel Ch.A.*) 180
- Колен, *торговец* (*Collain*) 79
- Кологривов Ю.И. 50, 62, 67, 171, 186, 201, 203
- Кольбер Ж.Б. (*Colbert J.B.*) 179, 235
- Кольпар С. (Colpar S.)* 41
- Комартен де Буази (*Caumartin de Voissy*) 145
- Конде, *принцесса* (*Anne Henriette de Bavière, princesse de Bourbon-Condé*) 77, 235
- Кондырев И. 43
- Конти Мария Анна де, *принцесса* (*Marie Anne de Bourbon, princesse de Conti*) 161
- Копанев Н.А.* 39, 241
- Копаницкий, *староста* 70
- Коперник Н. 74, 201
- Копиевич И. 240
- Корнеев Ю.Б.* 13, 38, 95, 104, 139, 146, 172, 216

- Корнель М. (Corneille M.) 245
Коронелли В.М. (Coronelli V.M.) 192
Коротков С.Н. 123
Корсакова Н.Л. 41
Кортон П. да 184
Коршунова Т.Т. 181
Котт Ж.Р. де (Cotte J.R. de) 65, 179
Котт Р. де (Cotte R. de) 152, 179
Кресп де, *контролер Королевского дома* (Stesmes de) 76, 244
Кристина, *королева Швеции* 172, 173, 211
Кросс Э. 32, 259
Кротов П.А. 35
Крылова Т.К. 48
Куазевокс А.Ш. (Coysevox A.Ch.) 136, 170
Куракин Б.И. 7, 39, 46, 47, 49, 54–57, 63, 65, 67, 69, 73, 79, 80, 84, 87, 89, 94, 95, 98, 100, 106, 114, 115, 117, 121, 123, 145 162, 177, 187, 196, 213, 214, 226, 135, 255
Курляндский Фридрих Вильгельм, *герцог* 286
Куртильз де Сандра Г. де (Courttilz de Sandras G. de) 239
Курукин И.В. 187
Кусакин А. 193
- Ла Род К де (La Rode C. de) 63, 90
Ла Ферте М.И., *герцогиня* де (La Ferté M.I. *duchesse* de) 74
Лавальер Л.Ф. де (Vallière L.F. de la) 163
Лави А. де (Lavie H. de) 53, 144, 187
Лавров А.С. 43, 45, 240
Лагепьер Ж. де (La Guépière J. de) 144
Лакомб Ж. (Lacombe J.) 245
Лакруа П. (Lacroix P.) 22, 108
Ламбер А. (Lambert A.) 169
Ламбер де Герен Ж.Г. (Lambert de Guérin J.G.) 46
Ламбо П. (Lambot P.) 167
Ламот-Лангон Э.Л. де (Lamothe-Langon E.L. de) 22, 208
Ламуаньон Г. де (Lamoignon G. de) 115
Лантева Т.А. 30, 97, 186
Ларжильер Н. де (Largillière N. de) 175, 176
Лафей Ж.Э. де (La Faye J.É. de) 75, 204, 207
Ле Блан Ю. (Le Blanc H.) 15, 192
Ле Гле А. (Le Glay A.) 25, 108, 208
Ле Дран Н.Л. (Le Dran N.L.) 14, 248
Ле Клер Ш. (Le Clerc Ch.) 169
Лебедев В.И. 211
Лебедев Д.М. 48
Лебедева И.Н. 150
- Леблон Ж.Б.А. (Le Blond J.B.A.) 50, 63, 74, 106, 137, 138, 140, 158, 159, 167–170, 187, 194
Лебрен Ш. (Le Brun Ch.) 136, 147, 168, 170–172, 175, 179, 180
Левек П.Ш. (Levêque P.Ch.) 17, 206
Левенгаупт А.Л. 287
Левкин Т.Т. 63, 219, 220
Лево Л. (Le Vau L.) 136, 142, 147
Лево Ф. (Le Vau F.) 144
Леврон Ж. 147
Ледигьер П.М.Ф., *герцогиня* де (Lesdiguiers P.M.F. de Gondi, *duchesse* de) 216
Леец Г. 100
Лейбниц Г.В. 275
Лекалопье С.Ш. де (Lescaplier C.Ch. de) 231, 232, 234
Леклерк А. (Leclercq H.) 28, 120
Лемери Л. (Lémery L.) 75, 294, 207
Лемерсье Ж. (Lemercier J.) 136
Ленотр А. (Le Nôtre A.) 135, 142, 144, 146, 147, 158
Леопольд I, *император Священной Римской империи* 287
Лепотр А. (Lepautre A.) 145
Леруа, *живописец* (Le Roy) 176
Лефевр П. (Le Febvre P.) 180, 203
Лефорт Ж. (И.) (Le Fort J.) 33, 50, 53, 70, 72, 107, 147, 167–169
Лефорт Ф. (Le Fort F.) 44, 46, 264
Лехович Т.Н. 40
Либуа Э.Ф. де (Liboy E.F. de) 37, 61, 79, 80, 83, 85, 87, 89–100, 199, 213, 214, 217, 241
Ливри Л.С. де (Livri L.S. de) 76, 92, 218, 233, 244
Лихачев Д.С. 41, 44, 150, 200
Лиштенан Ф.Д. (Liechtenhan F.D.) 30, 40, 45, 49, 197, 204, 281
Ломбар Ж. (Lombard J.) 169
Лоне Н. де (Launmay N. de) 73, 172, 182
Лонуа, *граф* де (Launoy de) 178
Лопиталь П.Ф. де (L'Hôpital P.F. de) 10
Лопухин Ф.А. 284
Лортолари А. (Lortholary A.) 28, 38, 240, 243, 246, 248, 255, 256, 258, 279
Лосский Б.Н. (Lossky B.) 28, 34, 60, 177, 207, 244
Лотаринский Генрих, *герцог* (Guise-Lorraine Henri, *duc* de) 39, 245
Лоу Д. (Lowe J.) 22, 220
Луазо Ж. 196

- Лувиль Ш.О. де (Louville C.A de.) 155, 156 248
- Лувуа К. де (Louvois C. de) 69, 198, 199
- Лувуа Ф.М. де (Louvois F.M. de) 112, 117, 132
- Лужецкая Н.Л.* 29
- Луи (Великий Дофин) 142
- Львин Ю.И.* 28
- Люблинская А.Д.* 47, 161
- Людовик XIV, *король Франции* (Louis XIV) 13, 14, 16, 17, 38, 45, 47, 49, 50, 53, 54, 65, 73, 81, 90, 97, 109, 112, 113, 117, 118, 127, 128, 130, 132–134, 136, 137, 139, 147, 150–152, 155, 162, 163, 166, 168, 170, 172, 175, 178, 183, 189, 195, 199, 210, 216, 241, 244, 248, 259
- Людовик XIII, *король Франции* (Louis XIII) 43, 133, 174
- Людовик XV, *король Франции* (Louis XV) 13, 17, 25, 26, 28, 33, 58, 59, 65, 75, 76, 102, 104, 105–107, 120 134, 183, 193, 215, 246, 279, 281
- Ляфебер Ж. (Lafeber J.) 44
- Мазарини, *кардинал* (Mazarin J.) 79, 128, 130, 135, 136, 170, 194
- Мазероль Ф. (Mazerolle F.)* 181
- Майи де Нель Л. (Mailly de Nesle L.) 63, 89–92, 241, 242
- Майков Л.Н.* 35, 38, 39
- Майкова Т.С.* 19, 32, 45, 61, 81, 116, 124, 132, 142, 171, 189, 233
- Макар, *мастер* (Macquart) 202
- Макаров А.В. 33, 52, 89, 97, 98, 101, 159, 187, 218
- Макаров В.К.* 187
- Малинин Ю.П.* 43, 240
- Малиновский К.В.* 46
- Мар, *герцог* 97, 125
- Маральди Ж.Ф. (Maraldi J.Ph.) 67, 191, 205
- Маргарита Петровна, *царевна* 286
- Маре М. (Marais M.) 25, 38, 279
- Маржере Ж. (Margeret J.) 43
- Мариетт Ж. (Mariette J.) 137
- Мария Медичи, *королева Франции* 173, 174
- Мария Моденская, *королева Англии в изгнании* 73, 124, 125
- Марке, *лаковый мастер* 66
- Мармонтель Ж.Ф. (Marmontel J.F.)* 17
- Марси Б. (Marsy B.) 171
- Марси Г. (Marsy G.) 171
- Марген Ж.Б. (Martin J.B.) 186
- Марген П.Д. (Martin P.D.) 175, 186, 187
- Мартеис Ф.Ф.* 27, 59, 121, 122
- Масси Р.К.* 29, 127
- Массон А. (Masson A.) 169
- Матвеев А.А. 7, 42, 47, 48, 53, 128, 135, 147, 161, 166, 259
- Махмуд, *шах Ирана* 271
- Мачехин К. 43
- Маяковский В.В.* 11
- Медведкова О. (Medvedkova O.)* 50, 131, 147, 168, 169
- Мезин С.А.* 8, 9, 16, 31, 143, 204, 256, 260, 279
- Мейер Д.* 149
- Мекленбург-Шверинский Карл Леопольд, *герцог* 285
- Ментенон Ф. де (Maintenon F. de) 16, 39, 73, 109, 148, 151, 155, 248, 252
- Меншиков А.Д. 33, 46, 50, 65, 71, 72, 75, 76, 96, 98, 105, 138, 159, 169, 170, 181, 188, 221–224, 267, 274
- Мер, *мастер* 203
- Месм Ж.А. де (Mesme J.A. de) 75, 115
- Месм Ж.Ж. де (Mesme J.J.) 115, 124
- Месм, аббат де (Mesme, abbé de) 115
- Миллер Ф.Г. 244
- Мильчина В.А.* 139
- Мильшо, *адвокат* (Milchault) 115
- Михайлов А.Д.* 13, 38, 95, 104, 139, 146, 172, 216
- Мишель Ж. (Michel J.) 169
- Мовийон Е. (Mauvillon E.)* 15
- Моисеенко Е.Ю.* 222, 223
- Моле Э. де (Molé E. de) 85
- Молчанов Н.Н.* 29, 59, 122
- Моммерс Х. 126
- Монпансье Анна Мария Луиза Орлеанская, *герцогиня* де (Anne Marie Louise d'Orléans de Montpensier) 163
- Монтеспан Ф.А. де (Montespan F.A.) 109, 154, 160, 162
- Мор К. 177, 178
- Мошков П.И. 181
- Мошков Ф. 99, 223
- Мурзин П.В. 89, 99, 101
- Мышецкий Я.Е. 7, 44
- Мэнский Луи Огюст де Бурбон, *герцог* (Louis Auguste de Bourbon, duc du Maine) 109, 114, 215
- Назаров В.Д. 43, 240
- Наполеон I, *император* 151

- Нартов А.А. 15, 35, 81, 86, 91, 114, 139, 177, 185, 188, 192, 227, 228, 259, 260
 Нартов А.К. 196
 Нарышкин А.Л. 70, 188
 Нарышкин С.Г. 89, 97, 101, 115
 Наталия Кирилловна, *царица* 262
 Наталья Алексеевна, *царевна* 285
 Наталья Петровна, *царевна* 286
 Натъе Ж.М. (Nattier J.M.) 168, 175–178
 Неверов М. 43
 Невиль Фюа де ла (Foy de la Neufville) 42, 43, 240
Невская Н.И. 191, 202
Немилова И.С. 175
Немова К.А. 40
Неплюев И.И. 20, 34, 35, 89, 219
 Николай II, *император* 24, 25
 Ноайль Л.А. де (Noailles L.A. de) 69
Норов А.В. 24
 Нуазе де Сен-Манж Ж. (Noiset de Saint-Mange J.) 169
 Нуантель Л.К. де (Nointel L.C. de) 233
- Овидий П.Н. 203, 204
 Овсянников, *солдат* 63, 89
 Огильви Г.Б. 266
 Огюэ А. (Hogguer A.) 74
 Олсуфьев Д.М. 33, 103
 Олсуфьев М.Д. 72, 89, 98, 103, 188, 217, 218, 221
 Омон Л. д' (Aumont L. d') 63, 90
Онегин Н.С. 40
 Орлеанский, Филипп, *герцог регент* Франции (Philippe, duc d'Orléans) 15–17, 24, 28, 53, 57, 58, 64, 66–68, 74–76, 79, 92, 102, 104, 107, 108, 110, 111, 114, 117, 141, 144–147, 155, 172, 194, 197, 208, 209, 228, 250.
 Орликов, *курьер* 178
 Орлов И. 99, 100, 201
 Ормондский, *герцог* (James Butler Ormonde) 125
Орфелин З. 20
Оссонвиль Г. д' (Haussonville G. de) 25, 73, 119, 121, 141
 Остерман А.И. 76, 99, 221, 223, 244
- Павел I, *император* 50, 169
 Павел Петрович, *царевич* 174, 285
Павленко Н.И. 29, 96, 98
 Паган Л. (Pagan L.) 204
 Пажо д'Онз-ан-Бре Л.Л. (Pajot d'Ons en Bray L.L.) 68, 130, 144, 195, 196, 201, 205, 275
- Палатинская Шарлотта Елизавета Баварская, *принцесса* (Charlotte Elisabeth de Bavière, princesse du Palatinat) 39, 66, 146, 247, 248
 Пап Ж. ле (Pape J. le) 37
Пекарский П.П. 23, 190, 197, 200, 207, 208
 Перар А. (Perard A.) 169
 Перель А. (Perelle A.) 131
 Перри Д. 255, 279, 281
 Перро К. (Perrault C.) 136
 Перон, *скульптор* (Péron) 169
 Петр Алексеевич, *царевич* 174, 280
 Петр Петрович, *царевич* 285
Петров В.Н. 134
 Пижон Ж. (Pigeon J.) 18, 74, 191, 201
 Пильман Ф. (Pillement P.) 50, 169
 Пино Н. (Pineau N.) 50, 169
Пирлинг П. (Pierling P.) 26, 179
Писарев С. 20
Плавинская Н.Ю. 41, 139, 227
Платонов С.Ф. 8
Платонова Н. 40
 Плейер О.А. 229
Побединская А.Г. 126
Полевой Н.А. 22, 206
Полонянкина Е.А. 29
Полуденский М. 23, 89
Порше Ж. 28, 198, 199, 243
 Постников П.В. 46–48, 53
 Потемкин П.И. 44
 Прасковья Ивановна, *царевна* 287
 Прасковья Федоровна (Салтыкова), *царица* 286
 Прево, *актриса* (Prévôt) 185
 Пуссен Н. (Poussin N.) 168, 172
Пушкин А.С. 100, 176, 200
- Рагузинский** Е. 99, 177
 Рагузинский С.Л. (настоящая фамилия – Владиславич) 57, 72, 76, 89, 101, 115, 177, 201, 219
Радовский М.И. 255
 Ракоци Ференц, *князь Трансильвании* (François II Rákóczi) 66, 124, 142, 143,
Рамбо А. (Rambaud A.) 11, 12, 23–25, 35, 37, 55, 117–119, 123
 Рансон Н. (Ranson N.) 169
 Расин, *мастер* (Racine) 169
 Растрелли Б.К. 50, 75, 134, 169, 170, 187
 Рафаэль Санти 168, 172
 Рёг М. (Rög M.) 183
 Рени Г. 173
 Рено, *генерал-майор* 203

- Ренодо Э. (Renaudot E.) 36, 210, 277
Реншильд К.Г. 267
Рео Л. (*Réau L.*) 27, 175, 177
Реомюр Р.А. де (Réaumur R.A. de) 205
Ржеуцкий В.С. (*Rjéoutski V.*) 40, 50, 169, 187, 192
Рибейра Л.М. де (Ribeyra L.M. de) 124
Риго Г. (Rigaud I.) 172, 175, 177, 245
Ришелье, герцог 22, 208
Ришелье, кардинал (Richelieu A.J. du Plessis, *duc de*) 16, 17, 134, 136, 170, 172, 173, 211
Роган Л.А. (Rohan L.A.) 144, 145
Роган-Субиз Ж.Ф.Л. де (Rohan-Soubise J.F.L. de) 114
Романелли Д.Ф. (Romanelli G.F.) 184
Романовы, династия 31
Ромодановский Ф.Ю. 269
Ронин В.К. 57, 82, 171, 219, 243, 260
Росси, маркиз де (Rossi de) 80
Рошебо А. (Rochebot A.) 169
Рубенс П.П. 130, 168, 173, 174
Рубинский Ю.И. 28
Руссе де Мисси Ж. (*Rousset de Missy J.*) 12, 16, 18–20, 34
Руссо Ж.Ж. (Rousseau J.J.) 10
Рычаловский Е.Е. 187
Рюйш Ф. 196
- Савицкая М. (Sawizki M.)* 39, 69, 76, 247
Савойская Мария Аделаида, принцесса (Marie Adelaide, *princesse de Savoie*) 68, 148, 149
Савойский Евгений, принц 111, 117, 118
Салтыков С.А. 98
Самонина Е.С. 21
Сантерр Ж.Б. (Santerre J.B.) 180
Свиньин П. 21
Себастьян, монах (Трюше Ж.; Truchet J.) 130, 195, 205
Сегье П. (Séguier P.) 172, 211
Селламар, испанский посол 124
Семанж Ж.Н. (Semange J.N.) 169
Семенов И. 99, 214, 223
Сен-Лоран, скульптор (Saint-Laurent) 169
Сен-Симон Л. де Рувруа, герцог (L. de Rouvroy, *duc de Saint-Simon*) 13, 14, 17, 22, 25, 38, 53, 94, 95, 104–106, 108–110, 113, 118, 139, 143, 146, 148, 149, 153, 155, 161, 163, 164, 172, 177, 195, 206, 214, 216, 244, 246, 248, 250–252, 256
Сергеев Е. 72, 223
Сержан, литератор (Sergent) 39, 245
- Сериньи Ш. де (Sérigny Ch. de) 9
Серов Д.О. 95–97
Синявин У. 159
Соваж Ж. (Sauvage J) 42
Соваж Э. (Sauvage E.) 169
Соловьев О.А. 66, 72, 181
Соловьев С.М. 23, 46, 49, 59, 259
Солодкин Я.Г. 29
Софья Алексеевна, царевна 45, 262, 263, 281, 282, 286
Спафарий Милеску Н. 199
Станислав Лешинский, король Польши 106
Стерликова А.А. 29
Стефан Яворский, митрополит Рязанский 197, 288
Суалем Ж. (Sualem G.) 164
Суалем П.Ж. (Sualem P.J.) 154, 169
Суалем Р. 153
Субиз, герцог де (Soubise de) 130
Сует Ж. (Souët J.) 180
Сухачев Н.Л. 191
Сюлли, герцог де (M. de Béthune, *duc de Sully*) 131
- Тапа Ш. (Тара Ch.) 169
Тарасова Н.И. 40
Татищев А.Д. 99, 201
Тебюлье Ф.Л. (Tebullier F.L.) 44
Тей Ж. дю (*Teil J. du*) 27, 57, 61–63, 78, 80, 83, 85, 87, 88
Телетова Н.К. 100
Тессе Р.М. де (Tessé R.M. de) 35, 38, 64, 67, 68, 70–72, 74–76, 92, 103, 104, 110, 115, 117–121, 141, 142, 148, 149, 151, 217, 133, 244, 251
Тесье А. (Tessier A.) 169
Тициан В. 168
Толстой И. 62, 80, 84, 214, 219
Толстой П.А. 76, 89, 96, 101, 115, 117, 121, 244
Торпан, господин 74
Тосс Ф. де (Thosse F. de) 62, 85, 88
Трачевский А.С. 24, 107
Тредиаковский В.К. 126
Трем Б.Ф. герцог де (B.F. Potier, *duc de Tresmes*) 71, 74, 163
Троекуров, князь 47
Троншен Ж. (Tronchin J.) 37
Трюден Ш. (Trudaine Ch.) 65, 116
Тулузский Л.А. де Бурбон, граф (L.A. de Bourbon, *comte de Toulouse*) 70, 73, 75, 109, 130, 151, 160–162, 172

- Турилова С.Л. 50
 Турн-и-Таксис, князь (Anselme Franz, *prince de la Tour et Taxis*) 93
 Тюби Ж.Б. (Tuby J.B.) 170
 Тюрени А. де (H. Turenne de) 18, 170, 171
 Удри Ж.Б. (Oudry J.B.) 175, 176
 Ульрика Элеонора, королева Швеции 287
- Федор Алексеевич, царь** 262, 263, 281, 286
Фейгина С.А. 28, 59, 97, 123, 125
Фейль Я. 67, 99, 223, 228
Фейнберг И.Л. 100
 Фельтен И.И. (Я.) 99, 218, 223
 Фергас, капитан 71, 226
 Ферре Ж. (Ferré J.) 169
 Филипп V, король Испании 118
 Фоле П. (Follet P.) 169
Фонвизин Д.И. 11
 Фонтенель Б. де (Fontenelle B. de) 13–15, 20, 21, 166, 192, 205, 206, 253–256, 259, 261, 284
 Франциск I, король Франции (François I) 134
 Фрегн, фортификатор (Freitag A.) 204
 Фридрих I, король Швеции 287
 Фридрих-Вильгельм I, король Пруссии 54
 Фуа Ф. (Fou F.) 169
 Фурней Н. 71
 Фюрси, монах (père Furcy) 38, 68, 246
- Хильдерик I, король франков (Childéric I) 198, 199
 Хлодвиг I, король франков (Clovis I) 198, 234
Хмелевских И.В. (Khmelevskikh I.) 30, 40, 51, 111, 138, 150, 159, 203
 Хованский И.А. 282, 286
- Цветаев Д.В.* 26, 197
Цветаева М.И. 11, 212
 Цыклер И.Е. 282, 287
- Ченакал В.Л.* 200
Черепнин Л.В. 47
 Черкасов И.А. 33, 34, 63, 89, 99, 110, 130, 199, 220, 223, 237, 238
Черкасов П.П. 29, 46, 107, 123
 Черкасский А.Б. 193, 207
 Чернышевский Н.Г. 8
 Честихин Л. 65, 99, 105, 223
- Шампань Ф. де** (Champagne Ph. de) 172
Шампъон Ф. (Champion Ph.) 31, 113, 124
 Шапото Л. (Charoteau L.) 202
Шанп д’Отерои Ж. (Chappe d’Auteroche J.) 45
Шарандак Н. 176
Шаркова И.С. 47, 161
 Шарпантье де Маркур, мадам 87
 Шартрский Людовик, герцог 281
 Шатене, господин де 144
 Шатонёф П.А. де (Châteauneuf P.A. de) 35, 49, 55, 57, 118
 Шафиров П.П. 54, 57, 67, 72–74, 76, 89, 91, 95, 96, 101, 115, 117, 121, 123, 147, 155, 167, 177, 185, 217, 220, 221, 223, 224, 244
Шафрановский К.И. 207
Шварц И. 40
 Шейн А.С. 287
 Шемакин С. 71
 Шереметев Б.П. 47, 61, 70, 283, 287
 Шлейниц Г.Х. 187
Шмурло Е.Ф. 47, 48
Шнакенбург Э. (Schnakenbourg E.) 30
 Шоле Ф. (Cholet F.) 44
 Шольн Л.О. де (Chaulnes L.A. de) 114
Штандтман Г. 35
Штейн В.И. 27
Штелин Я. 20, 34, 60, 109, 110, 130, 171, 180, 199, 237, 260
 Шумахер И.Д. 190, 208
Щербатов М.М. 19, 32, 60
- Эзоп 158
 Эреншильд Н. 269
 Эрувиль А.А. д’ (Hérouville H. A. d’) 78–80
 Эрфор Р. (Hereford R.) 79
 Эстре В.М. д’ (Estrées V.M. d’) 53, 58, 67, 76, 77, 82, 111, 143, 144, 192, 203, 233, 244, 255
 Эстре Д.А. герцогиня д’ (Estrées D.A., *duchesse d’*) 146
- Юксель Н. д’** (Huxelles N. d’) 53, 55, 56, 78, 79, 85, 89, 117–120, 213, 231, 232, 236
 Юлий Цезарь 62, 88, 203
 Юров А.И. 186
- Ягеллоны, династия** 94
 Ягужинский П.И. 81, 89, 96, 99, 101, 115, 177, 218

Яков II Стюарт, *король Англии в изгнании* 97, 124
Яков III, *сын короля Англии в изгнании* 97, 125
Яковлев, *сержант* 88

Amiel O. 39
Anemone T. 86

Balcou J. 14
Boullencourt Le Jeune de 113, 203
Bozé C.G. de 210
Brown A. 281

Campardon É. 37, 153, 199, 214
Campistron J.G. de 210
Chabin M.A. 192
Chennevières Ph. de 13, 38, 108, 143, 206, 214
Courtin N. 129
Cruyssen D. van der 146, 248

Danchet A. 210
Dussieux L.E. 13, 38, 108, 143, 206, 214

Ernst F. 69

Ferro M. 47, 128, 166
Feuillet de Conches F.S. 13, 38, 108, 143, 206, 214

Garapon J. 14
Gascar P. 39
Godet M. 47, 128
Goncourt E. 104
Goncourt J. 104
Grimarest J.L. 282
Guiffrey J.J. 169

Jadart H. 234
Jugie S. 150

Koelving U. 281

La Motte A.H. 210
Limiers H.P. 282

Mantz 13, 38, 108, 143, 206, 214
Massieu G. 210
Mervaud C. 281
Mervaud M. 42, 43, 239, 281
Mézin A. 50, 169, 192
Mohrenshildt D.S. 240
Mongin E. 210
Montaignon A. de 13, 38, 108, 143, 206, 214
Montclos B. de. 150, 203

Nestesuranoi I. См.: *Русские в Мукчи* Ж.

Paris L. 39, 68, 144, 184, 192, 215, 234, 242

Pellus D. 234
Proschwitz G. von 16

Riabouchinsky D. 27, 76, 210
Roberti J.C. 42, 43, 239

Sacy L. de 210
Saint-Pierre Ch.I. Castel de 210
Sgard J. 36, 277
Silvestre J.B. 234
Soulié F. 13, 38, 108, 143, 206, 214
Soullard E. 154
Stier H.E. 69
Surreaux S. 30, 111, 143, 144

Warmoes I. 112
Wolff L. 86

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абвиль (Abbeville) 63, 64, 79, 90
Азов 254, 264, 271, 287
Александрия 271
Аллон (Allone) 64, 91
Амстердам 37, 52, 58, 63, 68, 72, 128, 176, 181, 200, 219, 228, 264, 287
Амьен (Amiens) 64, 79, 90, 91
Антверпен 58, 62, 80, 171, 174
Архангельск 42, 263, 271
- Барселона** 118
Бендеры 267, 268
Берлин 123
Берне (Bernay) 90
Берси (Bercy) 144, 145, 195
Бове (Beauvais) 64, 79, 90, 91
Бомон (Beaumont) 64, 79, 92
Брен (Braisne) 232
Брест (Brest) 50, 57, 70, 188
Бретей (Breteuil) 64, 79, 90, 91
Брюнсвик (Брауншвейг) 100
Брюссель 58, 62, 80, 171
Булонь (Boulogne) 63, 79, 86, 89, 90
- Варшава** 176, 283, 287
Везель 201, 286
Вена 54, 96, 118, 265
Венеция 20, 98, 150, 201, 265
Венсенн (Vincennes) 142
Версаль (Versailles) 18, 32, 47, 68, 69, 71–73, 111, 121, 132, 134, 141, 142, 146–153, 156–159, 166, 168, 172, 176, 179, 181, 183, 184, 199, 203, 204, 243, 244, 248
Виллер-Котре (Villers-Cotterets) 232
Вольмар 281, 287
Вольфенбюттель 269
Воронеж 282
Выборг 288
- Гаага 37, 49, 56, 59, 144, 277
Гавельсберг (Хафельберг) 54
Гавр-де-Грасс (Havr de Grâce) 72, 75, 138
Галле 48
- Гамбург 269, 277
Ганновер 258, 269
Генуя 273
Гибралтар 118
Готторп 268
Гравлин (Gravelines) 62, 79, 85, 113
Гробуа (Grosbois) 118
Гродно 267
- Дербент, 271, 288
Дерпт 282, 287
Динан (Dinant) 237
Дьепп (Dieppe) 42
Дюнкерк (Dunkerque) 27, 57, 58, 61, 62, 78–85, 87, 93, 112, 170, 217, 220, 228, 241, 288
- Живе (Givet)** 77, 237
Жоншери (Jonchery) 77, 232, 234
- Зюдкот (Zudcot) 61, 80
Иль (Isle) 232, 235
Исси-ле-Мулино (Issy-les-Moulineaux) 67, 143
- Кале (Calais)** 57, 58, 62, 78, 79, 84–89, 93, 95, 96, 99, 112, 113, 203, 219, 227
Киев 254, 272
Кланьи (Clagny) 72, 153
Константинополь 287
Копенгаген 19, 269
- Ле-Бурже (Le Bourget) 232
Ле-Мениль (Le Mesnil) 232
Лесная 178, 186
Ливорно 273
Ливри (Livry) 77, 232, 233
Лондон 54, 278, 287
Лонуа (Lanou) 232
Луцшар 117
Льеж (Liège) 77, 231, 236, 237
- Мантуя** 117
Мардик (Mardyck) 57, 58

Мариенбург 282, 287
Маркиз (Marquise) 63, 79, 89
Марли (Marly) 67, 69, 72, 73, 111, 141,
142, 149, 150, 152–155, 1=57, 158,
172, 175, 176, 192, 200, 203, 244, 248
Мёдон 18, 66, 84, 142, 143
Мезьер (Mezieres) 77, 232, 235
Монтрей (Montreui) 63, 79, 90
Москва 43, 44, 95, 176, 178, 181, 195,
254, 264, 265, 268, 272, 282, 286, 287

Нампон (Nempont) 63, 90
Намюр (Namur) 237
Нанси (Nancy) 86
Нантёй (Nanteuil) 232, 233
Нарва 282, 287
Нёфшатель (Neufchâtel) 63, 79, 90
Ништадт 288
Нотебург 282, 287
Нувьон (Nouvion) 63, 90
Нузон (Нузонвиль; Nouson) 237
Ньюпорт (Ниупорт) 57, 61

Остенде 57, 80

Париж (Paris) 11–26, 30, 33–41, 43, 44,
46–48, 50–59, 62–67, 69, 70–79, 84–
86, 89, 90, 92–97, 99, 102, 103, 109,
113–117, 120, 123–131, 133–135,
137–144, 147, 148, 151, 152, 155, 156,
159–163, 166–168, 170, 171, 173,
176–179, 181–188, 190, 192, 193, 196,
197, 200, 201–204, 206, 207, 210, 211,
213–215, 217, 219, 220–223, 225–
229, 231–233, 237, 239, 242–245,
247, 248, 252, 254–257, 277, 288

Переволочна 186
Петергоф 146, 154, 158, 159
Пирмонт 170
Полтава 48, 137, 241, 267, 268
Пти-Берси (Petit-Bercy) 68, 144
Пти-Бур (Petit-Bourg) 18, 70, 111, 160,
161, 162, 248

Ревен (Revin) 77, 237
Реймс (Reims) 77, 231, 232, 233, 234, 235
Ретель (Retel) 77, 232, 235
Рига 282, 287

Рим 118, 136, 274
Росток 181

Санкт-Петербург (Петербург) 9, 18, 20,
40, 50, 53, 72, 74, 75, 106, 113, 131,
138, 140, 153, 168, 169, 180, 181, 185,
187, 190, 191, 192, 194, 195, 196, 211,
220, 254, 255, 266–273, 276–278,
283, 285, 286, 288

Седан (Sedan) 232
Сен-Дени (Saint-Denis) 18, 71, 92, 102,
170
Сен-Жермен-ан-Ле (Saint-Germain-en-
Laue) 72, 142, 147, 155
Сен-Клу (Saint-Cloud) 18, 67, 68, 107,
113, 120, 142, 144, 145, 146, 228
Сен-Сир (Saint-Cyr) 73, 109, 155
Сент-Уэн (Saint-Ouen) 71, 74, 163
Смоленск 281, 286
Спа (Spa) 70, 77, 159, 231, 233, 237
Стрельна 154, 158, 159
Суассон (Soissons) 77, 231, 232, 233

Таганрог 287
Терки 288
Торгау 285
Тулон (Toulon) 50

Фальчи 287
Фонтенбло (Fontainebleau) 18, 70, 160,
161, 162
Франк (Frencq) 63, 90
Фур (Лефур; Four; Laifour) 236, 237

Цюрих 132

Шайо (Chaillot) 73, 124
Шантйи (Chantilly) 159
Шарлевиль (Charleville) 77, 231, 232,
235, 236, 237
Шарлемон (Charlemont) 77, 237
Штагнитц (Stagnitz) 283, 287
Штеттин 121
Шуази (Choisy) 71, 161, 163

Эльбинг 282, 287

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Best. D. — *Voltaire*. Correspondence and related documents / Definitive ed. by Th. Besterman. Genève, Banburu, Oxford. 1968–1977. Vol. 95–135
- Архив СПБ ИИ РАН — Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории Российской Академии наук
- БАН НИОРК — Научно-исследовательский отдел редкой книги Библиотеки Российской Академии наук (Санкт-Петербург)
- ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина (Москва)
- ГМК — Государственный музей керамики и «Усадьба Кусково XVIII века» (Москва)
- ГЭ — Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
- ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея (Москва)
- ОР БАН — Отдел рукописей Библиотеки Российской Академии наук (Санкт-Петербург)
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва)
- Сборник ИРИО — Сборник Императорского Русского исторического общества
- СГУ — Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского
- СПФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук
- ЦВММ — Центральный военно-морской музей (Санкт-Петербург)

RÉSUMÉ

Les voyages à l'étranger de Pierre I n'ont cessé d'éveiller l'intérêt des chercheurs du fait que les transformations opérées par ce tsar se fondaient sur un emprunt de connaissances et d'expérience culturelle et que l'affirmation de la Russie en tant que puissance européenne rendait nécessaire un dialogue diplomatique constant. Cependant, la visite de Pierre I à Paris est beaucoup moins étudiée que son premier voyage en Europe comme membre de la Grande Ambassade. La présente édition vise à combler cette lacune de l'investigation.

Sergueï Mezine ne néglige pas les travaux de ses prédécesseurs dans l'étude du sujet. Il examine la littérature accumulée en trois cents ans sur la question et tente de faire la synthèse de deux traditions historiographiques : la russe et la française.

On trouve à la base de son travail un large éventail de sources publiées ou d'archives : journaux de bord du tsar, documents d'institutions publiques, correspondance officielle et privée, presse européenne en langue française, journaux intimes et Mémoires, récits transmis oralement. L'auteur se livre à une analyse comparée de sources d'origine diverse, ce qui lui permet de reconstruire une image « en relief » des événements de ladite visite.

Il tente de restituer jour après jour, et parfois heure par heure, la chronique du séjour du monarque russe en France, de définir le cercle de ses relations à Paris. Certains chapitres de sa recherche sont consacrés à l'aspect diplomatique d'une visite qui aboutira à la conclusion du premier traité d'union russo-français. L'auteur accorde une attention particulière aux visites d'ensemble architecturaux, d'espaces de parcs et jardins qu'effectue le tsar tant à Paris que dans ses environs, à Versailles, Marly, Fontainebleau, Meudon etc...

Il étudie la teneur et les suites des contacts scientifiques noués par Pierre I à Paris. Il éclaire d'un jour nouveau les relations réciproques entre le tsar et les académiciens, donne une description détaillée des acquisitions en livres et en instruments scientifiques et techniques faites par le tsar dans la capitale française. Le livre examine minutieusement les contacts de Pierre I avec les artistes français et l'établissement de liens entre la Russie et la France dans le domaine de l'art.

La vie quotidienne de l'ambassade russe en France est également un objet d'intérêt pour l'auteur. Enfin, le livre analyse les œuvres du premier quart du XVIIIe-ième siècle écrites par des Français à propos de la Russie et

qui caractérisent la relation de la société française à ce tsar russe hors du commun.

Sergueï Mezine en arrive à la conclusion que la visite du tsar, d'abord conçue pour résoudre des problèmes politiques de l'heure, déborda de son cadre initial. Les contacts politiques noués à Paris ne pouvaient pleinement satisfaire le souverain. Ce furent en revanche ses intérêts pour la culture et pour les sciences qui passèrent au premier plan. Les rencontres avec les savants, artisans, artistes, collectionneurs, la visite des monuments et curiosités de Paris et celle des résidences des environs passionnèrent Pierre I et eurent probablement des résultats plus tangibles.

En annexe du livre, on trouvera la première traduction exhaustive de l'*Eloge du czar Pierre I* de Fontenelle, ainsi que la traduction de la biographie de Pierre I publiée dans la *Gazette de France*.

(Traduction de Maria-Luisa Bonaque)

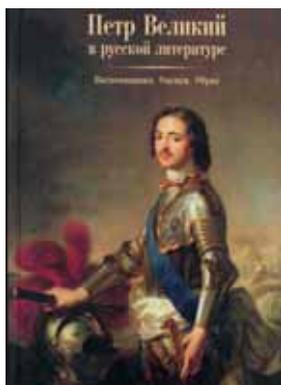
ИЗДАНИЯ ИНСТИТУТА ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Гузович Д.Ю., Гузович И.Д. **Первое европейское путешествие царя Петра: Аналитическая библиография за три столетия: 1697–2006.** Науч. ред. Э. Вагеманс. СПб.: Феникс; Дмитрий Буланин, 2008. 912 с.

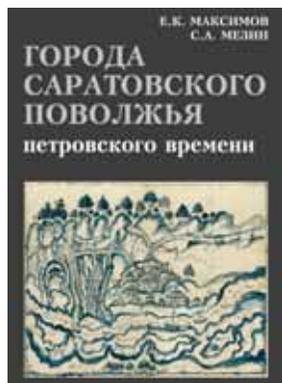

Гузович Д.Ю., Гузович И.Д. **Великое посольство: Рубеж эпох, или начало пути: 1697–1698.** СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 696 с., илл.

Пётр Великий в русской литературе: Воспоминания. Оценки. Образ. Сост., вст. статья, прим. И.Н. Сухих. СПб.: Геликон Плюс, 2009. 552 с., илл.

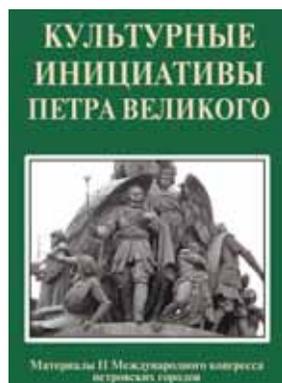
Максимов Е.К., Мезин С.А. Города Саратовского Поволжья петровского времени. СПб.: Европейский Дом, 2011 178 с., илл.

Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова: в 3 ч. Часть 1: 1706–1713 годы. Часть 2: 1714 год. Часть 3: 1715–1723 годы / Изд. подгот. Т.А. Базарова и Ю.Б. Фомина. Сост., вступ. ст., коммент. Т.А. Базаровой. СПб.: Издательский дом «Мирь», 2011. 416, 453, 464 с.

Культурные инициативы Петра Великого: Материалы II Международного конгресса петровских городов. Санкт-Петербург, 9–11 июня 2010 года. Научн. ред. Е.В. Анисимов, Н.Л. Корсакова. Сост. Е. В. Анисимов, М.Г. Вадейша, А.В. Кобак. СПб.: Европейский Дом, 2011. 294 с., илл.

Андреева Е.А. Рождение Петербурга. СПб.: Лики России, 2011. 184 с., илл.

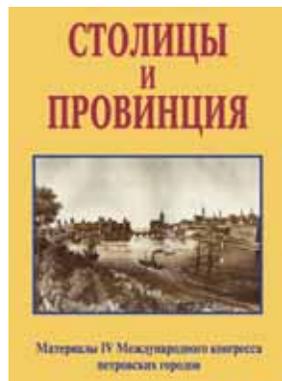

Юркин И.Н. Пётр железный. Пётр Великий и тульский край: факты, гипотезы, документы. СПб.: Европейский Дом, 2012. 352 с., илл.

Петровские реликвии в собраниях России и Европы: Материалы III Международного конгресса петровских городов. Санкт-Петербург, 8–10 июня 2011 года. Научн. ред. Е.В. Анисимов, Н.Л. Корсакова. Сост. А.В. Кобак, О.Л. Кувалдина, И.Ф. Свидерская. СПб.: Европейский Дом, 2012. 352 с., илл.

Столицы и провинция: К 300-летию перенесения столицы из Москвы в Санкт-Петербург. Материалы IV Международного конгресса петровских городов. Санкт-Петербург, 8–9 июня 2012 года. Научн. ред. Е.В. Анисимов. Сост. А.В. Кобак, О.Л. Кувалдина, И.Ф. Сви-дерская. СПб.: Европейский Дом, 2013. 344 с., илл.

Кросс Э. Английский Пётр: Пётр Великий глазами британцев XVII – XX веков. Пер. с англ. М.А. Вишнякова. СПб.: Европейский Дом, 2013. 232 с., илл.

Вагеманс Э. Царь в Республике: Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды (1716–1717 гг.). Пер. с нидерланд. В.К. Ронина. СПб.: Европейский Дом, 2013. 256 с., илл.

Гузевич Д.Ю. **Захоронения Лефорта и Гордона: Могилы, кладбища, церкви. Мифы и реалии.** СПб.: Европейский Дом, 2013. 336 с., илл.

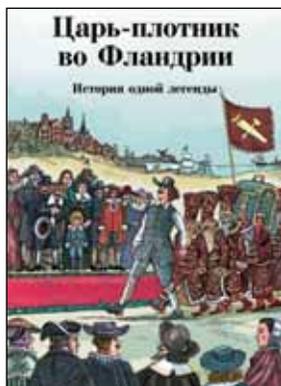

Макаров В. **Голландские садовые мастера в Петербурге в первой половине XVIII века.** СПб.: Из-во ВМА, 2013. илл.

Россия—Нидерланды: Диалог культур в европейском пространстве. Материалы V Международного петровского конгресса. Санкт-Петербург, 7–9 июня 2013 года. Сост. А.В. Кобак, О.Л. Кувалдина. СПб.: Европейский Дом, 2014. 558 с., илл.

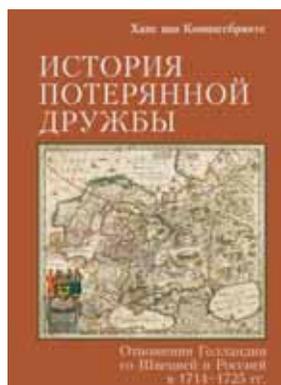
Царь-плотник во Фландрии: История одной легенды. Две повести Абрахама Ханса. Публ., коммент., статьи: Эммануэль Вагеманс, Дмитрий Гузевич; пер. с нидерланд.: Владимир Ронин; рис.: Владимир Ненашев. СПб.: Европейский Дом, 2014. 106 с., илл.

А.Л. Пунин. Санкт-Петербург в эпоху Петра Великого: Градостроительное развитие новой столицы России и стилевые особенности петровского барокко. Часть 1. СПб.: Лики России, 2014. 216 с., илл.

Ханс ван Конингсбрюгге. История потерянной дружбы: Отношения Голландии со Швецией и Россией в 1714–1725 гг. Пер. с нидерланд. В.К. Ронина. СПб.: Европейский Дом, 2014. 256 с., илл.

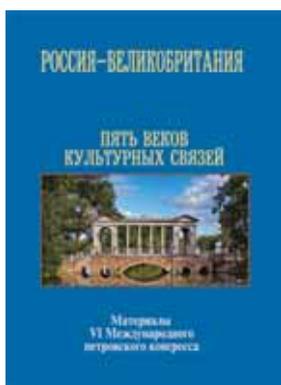

Сергей Мезин. Пётр I во Франции. СПб.: Европейский Дом, 2015. 312 с., илл.

Дворцы Романовых как памятники истории и культуры. Материалы международной конференции. *Санкт-Петербург–Царское Село–Петергоф, 7–9 октября 2013 года.* Сост. А.В. Кобак, О.Л. Кувалдина, А.Д. Марголис. СПб.: Европейский Дом, 2015. 540 с., илл.

Россия–Великобритания: Пять веков культурных связей. Материалы VI Международного петровского конгресса. *Санкт-Петербург, 6–8 июня 2014 года.* Сост. А.В. Кобак, О.Л. Кувалдина. СПб.: Европейский Дом, 2015. 768 с., илл.

Сергей МЕЗИН

ПЁТР I ВО ФРАНЦИИ

Директор издательства
Е.Н. Кальщиков
Оформление, оригинал-макет
Татьяны Николаевой

ЛР № 065334 от 7 августа 1997 г.

Формат 60x90/16. Бумага офсетная
Печать офсетная. Печ.л. 19,5
Тираж 350 экз.
Заказ №

Издательство «Европейский Дом»
191187, Санкт-Петербург, ул. Моховая, 15
E-mail: evrodom2006@list.ru

Отпечатано в Первой Академической типографии «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия В.О., 12/28